

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
История текста „Риторики“ Н. Ф. Кошанского	9
Принципы публикации „Риторики“ Н. Ф. Кошанского	15
Н. Ф. Кошанский. ОБЩАЯ РЕТОРИКА	23
I. ИЗОБРЕТЕНИЕ	39
Отделение I. Источники изобретения	39
I. Вступление. – Словесные науки. – Риторика	39
II. Главный источник мыслей	41
III. Причина. Сравнение. Подобие. Пример. Свидетельство	44
IV. Обстоятельства. Уступление. Условие. Противное. Время. Место. При-	
знаки	47
V. Качества. Принадлежности. Свойства. Действие и страдание. Имя	49
VI. Целое. Части. Род. Вид. Определение. Следствие	52
Отделение II. Первое соединение мыслей	54
VII. Сложные периоды. [I] Винословный	54
VIII. [II] Сравнительный. [III] Уступительный	56
IX. [IV] Условный. [V] Противоположный. [VI] Соединительный. [VII] Раз-	
делительный	59
X. [VIII] Последовательный. [IX] Постепенный. [X] Относительный. [XI] Изъ-	
яснительный и [XII] Заключительный	60
XI. Переходы от периодов к прозе	62
XII. Начало изящной прозы	65
II. РАСПОЛОЖЕНИЕ	68
Отделение III. Расположение описаний	68
XIII. Важность расположения. – Первые роды сочинений	68
XIV. Начало описаний	70
XV. Средин и конец описаний	71
XVI. Пример. – Расположения описаний	73
XVII. Расположение повествований	76
XVIII. Пример. – Расположения повествований	77
Отделение IV. Расположение рассуждений	81
XIX. Рассуждения, роды их и части	81
XX. Расположение простых рассуждений	82
XXI. Примеры. – Расположения простых рассуждений	84
XXII. Расположение рассуждений искусственных	89
XXIII. Примеры и расположения искусственных рассуждений	90
XXIV. Расположение рассуждений по силлогизмам	94
III. ВЫРАЖЕНИЕ МЫСЛЕЙ	98
Отделение V. Слог и его достоинства	98
XXV. О слоге вообще. – Слог простой	98
XXVI. Слог средний и возвышенный	100
XXVII. Слог периодический. Отрывистый. Прозаический и частный	102
XXVIII. Достоинства и недостатки слога. [I] Ясность и темнота. [II] Прили-	
чие и неприличие	105
XXIX. [III] Чистота и небрежность. [IV] Плавность и принуждение	107
XXX. [V] Гармония. [VI] Украшение	110
Отделение VI. Все роды украшений	113
XXXI. Тропы	113
XXXII. Фигуры от недостатка и изобилия слов	117
XXXIII. Фигуры от повторения и сходства слов	118
XXXIV. Фигуры мыслей, убеждающие разум	121
XXXV. Фигуры мыслей, действующие на воображение	124
XXXVI. Фигуры мыслей, пленяющие сердце	127

Н. Ф. Кошанский. ЧАСТНАЯ РЕТОРИКА	131
Отделение I. Словесность.....	143
I. Словесность и ее отрасли.....	143
II. Словесность у греков и римлян.....	146
III. Словесность у новейших и в России.....	148
IV. Истинное красноречие и мнимое.....	151
V. Вкус. Гений. Талант. Способности писателя.....	154
VI. Происхождение письма, правил и всех родов прозы.....	157
Отделение II. Письма.....	160
VII. О письмах вообще.....	160
VIII. Письма по предметам общежития: к низшим, равным, высшим.....	162
IX. Письма к державным особам и дипломатические.....	165
X. Деловые письма и бумаги.....	167
XI. Литературные письма и роды их.....	170
XII. Авторы писем у древних, новых и в России.....	172
Отделение III. Разговоры.....	175
XIII. Диалектика и разговоры.....	175
XIV. Философские разговоры.....	177
XV. Драматические разговоры.....	178
XVI. Примеры драматических разговоров.....	179
XVII. Разговоры в царстве мертвых. Примеры.....	183
XVIII. Писатели разговоров у древних, новых и в России.....	186
Отделение IV. Повествование.....	188
XIX. Повествования и описания.....	188
XX. Характеры, некрологи, анекдоты.....	190
XXI. Летописи и жизнеописания.....	194
XXII. Повести и романы.....	197
XXIII. История и отрасли ее.....	199
XXIV. Историки у древних, новых и в России.....	201
Отделение V. Ораторство.....	206
XXV. Ораторство у древних и новых.....	206
XXVI. Ораторское изобретение.....	208
XXVII. Ораторское расположение.....	211
XXVIII. Ораторское выражение и декламация.....	218
XXIX. Примеры ораторских речей с разбором.....	221
XXX. Ораторы у древних, новых и в России.....	234
Отделение VI. Ученость.....	240
XXXI. Понятие об ученых сочинениях.....	240
XXXII. Систематические ученые сочинения.....	242
XXXIII. Отдельные ученые сочинения: рассуждения, диссертации, мнения, голоса.....	245
XXXIV. Смесь ученых сочинений: энциклопедии, записки академий, акты университетов, труды обществ и пр.....	247
XXXV. Периодические издания. Критика.....	249
XXXVI. Писатели ученых сочинений у древних, новых и в России.....	253
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О Н. Ф. КОШАНСКОМ	261
А. А. Волков. Риторика Н. Ф. Кошанского в истории культуры слова и мысли.....	263
В. И. Аннушкин. Н. Ф. Кошанский – учитель, ученый, ритор, филолог.....	273
Л. Е. Макарова. Биография и научно-педагогические труды Н. Ф. Кошанского.....	287
Библиография трудов Н. Ф. Кошанского.....	312
Библиография трудов о Н. Ф. Кошанском.....	316

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель настоящей публикации – введение в научный оборот и педагогическую практику основных филологических трудов Николая Федоровича Кошанского (1781/1785?–1832), профессора русской и латинской словесности Царскосельского лицея, учителя, давшего первые уроки языка и литературного творчества Пушкину, Дельвигу, Горчакову, Пущину, Кюхельбекеру и взрастившего не одно поколение лицеистов.

Что же дает современному читателю публикация „Риторики“ (латинист Кошанский писал это слово через „е“)? Прежде всего, знакомство с классикой русской филологии. Учебник Н. Ф. Кошанского представляет систематику „словесных наук“ и заинтересованный читатель безусловно будет поражен отличием системы и содержания курса риторики и словесности от того содержания филологических дисциплин, которое мы осваиваем и развиваем сегодня.

Учебник Н. Ф. Кошанского – образец русской педагогической книги, ибо его построение показывает композиционную строгость, гармонию и продуманность „методы“ (чего стоит деление „Общей риторики“ на 3 части, 6 отделений, 36 разделов с 10 параграфами в каждой главе!), содержание же курса отражает весь объем литературно-культурного образования русского человека первой половины XIX века.

Текст Н. Ф. Кошанского – образец стиля учебной литературы, где каждый термин-понятие определяется ясно и кратко, к определению приводится краткое дополнение-комментарий, а затем – выразительный пример. Кстати, эта модель классична, поскольку продолжает традицию и рукописных риторик XVII–XVIII веков и „Краткого руководства к красноречию“ М. В. Ломоносова, выстроенных по той же схеме. Педагогическая последовательность и простота кому-то могли показаться догматической упрощенностью, но по-иному учить нельзя, тем более что эмоциональных „движений сердца“ (не они ли перешли затем в стихи Пушкина и его друзей?) в книге предостаточно. В хорошей учебной книге все сложное подается просто. И только гений ученого-учителя Кошанского мог вместить всю систематику словесных наук, историю и современное состояние всех имеющихся видов и жанров русской словесности того времени, иначе говоря, описать всю общественно-речевую практику первой половины XIX столетия.

Цель публикации – и академическая, и научно-популяризаторская. Академическая – потому что современная наука должна, наконец, объективно взглянуть на историю русской филологии или „словесности“, которая имела собственное национальное содержание – предтечу современных речевых наук. Главной целью

публикаторов при этом было донести смысл текстов, поэтому они воспроизведены в основном по правилам современной орфографии и пунктуации, что, собственно говоря, мы обычно и делаем с текстами его гениальных учеников. В то же время текст публикации предваряют факсимиле начальных страниц обеих „реторик“. Популяризаторская – ибо современный читатель (особенно учитель русского языка и литературы, студент-филолог) должен знать и читать не только учеников, но и учителя.

Оценки ученикам потомки выставили, пора оценить Учителя.

Авторский коллектив благодарит Р. Я. Ерусланова за работу, проделанную при компьютерной обработке текста, корректуре и создании оригинал-макета издания, А. Д. Курилову – за перевод латинских цитат в публикуемых текстах, О. В. Аннушкину и А. А. Терехову – за помощь при первоначальной обработке текста „Общей ретирики“.

В. И. Аннушкин, А. А. Волков, Л. Е. Макарова

ИСТОРИЯ ТЕКСТА „РИТОРИКИ“ Н. Ф. КОШАНСКОГО

Очевидно, что свое „реторическое“ учение Н. Ф. Кошанский вынашивал всю жизнь и те учебники, которые были опубликованы по заказу Министерства народного просвещения, явились результатом и отражением мыслей, которые высказывались им и в преподавании риторики в Университетском благородном пансионе, где он преподавал после окончания Московского университета, и в первой лекционной речи на открытии Царскосельского лицея 19 октября 1811 года, и в курсах русской и латинской словесности, которые он читал первому набору лицея, куда поступили учиться Пушкин, Дельвиг, Кюхельбекер, Пущин, Горчаков и другие выдающиеся люди, составившие славу России. Все они выпестованы риторикой и словесностью Николая Федоровича Кошанского.

В Царскосельский лицей Кошанский был приглашен из Москвы, когда он уже был профессором русской и латинской словесности, автором ряда книг по греческой и латинской литературе. Его „риторики“ – кульминация творческого пути ученого и педагога, признание, популярность, славу и несправедливую критику которых он уже не застал. Чего здесь больше – можно спорить: лучше оперировать фактами.

„Общая риторика“ впервые была издана в 1829 году, а затем, после замечаний, сделанных рядом авторитетных ученых, переработана в 1830. Все последующие восемь изданий до 1849 года (всего их было десять) выходили по тексту второго издания.

„Частная риторика“ вышла первым изданием в 1832 году, но автор уже не стал выхода в свет своей книги, поскольку скончался под Новый 1832 год. Последующие шесть переизданий (теперь они выходили параллельно с „Общей риторикой“) публиковались вплоть до 1849 года.

При том, что издавались другие значительные труды по риторике и словесности (А. И. Галич, И. И. Давыдов, А. Г. Глаголев, В. В. Плаксин), только „риторики“ Н. Ф. Кошанского переиздавались неоднократно, что говорит не только о признании его книг в официальных педагогических кругах, но и о влиятельности идей автора и его методы. А идеи Н. Ф. Кошанского, систематичность и дисциплинированность его риторической педагогики и способов преподавания словесности вызвали ожесточенную критику со стороны революционеров-демократов – особенно В. Г. Белинского, утверждавшего, что „все риторики пошлы и вульгарны“. Несправедливость и односторонность этих нападок понимаются только сейчас, когда становится ясно, что революционно-демократическая критика выполняла

свои „перестроечные“ задачи, утверждая новый взгляд на роль и место художника-литератора и отрицая прежнюю философию слова¹.

Первое издание „Общей ретирики“ 1829 года более пространно, нежели последующие. Очевидно, автор получил некоторые замечания и рекомендации сократить текст книги и сделать его более доступным для учащихся. Как блестящий педагог, с успехом приспособивавший свои воззрения к нравам и пониманию учеников, он и здесь предпринял именно „педагогическую“ редакцию текста, что доказывается сопоставлением текста изданий 1829 года и последующих лет (с 1830 по 1849 гг.).

В начале „Общей ретирики“ 1829 года (к этому времени Н. Ф. Кошанским были подготовлены многочисленные выпуски лицейстов) можно ясно увидеть отражение идей его знаменитой речи „О преимуществах российского слова“ на открытии Лицея 19 октября 1811 года, когда в присутствии „его императорского величества и августейшей фамилии“ были провозглашены „Обращение директора Лицея Малиновского“ и „Наставление воспитанникам, читанное Александром Куницыным, адъюнкт-профессором нравственных наук“. Кстати, протокол подобных торжественных собраний как раз и предполагал обычно приветствие со стороны высшего лица учебного заведения, а затем приветственные речи, среди которых было обязательным выступление учителя ретирики.

В речи 19 октября 1811 года Н. Ф. Кошанский говорил о даровании Творцом человеку „способности изъяснять... говорить. Если бы человек не умел говорить, быть может, не умел бы и думать“². И далее: „Дар слова есть средство всех познаний и действий человеческих; и мы, желая быть полезными, прежде всего должны образовать сию способность, первое отличие и достоинство человека“³. Эти же идеи философии слова начинают учебник Н. Ф. Кошанского 1829 года – он вновь будет писать о „даре слова“ и развитии этой „способности“:

„1) Ничто столько не отличает человека от прочих животных, как *сила ума и дар слова*. Сии две способности неразлучны; они образуются вместе, взаимно и общими силами ведут человека к совершенству, к великой, Небом ему указанной цели.

2) Сила ума открывается в *понятиях, суждениях, и умозаключениях*, и составляет науку, *Логик*у. Дар слова заключается в прекраснейшей способности, *научать, убеждать и нравиться*, и образует *Реторику*. Сии две науки должны идти вместе, и подавать друг-другу руки“⁴ (здесь и далее сохраняем при цитировании авторские выделения и пунктуацию. – В. А.).

Лингвистика XX века довольно много исследований посвятила „языку и мышлению“, но будучи начата еще в трудах Аристотеля и Платона, эта проблематика в отечественном языкознании восходит к трудам выдающихся русских словесников первой половины XIX века Н. Ф. Кошанского, И. И. Давыдова, К. П. Зеленецкого, которые остаются незамеченными, хотя именно они первыми писали, вслед за

¹ См. анализ причин упадка ретирики в середине XIX века в статьях: *Виноградов В. В.* О художественной прозе // Избранные работы по русскому языку: О языке художественной прозы. М., 1980, с. 56–175; *Рождественский Ю. В.* Проблемы ретирики в стилистической концепции В. В. Виноградова // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография (Виноградовские чтения IX–X). М., 1981, с. 20–35.

² *Кошанский Н. Ф.* О преимуществах российского слова. Речь, произнесенная Николаем Кошанским, доктором философии, надворным советником и профессором российской и латинской словесности. СПб., 1811, с. 15.

³ Там же, с. 18.

⁴ *Кошанский Н. Ф.* Общая реторика. СПб., 1829, с. 3.

М. В. Ломоносовым, о „философии слова“ и о том, что риторика занимается „мыслями“, то есть, как сказано в определении Н. Ф. Кошанского, „риторика есть наука изобретать, располагать и выражать мысли“⁵.

Судьба „реторик“ Н. Ф. Кошанского подробно изучена Н. И. Михайловой⁶. В частности, она пишет, что Комитет по устройству учебных заведений предложил „составить новую Риторику для учебных заведений“ профессору Московского университета А. Ф. Мерзлякову, но его попытка оказалась неудачной. Тогда-то член Комитета Н. Ф. Кошанский предложил свою „Общую ретику“ и 3 февраля 1830 года она была признана собранием Комитета „учебною для гимназий книгою“. Ободренный успехом „Общей ретики“, Н. Ф. Кошанский начал работать над „Частной реторикой“.

К сожалению, как продолжает Н. И. Михайлова, „ни последующих изданий „Общей ретики“, ни первого издания „Частной ретики“ автору этих книг не суждено было увидеть“⁷. Н. Ф. Кошанский скончался 22 декабря 1831 г. (3 января 1832 г. по новому стилю) в Петербурге при вспышке эпидемии холеры. К этому времени уже были положительные отзывы на его сочинения Я. В. Толмачева и А. Х. Востокова, а отзыв профессора Педагогического института М. И. Талызина помечен следующим днем после кончины Н. Ф. Кошанского⁸.

Уточним, что Н. Ф. Кошанскому все-таки посчастливилось увидеть одно из „последующих“, а именно 2-е издание „Общей ретики“, которое вышло из-под его пера переработанным в 1830 году. Причем, сделано это, видимо, было именно потому, что учебник надо было приспособить к нуждам „учебной для гимназии книги“. Все последующие издания, начиная с 1834 (3-е изд.) по 1849 (10-е издание) годы, идентичны.

Годы изданий „Общей ретики“ таковы: 1-е – 1829, 2-е – 1830, 3-е – 1834, 4-е – 1836, 5-е – 1838, 6-е – 1839, 7-е – 1840, 8-е – 1842, 9-е – 1844, 10-е – 1849. Интересно, что издания осуществлялись в разных типографиях: 1-е, 3-е и 4-е – в типографии Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 2-е, 8-е и 10-е – в типографии Императорской Академии наук, 5-е – помечено просто: „Министерства внутренних дел“, 9-е – в типографии Департамента военных поселений, 6-е и 7-е издания обнаружить не удалось, но картина вырисовывается достаточно ясной и без этих промежуточных изданий.

Публикация текста „Общей ретики“ Н. Ф. Кошанского в связи со складывающейся картиной истории текста должна осуществляться по 2-му изданию 1830 года, поскольку в нем отражена последняя авторская воля. В то же время прелюбопытны авторские поновления, осуществленные при подготовке этого издания, а последующие издания интересны с точки зрения изменения „облика“ текста при его перепечатке издательствами и типографиями, поскольку очевидны различные цели таких переизданий. Хотя тексты 2–10 изданий идентичны, в них содержится различное количество страниц: в 1-м издании – 152 страницы с таблицей, во 2-м – 125, в 3-м – 131; 4-е издание той же типографии представляет собой книгу большего формата, где со стр. 126 текст сжат и умещен на 130 страницах; 5-е издание целиком повторяет 4-е. Затем книга издается во все более популярном формате. Текст

⁵ Кошанский Н. Ф. Общая реторика. СПб., 1829, с. 4.

⁶ Михайлова Н. И. Судьба „реторик“ Н. Ф. Кошанского // Альманах библиофила. М., 1984, вып. 16, с. 211–224.

⁷ Там же, с. 219.

⁸ Орывки их этих отзывов см.: Там же, с. 218.

9-го издания размещен всего на 106 страницах, 10-го – на 120-ти, но это книга малого формата для большего удобства пользователя – то, что мы сегодня назвали бы дешевым или „карманным“ изданием. Известно, что словесность и риторика преподавались в военных учебных заведениях, поэтому неслучайно дешевое популярное 9-е издание осуществлено Департаментом военных поселений. Очевидно, что книга пользовалась спросом, а некоторое ее опрошение связано с необходимостью удовлетворить потребностям читателя.

Редакторская работа Н. Ф. Кошанского при подготовке 2-го издания состояла в ориентации на учебные цели руководства. В частности, можно отметить следующие авторские поновления:

1. Знаменитая „Таблица общей ретирики“ с описанием 3 частей, 6 отделений, 36 разделов курса переставлена из конца учебника в начало с новым названием „Содержание и расположение общей ретирики“. По-новому названы и некоторые части и разделы: 3-я часть учебника „Сочинение“ → „Выражение мыслей“; раздел 1 „Вступление, свойства, разделение и цель ретирики“ → „Вступление. – Словесные науки. – Ретирика“ и некоторые другие, менее значительные.

2. При сохранении общих эпиграфов к учебнику и I отделению Н. Ф. Кошанский меняет эпиграф к начальному разделу „Scribende recte sapere est et principium et fons“ (Хорошо писать значит хорошо думать – это и начало и источник успеха) на сентенцию из Цицерона: „Omnes artes, quae ad humanitatem pertinent, habent quoddam commune vinculum“ (Все науки, служащие образованию человека, имеют некую общую связь.) Это было сделано в связи с замыслом показать во вступительной части систематику словесных наук.

3. Начало обоих изданий идентично: „1. Ничто столько не отличает человека от прочих животных, как *сила ума* и *дар слова*. Сии две способности неразлучны; они образуются вместе, взаимно и общими силами ведут человека к совершенству, к великой, Небом указанной ему цели“.

Но уже параграф 2 претерпевает принципиальную стилистическую правку: 1-е изд.: „2) Сила ума открывается в понятиях, суждениях, и умозакключениях, и составляет науку, Логику.“ → 2-е изд.: „Сила ума открывается в понятиях, суждениях, и умозакключениях: вот предмет Логики“ (здесь и далее подчеркивание наше. – В. А.). Далее: „Дар слова заключается в прекраснейшей способности, научать, убеждать и нравиться, и образует Ретирику. Сии две науки должны идти вместе, и подавать друг-другу руки“ → 2-е изд.: „Дар слова заключается в прекраснейшей способности выражать чувствования и мысли: вот предмет Словесности“.

Параграф 3 в 1-м и 2-м изданиях различен – и это принципиальное поновление:

1-е изд.: „3) Понятия выражаются словами, или *терминами*; суждения, *Предложениями*; умозакключения, *Силлогизмами*. Логика показывает ход мыслей; Ретирика, силу и красоту выражений: следственно, *хорошо писать значит хорошо думать* (ср. также эпиграф в 1-м издании. – В. А.).

Термины бывают общие, частные, неделимые, отвлеченные, соединенные и технические. *Предложения* разделяются: на утвердительные, отрицательные, проблематические, теоретические и практические; *Силлогизмы*, на простые и сложные“.

2-е изд.: „3) *Словесные Науки* (Studia literarum) делятся на три главные части: Грамматику, Ретирику, Поэзию и граничат с Эстетикой. Все они рассматривают *дар слова, силу его и действия*: но каждая имеет *свой* предмет, *свою* цель, *свои* пределы. Каждая, как Наука, имеет *свою теорию*, и, как Искусство, *свою практику*.

Теория необходима для успехов, практики; а практика еще нужнее Теории. Учащийся непременно должен соединить одно с другим; т. е. правила с чтением образцов и собственными упражнениями“.

Как видим, рассуждение о логике и умении думать в 1-м издании заменено на рассуждение о системе наук во 2-м издании (ср. также замену эпитафий). Следующие далее рассуждения о пользе теории и необходимости практики (чтения образцов и собственных упражнений), а также определения наук введены впервые во 2-м издании. Также во 2-м издании впервые в параграфах 6–8 дается описание трех частей риторики в 6-ти отделениях (в 1-м издании на этом месте были, видимо, не вполне удовлетворившие автора рассуждения об общей риторике, названной „начальной и практической“, и о частной риторике, названной „окончательной, теоретической или теорией прозы“).

4. Переработка текста во 2-м издании носит явно учительный характер, состоящий в своеобразной интимизации общения, когда автор вводит рассуждения от первого лица или обращается к читателям: „Любезные друзья!..“. Если в 1-м издании написано: „Наконец, скажем, что цель общей риторики...“, то во 2-м: „И мне кажется, что цель общей риторики...“

Или: 2-й раздел в 1-м издании назван „Предложения и их распространение“ (под „предложением“ понимается тема речи, а „распространение“ – развитие речи, амплификация) и начат словами: „Первый и главный источник всякого сочинителя есть предмет, то есть одно понятие, идея или предложение“. Во 2-м издании у раздела не только иное название – „Главный источник мыслей“, но и новое учительское обращение, предшествующее начальной фразе. Сама же фраза поделена на две, с новым указанием на конкретные примеры „предметов сочинений“: „*Любезные друзья! Первый и главный источник всякого сочинения есть Предмет, или Предложение. Предметом сочинения называют одно понятие, идею, одно слово. На пр. Провидение – Весна – Буря*“.

Таким образом, исправления Н. Ф. Кошанского при подготовке 2-го издания 1830 года имели характер активной редакторской правки и нововведений, как в случае уточнения системы словесных наук. Автор не только уточняет, но и упрощает текст, делая его более удобным для восприятия читателей. Очевиден педагогический характер его правки, ибо, конечно, Н. Ф. Кошанский имел в виду подготовку „учебной для гимназии книги“.

Оценивая научно-педагогический стиль Н. Ф. Кошанского, надо сказать, что в нем органично сочетаются сложность научного предмета, которым должны овладеть учащиеся, и простота, лаконичность изложения, что сделало его „риторики“ образцовыми научно-педагогическими трудами как для современников, так и для потомков.

История текста „Частной риторики“, казалось бы, должна быть более простой, поскольку она имеет лишь одну авторскую редакцию текста, опубликованного в 1832 году. Однако и она не лишена некоторых нюансов, уже не зависевших от воли автора. Дело в том, что „Частная риторика“ заметно отличается в оформлении: если в „Общей риторике“ параграфы основного текста в каждом разделе имеют свою „автономную“ нумерацию, то здесь они пронумерованы в едином списке (всего их 349).

В связи с этим отметим весьма любопытный факт, а именно то, что количество параграфов в 1–3 и последующих 4–7 изданиях не совпадает: если в первых трех

изданиях присутствуют все 349 параграфов, то начиная с 4-го их 344. Если быть точным, то в 1-м издании – 349, в 3-м издании 1836 года (к сожалению 2-е издание оказалось нам недоступным) – также 349, но здесь уже пропущен текст пяти параграфов 140–144, т. е. после параграфа 139 следует сразу параграф 145, а, начиная с 4-го издания, нумерация „подтянута“ и после параграфа 139 следует, как и полагается, параграф 140.

Очевидно, что цензурой был изъят текст параграфов 140–144, поскольку при иллюстрации темы „Разговоры“ автор привел пример „разговоров Павла I и Костюшки“. Понятно, что такой горячий политический пример после подавления польского восстания 1830 года показался цензурному комитету излишним и он был попросту изъят из текста. В нашей публикации он, конечно, присутствует. Таким образом, публикуется текст 1-го издания 1832 года со всеми 349 параграфами без изъятия.

Способ предъявления материала, использованный в „Общей реторике“ (при каждом параграфе даются авторские комментарии, примечания и примеры) автор применил и в „Частной реторике“. Кошанский не выделил в ней отдельные 3 части, как в предыдущей книге, однако сохранил принцип разбивки материала на 6 отделений и 36 разделов. Нововведениями стали единая нумерация для всех параграфов основного текста, как уже упоминалось выше, а также приложение „Прибавления“.

В. И. Аннушкин

ПРИНЦИПЫ ПУБЛИКАЦИИ „РИТОРИКИ“ Н. Ф. КОШАНСКОГО

Публикация текста „Общей ретирики“ Н. Ф. Кошанского осуществляется по изданиям 2-й редакции 1830–1849 годов (последние девять изданий), в которых зафиксирована последняя „авторская воля“, ибо именно в текст 2-го издания 1830 года автор внес последние изменения. Первое издание 1829 года, подготовленное по заказу Министерства народного просвещения, было отредактировано с педагогическими целями упрощения, большей понятности и краткости. Издания 1830–1849 годов идентичны, они отличаются только количеством страниц: последние более компактны, но текст и его оформление совпадают. Редакционная правка Н. Ф. Кошанского проанализирована выше в статье об истории текста.

„Частная реторика“ публикуется по посмертному изданию 1832 года, которое Н. Ф. Кошанский не видел вследствие кончины 3 января 1832 года. Последующие семь изданий идентичны по тексту, за исключением пяти параграфов, изъятых цензурой.

В тексте „Частной ретирики“ имеются „прибавления“, которые имеют характер уточнений и дополнительных замечаний. Всего из 38. Автор написал их и поместил в конце книги – по-видимому, когда уже основной текст был подготовлен. Прибавления имеют свои порядковые номера в едином списке, например, 1), 2) и т. д., а в тексте имеются ссылки на них: (1), (2)... Читатель должен был смотреть комментарий под соответствующим номером в конце учебника. В публикации эти „прибавления“ перемещены непосредственно в текст, заключены в рамку и предваряются пометой „прибавл.“ в скобках, например, (прибавл. 1) и т. д.

„Реторики“ воспроизводятся в основном по современным правилам орфографии пунктуации и оформления текста, которые структурируют и формируют текст в удобочитаемом и понятном для читателя виде. Они, к тому же, соответствуют стремлению публикаторов сохранить и передать авторский стиль в предъявлении текста. Сохраняются, где возможно, внешний вид текстов, правописание отдельных слов, сокращения, кавычки, курсив, разрядка... Все это нацелено на выполнение главной задачи – представить текст, максимально соответствующий замыслу автора с сохранением его смыслового содержания и возможных оформительских акцентов. В частности, знаменитые таблицы Н. Ф. Кошанского воспроизведены только факсимиле (вместе с начальными страницами учебников), а содержание таблиц в их современном виде достаточно было привести в оглавлении книги.

Среди прочих отметим следующие изменения или сохранения авторского текста, сделанные при воспроизведении „реторик“.

I. Орфография

1. *i* заменен на *и*.
2. *ѣ* в конце слов, оканчивающихся на твердый согласный, упразднен.
3. *ѣ* изменен в *е*.
4. Слова с приставками *бес-/без-, рас-/раз-* отредактированы по правилам современной орфографии.

5. Слово „риторика“ считаем возможным сохранить, чтобы передать особенности орфографии автора, тем более что в написании этого главного для нас слова возможны споры и у современных лингвистов. В русском написании, безусловно, победила греческая традиция, где буква *η* дала русскую *и*, но латинская традиция требовала написания *e* (*rhethorica*). Видимо, Н. Ф. Кошанский как преподаватель русской и латинской словесности предпочитал ориентироваться на латинский вариант⁹.

6. Окончания прилагательных заменены в соответствии с нормами современной орфографии. Например:

а) окончания им. п. ед. ч. типа *-ый, -ой* и т. п. (например, *свет дневный, яркий свет солнца*) – на *-ой, -ий* и т. д. (*свет дневной, яркий свет солнца*);

б) окончания им. п. мн. ч. на *-ья* (например, *мечтательная, живописная*) – на *-ые* (*мечтательные, живописные*);

в) окончания род. п. ед. ч. на *-аго* (например, *главнаго, инаго*) – на *-ого* (*главного, иного*).

7. Следующие слова в орфографии пушкинского времени приведены в соответствие с современными орфографическими нормами, например: *аргонауты* → *аргонавты*, *безграмотный* → *безграмотный*, *вовся* → *вовсе*, *готоский* → *готский*, *грамата* → *грамота*, *гизья* → *грызя*, *искуство* → *искусство*, *козак* → *казак*, *користолобие* → *корыстолобие*, *обнародываать* → *обнародовать*, *обработываать* → *обрабатывать*, *одинакие* → *одинаковые*, *олтарь* → *алтарь*, *онѣ* → *они*, *оспориваать* → *оспаривать*, *отривистый* → *отрывистый*, *полач* → *палач*, *приблизжись* → *приблизились*, *присвоивает* → *присваивает*, *противуположности* → *противоположности*, *раждающий* → *рождающийся*, *с седьми холмов* → *с семи холмов*, *скрыжалъ* → *скрижалъ*, *солнушом* → *солнышком*, *устраивает* → *устраивает*, *феатр* → *театр*, *фиалка* → *фиалка*, *чрез* → *через*, *щастие* → *счастье* и т. п.

8. Большинство имен, представленных в орфографии пушкинского времени, приведены в соответствии с современными написаниями: *Амвросий Юскевич* → *Амвросий Юшкевич*, *Агафиас* → *Агафий*, *Боссюэт* → *Боссюэ*, *Виргилий* → *Вергилий*, *Дмитрий Фалерейский* → *Дмитрий Фалерский*, *Горгиас* → *Горгий*, *Зонарас* → *Зонара*, *Иоаникий Голятовский* → *Иоанникий Галатовский*, *Критиас* → *Критий*, *Ктезиас* → *Ктесий*, *Лизиас* → *Лисий*, *Махиапель* → *Макиавелли*, *Поливий* → *Полибий*, *Сизив* → *Сизиф*. При перечислении авторов могут встретиться имена, которые были хорошо известны ученым начала XIX века, но с трудом восстанавливаются сегодня. Таково перечисление ученых, занимавшихся древностями (Частная риторика, § 23): „*Петрарка, Гаспарини, Поджий, Беатус, Ренан, Алоизий, Моценник, Сикар*“. Если первые два сомнения не вызывают, то „*Поджий*“ это Поджо Браччолини, итальянский гуманист, собиратель античных рукописей; „*Беатус*,

⁹ История борьбы вариантов „риторика / риторика“ подробно рассмотрена в кн.: Аннушкин В. И. Русская риторика: исторический аспект. М., 2003, с. 14–36.

Ренан“ в тексте Н. Ф. Кошанского – это одно имя выдающегося немецкого гуманиста начала XVI века Беатуса Ренана; *Алоизий* – итальянский монах-иезуит Алоизий Гонзага XVI века (?); *Моценик*, *Сикар* – не выяснены. В то же время чтобы сохранить стилистику пушкинского времени, в публикации сохраняется написание имен, относительно узнавания которых у читателя, скорее всего, не возникнет вопросов: *Езон* (*Эзон*), *Елисавета* (*Елизавета*), *Дидерот* (*Дидро*), *Даламберт* (*Д’Аламбер*), *Цесарь* (*Цезарь*), *Эвклид* (*Евклид*).

9. В тексте Н. Ф. Кошанского необычно написание слов с прописными буквами. С прописной буквы начинается написание следующих групп слов (в тексте нашей публикации они написаны со строчной буквы):

а) названия наук, например: *Реторика*, *Логика*, *Грамматика*, *Поэзия*, *Эстетика*, как и прилагательные, от них образованные: *Реторический*, *Логический*, *Грамматический* и т. п.;

б) основные описываемые термины, например: *Изобретение*, *Выражение Мыслей*; *Сложный Период*, *Расположение* и т. п.;

в) слова, называющие лиц, как венценосных, так и по профессиям, например: *Царь*, *Поэт*, *Венценосец*, *Герой*, *Земледелец*, *Мореходец*, *Козаки*, *Бояре*, *Писатель*, *Оратор*, *Жена* (о Екатерине Великой);

г) слова, называющие учреждения: *Народные Училища*, *Российская Академия*, *Типография* и т. п.

Написание слов *Отечество*, *Отчизна* и *Родина* с прописных букв сохранено.

10. Слитные / раздельные написания приводятся в соответствии с современной орфографией:

еслибы → *если бы*; *желалиль* → *желали ль*; *напути* → *на пути*; *неболее* → *не более*; *неможет* → *не может*; *нехочет* → *не хочет*; *нетребует* → *не требует*; *несчитались* → *не считались* (отрицательная частица *не* с глаголами пишется то слитно, то раздельно); *определитеж* → *определите ж*; *толи* → *то ли*;

в низу → *внизу*; *в след* → *вслед*; *за чем* → *зачем*; *и так* → *итак*; *на оборот* → *наоборот*; *не достойное* → *недостойное*; *не ужели* → *неужели*; *ни кто* → *никто*; *ни что* → *ничто*; *по сему* → *посему*; *сего дня* → *сегодня*; *так же* → *также*.

11. Ссылки на авторов отличаются большой вариативностью, встречаются как полные фамилии, так и различные сокращенные записи фамилий и/или имен и фамилий. В публикации они унифицированы в пользу наиболее узнаваемого или часто используемого сокращения (см. подробнее в таблице сокращений ниже).

Фамилию *фонъ-Визинъ* воспроизводим как *Фонвизин*.

12. Варианты слов *высокостию*, *живостию*, *жизнию*, *любовью* / *любовию*, *мыслию*, *обищирностию*, *общеою*, *середина* / *середина*, *счастья* / *счастия*, *с целью* / *с цельюю*, *частью* / *частью* и т. п. сохраняем так, как они приведены у автора. В таких явлениях, называемых поэтическими вольностями, трудно отследить какой-либо порядок, поэтому авторские варианты оставлены без изменений.

У публикаторов был велик соблазн сохранить написания этих и многих других, в том числе и слов с прописной буквы, поскольку в то время это имело методически оправданный смысл логического выделения наиболее важных понятий, но, в конце концов, от этой идеи пришлось отказаться.

II. Оформление текста и пунктуация

1. В тех случаях, когда сам Н. Ф. Кошанский описывает правила пунктуации в сложном предложении (см. например, стр. 55 публикации), сохраняем в примерах авторскую пунктуацию. Н. Ф. Кошанский предлагал в сложном периоде „части“ отделять „двумя точками, а члены – точкою с запятой“. Например:

От *сравнения* гения с гением – период четырехчленный, без частиц, *Батюшкова*. Предлож. *Ломоносов велик в словесности*. Сравнение: *так, как Петр на поприще гражданском*. „Петр Великий пробудил народ, усыпленный в оковах невежества [1-й член]; он создал для него законы, силу военную и славу [2-й член и 1-я часть]: Ломоносов пробудил язык усыпленного народа [3-й член]; он создал ему красноречие и стихотворство, испытал его силу во всех родах и приготовил для грядущих талантов верные орудия к успехам [4-й член длинен для удовлетворительного окончания]“.

2. Разрядка и полупрописные буквы, которыми Кошанский выделяет имена монарших особ (Петра Великого, Екатерины Великой, Александра, Николая и др.), а также некоторые курсивные выделения, которыми перенасыщен текст, упразднены для облегчения восприятия текста. Авторская разрядка сохранена для обозначения случаев первого употребления термина; курсив, в основном, сохранен: он использовался для выделения примеров и важных для автора слов.

3. Сохранены с незначительными поправками (в случае явных погрешностей автора или издательских работников) авторские приемы постановки знака тире (–) в следующих случаях:

а) после одного или нескольких предложений (некоего комментария), когда тире указывает на фрагмент текста – обобщение всего предшествующего рассуждения. Вот пример такого текста в „Общей риторике“:

8. Вторая часть рассуждает о *расположении* (de dispositione). Она показывает здравый, основательный и правильный ход мыслей, *сперва в описаниях, потом в рассуждениях*. – То есть образует рассудок и нравственное чувство.

б) в примерах, состоящих из нескольких предложений или слов. При этом перед первым предложением тире не ставится. Например:

2. *Предложение* заключает в себе краткую, полную мысль, которая говорит что-либо *ясно* уму и *тайно* сердцу (т. е. содержит мысль и чувствование), и на которой основывается все сочинение. Напр.:

Провидение руководствует человека. – *Весна* дышит радостью. – *Буря* влечет опустошение.

О случае опущения тире см. ниже.

4. Обычная скобка после арабских цифр 1) ... 2) ... 3) ..., которыми начинаются параграфы основного текста в обеих риториках, заменены на точку (с добавлением знака § перед цифрой), например, § 1. ... § 2. ... § 3. и т. д.

5) Риторика (вообще) есть... § 5. Риторика (вообще) есть...
6) Общая риторика содержит... → § 6. Общая риторика содержит...

Эпизодически использованные Н. Ф. Кошанским квадратные скобки 1] ... 2] ... 3] ... в начале абзацев примечаний заменены на обычные скобки или точки.

Цифры с точками 1. ... 2. ... 3. ... переведены, в свою очередь, в цифры со скобками 1) ... 2) ... 3) ..., когда использованы автором для обозначения элементов перечисления из одного или нескольких членов предложения, отделяемых друг от друга запятой или точкой с запятой, например:

...для достижения сей цели еще нужны три средства: 1. *Чтение*, 2. *Размышление*, 3. *Собственные упражнения*. → ...для достижения сей цели еще нужны три средства: 1) *чтение*, 2) *размышление*, 3) *собственные упражнения*.

5. Римские цифры I, II, III, IV, V, ... XXXVI, а также в основной своей массе цифровые 1) ... 2) ... 3) и буквенные а) ... б) ... в) ... элементы перечислений сохранены. Используемые в „Частной риторике“ буквы латинского алфавита а) ... б) ... с) ... d) ..., что нетипично для современного оформления и вызывает недоумение, заменены русскими буквами или цифровыми обозначениями аналогично оформлению „Общей риторики“.

В редких случаях, например, для более четкого выделения частей сложного предложения или целых предложений, элементы а) ... б) ... в) ... и 1) ... 2) ... 3) ... видоизменены (заклучены в скобки): (а) ... (б) ... (в) ... и (1) ... (2) ... (3) ...

Тире, приводимые перед подобными знаками и после них (в „Частной риторике“), например, ... — а ... — б ... — в ... или ... а — ... б — ... в — ... или ... — II ... — III ... и т. п., а также в самом конце параграфа или иного комментария после точки, явно избыточны в тексте, не соответствуют нынешним требованиям и поэтому опускаются.

6. Информацией уточняющего характера дополнена система внутритекстовых ссылок. Например:

Кошанский в параграфе 1) раздела IX, „Общей риторики“, в частности, пишет:

„1) IV. Условный период (conditionalis) требует, чтобы в прибавочном предложении было *условие* (См. Ист. Из. VIII) ...“,

вероятно предполагая что читатель без труда найдет то место в книге, где находится текст источник изобретения, т. е.: в разделе IV, в параграфе под арабской цифрой „3“ под указанным номером „VIII“:

IV.

Обстоятельства. Уступление...

3) VIII. Условие (conditio) есть мысль...

Однако, как показывает практика, читателю нелегко найти указанный объект ссылки ввиду частого применения автором римских цифр (для обозначения разделов, для обозначения источников, а также некоторых внутритекстовых перечислений). Поэтому для облегчения поиска нами предложены следующие изменения:

а) римская цифра непосредственно в ссылках указывающая номер источника, заключается в квадратные скобки. Кроме этого сюда добавлены номера раздела (разделов) и параграфа (параграфов): (См. Ист. Из. VIII) → (см. ист. изобр. [VIII], разд. IV, § 3).

б) скобки добавлены и в параграфе, где находится объект ссылки, в нашем случае: 3) VIII. Условие (conditio) есть мысль... → §3. [VIII] Условие (conditio) есть мысль...

Окончательно рассматриваемая статья со ссылкой выглядит так:

§1. [IV] Условный период (conditionalis) требует, чтобы в прибавочном предложении было *условие* (см. ист. изобр. [VIII], разд. IV, § 3).

Отметим, что в указанном примере, наряду со ссылкой, автор использует римскую цифру и в начале предложения. В случаях подобного расположения цифр, т. е. когда после арабской следует римская, последняя также заключена нами в квадратные скобки, например:

§ 6. Н а ч а л о описания... Главнейших правил для начала описаний *четыре*:

§ 7. [I] Начинают *обращением* к предмету. Пыльное воображение молодого...

7. В разделах XXXIV–XXXVI „Общей ретирики“ текст примеров унифицирован в более удобный для восприятия вид путем переноса ссылок на „прозаиков, ораторов и поэтов“ в текст самих примеров. Ср.:

у Кошанского:

Противоположение (antithesis) – искусство противопоставлять предмет предмету... *Примеры*: 1) у *Прозаиков*. 2) у *Ораторов*. 3) у *Поэтов*.

1) Русские гибнут – Новгородцы... *Кар.* 2) Сей венец на главе Твоей... *Плат.* 3) *Контрасты*:

Я – царь, я – раб... *Держ.*

в публикации:

Противоположение (antithesis) – искусство противопоставлять предмет предмету... *Примеры*:

1) у *прозаиков*: Русские гибнут – Новгородцы... (*Кар.*);

2) у *ораторов*: Сей венец на главе Твоей... (*Плат.*);

3) у *поэтов*: *контрасты*:

Я – царь, я – раб... (*Держ.*).

Переводы цитат и речений латинских авторов даются в сносках в конце страницы. В большинстве случаев приводится точный дословный перевод, а затем предлагается имеющийся литературный перевод данного текста.

Очевидно, что все в замысле создателей книги (автора, редакторов и корректоров и оформителей) при публикации текста было тщательно продумано, но, впрочем, не везде с абсолютной аккуратностью исполнено.

Текст „Общей ретирики“ подготовлен В. И. Аннушкиным, текст „Частной ретирики“ подготовлен В. И. Аннушкиным, Л. Е. Макаровой. Все переводы латинских текстов и комментарии к ним выполнены А. Д. Куриловой.

В. И. Аннушкин

Таблица

Сокращения в тексте Н. Ф. Кошанского и публикации

	Примеры авторских сокращений ¹⁰	Унифицированный вариант в публикации
1.	<i>и м. д. / и м. др. / и мн. др. / ...</i> – и многие другие	и мн. др.
2.	<i>Ипр. / и пр. / и проч. / и пр. и пр. / и пр. и проч. / и проч. и проч. / ...</i> – и прочие (и прочее)	и пр. / и пр. и пр.
3.	<i>Ист. Гос. Рос. / Ист. Госуд. Рос.</i> – История Государства Российского	Ист. Гос. Рос.
4.	<i>Ист. Из. / Источн. Изобр. / ист. Изобр. / ист. Изоб. / источ. изобр. / ист. изобр. ...</i> – источник изобретения	ист. изобр.
5.	<i>Мел. к Фил. / Мелод. к Филал.</i> – Мелодор к Филалету	Мел. к Фил.
6.	<i>На пр. / Напр. / Напр., / Напр.: / Наприм. / ...</i> – например	Напр.: (с двоеточием)
7.	<i>Общ. Ретор. / Общ. Рет.</i> – Общая риторика	Общ. рет.
8.	<i>Похв. Сл. Ек. / Пох. Сл. Екатерине</i> – Похвальное слово Екатерине II	Похв. Сл. Ек.
9.	<i>Приб. / приб. / прибавл.</i> – прибавление	прибавл.
10.	<i>Примеч. / Примеч: / Прим. / ...</i> – примечание	Примеч.
11.	<i>См. / см. / смот.</i> – смотри (смотрите)	см.
12.	<i>С.-П.-Б. / С.-п.-б.</i> – Санкт-Петербург	СПб.
13.	<i>стр., стран.</i> – страница	с.
Сокращенные записи имен и фамилий		
1.	<i>Анаст.</i> – Анастасий (Братановский), архиепископ Астраханский	<i>Анаст.</i>
2.	<i>Бакк. / Баккар.</i> – М. Н. Баккаревич	<i>Бакк.</i>
3.	<i>Бат. / Батюшк.</i> – К. Н. Батюшков	<i>Бат.</i>
4.	<i>Держ.</i> – Г. Р. Державин	<i>Держ.</i>
5.	<i>Дмит.</i> / <i>Дмитр.</i> – И. И. Дмитриев	<i>Дмитр.</i>
6.	<i>Ж. / Жук.</i> – В. А. Жуковский	<i>Жук.</i>
7.	<i>Кар. / Карамз.</i> – Н. М. Карамзин	<i>Кар.</i>
8.	<i>Крыл.</i> – И. А. Крылов	<i>Крыл.</i>
9.	<i>Лом.</i> – М. В. Ломоносов	<i>Лом.</i>
10.	<i>Озер.</i> – В. А. Озеров	<i>Озер.</i>
11.	<i>Плат.</i> – Платон (Левшин), митрополит Московский и Коломенский	<i>Плат.</i>
12.	<i>А. Пуш. / А. Пушк. / Пушк.</i> – А. С. Пушкин	<i>Пушк.</i>
13.	<i>Г. Рост., Гр. Рост.</i> – граф Ф. А. Ростопчин	<i>Рост.</i>
14.	<i>Феоф.</i> – Феофан (Прокопович), архиепископ Новгородский	<i>Феоф.</i>
15.	<i>Филар.</i> – Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский	<i>Филар.</i>
16.	<i>Циц.</i> – Цицерон.	<i>Циц.</i>

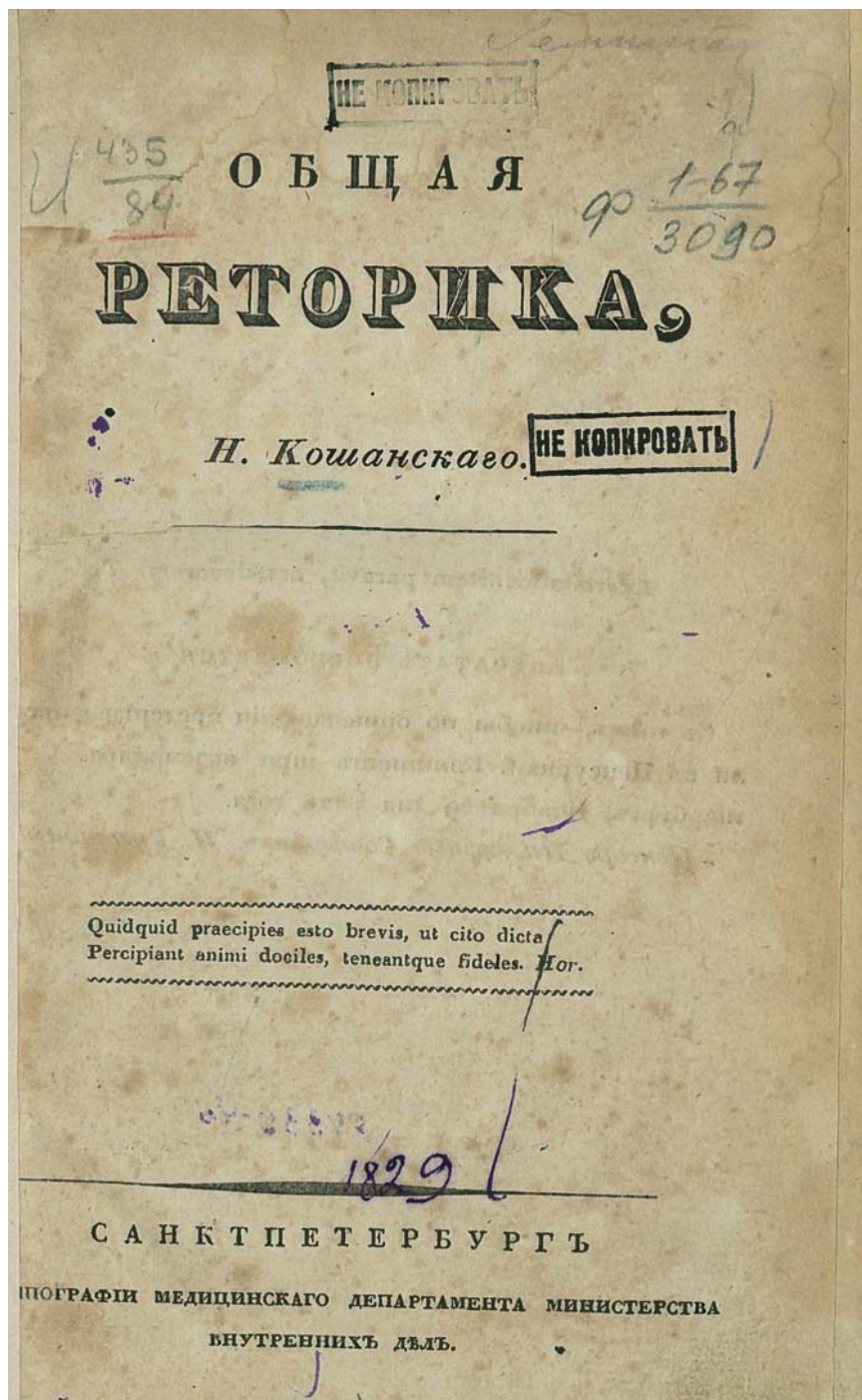
¹⁰ Автор использует курсивное начертание в качестве основного средства выделения сокращений. Прямой шрифт также присутствует в тексте: иногда на одной странице одна и та же сокращенная запись встречается в обоих начертаниях, например: ...Ист. Из. ... и ...Ист. Из. ... (Общая риторика. 2-е изд. СПб., 1930, с. 51).

Н. Ф. Кошанский

ОБЩАЯ РЕТОРИКА

Quidquid praecipies esto brevis, ut cito dicta
Percipiant animi dociles, teneantque fideles. *Hor.*¹¹

¹¹ В своих поучениях будь краток, ведь сказанное быстро воспримут понятливые души и запомнят верные. *Гораций*. Наука поэзии (335–336). В переводе М. Л. Гаспарова: „Кратко скажи, что хочешь сказать: короткие речи / Легче уловит душа и в памяти крепче удержит“.

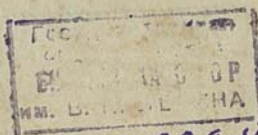

Exercitatio artem paravit, ars decorem. Tac.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

Съ пѣмъ, чшобы по оппечашаніи предспавлены б
ли въ Ценсурный Комитетъ при экземпляра. С. 1
пербургъ, Ноября 29 дня 1829 года.

Ценсоръ Надворный Советникъ. И. Вятринскій

84339-46

ИЗОБРЕТЕНІЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Scribendi recte sapere est et principium et fons. Hor.

1.

*ступленіе, свойства, раздѣленіе и цѣль
Реторики.*

1) Ничто столько не отличаетъ человека отъ другихъ животныхъ, какъ сила ума и даръ слова. Сии двѣ способности неразлучны; онѣ образуются вмѣстѣ, взаимно и общими силами ведутъ человека къ совершенству, къ великой, божьему ему указанной цѣли.

2) Сила ума открывается въ понятіяхъ, сужденіяхъ, и умозаключеніяхъ, и составляетъ науку, логику. Даръ слова заключается въ прекраснѣйшей способности, научать, убѣждать и нравить, и образуетъ Реторику. Сии двѣ науки должны идти вмѣстѣ, и подавать другъ-другу помощь.

3) Понятія выражаются словами, или терминами; сужденія, Предложеніями; умозаключенія, Силлогизмами. Логика показываетъ ходъ мыслей; Реторика, силу и красоту выраженій: соответственно хорошо писать значитъ хорошо думать.

Термины бываютъ: общіе, частные, недѣлимые, овлеченные, соединенные и пехнические. Предложенія раздѣляются: на утвердительныя, отрицательныя, проблематическія, теоретическія и практическія; Силлогизмы, на простые и сложные.

2

4) Реторика (вообще) есть наука изобрѣтати располагать и выражать мысли, и (въ особенностяхъ) руководство къ познанію всѣхъ прозаическихъ сочиненій. Въ первомъ случаѣ называется *общей*, во второмъ *частною*.

Общая Реторика содержишь начальныя, главныя общія правила, и *практически* руководствуеетъ начинающаго опъ Изобрѣщенія къ Расположенію, отъ Расположенія къ Сочиненію и заключаеетъ Реторическими украшеніями. Посему называется *начальной* и *практическою*. — *Частная Реторика*, основываясь на сихъ главныхъ правилахъ *общей*, прилагается къ частной цѣли писателя, и *теоретически* разсматриваетъ правила каждаго прозаическаго сочиненія; показывая припомъ лучшія шворенія писателей въ каждомъ родѣ. Посему частную Реторику называютъ: *окончательною*, *теоретическою* и *теорією прозы*.

5) *Общая Реторика* заключаеетъ въ себѣ три части: первая говоритъ о *Изобрѣщеніи*, (*de Inventione*) то есть, показываетъ источники, откуда почерпаются мысли, для распространенія предложеній, для составленія періодовъ и для доказательства истинъ.

6) Вторая часть разсуждаеетъ о *Расположеніи* (*de Dispositione*); она учитъ располагать собранныя мысли и доказательствъ для составленія плана, полнаго, учебнаго сочиненія.

7) Третья часть Реторики предлагаеетъ о *Сочиненіи*, (*de Elocutione*), и говоритъ о Слогѣ вообще, его достоинствахъ, недостаткахъ и наконецъ объ украшеніи, состоящемъ въ Тропахъ Фигурахъ.

Не худо замѣнить, что *Общая Реторика* мѣетъ въ виду особенно Ораторское краснорѣчіе,

3

что занимающийся правилами называется *Реторъ*, а пишущий по симъ правиламъ и говорящій рѣчи—*Ораторъ*.

8) Прежде, нежели приступимъ къ Реторикѣ, должно увѣришься, твердо ли мы знаемъ правила Грамматики: ибо правильность Реторическая основывается на правильности Грамматической.

9) Потомъ знать должно, что всякая наука пребуешь отъ насъ жершвы, вниманія, терпѣнія... и съ своей стороны дѣлаешь намъ снисхожденіе; всегда начинается легчайшимъ и постепенно ведетъ къ труднѣйшему.

10) Наконецъ скажемъ, что цѣль общей Реторики состоить въ томъ, что бы раскрыть всѣ способности ума, дать разсудку и нравственному чувству надлежащее направленіе, возбудить и усилить въ душѣ учащихся живую любовь ко всему благородному, великому и прекрасному, и вмѣстѣ научить выражать сіи чувства. Для достиженія сей цѣли при средствѣ: *Чтеніе, Размышленіе, Собственные упражненія*.

1) Чтеніе Образцовъ имѣетъ проясную цѣль: съ начала бываетъ *Аналитическое*; то есть, съ замѣчаніемъ лучшихъ словъ, выраженій, прекрасныхъ мыслей, подобій, примѣровъ, контрастовъ и пр. Потомъ слѣдуетъ чтеніе *наблюдательное*, съ разсмотрѣніемъ плана, хода, расположенія и частей каждаго сочиненія. Наконецъ можетъ быть чтеніе съ *эстетическимъ разборомъ*; то есть, съ показаніемъ Реторическихъ украшеній и съ изъясненіемъ, почему что хорошо, изящно, прекрасно; почему благородно, велико, высоко; почему ново, необыкновенно, оригинально; почему сильно, прогашельно, разительное и пр.

К 37

ОБЩАЯ РЕТОРИКА,

Н. Кошанскаго.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

~~~~~  
Quidquid praecipies esto brevis, ut cito dicta  
Percipiant animi dociles, teneantque fideles. *Hor.*  
~~~~~

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
При Императорской Академіи Наукъ.
1830.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

Съ шѣмъ, чтобы по оппечатаваніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ при экземпляра. С.
Пешербургъ, Іюля 12 дня 1830 года.

Ценсоръ Николай Щегловъ.

I.

ИЗОБРѢТЕНІЕ.

— — Juvat integros accedere fontes
Atque haurire, juvatque novos decerpere flores de R. Nat.

О Т Д Ъ Л Е Н І Е I.

ИСТОЧНИКИ ИЗОБРѢТЕНІЯ.

I.

Вступленіе. — Словесныя Науки. — Реторика.

Omnes artes, quae ad humanitatem pertinent, habent quoddam commune vinculum.
Cic.

1) Ничто столько не отличаетъ человѣка отъ прочихъ животныхъ, какъ *сила ума* и *даръ слова*. Сія двѣ способности неразлучны; онѣ образуются вмѣстѣ, взаимно и общими силами ведутъ человѣка къ совершенству, къ великой Небось ему указанной цѣли.

2) Сила ума открывается въ *понятіяхъ*, *сужденіяхъ*, и *умозаключеніяхъ*: вошь предметъ *Логикѣ*. Даръ слова заключается въ прекраснѣйшей способности выражать *чувствованія* и *мысли*: вошь предметъ *Словесности*.

3) *Словесныя Науки* (Studia literarum) дѣлятся на три главныя части: *Грамматику*, *Реторику*, *Поэзію* и граничатъ съ *Эстетикой*. Всѣ онѣ разсмаприваютъ *даръ слова*, *силы его* и *дѣйствія*: но каждая имѣетъ свой предметъ, свою цѣль, свои предѣлы. Каждая, какъ Наука, имѣетъ свою *теорію*, и какъ Искусство, свою *практику*.

Теорія необходима для успѣховъ практики; а практика еще нужнѣе Теоріи. Учащійся *непрелѣнно* долженъ соединять одно съ другимъ; т. е. правила съ чпшеніемъ образцовъ и собственными упражненіями.

4) Грамматика занимаешься *шолько словами*; Риторика преимущественно *мыслями*; Поэзія преимущественно *чувствованіями*; въ Эспетикѣ хранятся *летательныя натала* не шолько Словесныхъ Наукъ, но и всѣхъ Искусствъ изящныхъ.

Грамматика, занимаясь словами, разсматриваетъ ихъ 1. порознь (*Этимологія*); 2. въ связи (*Синтаксисъ*); 3. въ начертаніи (*Орвографія*); 4. въ произношеніи (*Просодія*). — Поэзія, какъ преимущественный органъ чувствованій, выражаетъ ихъ 1. въ лицѣ самаго Поэта (*Лирическая*); 2. Въ другихъ лицахъ, Поэтомъ созданныхъ (*Драматическая*). — Риторика, имѣя предметомъ мысли, показываетъ 1. откуда онѣ почерпаются (*Изобрѣтеніе*); 2. какъ приводятся въ порядокъ (*Расположеніе*); 3. какъ излагаются (*Выраженіе мыслей*). И шакъ...

5) Риторика (вообще) есть Наука *изобрѣтатъ, располагатъ и свиражатъ* мысли, и (въ особенноти) руководитъ къ познанію всѣхъ прозаическихъ сочиненій. Въ первомъ случаѣ называется *общей*, во второмъ *частною*. ✕

6) *Общая Риторика* содержишь *начальныя, главныя, общія правила* всѣхъ прозаическихъ сочиненій. — *Частная Риторика*, основываясь на правилахъ *общей*, разсматриваетъ каждое прозаическое сочиненіе порознь, показывая *содержаніе* его, *цѣль*, *удобнѣйшее расположеніе*, *главнѣйшія достоинства и недостатки*.

Прежде нежели приступимъ къ Реторикѣ, должно увѣриться, швердо ли мы знаемъ правила Грамматики: ибо *правильность Реторическая основывается на правильности Грамматической*.

7) *Общая Риторика* заключается въ шрехъ Частяхъ и въ шести Ошдѣленіяхъ. Первая часть говоритъ о *Изобрѣтеніи* (*de Inventione*) и въ *первошм* Ошдѣленіи показываетъ *Источники Изобрѣтенія*, во *второмъ*, первое соединеніе мыслей (*Періоды, натала Прозы*.) — Она даетъ спосо-

3

бы думаешь, и, думая, соединяешь одну мысль съ другою.

8) Вторая часть разсуждаетъ о *Расположеніи*, (de Dispositione). Она показываетъ здравый основательный и правильный ходъ мыслей, сперва въ *Описаніяхъ*, потомъ въ *Разсужденіяхъ*. — То есть, образуетъ разсудокъ и нравственное чувство.

9) Третья часть Реторики предлагаетъ о *Выраженіи мыслей* (de Elocutione), и въ первомъ Отдѣленіи разсматриваетъ слогъ и его достоинства, во второмъ, всѣ роды украшеній. — Она учитъ любить и выражать изящное.

Вотъ всѣ шесть Отдѣленій Общей Реторики! Оптимите одно изъ нихъ — и вы нарушите полноту науки; переставьте ихъ — разстроится связь, постепенность и внутреннее согласіе. — (Прошу вспомнить, что Наука безконечна: но преподаваніе ея должно имѣть приличныя предѣлы.)

10) И мнѣ кажется, что цѣль общей Реторики состоитъ въ томъ, чтобы, *раскрывая истинники изобрѣтенія*, раскрыть всѣ способности ума — чтобы, *показывая здравое расположеніе мыслей*, дать разсудку и нравственному чувству надлежащее направленіе — чтобы, *уга выражать изящное*, возбудить и усилить въ душѣ учащихъ, живую любовь ко всему благородному, великому и прекрасному. — Но для достиженія сей цѣли еще нужны три средства: 1. Чтеніе, 2. Размышленіе, 3. Собственные упражненія.

1. Чтеніе образцовъ должно быть согласно съ каждою частью Реторики. Изобрѣтеніе требуетъ чтенія *Аналитическаго*, т. е. съ замѣчаніемъ лучшихъ словъ, идей, выраженій, прекрасныхъ мыслей, подобій, приговоровъ, контрастовъ и пр. Потомъ съ показаніемъ распространенія Періодовъ, разныхъ частей и разныхъ родовъ ихъ. — Расположеніе требуетъ чтенія *Наблюдательнаго*, съ разсмотрѣніемъ плана, хода, расположенія и всѣхъ частей сперва *Описаній*, потомъ *Разсужденій*. — Выраженіе мыслей требуетъ чтенія *Эстетическаго*, т. е. съ показаніемъ разныхъ родовъ Слога, разныхъ его достоинствъ, разныхъ Ретори-

4

ческих украшений, и съ изъясненіемъ, почему что хорошо, изящно, прекрасно; почему благородно, велико, высоко; почему ново, необыкновенно, оригинально; почему пріятно, плѣнительно, очаровательно; или сильно проглательно, разительно и пр. и пр.

2. *Размышленіе* полезно не потому только, что, прибавляя къ чуждому свое, присваиваетъ себѣ чужое — ибо и свои и чужія мысли могутъ быть забыты — но потому что образуетъ способность рассуждать, которая, при первой нуждѣ, знакомый уже путеводитель, находитъ не только все прежнее, свое и чужое, но часто новое и даже оригинальное...

3. *Собственные упражненія* необходимы. Кто не упражнялся постоянно въ составленіи періодовъ и учебныхъ сочиненій; тотъ всегда будетъ не твердъ въ Слогъ, можно знать лучшимъ образомъ правила, и не умѣя написать десять строкъ связно. Правила и образцы нечувствительно влекутъ къ собственнымъ опытамъ — (praecepta movent, exempla trahunt) — и это такъ легко!.. Особенно, когда сіи опыты не охлаждаются порицаніемъ, но согреваются участіемъ друга-наставника, который всегда говоритъ прежде что хорошо, и почему? а послѣ показываетъ то, что должно быть иначе и какими образомъ. — Уныніе отъ неудачи есть малодушіе. — Должно вооружиться шерпініемъ, твердоспію, постоянствомъ... Должно любить трудъ, любить занятія — Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ успѣха.

II.

Главный источникъ мыслей.

Quis? quid? ubi? quibus auxiliis? cur? quomodo? quando?

1) *Любезные друзья!* Первый и главный источникъ всякаго сочиненія есть *Предметъ*, или *Предложеніе*. *Предметомъ* сочиненія называющъ одно понятіе, идею, одно слово. Напр. *Провидѣніе* — *Весна* — *Буря*. Сія идея рождаетъ новыя понятія, соединенныя съ нею, и производитъ какое-нибудь *чувствованіе*. Напр.

Провидѣніе даетъ понятія: о Богѣ, о благодати Его, о Природѣ, о человѣкѣ и рождаетъ въ сердцахъ благо-

говѣніе и благодарность. — Весна представляетъ вамъ: цвѣты, ручьи, запахъ розы, пѣніе птицъ и вы чувствуете радость. — Буря напоминаетъ: вѣпръ, громъ, дождь, градъ, опустошеніе и приводитъ въ уныніе...

2) Предложеніе заключаешь въ себѣ краткую, полную мысль, которая говоришь что-либо ясно уму и тайно сердцу, (ш. е. содержишь мысль и чувствованіе), и на кошорой основываешь все сочиненіе. Напр.

Провидѣніе руководствуетъ человѣка. — Весна дышетъ радостью. — Буря влечетъ опустошеніе.

3) Когда дано, или избрано Предложеніе; то прежде всего спарайшесь хорошо понять его, и — понимая — покажишь, что можешь сами сказать шуже мысль, нѣсколько разъ, другими оборотами, другими выраженіями, и — если можно — лучше, красивѣе, сильнѣе...

Напр. Предложеніе: Провидѣніе руководствуетъ человѣка. Другіе обороты Грамматическіе: Человѣкъ руководствуется Провидѣніемъ. — Провидѣніе служишь вождемъ человѣку. — Человѣкъ идетъ по пути Провидѣнія. Другія выраженія Реторическія: Перстъ Божій указываетъ путь человѣку. — Благоспѣ Вѣчно-го заботишься о смертномъ. — Отецъ Небесный печется обрѣнныхъ чадахъ земли. (Это дѣлается изустно, и для напевающихся — какъ игра — приятно и полезно: ибо всякому хочется сказать лучше... а между тѣмъ дѣйствуетъ и умъ и воображеніе и чувство — раскрываются способности) —

4) Предложеніе всегда заключается въ немногихъ словахъ и требуетъ приличнаго распространенія. — Распространять Предложеніе, значить, находить другія приличные слова и выраженія — или новыя мысли, новыя предложенія — или открывать доказательства и опроверженія.

Сіе дѣйствіе ума называется въ Реторикѣ Изобрѣтеніемъ (Inventio); а указанія, откуда почерпаются новыя слова — мысли — и доказательства, Источниками Изобрѣтенія (Loca topica).

5) Есть три рода Источниковъ Изобрѣтенія: Первый даетъ способы распространять одно

СОДЕРЖАНИЕ И РАСПОЛОЖЕНИЕ ОБЩЕЙ РЕТОРИКИ.

ИЗЛОЖЕНИЕ.		РАСПО-	ЛОЖЕНИЕ.	ВЫРАЖЕНИЕ МЫСЛЕЙ.	
Чтение съ Аналитическимъ Разговоромъ.		Чтение съ Показани-		Чтение съ Синтетическимъ Разговоромъ.	
I. Источники изобретения.	II. Первое соединение мыслей.	III. Описание, повествование.		V. Слогъ и его достоинства.	VI. Вся рода украшеній.
1) Вступленіе, Словеса Наука — Риторика. — 1—4.	7) Сложные Періоды Выводы. — 22—23.	13) Важность расположения, и первые роды Сочиненій. — 41—44.	IV. Расужденія Простыя, Искусственные.	25) О слогахъ вообще. Слогъ Простой. — 88—88.	31) Тропа. — 107—112.
2) Главныя Источники Мыслей. — 4—8.	8) Періодъ Сравнительный, Услужительный. — 23—24.	14) Начало Описание. — 44—46.	20) Расположеніе Простыхъ Расужденій. — 62—62.	26) Слогъ Средній и Возвышенный. — 88—91.	32) Фигуры отъ Неподобія. — 112—115.
3) Причина, Сравненіе, Подобіе, Притворство, Цельность. — 8—12.	9) Условный, Проповедательный, Сочинительный. Редупликация. — 24—24.	15) Средняя и Конечная Описание. — 46—48.	21) Притворство, Расположеніе Простыхъ Расужденій для практическихъ. — 64—73.	27) Слогъ Періодическій, Опримительный, Промышленный, Чистый. — 91—95.	33) Фигуры отъ Неподобія. — 115—119.
4) Обстоятельность, Уступленіе, Условія, Проповедательныя, Мисловитыя, Притворныя. — 12—15.	10) Последовательный, Условный, Опримительный, Изъяснительный, Заключительный. — 31—33.	16) Притворство и Расположеніе Описание для практическихъ. — 48—52.	22) Расположеніе Расужденій Искусственныхъ. — 71—75.	28) Искренность и Темпота Притворствъ и Непримиренія. — 95—99.	34) Фигуры мыслей, ублажающія разумъ. — 119—122.
5) Краткость, Принадлежность, Свойства, Действительность и Страданія. — 15—18.	11) Переходъ отъ Періодовъ къ Простымъ. — 33—37.	17) Расположеніе Повествовательный. — 52—55.	23) Притворство и Расположеніе Искусственныхъ Расужденій для практическихъ. — 75—82.	29) Чистота и Небрежность. Искренность и Притворство. — 99—103.	35) Фигуры мыслей, действующія на воображеніе. — 122—127.
6) Цѣлое, Части, Роды, Видъ, Определеніе, Свойства. — 19—22.	12) Начало Мнѣній Простыхъ. — 37—40.	18) Притворство, Расположеніе Повествовательный для практическихъ. — 55—60.	24) Расположеніе Расужденій по Силлогизмамъ. — 82—86.	30) Гармонія, Угармоничность. — 103—107.	36) Фигуры мыслей, действующія на сердце. — 127—134.

I. ИЗОБРЕТЕНИЕ

Juvat integros accedere fontes
Atque haurire, juvatque novos decerpere flores. *Lucret. de R. Nat.*¹²

Отделение I. ИСТОЧНИКИ ИЗОБРЕТЕНИЯ

I.

Вступление. – Словесные науки. – Риторика

Omnes artes, quae ad humanitatem pertinent, habent quoddam
commune vinculum.¹³ *Cic.*

§ 1. Ничто столько не отличает человека от прочих животных, как *сила ума* и *дар слова*. Эти две способности неразлучны; они образуются вместе и общими силами ведут человека к совершенству, к великой Небом указанной ему цели.

§ 2. Сила ума открывается в *понятиях, суждениях* и *умозаключениях* – вот предмет *логики*. Дар слова заключается в прекраснейшей способности выражать *чувствования* и *мысли* – вот предмет *словесности*.

§ 3. *Словесные науки* (studia literarum) делятся на три главные части – грамматику, ретику, поэзию – и граничат с эстетикой. Все они рассматривают *дар слова, его силу* и *действия*, но каждая имеет *свой* предмет, *свою* цель, *свои* пределы. Каждая, как наука, имеет свою *теорию*, и, как искусство, свою *практику*.

Теория необходима для успехов практики, а практика еще нужнее теории. Учащийся *непрерывно* должен соединить одно с другим, т. е. правила – с чтением образцов и собственными упражнениями.

§ 4. Грамматика занимается только *словами*, риторика – преимущественно *мыслями*, поэзия – преимущественно *чувствованиями*, в

¹² Отраднo приближаться к нетронутым источникам и черпать из них, отраднo срывать новые цветы. *Лукреций*. О природе вещей (I, 927–929). В переводе Ф. А. Петровского: „Мне отраднo устами / К свежим припасть родникам и отраднo чело мне украсить / Чудным венком из цветов, доселе неведомых...“

¹³ Все науки, служащие образованию человека, имеют некую общую связь. *Цицерон*. Речь в защиту поэта Авла Лициния Архия (I, 2).

эстетике хранятся *мечтательные начала* не только словесных наук, но и всех искусств изящных.

Грамматика, занимаясь словами, рассматривает их: 1) порознь (*этимология*), 2) в связи (*синтаксис*), 3) в начертании (*орфография*), 4) в произношении (*просодия*). – *Поэзия*, как преимущественный орган чувств, выражает их: 1) в лице самого поэта (*лирическая*), 2) в других лицах, поэтом созданных (*драматическая*). – *Риторика*, имея своим предметом мысли, показывает: 1) откуда они черпаются (*изобретение*), 2) как приводятся в порядок (*расположение*), 3) как излагаются (*выражение мыслей*). И так...

§ 5. Риторика (вообще) есть наука *изобретать, располагать и выражать* мысли, и (в особенности) руководство к познанию всех прозаических сочинений. В первом случае называется *общей*, во втором – *частною*.

§ 6. Общая риторика содержит начальные, главные, общие правила всех прозаических сочинений. – Частная риторика, основываясь на правилах *общей*, рассматривает каждое прозаическое сочинение порознь, показывая *содержание* его, *цель*, удобное *расположение*, главнейшие *достоинства* и *недостатки*.

Прежде, нежели приступим к риторике, должно увериться, твердо ли мы знаем правила грамматики, ибо правильность риторическая основывается на правильности грамматической.

§ 7. *Общая риторика* заключается в трех частях и в шести отделениях. Первая часть говорит о *изобретении* (*de inventione*) и в первом отделении показывает *источники изобретения*, во втором – первое соединение мыслей (*периоды, начала прозы*). – Она дает способы думать, и, думая, соединять одну мысль с другой.

§ 8. Вторая часть рассуждает о *расположении* (*de dispositione*). Она показывает здравый, основательный и правильный ход мыслей, *сперва в описаниях, потом в рассуждениях*. – То есть образует рассудок и нравственное чувство.

§ 9. Третья часть риторики предлагает рассуждения о *выражении мыслей* (*de elocutione*), и в первом отделении рассматривается слог и его достоинства, во втором – все роды украшений. – Она учит любить и выражать изящное.

Вот все *шесть* отделений общей риторики! Отнимите одно из них – и вы нарушите полноту науки; переставьте их – расстроится связь, постепенность и внутреннее согласие. (*Прошу вспомнить, что наука бесконечна, но преподавание ее должно иметь приличные пределы.*)

§ 10. И мне кажется, что *цель* общей риторики состоит в том, чтобы, *раскрывая источники изобретения*, раскрыть все способности

ума, – чтобы, *показывая здоровое расположение мыслей*, дать рассудку и нравственному чувству надлежащее направление, – чтобы, *уча выразить изящное*, возбудить и усилить в душе учащих живую любовь ко всему благородному, великому и прекрасному. – Но для достижения сей цели еще нужны три средства: 1) *чтение*, 2) *размышление*, 3) *собственные упражнения*.

1. *Чтение образцов* должно быть согласно с каждою частию ретирики. – Изобретение требует чтения *аналитического*, т. е. с замечанием лучших слов, идей, выражений, прекрасных мыслей, подобий, примеров, контрастов и пр. Потом с показанием распространения периодов, разных частей и разных родов их. – Расположение требует чтения *наблюдательного*, с рассмотрением плана, хода, расположения и всех частей: *сперва* описаний, *потом* рассуждений. – Выражение мыслей требует чтения *эстетического*, т. е. с показанием разных родов слога, разных его достоинств, разных риторических украшений, и с изъяснением: почему что хорошо, изящно, прекрасно; почему благородно, велико, высоко; почему ново, необыкновенно, оригинально; почему приятно, пленительно, очаровательно; или сильно, трогательно, разительно и пр. и пр.

2. *Размышление* полезно не потому только, что, прибавляя к читанному свое, присваивает себе чужое, ибо и свои, и чужие мысли могут быть забыты, но потому, что образует *способность рассуждать*, которая при первой нужде *знакомым уже путем* находит не только все прежнее, свое и чужое, но часто новое и даже оригинальное...

3. *Собственные упражнения* необходимы. Кто не упражнялся постоянно в составлении периодов и учебных сочинений, тот всегда будет *не тверд* в слоге; можно знать лучшим образом правила и не уметь написать десять строк связно. Правила и образцы нечувствительно влекут к собственным опытам – (*praescripta movent, exempla trahunt*¹⁴) – и это так легко!.. Особенно, когда сии опыты не охлаждаются порицанием, но согреваются участием друга-наставника, который всегда говорит *прежде*, что хорошо, и почему, а *после* показывает то, что должно быть *иначе* и *каким образом*. – Уныние от неудачи есть малодушие. – Должно вооружиться терпением, твердостью, постоянством... Должно любить труд, любить занятия. – Где нет любви, там нет успеха.

II.

Главный источник мыслей

Quis? quid? ubi? quibus auxiliis? cur? quomodo? quando?¹⁵

§ 1. *Любезные друзья!* Первый и главный источник всякого сочинения есть *предмет*, или *предложение*. *Предметом* сочинения называют одно понятие, идею, одно слово. Напр.: *Провидение – весна – буря*. Сия идея рождает новые понятия, соединенные с нею, и производит какое-нибудь *чувствование*. Напр.:

¹⁴ Предписания побуждают, примеры увлекают за собой.

¹⁵ Кто? Что? Где? При чьей помощи? Для чего? Каким образом? Когда?

Провидение дает понятия о Боге, о благодати Его, о природе, о человеке, и рождает в сердце *благоговение* и *благодарность*. – *Весна* представляет вам цветы, ручьи, запах розы, пение птиц, и вы чувствуете *радость*. – *Буря* напоминает ветер, гром, дождь, град, опустошение и приводит в *уныние*...

§ 2. *Предложение* заключает в себе краткую, полную мысль, которая говорит что-либо *ясно* уму и *тайно* сердцу (т. е. содержит мысль и чувствование), и на которой основывается все сочинение. Напр.:

Провидение руководствует человека. – *Весна* дышит радостью. – *Буря* влечет опустошение.

§ 3. Когда дано или избрано предложение, то, прежде всего, старайтесь *хорошо* *понять* его, и, понимая, покажите, что можете сами сказать ту же мысль несколько раз другими оборотами, другими выражениями, и – если можно – *лучшие, красивее, сильнее*... Напр.:

Предложение: Провидение руководствует человека. *Другие грамматические обороты:* Человек руководствуется Провидением. – Провидение служит вождем человеку. – Человек идет по пути Провидения. *Другие риторические выражения:* Перст Божий указывает путь человеку. – Благодать Вечного заботится о смертном. – Отец Небесный печется о бранных чадах земли. (*Это делается изустно и для начинающих – как игра – приятно и полезно, ибо всякому хочется сказать лучше... а между тем действуют и ум, и воображение, и чувство – раскрываются способности.*)

§ 4. Предложение всегда заключается в немногих словах и требует приличного распространения. – *Распространять* предложение значит находить другие приличные слова и выражения, или новые мысли, новые предложения, или открывать доказательства и опровержения.

Сие действие ума называется в реторике *изобретением* (inventio), а указания, откуда черпаются новые слова, мысли и доказательства, – *источниками изобретения* (loci topici).

§ 5. Есть три рода источников изобретения. – *Первый* дает способы распространять одно только предложение. – *Другой* род их учит из одного предложения выводить другие. – *Третий* род источников показывает, откуда почерпаются доказательства, согласные с целью писателя.

Первые два принадлежат *общей реторике*, последний – *частной*; первые два необходимы для начинающих, последним пользуется писатель или оратор, согласно с предложенною целью.

§ 6. Всякое предложение распространяется до *известных* только пределов, назначаемых умом и вкусом. – И вот способы к его распространению: первый род источников изобретения – *азбука реторики*. – Их *десять*.

Первые три – синонимы, эпитеты и противные – служат к приисканию слов; последние семь известных вопросов – к прибавлению выражений и кратких обстоятельств.

1. Синонимы (synonima). Так называются слова подобно значащие; они прибавляются к существительным и глаголам и отделяются запятыми. Напр.: (предложение то же). К существительному „Провидение“ синонимы: *промысление, промысел, попечение*; или двумя словами: *Хранитель человека, Небесный вождь, Блюститель его* и пр. – К глаголу „руководствует“: *ведет, служит вождем, указывает путь, хранит, блюдет* и пр. – К слову „человека“ синонимы: *смертного, создание бренное, существо слабое* и пр.

2. Эпитеты (epitheta). Так называются приличные прилагательные к существительным, наречия к глаголам и даже наречия к прилагательным. Напр.: к слову „Провидение“ эпитеты: *дивное, непостижимое, тайное, небесное, святое* и пр.; к глаголу „руководствует“: *невидимо, нечувствительно, неприметно* и пр.; наречия к прилагательным: *непостижимо тайное, неизъяснимо благое* Провидение и пр.

3. Противные (contraria). Так называются слова, значащие противное именам и глаголам. Напр.: *Не случай, не собственные силы, не слабый разум*, но Провидение; к глаголу: *не оставляет, не забывает*, но руководствует и пр.

§ 7. Вот семь известных вопросов: *кто? что? где? при чьей помощи? для чего? каким образом? когда?* – На вопрос *кто?* всегда отвечают *подлежащим*, на вопрос *что?* – всегда *сказуемым*, а на прочие вопросы приискиваются *приличные, краткие ответы*. Напр.:

Кто? Провидение. *Что?* Руководствует человека. *Где?..* На пути жизни – в минуты счастья и бедствий – на верху славы и в униженной доле. *При чьей помощи?* При твердом уповании – по благости Всевышнего. *Для чего?* Для достижения предназначаемой цели. *Каким образом?* Тайными, непостижимыми для нас путями. *Когда?* Во все течение жизни. – (*Не должно скучать или пренебрегать сими началами: они раскрывают ум и полагают твердое основание мыслям и слову.*)

§ 8. Видите, сколько слов, сколько выражений для одного предложения. – Где ж остановиться? Какие из них выбрать?.. – *Выбрать* те, которые вам больше нравятся. *Остановиться* там, где кончится мысль предложения *удовлетворительным образом*, сохранив *ясность, приличие, соразмерность*. Напр.:

Можно выбрать следующие: „Небесное Провидение, сей тайный вождь на пути жизни, сей незримый блюститель в минуты счастья и бедствий, на верху славы и в униженной доле, невидимо руководствует человека, к предназначенной ему цели тайными, непостижимыми для нас путями“.

§ 9. Таким образом, распространенное предложение называется *периодом* простым: – *Простой период есть полное, гармоничное соединение приличных слов, выражений и кратких обстоятельств в одном только предложении.*

Период простой есть *первое* риторическое упражнение, первый шаг к искусству писать, первая *чистая жертва* красноречию.

§ 10. Но „что в занятиях, – говорит М. Н. Муравьев, – когда не приводит их в действие чувствительность сердца?“ Вы знаете, как составляется простой период: этого мало – покажите на самом деле ваше знание, сделайте два-три опыта. Вот предложения:

Солнце освещает землю. Весна живет природу. Человек искушается бедствиями. – Труд полезен. Праздность вредна. Время неозвратно. – Лучший наставник есть опыт. – Верный путь к счастью – добродетель. – Первый друг на земле – вера в Провидение.

Примеч. Скажут: гению правил не нужно: „Он, не учась, учен, как придет в восхищение“ (Дмитр.). – Не спорю... Но – сочтите гениев... И притом не забудьте, что и кедр *сначала* растет наравне с травой и греется тем же солнышком и питается тою же росой...

III.

Причина. Сравнение. Подобие. Пример. Свидетельство

Scribendi recte sapere est et principium et fons. Hor.¹⁶

§ 1. Всякая мысль рождает другую. В каждом предложении таится другое, в другом – третье... и так далее. Напр.:

Мысль „Все изменяется на земле“ невольно напоминает другую: „А небо неизменно“ (Жук.). – Или в предложении „Умереть за Отечество прекрасно“ таится другое: „Отечество падишим героям обязано благодарностью“; в другом – третье: „Россия благословляет память Багратионов, Кульневых, Милорадовичей“; в третьем – четвертое: „Могила храброго Отечеству священная“ (Озер.).

§ 2. Открывать в одной мысли другие, искать в данном предложении новых значит мыслить. – Нельзя тому сочинять, кто не умеет и не хочет учиться думать: *хорошо писать значит хорошо думать*. – Для сего-то общая риторика начинается источниками изобретения, ибо в них заключается для вас, любезные друзья, начальная практическая логика.

Примеч. Не спешите писать... Научитесь прежде мыслить и чувствовать – полнота мыслей и чувствований найдет способ выражаться, и, может быть, лучше, нежели вы думаете...

§ 3. Источники изобретения раскрывают ум, развивают мысли. Они укажут вам с какой точки зрения должно смотреть на предмет

¹⁶ Начало и источник хорошего письма – в разумении. Гораций. Наука поэзии (309). В переводе М. Л. Гаспарова: „Мудрость – вот настоящих стихов исток и начало!“.

или на мысль; вы взглянете, и в юном уме вашем пробудятся новые мысли, согласные с вашею, близкие к ней, соседние, знакомые, дружелюбные, родные...

§ 4. Не в каждом источнике вы найдете новые мысли для вашего предложения, но в разных источниках вы найдете непременно для вашей мысли что-либо новое, изящное, прекрасное. Вот сии источники: риторика полагает их двадцать четыре:

§ 5. [I] *Причина* (causa). Чтобы найти причину, стоит спросить самого себя: *почему* предложение справедливо? *Ибо ничто без причины не бывает*; и ответ доставит вам другую мысль, соединенную с вашею. Напр.:

Учащийся не должен резвиться. *Почему?* ...потому что резвость мешает учиться. – Прилежание полезно. *Почему?* потому что служит средством к приобретению успехов. – Вера утешает человека. *Почему?* потому что обещает жизнь лучшую, беспечальную, небесную. – Должно почитать родителей. *Почему?* [Скажите сами.] Чтение книг полезно. *Почему?* ...

§ 6. Причина бывает двоякая: *действующая* (causa causalis), от которой происходит ваше предложение, и *конечная* (causa finalis), к которой оно стремится. И та, и другая может дать вам новые мысли. Напр.:

Провидение руководствует человека. *Почему?* [Причина действующая.] Ибо Творец о человеке особое имеет попечение. *Для чего руководствует?* [Причина конечная.] Чтобы привести его к предназначенной цели.

§ 7. [II] *Сравнение* (collatio) – сличение двух предметов, двух действий *одного рода*: государя с государем, героя с героем, победы с победой, писателя с писателем. Имея предложение, ищите сравнения в ближайших предметах *того же рода*. Напр.:

Петр Великий изгнал из Отечества шведов. Александр Благословенный очистил землю русскую от нашествия 20-ти племен. – Аннибал перешел Альпы, и Суворов перевел через них войска свои; Аннибал разбил римлян – Суворов поразил французов; Аннибал не умел пользоваться победой – Суворов очистил Италию.

§ 8. [III] *Подобие* (simile), уподобление одного действия другому, известнейшему, совсем *иного рода*. Оно берется большею частию из природы, объясняет действие на вопрос *каким образом?* и служит не только распространением, но и украшением. Напр.:

Науки просвещают разум. *Каким образом?* Так, как лучи солнца озаряют природу. – Мысль стремится за мыслию. *Каким образом?* Так, как струя течет за струею. – Или: „Явились *варвары бесчисленные*, пришельцы от стран

никому неизвестных; подобно сим *тучам насекомых* [саранче], которые небо во гневе своем гонит бурю на жатву грешника“ (Кар.).

Вот еще *подобие* поэтическое, высокое Державина:

*Алмазны сыплется гора
С высот четырьмя скалами.
Жемчугу бездна и серебра
Кипит внизу, бьет вверх буграми.
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит –
Не так ли с неба время льется,
Кипит стремление страстей,
Честь блещет, слава раздается,
Мелькает счастье наших дней?*

Примеч. Там: *с высот* гора сыплется. – Здесь: *с неба* льется время, и четыре скалы [взятые, впрочем, с натуры Сунского водопада] невольно напоминают о четырех временах года. – Там: *внизу* кипит бездна сокровищ – а здесь: кипит стремление страстей, как будто также *внизу*, в низких душах, и как будто к сим же сокровищам... потому что *честь* блещет в воздухе как холм от брызгов, а *слава* раздается в народе как рев в лесу. И наконец: „*Мелькает счастье наших дней*“. Стих [буквально] *бесподобный! несравненный!* Ибо его подобие, то есть *сверканье падающих вод*, так живо являлось поэту, что он думал, будто все видят его и счел излишним говорить о нем.

§ 9. [IV] Пример (exemplum). В предложении вашем истина – ищите события или происшествия, которые случились точно так, как говорит ваше предложение. Для важных истин ищите *в истории, в молве народной, в преданиях*, а для обыкновенных можете искать *в сказках* и даже *в баснях*. Напр.:

Страсть к завоеваниям пагубна. *Пример из истории:* Так Ксеркс, желая завоевать Грецию, погубил войско. *Из молвы народной:* Так Наполеон, желая победить Россию, сам пал с высоты престола. – Или: Труд все преодолевает. *Пример из преданий:* Так Демосфен, родясь косноязычным, преодолел трудом сей недостаток природный и сделался величайшим оратором. – Или: Соревнование делает великим. *Из преданий:* Так Фукидид плакал от соревнования, слушая Геродота, и сам стал великим историком. – *Для обыкновенных истин:* мечтатели часто теряют и настоящее. *Пример из сказок.* Альнаскар. – Или: Кто шутит над другим, тот сам подвергается шуткам. *Из басен:* Так Лисица и Журавль угощают друг друга.

§ 10. [V] Свидетельство (testimonium). Слова Св. Писания, великого мужа, знаменитого писателя и даже достопамятные слова родителя, матери, подтверждающие вашу истину. Напр.:

Предложение: Должно почитать родителей. *Свидетельство:* Св. заповедь гласит нам: „Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет“.

IV.

**Обстоятельства. Уступление. Условие. Противное. Время.
Место. Признаки**

§ 1. [VI] **Обстоятельства** (*rationes rerum*) – разные отношения вашей мысли. Они, если кратки, служат к распространению простого периода и состоят в *ответах* на известные уже вам вопросы *кто? что? где?* и пр. Но к ним причисляются и следующие 6 источников.

§ 2. [VII] **Уступление** (*concessio*) есть некоторое исключение, ограничение или что-то невыгодное, отчасти противное вашему предложению, которым, однако ж, не отвергается главная истина. Напр.:

Предложение: Ваше правило справедливо. *Уступление:* хотя имеет исключения. – Он достиг своей цели. *Уступление:* хотя встречал множество препятствий. – Добродетель есть путь ко счастью. *Уступление:* хотя часто страждет в сем мире.

§ 3. [VIII] **Условие** (*conditio*) есть мысль или ограничивающая ваше предложение (как уступление – через частицы *если бы не*), или служащая ему основанием (как причина, без коей главное быть не может, с частицами *если, если бы*). Напр.:

Первый случай. Если бы ваше правило не имело исключений, то было бы совершенно справедливо. – Если бы он не встречал множество препятствий, то бы скорее достигнул своей цели.

Второй случай. *Предложение:* Гармония царствует во вселенной. *Причина:* Ибо рука Промысла правит оною. *Условие утвердительное:* Если гармония царствует во вселенной, то нет сомнения, что рука Промысла правит оной. *Условие, без которого главное быть не может.* Если бы рука Промысла хотя на минуту оставила править вселенной, то бы ее гармония обратилась в хаос.

§ 4. [IX] **Противное** (*adversativum*) – мысль совершенно противоположная или подлежащему, или сказуемому, или тому и другому вместе. Напр.:

Трудолюбие полезно, а праздность вредна. – Добродетель ведет к счастью, а порок к несчастью. – „Народы дикие любят независимость; народы мудрые любят порядок, а нет порядка без власти самодержавной“ (*Кар.*).

Примеч. Два предмета в резкой противоположности один с другим называются *контрастом*. Напр.: Медведь и муха. Или: „Где стол был яств – там гроб стоит“ (*Держ.*).

§ 5. [X] **Время** (*consecutio*) прекрасный и обильный источник. Рассматривайте его в трех отношениях к вашей мысли: а) в прошедшем, б) в настоящем, в) в будущем.

§ 6. В прошедшем должно искать таких событий, которые предшествовали вашей истине и служили ей поводом или началом. Напр.:

Когда истошились все средства к защите, крепость сдалась. – Когда прошло десять лет осады, Троя взята греками. – Когда наступило время жатвы, явились жатели. – Или слова *Державина*:

Юная <i>роза</i>	Вдруг от мороза
Лишь <i>развернула</i>	В лоне <i>уснула</i> ,
Алый шипок;	Свянул цветок.

§ 7. В *настоящем*, рассматривая предложение, можно находить современные события, очень близкие к вашей мысли *по сходству*, по *противоположению* и по другим отношениям... Или можно пользоваться *описанием* утра, вечера, дня, ночи, весны, лета, осени, зимы и пр. Напр.:

Между тем, как счастливые веселятся в блистающих чертогах, несчастный проливает слезы на голом камне. Или слова *Капниста*:

Уже со тьмою ночи	Я томно <i>лиру строю</i>
Простерлась тишина,	Пить скорбь, объявшу дух;
<i>Выходит</i> из-за рощи	Приди грустить со мною,
Печальная луна;	Луна, печальных друг!

Державина: Уже румяна осень *носит*
Снопы златые на гумно;
И роскошь винограду *просит*
Рукою жадной на вино.

§ 8. В *будущем* соображаются обстоятельства, долженствующие следовать одно за другим. Напр.:

Когда пройдет наша юность, тогда почувствуем ее утрату. – Когда достигнем зрелого возраста, будем служить Отечеству. Или *Державина*:

Придут, придут часы те скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанут грации трепать.

§ 9. [XI] Место (*locus*) может указать вам прекрасные, живописные мысли! Ибо все, что ни случается, происходит в *какое-нибудь время*, в *каком-нибудь месте*. Напр.:

В цветущей Андалузии, там, где шумят гордые пальмы, где величественный Гвадалквивир медленно катит свои воды, там я увидел *друга* (*Кар.*). У потов встречаются очень часто *местные картины*. Напр.: у *Державина*:

Под наклоненным кедром вниз,
При страшной сей красе природы,
На утлом пне, который свис
С утеса гор на яры воды,
Я вижу: некий муж седой
Склонился на руку главой...

Примеч. Вот картина, которую нарисовать можно! Это называется *красотою местною*, иногда *пластическою*, то есть удобною для живописи, для скульптуры и пр.

§ 10. [XII] **Признаки (signa).** Часто предмет или действие сопровождается признаками, приметам, очень естественными, очевидными; и сии признаки рождают новые прекрасные мысли. Напр.:

В темную ночь видите вдали огонек, *значит*, там есть жилье, люди... Видите дым, *значит*, там есть огонь. — Стада удаляются под тень от зноя. *Значит*, полдень. — Тени с гор становятся длиннее. *Признак* вечера. — Друг ваш смущается, потупляет взоры, щеки его покрываются румянцем. *Признак* стыда. — „Он стоял на дороге и смотрел вслед за мною; платок долго белелся в руках его“ (*Кар.*). *Признак*, что он плакал и отирал слезы.

V.

Качества. Принадлежности. Свойства. Действие и страдание. Имя

§ 1. [XIII] **Качества (qualitates, quale quid est?)** — случайности изменяющиеся, кои могут быть и не быть в предмете. *Наружные*: положение, наряд, цвет и пр. *Внутренние*: движение, покой, быстрота, медленность и пр.

§ 2. **Положение** предмета может быть *величественное, прелестное, живописное, смешное* и пр. и пр.

Величественное: „И нашла его [*Марфа Феодосия*] стоящего на коленях, пред уединенною хижиной; он совершал вечернее моление. — Молись добродетельный старец, — сказала она, — буря угрожает Отечеству. — Знаю, — отвечивал пустынный и с горестию указал на небо. Густая туча висела и волновалась над Новым Градом“ (*Кар.*).

Прелестное: „Опершись на щит железный, он воздремлет у тебя“. [*Марс у Эвтерпы*] (*Держ.*). — „И ей со вздохом и слезами, носок повеса, говорит“. [*Чиж Зяблице*] (*Дмитр.*).

Живописное: *Державин о волке*: „Огонь горит в его глазах / И шерсть на нем щетиной зрится“. — *Он же о коне*: „Крутую гриву, жарку морду / Подняв, хрипит, ушами прядет“. — *Он же о лани*: „Рога на спину преклоняет / И быстро мчится меж дерев“. — *Дмитриев о прахе Ермака*: „Или Остяк по нем бежит / За ланью робкой и рогатой, / Прицелясь к ней стрелой пернатой“.

Смешное: *Медведь Крылова караулит муху*: „Вот Мишенька, не говоря ни слова [*что-то замышляя и тайно*], Увесистый булыжник в лапы сгреб [*поскорее, чтоб не видали!..*], Присел на корточки!..“ [*Прячется от Мухи! Прошу взглянуть на его положение и не засмеяться.*]

§ 3. **Наряд** бывает иногда *величественный*, иногда *оригинальный*, иногда *забавный* и пр.

Величественный: „Россия одеена лучезарным сиянием, в неприступном величии: златовидный шлем осеняет чело Ея; на ней броня, как луч вечного солнца, и молнийный, всесокрушительный меч препоясует Ея чресла“ (Бакк.).

Оригинальный: у Дмитриева на двух сибирских шаманах:

„С булатных шлемов их висят
Со всех сторон хвосты змеины
И веют крилия совины,
Одежда из звериных кож,
Вся грудь обвешана ремнями,
Железом ржавым и кремнями,
На поясе широкий нож“ и пр.

Забавный: Волк Лермонтова одевается в пастушье платье:

„И посох взяв пастуший в лапу,
Привесил к поясу рожок,
На уши вздел широку шляпу“ и пр.

§ 4. Цвет предмета подает часто новые мысли. Павлин Державина служит лучшим образцом изменений и описаний цвета. Напр.:

Где ступит – радуги играют,
Где станет – там лучи вокруг,
Наклонит – изумруды блещут,
Повернет – яхонты горят.

§ 5. Внутренние качества, или изменяющиеся случайности, могут быть: *прочность и тленность, движение и покой, шум и тишина, быстрота, медленность* и пр. Напр.:

У Крылова: Зевс посылает лягушкам царя [чурбан]:

„Летит к ним с шумом царь с небес,
И плотно так он треснулся на царство,
Что ходенем пошло трясинно государство.
Со всех лягушки ног
В испуге пометались,
Кто как успел, куда кто мог“.

Сии качества могли быть иначе, но не могут быть лучше!

§ 6. [XIV] Принадлежности (attributa. Quid cui tribuitur?) то, что почти всегда вместе с предметом, и напоминает о предмете или предмет о нем. Сходны с признаками, но имеют свое отличие. Напр.:

Юпитер на Олимпе, и у ног его [всегда] орел держит в когтях грома. – Диана на охоте – и все спросят: где же нимфы и верные псы ее? Взгляните на павлина, и вспомните о Юноне. – Герой [должен быть] в шлеме, со щитом и мечем. – Пастух – со стадом. – Злодей – с мучением в сердце. – Добродетель – с кротким видом. – Весна – с зефирами. – Осень – с бореями.

Или Дмитриев говорит:

„Тавридец, чтитель Магомета,
Поклонник идолов калмык,
Башкирец с меткими стрелами,
С булатной саблею черкес“ и пр.

§ 7. [XV] Свойства лица (*proprietales, quid cui proprium?*) всегдашние неизменные отличия его: *наружность, характер*.

Наружность: „Святослав был среднего роста и довольно строен, но мрачен и дик видом, имел грудь широкую, шею толстую, голубые глаза, брови густые, нос плоский, длинные усы, бороду редкую, и на голове один клочок волос, в знак его благородства“ (Кар.).

Характер: „Румянцев мало верил слепому случаю и подчинял его вероятностям ума; казался отважным, но был только проницателен; соединял решительность с тихим и ясным действием ума; не знал ни страха, ни запальчивости; берег себя в сражениях, единственно для победы; чувствовал свою цену, но хвалил только других; отдавал справедливость подчиненным, но огорчился бы во глубине сердца, если бы кто-нибудь из них мог сравняться с ним талантами“ (Кар.).

§ 8. [XVI] Свойства бездушного предмета (*proprietales rei*) означают его всегдашнее, отличительное состояние или положение: вид, красоту, дикость. Напр.: *Луны бледность. Розы кратковременность. Волги величие. Кавказа мрачность*.

§ 9. [XVII] Действие и страдание (*actio et reactio vel passio*) – обильнейший и прекраснейший источник для изобретения мыслей. Все в мире действует или подвержено действию другой силы. (Часто оно приписывается отвлеченным и бездушным предметам, тогда составляет особое украшение.)

Действие лица: „Ужасный вид!

Они сразились, (Ермак с Мегметом-Кулом)

Их сабли молнией блестя,

Удары тяжкие творят,

И обе разом сокрушились –

Они в ручной вступили бой:

Грудь с грудью и рука с рукой,

От воплей их дубравы воют,

Они стопами землю роют,

Уже с них сыплет пот, как град,

Уже в них сердце сильно бьется,

И ребра обоих трещат,

То сей, то оный на бок гнется, (*слышно усилие со стоном*)

Крутятся и – Ермак сломил“ (Дмитр.).

Страдание лица: „Тут ослабел голос Михаила (*храброго*), взор помрачился облаком, бледные уста онемели, меч выпал из рук его, он затрепетал, взглянул на образ Вадимов и закрыл навеки глаза свои“ (Кар.).

Действие бездушного:

„Нерукотворная здесь Росская гора,

Вняв гласу Божию из уст Екатерины, (*прекрасный оборот мысли!*)

Прешла [во град Петров] чрез Невския пучины –

И пала под стопы Великого Петра!“ (Рубан).

§ 10. [XVIII] Имя (derivatio nominis) часто подает повод к мыслям новым, неожиданным и прекрасным. Напр.:

И внук Ольгин с вашими предками был прозван владельцем мира [*Владе-миром*] (Кар.).

VI.

Целое. Части. Род. Вид. Определение. Следствие

§ 1. [XIX] Целое (totum). Все в мире состоит из частей, а части все вместе составляют целое. Итак, целое вместо частей и все части вместо целого принять можно. Если предмет ваш есть часть какого-нибудь целого, то можете начать рассуждением о целом. Напр.:

Вы хотите говорить о *Москве* – скажите ж прежде что-нибудь вообще о *России*. – Хотите описывать *беседку*, *пруд* – обратите же взор наш сперва на целый сад.

§ 2. [XX] Части (partes) – один из прекраснейших и обильнейших источников. Ваш предмет есть целое, разделите его на части, и – сколько мыслей! Докажите каждую часть порознь, и ваше целое будет совершенно справедливо. Напр.:

Вся Россия угощает Екатерину Великую. *Державин* берет части: *Сибирь*, *океаны*, *леса*, *степи*, *Волгу*, *Тавр*, *Рифей* и пр., одушевляет их, дает им действие и заставляет угощать Екатерину [*чудесно!*]

Богатая Сибирь, *наклонись над столами*, [*потому что огромна*]

Рассыпала по ним и *злато* и *серебро*, [*свое произведение*]

Восточный, западный [*сошлись вместе для Екатерины*] седые океаны, [*два старца, покрытые седою пеной*]

Трясяся челами, [*вы видите дряхлость их и колебание воды*] держали редких рыб,

Чернокудрявый лес и беловласы степи, [*от белой травы, ковыля – вот эпители!*]

Украина, Холмогор *несли тельцов и дичь*,

Венчанна классами, хлеб Волга подавала [*не трогаясь с места, подавала чрез каналы*]

С плодами сладкими *принес* кошницу Тавр [*как юный невольник новой владычице своей*]

Рифей, нагнувшись, [*чего стоит ему нагнуться?*] в топазы, аметистны [*его собственные*] лил кубки мед. И пр.

§ 3. [XXI] Родом (genus) называется такое общее родовое понятие (notio generica), в котором заключаются многие меньшие понятия, то есть виды (species), как части в целом. Напр.:

Общее, родовое понятие: животное. Меньшие понятия, виды его: зверь, птица, рыба, человек. – Или общее понятие, род: растение. Виды его: дерево,

куст, трава. – Одно и то же понятие в отношении к обширнейшему может быть *видом*, а к теснейшему – *родом*. Птица в отношении к животному есть *вид*, а в отношении к орлу, соловью, павлину есть *род*.

§ 4. Если ваше предложение *частное* и составляет *вид* какого-нибудь *общего* понятия, *рода*, то можно сначала говорить о роде, потом перейти к видам. Напр.:

Великодушные есть краса героя. – Великодушные есть *вид* добродетели, так же как и герой есть *вид* вообще человека. Итак, вы сначала можете говорить вообще о добродетели и потом о великодушии, также вообще о человеке и в особенности о герое.

§ 5. [XXII] В и ды (species) как части могут быть раздробляемы и рождают тысячи новых и приятных мыслей. Напр.:

Надежда утешает человека. – Человек есть *род*. *Его виды*: царь, земледелец, мореходец, нищий, узник, страждущий и пр. Итак, надежда утешает царя на троне, земледельца на ниве, пловца в волнах моря, нищего в рубище, узника в темнице, печального в горести, страждущего в болезни и пр. [*и все человека*].

§ 6. [XXIII] Определение (definitio, determinatio) – самый труднейший и полезнейший из всех источников изобретения. Кто научится определять предметы, тот будет ясно понимать их и доказывать. Неправильное определение влечет ложные заключения.

§ 7. Вот способ составлять определение: отнесите *предмет* ваш к ближайшему роду (или целому), которого он составляет вид (или часть), и найдите в *предмете* вашем то *частное отличие* (differentiam specificam), которое одному только ему из всех видов того же рода бесспорно принадлежит. Напр.:

Что есть человек? (Ближайший род его есть *животное*.) Чем же отличается он от всех животных? (Разумом, даром слова и бессмертною душою.) Итак, *определение*: „Человек есть животное, одаренное разумом, словом и бессмертною душою“. – Что есть земледелец? (Ближайший *род* его – человек, а *частное отличие* – возделывание полей.) Итак, *определение*: „Земледелец есть человек, трудящийся над возделыванием полей“. Определите ж сами: Что есть мореходец? – Что есть воин? – Что есть ученик? и вспомните: Что есть грамматика? – Что есть риторика?..

§ 8. [XXIV] Следствие (conclusio) есть мысль или заключение, выводимое из всякой теоретической истины на вопрос: *Что из сего следует?* Напр.:

Праздность вредна. *Что из сего следует?* Должно удаляться оной. – Трудолюбие полезно. *Что из сего следует?* Должно трудиться. – Источники изобретения открывают новые мысли. *Что из сего следует?* (Подумайте сами.)

§ 9. Вот все 24 источника изобретения! Начинаящий писать с данным *предметом* или *предложением*, может прийти к ним и

почерпать мысли лучшие, новые, прекрасные – сначала для составления *сложных периодов*, а потом для распространения *описаний* и для доказательства *рассуждений*.

§ 10. Может быть, и для составления больших сочинений, всех видов прозы юный талант прибегнет к сим же источникам, но тогда он должен смотреть на них глубокомысленнее, проницательнее, нежели начинающий. Может быть...

Отделение II. ПЕРВОЕ СОЕДИНЕНИЕ МЫСЛЕЙ

Sunt certi denique fines,
Quos ultra citraque nequit consistere rectum. *Hor.*¹⁷

VII.

Сложные периоды. [I] Винословный

§ 1. Вы учились думать, то есть находить мысли, предложения, посмотрите же, как они соединяются – сперва в известных пределах, в *периодах*, а потом – свободно, в *хорошей прозе*.

§ 2. Для *первого соединения* предложений реторика полагает 12 форм или *сложных периодов*. – *Сложный период есть полное, гармоничное соединение двух, трех и четырех предложений, удовлетворяющих разуму, слуху и вкусу.*

§ 3. В сложном периоде предложения бывают: *главное* (*principālis*) – то, которое дано или избрано в основание периода; *прибавочное* (*accessoria*) – то, которое выведено из главного; их может быть два и три в периоде (но не более) и каждое составляет член периода; *вброшенное* (*interjecta*) – то, которое служит к дополнению подлежащего или сказуемого; оно отделяется запятыми и не составляет члена. Напр.:

„Александр Македонский, [победив весь свет], не мог победить самого себя, *ибо легче побеждать народы, нежели свои страсти*“. Тут 3 предложения: главное [*прямые буквы*], прибавочное [*косые*], вброшенное [в скобках]; но членов только два. – Или: „ГОМЕР, [которому по смерти воздвигли храмы], НЕ ИМЕЛ ПРИСТАНИЩА В ЖИЗНИ, *ибо великие таланты возбуждают зависть, а слава живущих подвержена гонению*“. Тут 4 предложения: главное [*большие*

¹⁷ Есть, наконец, определенные пределы, выйти из которых разумное не может. *Гораций*. Сатиры (I, 1, 106–107). В переводе М. Дмитриева: „Всему есть такие пределы, дальше и ближе которых не может добра быть на свете!“.

буквы], вброшенное [в скобках], а два прибавочные означены прямыми и косыми буквами. Членов только 3.

§ 4. Сложный период всегда имеет две части: *повышение* (protasis) и *понижение* (apodosis). В нем, сверх главного предложения, должно быть одно, а могут быть два и три прибавочных. И потому он бывает *двухчленный, трехчленный и четырехчленный*, но не более. (Est modus in rebus.¹⁸) Части отделяются *двумя точками*, а члены – *точкою с запятой*.

Примеч. Период значит *круг*, совершеннейшую из фигур математических. Главное предложение есть как бы центр круга. Две части разделяют его как поперечник. Четыре члена составляют окружность, и каждый заключает по 90 градусов, то есть совершенно равны между собою. Но как нет ничего совершенного, то части и члены не всегда бывают равны между собою, и самые периоды не всегда пишутся обширно. – Однако ж кому не лестно приблизиться к совершенству?..

§ 5. Написать сложный период значит к данному предложению приискать *по требованию* другое (а, может быть, найдется третье и четвертое) и соединить сии мысли между собою не только *грамматическим и логическим*, но и *реторическим образом*.

Грамматическое соединение состоит в правильности языка; *логическое* – в согласии мыслей со здравым умом или *логикой*, а *реторическое* требует красоты слов, соразмерности их в каждом предложении и *удовлетворительного окончания*.

§ 6. Для реторического соединения каждый период имеет особые частицы, но мысли, рождаясь одна из другой, сами собою тесно соединяются, следственно, частицы могут быть и не быть в периоде.

§ 7. Сложные периоды, по различию прибавочных предложений, и названия имеют разные, а именно: 1) *винословный*, 2) *сравнительный*, 3) *уступительный*, 4) *условный*, 5) *противоположный*, 6) *соединительный*, 7) *разделительный*, 8) *последовательный*, 9) *постепенный*, 10) *относительный*, 11) *изъяснительный*, 12) *заключительный*.

§ 8. [I] В *инословный* период (periodus causalis) требует, чтобы в прибавочном предложении была *причина*, почему главное справедливо (см. ист. изобр. [I], разд. 3, § 5). Сия причина большею частию бывает в последней части периода в *понижении* и соединяется с главным предложением через частицы *ибо, поелику, потому что, для того что, затем что* и подобные. Напр., *Карамзин*:

¹⁸ Есть мера в вещах. *Гораций*. Сатиры (I, 1, 106) (начало предыдущей цитаты). В переводе М. Дмитриева: „Мера должна быть во всем“.

Предложение: Хлебопашество вывело славян из дикого состояния. Причина: Оно вселяет любовь к Отечеству: – „Славяне издревле упражнялись в хлебопашестве [1-й член]; оно вывело их – может быть, еще за несколько веков до Рождества Христова – из дикого, кочевого состояния [2-й член и 1-я часть]: ибо сие благодетельное искусство было везде первым шагом человека к жизни гражданской [3-й член]; вселило в него привязанность к одному месту и к домашнему крову, дружество к соседу и, наконец, самую любовь к Отечеству [4-й член и удовлетворительное окончание]“.

§ 9. Но если причина заключается в первой части периода в *по-вышении*, то частицы, соединяющие ее с главным предложением, бывают: *поелику... то...; так как... то...; а как... то...* (Таковые периоды встречаются в деловых бумагах.) Напр.: Постановление о Лицее, § 72.

Предложение: Закон Божий отнестъ к нравственности. Причина: он служит дополнением сей науки. – „Поелику Закон Божий есть самое высшее дополнение нравственности, и, так сказать, краеугольный камень всех гражданских установлений [1-я часть]: то обучение его и нельзя свойственное отнести, как к разряду наук нравственных [период двучленный]“.

§ 10. Часто *винословный период* бывает без всяких частиц: мысль сама собою показывает причину. Напр., *Батюшков, из Тасса:*

Предложение: Все готово к битве и самый конь. Причина: ибо он являет бодрость. – „Натянуты луки, обращены копья, сверкают дротики, пращи крутятся, самый конь жаждет кровавой битвы [1-я часть, следует причина без частицы]: он разделяет ненависть и гнев ожесточенного всадника [2-й член]; он роет землю, бьет копытами, ржет, крутится, раздувает ноздри и дымом и пламенем пышет [3-й член и удовлетворительное окончание: прекрасны признаки бодрости коня]“.

VIII.

[II] Сравнительный. [III] Уступительный

§ 1. [II] Сравнительный *период* (*periodus comparativa*) требует, чтобы в прибавочном предложении было или *сравнение*, или *подобие*, или *пример*, или *свидетельство* (см. ист. изобр. [II, III, IV и V], разд. III, §§ 5–10). Частицы сего периода: *как... так...; равным образом; подобно; сколько... столько...; чем... тем...; не столько... сколько...* и пр. Бывает и без частиц.

§ 2. От *сравнения* царя с царем – период четырехчленный, сравнительный, без частиц, *Филарета:*

„И кроткий Давид имел Иоава и Семеня [1-й член]; не дивно, что имел их и Александр Благословенный [2-й член и 1-я часть]: в царствование Давида прозябли сии плевелы, и преемнику его досталось очищать от них землю Израиле-

ву [3-й член]; что ж, если и преемнику Александра пал сей жребий Соломона? [4-й член и удовлетворительное окончание]“.

От *сравнения* гения с гением – период четырехчленный, без частиц, *Батюшкова*. Предложение: *Ломоносов велик в словесности*. Сравнение: *так, как Петр на поприще гражданском*. „Петр Великий пробудил народ, усыпленный в оковах невежества [1-й член]; он создал для него законы, силу военную и славу [2-й член и 1-я часть]: Ломоносов пробудил язык усыпленного народа [3-й член]; он создал ему красноречие и стихотворство, испытал его силу во всех родах и приготовил для грядущих талантов верные орудия к успехам [4-й член длинен для удовлетворительного окончания]“.

§ 3. *Сравнительный от подобия* – период четырехчленный, с частями, *Карамзина* (Похв. Сл. Ек.):

„Как искусный художник, сотворив хитрое орудие и приводя его в движение, еще не опускает творческой руки своей [1-й член]; но, внимательно наблюдая, прибавляет, чего недостает к совершенству одного [2-й член и повышение]: так Великая Екатерина, исполнив мудрое свое учреждение, еще не успокоилась от трудов законодательных [3-й член]; но спешила увенчать их новыми [4-й член краток для окончания]“.

От *подобия* – период трехчленный, *Баккаревича*: „Как орел с высоты эфирной пронизает быстрым оком в моря и пропасти [1-й член и повышение]: так монарх с высоты престола своего объемлет взором всю обширность пространного своего владычества [2-й член]; и обозревает все части государственного устройства [3-й член прибавлен для удовлетворительного окончания]“.

§ 4. От *подобия* – период двучленный, сравнительный, с частицами, *Карамзина* (Мел. к Фил.):

„Сердце мое отвергает ужасные мысли и сквозь густоту ночи стремится к благотворному свету [1-я часть]: подобно мореплавателю, который в гибельный час кораблекрушения, в час, когда все стихии угрожают ему смертию, не теряет надежды, сражается с волнами и хватается рукою за плывущую доску [2-я часть и окончание]“.

От *подобия* – период четырехчленный, *Карамзина*: [о лучшем времени жизни] „Здоровье, столь мало уважаемое в юных летах, делается в летах зрелых истинным благом [1-й член]; самое чувство жизни бывает гораздо милее тогда, когда уже пролетела ее быстрая половина [2-й член и повышение]: так остатки ясных осенних дней располагают нас живее чувствовать прелесть природы [3-й член]; думая, что скоро все увянет, боимся пропустить минуту без наслаждения [4-й член и окончание]“.

§ 5. От *примера* – период сравнительный, четырехчленный, без частиц, *Карамзина* (Мел. к Фил.):

„Истинный мудрец благословляет мудрость свою для того, что может сообщить ее ближним [1-й член]; иначе, смею сказать, будет она бременем для его человеколюбивой души [2-й член и 1-я часть]: Александр не принял сосуда с водою и не хотел утолять жажды своей тогда, когда все воинство его томилось [3-й член]; в сию минуту был он подлинно великим Александром [4-й член]“.

§ 6. От *примера* – период сравнительный, четырехчленный, без частиц, *Карамзина* (Похв. Сл. Ек.):

„Беспримерные подвиги сей войны украсили книгу российского дворянства тремя именами славы [*1-й член*]; Рим имел сципионов африканских, азиатских [*2-й член и 1-я часть*]; Екатерина воскресила сию награду, достойную ее величия [*3-й член*]; и Россия имеет своего задунайского, чесменского, крымского [*4-й член и конец*]“.

§ 7. От *свидетельства* период сравнительный, трехчленный, с частицами, *Карамзина* (Ист. Гос. Рос.):

„Государство, основанное на завоеваниях, уже доказывает необыкновенную храбрость народа [*1-й член*]; она была добродетелию наших предков [*2-й член и повышение*]; таким образом, одно слово любимого вождя „станем крепко, не посрамим земли Русския“ вселяло в них решимость победить или пасть на поле чести [*3-й член и удовлетворительное окончание*]“.

§ 8. [III] Уступительный (*periodus concessiva*) заключает в прибавочном предложении некоторое *ограничение* или *исключение*, которым однако ж не отвергается, но подтверждается главное предложение (см. ист. изобр. [VII], разд. IV, § 2). Частицы сего периода: *хотя, пусть, правда, положим, скажут – однако ж, но* и пр.

§ 9. От *ограничения* период уступительный трехчленный, *Карамзина* (Ист. Гос. Рос.). *Предложение: Анастасия* (супруга Иоанна) *не изменилась с обстоятельствами. Уступление: хотя воспитана в тишине уединения.*

„Хотя Анастасия, воспитанная без отца, в тишине уединения, увидела себя как бы действием сверхъестественным перенесенную на театр мирского величия [*1-й член и повышение*]; однако не забылась, не изменилась в душе с обстоятельствами [*2-й член*]; и, все относя к Богу, поклонялась Ему и в царских чертогах так же усердно, как в смиренном, печальном доме своей вдовы матери [*3-й член и окончание*]“.

§ 10. От *исключения* – период уступительный, трехчленный, с частицами, *Карамзина* (Ист. Гос. Рос.):

„Хотя благое намерение царя [Иоанна] не исполнилось совершенно от недоброжелательства любчан и правительства Ливонского, после им жестоко наказанного [*1-й член и повышение*]; однако многие из немецких художников, оставленных в Любеке, вопреки запрещению императора и магистра Ливонского, умели тайно проехать в Россию [*2-й член*]; и были ей полезными в важном деле гражданского образования [*3-й член и окончание*]“.

IX.

**[IV] Условный. [V] Противоположный. [VI] Соединительный.
[VII] Разделительный**

§ 1. [IV] Условный период (conditionalis) требует, чтобы в прибавочном предложении было *условие* (см. ист. изобр. [VIII], разд. IV, § 3). Частицы сего периода: *если, если бы... то, то бы...*

§ 2. Период условный, четырехчленный, *Карамзина*. Предложение: *Владимир основал здесь храм Богу*. Условие: *Если глаза мои видят здесь храмы*.

„Если глаза мои, обращаясь на все концы вашего града, видят повсюду златые кресты великолепных храмов святой веры [1-й член]; если шум Волхова напоминает вам тот великий день, в которой знаки идолослужения погибли с шумом в быстрых волнах его [2-й член и 1-я часть]: то вспомните, что Владимир соорудил здесь первый храм истинному Богу [3-й член]; Владимир низверг Перуна в пучину Волхова [4-й член и конец]“.

§ 3. [V] Противоположный (periodus adversativa) требует в прибавочном предложении мысли противной или подлежащему, или сказуемому, или тому и другому вместе (см. ист. изобр. [IX], разд. IV, § 4). Частицы сего периода: *но, напротив, а*. Часто бывает и без частиц.

§ 4. Период противоположный, двучленный – от противного сказуемому, с частицею. *Батюшкова*:

„Обозревая мысленно обширное поле словесности, необъятные труды и подвиги ума человеческого, драгоценные сокровища красноречия и стихотворства, я с горестию познаю и чувствую слабость сил и маловажность занятий моих [1-й член и повышение]: но утешаюсь мыслию, что успехи и в малейшей отрасли словесности могут быть полезны языку нашему [2-й член и конец]“.

§ 5. От противного подлежащему период двучленный, без частиц, *Карамзина*:

„Юноша, волнуемый темными желаниями, беспокойный от самого избытка сил своих, с небрежением ступает на цветы, которыми природа и судьба украшают стезю его в мире [1-й член и 1-я часть]: человек, искушенный опытами, в самых горестях любит благодарить Небо со слезами за малейшую отраду“.

§ 6. От противного подлежащему и сказуемому – период четырехчленный, *Карамзина*:

„Самолюбие грубое довольствуется и немой хвалою [1-й член]; она нема, когда не изъясняет своего предмета [2-й член]; но самолюбие нежное требует хвалы красноречивой [3-й член]; она красноречива, когда изображает хвалимое [4-й член]“.

§ 7. [VI] Соединительный (copulativa) употребляется тогда, когда в предложении бывают два и три сказуемые: из каждого сказуемого составляется распространенное предложение и соединяется с подлежащим союзом *и, не только не... но и...*

§ 8. Период соединительный, двучленный, *Карамзина*. Предложение: *Иоанн занимался войною и законодательством*. Здесь два сказуемых и два члена:

„Желая уподобиться во всем великому Иоанну III, желая, по его собственному слову, быть Царем правды, Иоанн IV не только острил меч на врагов иноплемennых [*вот 1-й член и 1-я часть, но в соединительном периоде она редко отделяется двумя точками, чаще точкою с запятою, как член*]; но в цветущей юности лет занялся и тем важным делом государственным, для коего в самые просвещенные времена требуется необыкновенных усилий разума и коим немногие венценосцы приобрели истинную бессмертную славу, — законодательством“.

§ 9. [VII] Разделительный (periodus disjunctiva) употребляется тогда, когда из главного предложения выводятся два и три разные следствия (см. ист. изобр. [XXIV], разд. V, § 8), и когда сии разные предложения соединяются союзом *или*.

§ 10. Пример разделительного четырехчленного периода, *Филарета*:

„Государство, оставив Бога, может быть некоторое время оставлено самому себе, по закону долготерпения [*1-й член и повышение*]; или в ожидании его исправления [*2-й член*]; или в орудие наказания для других [*3-й член*]; или до исполнения меры его беззаконий [*4-й член и понижение*]“.

X.

[VIII] Последовательный. [IX] Постепенный.

[X] Относительный. [XI] Изъяснительный

и [XII] Заключительный

§ 1. [VIII] Последовательный (consecutiva) требует, чтобы прибавочное предложение состояло из обстоятельств предшествовавших или современных и тесно соединялось с главным предложением (см. ист. изобр. [X], разд. IV, §§ 5–8). Частицы сего периода: *когда... тогда...; между тем как*. Бывает и без частиц.

§ 2. *Последовательный* период четырехчленный с частицами, *Батюшкова*. Предложение: *Северные народы выходили из логовищей*. Обстоятельство современное: *Когда наступала зима*.

„Когда зима останавливала реки, рассыпая иней и снега [*1-й член*]; когда воды превращались в лед и море являло вид безмерной, снежной пустыни

[2-й член и повышение]: тогда дикие чада Севера выходили из логовищей своих [3-й член]; и пролагали путь по морям гиперборейским к новым пустыням, к новым лесам [4-й член и понижение]“.

§ 3. [IX] Постепенный (ordinata) употребляется тогда, когда в сказуемом заключаются обстоятельства, постепенно одно за другим следующие через частицы: *во-первых, потом, далее, наконец* и подобные (см. ист. изобр. [X], разд. IV, §§ 5–8).

§ 4. Пример *постепенного* четырехчленного периода с частицами:

„Самая природа, сохраняя разнообразие и постепенность, сперва оживляет землю дыханием весны [1-й член]; потом позлащает нивы знойным солнцем лета [2-й член и половина]; далее, обременив деревья плодами, истощает деятельность в бурных ветрах осени [3-й член]; и, наконец, успокаивает землю под снежным покровом зимы [4-й член и окончание]“.

§ 5. [X] Относительный (periodus relativa) употребляется тогда, когда прибавочное предложение ссылается на лицо, на место или другое обстоятельство, тесно соединенное с главным через слова: *кто – тот; где – там; куда – туда*; или повторяя дважды: *там – там; туда – туда*.

§ 6. Относительный четырехчленный период с частицами, Карамзина:

„Туда, где река Прут вливает быстрые воды свои в Дунай [1-й член]; туда, где Великий Петр, окруженный неверными, отчаялся быть победителем и требовал мира [2-й член и повышение]: туда гений Екатерины привел Румянцева [3-й член]; и поставил его между врагами бесчисленны [4-й член и окончание]“.

§ 7. [XI] Изъяснительный (explanativa) требует, чтобы в прибавочных предложениях подробнее излагалось или изъяснялось то, что сказано в главном предложении через частицы: *так, что; таким образом, что; столько, что* и т. п.

§ 8. Период изъяснительный трехчленный с частицами, Карамзина:

„Сильная мысль, истина, красота образа, выразительное слово, внезапно представляясь уму, оживляют душу [1-й член]; и наполняют ее чистым, полным, ей сродным удовольствием [2-й член и повышение]: *так, что* она в сии счастливые минуты забывает вовсе иное земное счастье [3-й член и окончание]“.

§ 9. [XII] Заключительный (periodus conclusiva) требует, чтобы в прибавочном предложении было следствие или заключение, выведенное из главного предложения (см. ист. изобр. [XXIV], разд. V, § 8). Частицы сего периода: *итак, посему, следовательно, одним*

словом, из сего следует заключить и т. п. Сей период большею частью употребляется в конце рассуждений. Пример:

Период заключительный двучленный: „Частная риторика, основываясь на сих главных правилах общего расположения, показывает удобнейший и легчайший путь к достижению предположенной цели [1-й член и повышение]: следственно, частное расположение всех прозаических сочинений относится к частной риторике, где рассматриваются все виды прозы [2-я часть и окончание]“.

§ 10. Вот все 12 периодов или способов соединять два, три и четыре предложения, но не больше. Сия *постепенная точность* для начинающих необходима, она приучает к правильному соединению мыслей, к соразмерности в словах и выражениях и к некоторому отчету.

Примеч. Периоды простые можно уподобить азбуке, сложные – складам, начала прозы – чтению слов. Кто хочет правильно читать слова, тот должен твердо выучить склады. Желаящий писать правильно должен прежде научиться составлять периоды.

XI.

Переходы от периодов к прозе

§ 1. Переходы от периодов к прозе имеют свои постепенности: 1) период *разнообразный*, 2) период *продолженный*, 3) речь *непрерывную* и 4) речь *продолженную*.

§ 2. *Разнообразный* период (*multiformis, mixta*) все еще сохраняет две части и число членов не выше *четырех*, но в нем прибавочные предложения бывают не одного периода, а разных. Напр.:

Период *разнообразный* *четырехчленный* *Карамзина*.

Предложение: *Петр рожден с гением.*

„Если бы Петр родился государем какого-нибудь острова, удаленного от всякого сообщения с другими государствами, то он в природном уме своем нашел бы источник полезных изобретений и новостей для блага подданных [здесь кончится повышение, два члена и один другому служат условием]: но, рожденный в Европе, где цвели уже искусства и науки во всех землях, кроме русской, он должен был только разорвать завесу, которая скрывала от нас успехи ума человеческого [во 2-м члене противоположность первой части]; и сказать нам: смотрите! сравняйтесь с ними, и потом, если можете, превзойдите их [кончится понижение и 4-й член взят от соединительного]“. Итак, сей период состоит из частей *условного, противоположного и соединительного*.

Другой пример периода *разнообразного*, *четырехчленного*, *Карамзина*.

Предложение: *Вера сохранила бытие нашего Отечества.*

„Если мы в два столетия, ознаменованные духом рабства, еще не лишились всей нравственности, любви к добродетели, к Отечеству; то прославим дейст-

вие веры [*здесь два члена, повышение и условие*]: она удержала нас на степени людей и граждан, не дала окаменеть сердцам, ни умолкнуть совести [*в 3-м члене причина*]; в унижении имени русского мы возвышали себя именем христиан и любили Отечество как страну православия [*здесь конец и изъяснение*]⁴. Итак, сей период состоит из частей *условного, винословного и изъяснительного*.

§ 3. **Продолженный период** (periodicon) соблюдает только вид периода, но в нем части исчезают и число членов не ограничено.

Пример *продолженного* периода, который имеет вид *последовательного* и состоит из 7 членов. *Карамзина*:

„Уже орлы наши парили под небесами Востока [*1-й член*]; уже крылатая молва несла в страны великого могола имя российской монархини [*2-й член*]; уже воинство наше, то подымаясь к облакам на хребте гор туманных, то опускаясь в глубокие долины, дошло до славных *врат каспийских* [*3-й член*]; уже *стена кавказская*, памятник величия древних монархов Персии, расступилась перед оным [*4-й член*]; уже смелый вождь его принял серебряные ключи Дербента из рук старца, который в юности своей вручал их Петру Великому [*5-й член*]; и сей град, основанный, по восточному преданию, Александром Македонским, осенился знаменами Екатерины [*6-й член*]: когда всемогущая судьба пресекла дни монархини и течение победы ея [*7-й член*]⁵.

§ 4. **Речь непрерывная** (pneuma) есть соединение двух-трех предложений в одну такую *общую мысль*, которая может быть произнесена одним разом, одним духом (impetu, ore uno). Напр.:

„Болгары, заключив мир с Владимиром, утвердили клятву сими простыми словами: Разве тогда нарушим договор, когда камень станет плавать, а хмель тонуть на воде“ (*Кар.*).

§ 5. **Речь продолженная** (oratio non periodica) есть соединение многих предложений в одну такую *общую мысль*, которая не может быть произнесена одним духом и требует остановок. — Это начало *прозы*. Напр.:

Пример продолженной речи, *Карамзина*. Общая мысль: *Адашев, испытывай все и доноси мне истину*.

„Алексий! Ты не знатен и не богат, но добродетелен; ставлю тебя на место высокое, не по твоему желанию, но в помощь душе моей, которая стремится к таким людям, да утолите ее скорбь о несчастных, коих судьба мне вверена Богом! Не бойся ни сильных, ни славных, когда они, похитив честь, беззаконствуют, да не обманут тебя и ложные слезы бедного, когда он в зависти клеветает на богатого; все рачительно испытывай и доноси мне истину, страшася единственно суда Божия“.

§ 6. У древних классических народов были только два способа *соединять* мысли — *стихи и периоды*. Стихи, имея строгую меру стоп, назывались *ligata oratio*, *связанною речью*; периоды, не имея строгой меры, назывались *soluta oratio*, *свободною речью*.

У древних были только поэты и ораторы, *прозаиков* не было. Философы и историки считались больше мудрецами, чем писателями. – В Средние веки подражали древним, и *ученые* писали также *стихами* и *периодами*. – Однако ж периоды, хотя и *свободная речь*, имеют *свои* части, *свои* члены, *известную* полноту слов и выражений, плавность, гармонию, удовлетворительность окончаний и требуют *учения* реторики.

§ 7. Но люди *неученые* хотели также писать и писали – *как умели*, *наудачу* – может быть, иные с приятностью и со вкусом. Тогда *ученые* отличили *сей способ* писать от *периодов* и назвали его *больше*, *нежели* *soluta oratio*, то есть *pro soluta*. – Сие слово сократилось, испортилось и стало – *проза*.

Может быть, *ученые* дали это имя прозе с некоторым презрением как новизне, в то время ими не одобряемой, ибо выражения *homo prosaicus, vita prosaica*¹⁹ означают все слишком обыкновенное, пошлое и *как будто* презренное.

§ 8. Может быть, свойство *классических* языков, исполненных гармонии, требовало *только* стихов или периодов. Может быть, того требовал самый *навык* древних *всегда* излагать мысли во всей полноте и стройности обдуманых периодов. То ли или другое, но *проза*, им неприятная, не признана ими в *реториках* правильным способом *соединять* и *выражать* мысли.

§ 9. Новейшие языки – иные больше, иные меньше – способны к периодам. *Наш русский* равно приятен и в периодах *Ломоносова*, и в прозе *Карамзина*: – „*Пой, Карамзин, и в прозе глас слышен соловьин*“ – звуки *Державина*.

Примеч. „*И в прозе!*“ – что это значит? Не то ли что: „*и в рубище почтенна добродетель?!..*“ Простим поэтам: они улаживают жизнь нашу. Заметим лучше, что если бы периоды и меньше были свойственны языку русскому, то и тогда не следовало бы исключать их из *наших* реторик, ибо они для начинающих *единственный путь* к здоровому, стройному и приятному *соединению* мыслей и при том необходимы для узнавания *изящной* прозы.

§ 10. Итак, *третий* способ *соединять* мысли в *прозе* найден в Средние веки и древним был неизвестен, а учеными Средних веков презрен (*они не знали изящной прозы!.. и гнали безграмотную...*). Посему ни в древних реториках, ни в новых нет об ней ни слова.

Но в наше время *проза* достигла *изящества*, ее употребление сделалось всеобщим, имя *прозаика* отличилось от имени оратора и поэта, и я, *угадывая общее желание и дух времени*, считаю должным в реторике *нашего века* показать ее начала.

¹⁹ Прозаический человек, прозаическая жизнь.

ХII.

Начало изящной прозы

§ 1. Прозу противопоставляют стихам, но забывают, что древние противопоставляли стихам не прозу, которой не знали, а периоды, и что в Средние века – когда узнали прозу – противопоставляли ее не только стихам, но и периодам. Должно отличать прозу *безискусственную* (*безграмотную*) от *изящной*.

Безграмотная не знает никакого искусства, *изящная* употребляет все усилия, чтобы казаться *безискусственной*. – Обе согласны в том, что ни та, ни другая не употребляют ни стихов, ни периодов, но *первая* потому, что их не знает, *вторая* – потому, что хочет от них отличиться. *Первая* не умеет писать, *вторая* пишет *новым* способом *между* стихами и периодами. *Первая* редко нравится, *вторая* пленяет нас и часто восхищает как поэзия.

§ 2. *Изящная проза есть счастливое, гармоническое соединение плавности периодов с мерою стихотворной*. – Она соединяет мысли свободно, в какой-то *умственной связи*, не стесняясь правилами ни стихов, ни периодов, но не заимствуя нечто от обоих, по внушению разума, нежного слуха и вкуса. Напр.:

Карамзин: „Он семьдесят лет служил Отечеству: мечом, советом, добродетелью и, наконец, захотел служить Богу единому в тишине пустыни; торжественно простился с народом на *вече*, видел слезы добрых сограждан, слышал сердечные благословления за долговременную Новгородскую верность его, сам плакал от умиления и вышел из града. Златая медаль его висела в Софийской церкви, и всякой новый посадник украшался ею в день избрания“.

Другой пример изящной прозы, *Карамзина*: „Старец дрожащею рукою снял булатный меч, на стене висевший, и, вручая его Милославу, сказал: вот последний остаток мирской славы в жилище отшельника! я хотел сохранить его до гроба, но отдаю тебе. Ратмир, предок мой изобразил на нем золотыми буквами слова: *никогда врагу не достанется!*.. Мирослав взял сей древний меч с благоговением и гордо отвечивал: исполню условие!“

§ 3. *Проза*, подобно периодам, не только есть способ *соединять* мысли, но и *выражать* их. Следственно, бывает слог не только *периодический*, но и *прозаический* (см. разд. XXVII, §§ 1, 2, 5, 6). – Как способ *соединять* мысли, она имеет некоторые *общие правила*, *необходимые* для начинающих.

§ 4. *Первое правило: слова и выражения должны следовать за идеями и представлениями*. – То есть в каком порядке являются идеи и картины, так идут в прозе слова и предложения. Напр.:

„На бодром коне, белом как снега скандинавские (*вот как следуют идеи прозаика*), далеко опередил (*кто? и кого?*) Оскольд первые ряды являющегося воинства“ (*М. Н. Муравьев*).

§ 5. *Второе правило: каждое слово должно быть на своем месте.* – Лучшим прозаикам это известно. У них должно учиться узнавать места слов. – Слова не на *своем* месте, хотя не изменяют значения, но, кажется, теряют половину ясности и силы. Напр.:

Вот три сряду выражения *Карамзина*, я перемену места слов, и что будет?..
„Сильнее истина воображения; чувство красноречия разительнее – и действие таланта моего слабого возвысит, о Россияне! сердце ваше“. Слова те же, но исчезла сила и потеряна ясность сих прекрасных мыслей: „Истина сильнее воображения, чувство разительнее красноречия – и ваше сердце, о Россияне! возвысит действие моего слабого таланта“.

§ 6. *Третье правило: одинаковые мысли сряду требуют одинаковых оборотов, действительных или страдательных.* Напр.:

„Душа их [с кем росли и живем] *сообразуется* с нашею, *делается* некоторым ее зеркалом, *служит* предметом или средством наших моральных удовольствий и *обращается* в предмет склонности для сердца“ (*Кар.*). – Это чаще случается тогда, когда к одному подлежащему относятся *многие одинаковые* сказуемые.

§ 7. *Четвертое правило: в двух сравниваемых или противоположаемых предметах слова должны быть почти в одинаковом порядке.* Напр.:

„Народы дикие любят независимость, народы мудрые любят порядок, а нет порядка без власти самодержавной“ (*Кар.*).

§ 8. *Пятое правило: всякое лишнее слово в прозе есть бремя для читателя.* В стихах *иногда* извиняют для меры, для рифмы, в периодах – для ораторской полноты и течения речи, а в прозе нет подобных изменений.

Примеч. Лишними словами у нас в русском часто бывают местоимения, особенно личные и притяжательные. Напр.: „Я снимаю свою шляпу и кланяюсь“. (Иной подумает, будто хочу сказать: я не в чужой шляпе, и не снимаю с другого, чтоб поклониться, не ломая своей, а всему виною лишнее притяжательное *свой*.)

§ 9. *Шестое правило: останавливать читателя там, где ему легко остановиться.* Располагать слова, выражения и знаки препинаний так, чтобы чтение было легко и приятно. Напр.: *Карамзин*:

Юный Борис,
окруженный единственно малочисленными слугами,
был еще в стане,
на реке Альте.

*Убийцы ночью приблизились к шатру его,
и, слыша,
что сей набожный юноша молится,
остановились.*

§ 10. *Седьмое правило: всякая страсть говорит своим языком, быстро или медленно. Должно соразмерять краткость или полноту выражений с движением духа, с действием страстей. Словом, многое должно заимствовать от периодов, многое – от меры стихотворной, а все – от здравого ума, природы, нежного слуха и вкуса.*

Примеч. 1. Вот почему изящная проза едва ли не труднее и стихов и периодов, ибо там есть причины к извинению, здесь – нет никаких; здесь все должно быть на *своем* месте, естественно, занимательно. Вот почему изящная проза редка и является после поэзии и ораторского искусства.

Примеч. 2. Дальнейшее исследование прозы как способа *выражать* мысли принадлежит слогу, о котором увидим в своем месте.

II. РАСПОЛОЖЕНИЕ

Singula quaeque locum teneant sortita decentem. *Hor.*²⁰

Отделение III. РАСПОЛОЖЕНИЕ ОПИСАНИЙ

Infelix operis summa, quia ponere totum / Nesciet... *Hor.*²¹

XIII.

Важность расположения. – Первые роды сочинений

§ 1. Доселе видели мы источники изобретения и первое соединение мыслей (*периоды, начала прозы*). Теперь приступим к составлению полного сочинения, к искусству *расположения*.

Примеч. Изобретение давало способы думать и, думая, соединять одну мысль с другою. – *Расположение* учит соображать и, соображая, давать надлежащее направление рассудку и нравственному чувству. *Расположение* есть действие рассудка и нравственного чувства, которые от частых соображений, от частых примеров сами, наконец, образуются и приемлют надлежащее направление.

§ 2. Ничто так не важно для сочинения, как расположение (*opetis summa*²², говорит Гораций), и ничем меньше не занимаются начинающие, как расположением. Они все внимание обращают на прелестные выражения, на цветущие слова и картины, не думая и не подзревая, что истинное красноречие всех веков и народов состоит в прекрасных мыслях, в *искусстве* располагать и составлять сочинение, а не в наружности, которая в живом языке пленяет только один век, одно поколение.

Заметим мимоходом, что живые языки изменяются с каждым 25-летием, сперва достигая совершенства, а потом уклоняясь от оногo; и цветущее состояние их едва ли продолжается один век, но сила мыслей и доказательств, но искусство расположения остаются для отдаленнейшего потомства.

²⁰ Пусть каждая часть занимает подобающее место. *Гораций*. Наука поэзии (92). В переводе М. Л. Гаспарова: „Пусть же каждый прием соблюдает пристойное место!“.

²¹ Неудача [постигнет скульптора] в завершенном произведении, если он не будет знать, как составить целое. *Гораций*. Наука поэзии (34–35). В переводе М. Л. Гаспарова: „Статуи все же ему не создать, коли он не умеет в целое их сочетать“.

²² Завершенное произведение, буквально: сумма, итог произведения.

§ 3. Еще не зная правил, но живо, пламенно обнимая свежим чувством красоты природы: явление новой зари, торжественный восход солнца, молодой талант хочет писать и – останавливается... Он не знает, чем лучше начать, как удобнее продолжать и чем приличнее кончить... *Infelix, – quia ponere totum nesciet*²³.

§ 4. *Располагать* сочинение значит обнимать рассудком все части его и, соображая одну с другою, назначать по нравственному чувству место для каждой: что должно быть в начале, что в середине и что на конце; как лучше соединить начало с серединою, середину с концом, по законам природы, рассудка, нравственного чувства и общих приличий. Напр.:

Прилично ли будет, описывая день, начать *вечером*, продолжать *утром*, а кончить *полднем*? – Нет. Сама природа показывает иной постепенный ход дня.

§ 5. Расположение требует, чтобы все было на своем месте, естественно, занимательно. Для юной неопытности предлагаются правила, но сии правила должны быть подкрепляемы собственным *размышлением* и *наблюдательным* чтением лучших сочинений.

§ 6. Все искусство расположения состоит в том, чтобы скрыть искусство и показать что не оно, а сама натура располагает вашими чувствами и ходом вашего сочинения.

Примеч. Один из опытейших писателей сказал: „*Высшее искусство есть не что иное, как самая натура, сокрытая в правилах*“.

§ 7. Мы видели, что первый и главный источник всякого сочинения есть *предмет* или *предложение* (см. разд. II, §§ 1, 2). – Предметы требуют описаний, предложения, рассуждений. Отсюда рождаются два первоначальные, основные роды сочинений.

Описания и рассуждения

Примеч. Не должно предпочитать один род упражнений другому. Для начинающих оба равно полезны, равно необходимы; оба равно утверждают рассудок и нравственное чувство.

§ 8. Но очень часто мы соединяем описание с рассуждением и стремимся к известной, предположенной нами цели. Таким образом, составляем все виды прозы.

Примеч. Таким же образом составляются и все виды *поэзии*, но в ней преимущественно говорят чувствования, а рассуждения касаются возможной поэтической, а не действительной истины. Впрочем, *поэзия* отличается от *прозы* и целью своею, и средствами, и характером, и действием на читателя.

²³ Потерпит неудачу, так как не будет знать, как составить целое.

§ 9. *Общая риторика* не касается частных видов прозы; она рассматривает только сии два практические *невинные* сочинения: *описания* и *рассуждения*; и, показывая *общее расположение* их, учит составлять полное, удовлетворительное сочинение и тем *полагает твердое основание* всем видам прозы.

§ 10. *Частная риторика*, основываясь на сих главных правилах общего расположения, показывает удобнейший и легчайший путь к достижению предположенной цели. Следственно, *частное расположение* всех прозаических сочинений относится к частной риторике, где рассматриваются все виды прозы.

XIV.

Начало описаний

Denique sit quodvis simplex dumtaxat et unum. *Hor.*²⁴

§ 1. Первый и лучший наставник в *расположении описаний* – сама природа, знакомая и детям. Она показывает главные, постоянные правила, нам остается только следовать.

§ 2. Природа представляет каждый предмет *отдельно* и *просто*. Отделяйте и вы предмет данный, или избранный вами для описания от всех прочих, и дайте ему *простоту* и *единство*. (Напр.: *водопад, Луна, дуб, холм, пещера*. Sit simplex et unum.²⁵)

Примеч. Простота служит основанием всему высокому и прекрасному, а единством возбуждается *интерес* или занимательность.

§ 3. Природа, представляя предмет в свое время, в своем месте, во всех оттенках и переливах света и жизни, придает всем частям его естественную свежесть и приятность, но всегда *одним* чем-нибудь пленяет нас больше, нежели всем прочим. Придавая подобную свежесть вашему описанию, сберегайте и вы силу чувств, или красоту мыслей для одного какого-либо места, особенно к концу. – Это называется *интересом* описания.

Примеч. *Интерес* – в отношении к читателю – есть его удовольствие, его участие в чувствах автора или в положении предмета. Сие чувство неизъяснимо и рождается, может быть, от применения к себе, или, по словам Карамзина, *от тайной симпатии его [читателя] с автором*.

²⁴ Наконец, пусть будет что угодно, но простое и единое. *Гораций*. Наука поэзии (23). В переводе М. Л. Гаспарова: „Стало быть, делай, что хочешь, но делай простым и единым“.

²⁵ Пусть будет простым и единым.

§ 4. В природе всякий отдельный предмет имеет свои части, из коих главнейшие: *начало, середина, конец*. Сии части и их порядок должны быть *основанием расположения* в вашем описании.

§ 5. Итак, всякое описание, как полное сочинение, должно иметь *простоту* и *единство* предмета, *интерес*, или занимательность, и три главнейших части: *начало, средину, конец*.

Примеч. Описания бывают *физические* и *нравственные*: физическими называются те, коих предмет взят из природы и подвержен чувствам [напр.: *ручей, холм, долина*], а нравственными – те, коих содержанием бывают отвлеченные понятия, постигаемые только умом и воображением [напр.: *вера, надежда, любовь*].

§ 6. *Н а ч а л о* описания физического и нравственного может быть различно, но всегда должно быть *естественно, кратко* и *отдельно*. Главнейших правил для начала описаний *четыре*:

§ 7. [I] Начинают *обращением* к предмету. Пылкое воображение молодого писателя обращается прямо к предмету, хотя бы он был далек или бездушен: как будто сей предмет может слышать и разуметь его. – Это бывает в живом и сильном чувстве.

§ 8. [II] Начинают *временем* дня или года: явлением зари, восходом солнца, склонением его к западу, торжественным безмолвием ночи, новой жизнью весны, зноем лета, хладом осени, вьюгами зимы и пр.

§ 9. [III] Начинают *местом*: описанием горы, холма, рощи, пустыни, окрестностей, посторонностей – или картиною моря, озера, величественной реки, потока и пр. и потом переходят к *главному предмету*, на котором останавливают внимание.

§ 10. [IV] Наконец, начинают *случайностями*: прогулкою, путешествием, нечаянною встречей и подобными обстоятельствами; потом нечувствительно останавливают внимание на главном предмете.

Примеч. Все сии правила требуют собственных соображений: какой предмет, чем начать лучше и приличнее?.. Тут очень полезно для начинающего собственное размышление и решимость следовать собственному чувству.

XV.

Средина и конец описаний

§ 1. *С р е д и н а* описания заключает в себе все, что хочет сказать сочиняющий. Она составляет *вторую часть* по расположению и сама может делиться на многие части.

Примеч. Если *средина* составляет одну или только две части, а *конец* – тремя или четвертую, то сие начальное практическое упражнение будет равняться

3-м или 4-м периодам и для начинающих очень приятно и полезно. Ибо они с удовольствием видят *целое творение*, принимают в нем участие, начинают соображать начало с концом, начинают чувствовать занимательность труда, охоту к словесности и неприметно раскрывают свои чувствования и мысли.

§ 2. Если *средина* делится на многие части, то мысли, картины и все распространение описаний почерпается в *источниках изобретения* и почти таким образом:

§ 3. [I] Когда предмет представляется *действующим* (напр.: герой, благотворение, надежда), то вычисляются его действия одно за другим, постепенно и отдельно. – Или, если предмет остается бездейственным (напр.: озеро, холм, кладбище), то описываются перемены с ним в разное время: днем, ночью, утром, вечером, летом, зимою (см. ист. изобр. [XVII] Действие и страдание, разд. V, § 9).

§ 4. [II] Если предмет физический и составляет *целое* (напр.: город, сад, деревня), то вычисляются его *части*, или картины с разных сторон, в разное время. – Или, если предмет нравственный и составляет *род* (напр.: добродетель, порок), то описываются разные *виды* его (напр.: скромность, сострадание, благотворение – роскошь, праздность и пр.; см. ист. изобр. [XIX–XXI], разд. VI, §§ 1–3).

§ 5. [III] Если предмет живо напоминает о подобии (напр.: ручей – о времени; весна – о юности; времена года или дня – о возрастах человека; водопад – о шумной славе; фиалка – о скромности); или, если предмет дает понятие о противном (напр.: буря – о тишине; грозный завоеватель – об истинном герое), то подобия или противные могут быть сравниваемы в каждом действии, в каждой отдельной части, или прежде описываются подобия, также и противные, а потом заключают уподобляемым, или главным противного предметом.

§ 6. [IV] Если предмет описания будет памятник герою, скала Фермопильская, то воспоминают о подвигах героев – пирамиды могут быть свидетелями разных событий. – Если предмет напоминает прошедшее (напр.: развалины города, замка), то воображение оживает обломки и видит цветущее состояние; или если предмет напоминает близкое сердцу (напр.: Родину, знакомый ручей, сад, реку), то возобновляются чувствования, коими некогда наслаждались и пр.

§ 7. Располагая сии разные картины, мысли и чувствования в *средине* описаний, соблюдайте *четыре* главные правила:

Первое правило. Располагайте части по мере увеличивающегося *интереса*, начинайте слабейшим и оканчивайте самым занимательным. [Чувствования и начала вкуса раскрываются в действе: каждый начинающий по собственному чувству может различать *степени интереса*.] Что больше вам нравится, то должно быть после.

Второе правило. Не смешивайте частей, и каждую мысль или картину, которая сама собою отделяется от другой, отделяйте новым *предложением* или новой строкою. [*Это содействует ясности.*]

Третье правило. Не повторяйте одного и того же, хотя бы то было другими словами, другими выражениями: *одно и то же скучно*.

Четвертое правило. Не входите *слишком* в подробности: они помрачают ясность. Словом, думайте не о том, чтоб написать *больше*, но о том, чтоб расположить *яснее и лучше*.

§ 8. Конец описаний может быть различен, но главнейших способов заключать описания *три*.

Первый способ. Обращаться к предмету, прибавляя собственные чувствования, прекрасные желания.

§ 9. *Второй способ.* Если описание напоминало о близком подобию или противном, то оканчивать уподобляемым, или главным противного предметом, или близким применением.

§ 10. *Третий способ.* Оканчивать описания нравственною занимательною мыслию или высокою и разительной истиной.

XVI.

Пример. – Расположения описаний

Предлагая в пример описаний к надежде – утренний цветок, одного из первых писателей в наше время *В. А. Жуковского*, прошу *особенно* заметить, что сей опыт писан им в виде классного упражнения в детстве (в 1799–1800 годах, см. *Утреннюю зарю, книжка 1*). Рассмотрим его *расположение*.

§ 1. Молодой писатель прямо обращается к Надежде с живым чувством. Вот его *начало*:

„Надежда, кроткая посланница небес! Тебя хочу я воспеть в восторге души моей. Услышь меня, подруга радости! и ангельская улыбка твоя да будет мне наградою“.

§ 2. *Средину* начинает общею мыслию (*родом*): в Надежде все находят отраду (*1-я часть*). Потом общее понятие *все люди* разделяет на виды, на звания и состояния людей, одушевляет Надежду и заставляет действовать на царя (*2-я часть*), на героя (*3-я часть*), на земледельца (*4-я часть*), на мореходца (*5-я часть*). Сии пять картин следуют в постепенном порядке одна за другою. Вот они:

„Тобою – *все* живут и дышат, о Божественная! От венценосца до пастуха, от первого счастливец до последнего бедняка, отверженного миром – в тебе находят *все* отраду и улаждение.

Без тебя царь несчастен на троне своем и уныл среди пышности, среди блеску, его окружающего, среди хвалебных в честь ему восклицаний.

Без тебя герой хладеет и лишается бодрости своей. Ты одушевляешь его, летящего на поле брани, и среди окровавленных трупов, среди дымящихся развалин, среди куч пепельных ты показываешь ему растущие победные лавры.

Ты водишь плугом земледельца, в поте лица возделывающего поле свое, и поддерживаешь ослабевающую руку его, предвещая ему щедрую награду за труды.

Ты управляешь кораблем мореходца, плывущего по зыбким хребтам непостоянной и грозной стихии в страны отдаленные, и веселишь сердце его, возвещая ему близкий предел его странствия, а там – несметные ожидающие его сокровища“.

§ 3. В следующих частях усиливается *интерес* постепенно: Надежда радуется нежную мать (6-я часть), утешает нищего (7-я часть); наконец, (в 8-й части) интерес достигает высшей степени: *Надежда провождает узника за пределы гроба*. Вот слова его:

„Ты радуешь нежную мать, неусыпно пекущуюся о детях своих. Ты говоришь ей, что они будут некогда украшением ее, подпорою, и извлекаешь из очей ее слезы восторга.

Ты утешаешь нищего, оставленного человечеством и издыхающего на голлом камне. Ты снимаешь благодетельною рукою покров с томных очей его и показываешь ему в отдалении будущее – он взирает и видит могилу, конец своих страданий, за нею – Бога, вечную радость, видит – и вооружается твердостью.

Ты озаряешь лучами отрады темницу узника, обремененного оковами и не обретающего сожаления в сердцах братий своих. Ты рождаешь бодрость в унывающей душе его и льешь целительный бальзам в раны его сердца. Ты сопутствуешь ему до последней минуты горестного бытия, и провождаешь его даже за пределы гроба“.

§ 4. *Конец* сего описания составлен *первым способом*, то есть молодой писатель обращается к Надежде, главному предмету, с прекрасным его желанием:

„О Надежда, усладительница наших горестей, сопутствуй мне на мрачном пути сея жизни; сопутствуй до того времени, когда ангел смерти, отворив таинственные врата вечности, примет меня из объятий твоих и на крыльях бессмертия понесет в лучший, блаженный мир“.

(*Правильность расположения и ясность мыслей удивительны! Такая заря в юном певце надежды подавала прекрасную надежду увидеть в нем одного из классических писателей – и ожидание исполнилось.*)

§ 5. Вот вам несколько *расположений* для практики! Фиалка. *Начало*: В саду росла фиалка. *Средина*: (1-я часть) Весенний дождь питал ее корни; (2-я часть) Лучи солнца грели стебелек; (3-я часть) Вечером и утром роса освежала листочки; (4-я часть) Фиалка рас-

цвела и, в знак благодарности, разливала приятнейший запах – дань Небу. *Конец*: Неужели юноша, осыпанный благодеяниями, останется неблагодарным?

§ 6. Ручей. *Начало*: В цветущей долине протекает ручей. *Средина*: (1-я часть) Он изображает течение времени и жизни; (2-я часть) Его струи текут и никогда не возвращаются – часы и дни также не возвратны; (3-я часть) Цветы и терны уносятся ручьем – радости и печали временем; (4-я часть) Струи ручья стремятся в океан – дни и годы текут в вечность. *Конец*: О ручей, орошай долину: счастлив тот, чья жизнь, подобно струям твоим, может быть полезна.

§ 7. Водопад. *Начало*: При заре вечерней льется водопад. *Средина*: (1-я часть) Вся природа покоится, а он шумит и сверкает; (2-я часть) Робкий олень от шума его убегает в густоту леса; (3-я часть) Голодный волк, слыша рев его, воеет; (4-я часть) Запоздалый путник чувствует трепет и спешит удалиться. *Конец*: О водопад, образ шумной славы! ты удивляешь и страшишь всех, но не слышишь мирных благословений.

§ 8. Дружба. *Начало*: О дружба, дар небесный! услышь песнь мою. *Средина*: (1-я часть) Счастлив тот, кому ты сопутствуешь в жизни; (2-я часть) В минуты радости ты возвышаешь их цену; (3-я часть) В минуты печали ты улаждаешь горесть; (4-я часть) В час бедствий, ты, как Провидение, спасаешь нас; (5-я часть) В минуты вечной разлуки, ты провождаешь нас в мир лучший. *Конец*: О дружба! будь спутником моей жизни.

§ 9. Уединение. *Начало*: Приветствую тебя, уединение! *Средина*: (1-я часть) В твоей обители царствует тишина и покой; (2-я часть) В твоём убежище задумчивость бродит по берегам потоков; (3-я часть) В твоём безмолвии любовь и дружба беседуют о тайнствах сердца; (4-я часть) Под сению деревьев твоих вдохновение встречается с гением и улетает в область очарований. *Конец*: К тебе, уединение, стремлюсь я, прими меня под дружественную тень свою.

§ 10. Лилия в пустыне. *Начало*: В долине, окруженной горами и лесом, росла лилия. *Средина*: (1-я часть) Она цвела во всей красе, и никто не зрел красоты ее; (2-я часть) Она наполняла пустыню запахом, и никто не наслаждался им; (3-я часть) Подули ветры и разнесли листья ее; (4-я часть) Путник видит остатки лилии и говорит: „бедная лилия, к чему ты цвела?“. *Конец*: Не так ли вянет талант, сокрытый в неизвестности?

Вот еще несколько предметов! Сами составьте расположения и описания: Родина. – Хижина. – Сад. – Дуб. – Роза. – Цветы. – День. – Утро. – Полдень. –

Вечер. – Ночь. – Весна. – Лето. – Осень. – Зима. – Сострадание. – Благотворение. – Слава. – Мир. – Кладбище. И пр. и пр.

XVII.

Расположение повествований

Primum ne medio, medium ne discrepet imo. *Hor.*²⁶

§ 1. Другой род описаний – *повествования* – те же описания, но только не предметов физических или нравственных, а *действий* или *происшествий* кратких, отдельных. Напр.: *сражение – единоборство – буря – смерть героя – пример великодушия – храбрости* и пр. Или происшествия басен: с Волком и Ягненком; с Лисицей и Козлом и пр.

Примеч. Описания и повествования, в обширном смысле, суть два способа изложения *почти* одинаковых предметов, *почти* одинаковым образом, и обнимают многие виды сочинений, о чем увидим в Частной риторике. Но для начинающих повествование есть рассказ о каком-либо действии или происшествии.

§ 2. *Повествование* должно иметь те же три главных свойства, какие видели мы в описаниях, то есть: *единство* действия, *простота* рассказа и *интерес*. *Sit simplex et unum*²⁷.

Примеч. Единство требует, чтобы действие было одно, отдельное, не смешанное с другим. *Два разных действия вместе уничтожают интерес*. А простота рассказа состоит в *краткости, ясности и правдоподобию*.

§ 3. Повествование также имеет и три главные части, какие видели мы в описаниях, то есть: *начало*, или *приступ*; *середину*, или *завязку* (затруднения, препятствия, сомнения, неизвестность); и *конец*, или *развязку* (удовлетворительное окончание дела.)

§ 4. *Начало*, или *приступ* повествования, подобно началу описаний: начинают *обращением* к предмету, *временем*, *местом* и *случайностями*, или *общею мыслию*, заключающею силу повествования; или краткою *нравственною истиной*, для которой повествование служит *доказательством* или *примером*. Иногда *описанием* повествующего лица.

§ 5. *Середина*, или *завязка*, заключает рассказ действия, или происшествия, все затруднения, препятствия, словом, все происшествие или действие. Она составляет вторую часть и может делиться на многие части.

²⁶ Пусть начало не противоречит середине, а середина – концу. *Гораций*. Наука поэзии (152). В переводе М. Л. Гаспарова: „Чтобы началу конец отвечал, а им – середина“.

²⁷ Пусть будет простым и единым. *Гораций*. Наука поэзии (23).

Происшествие, в отношении к человеку, зависит от случая, происходит без намерения, без воли его, а *действие* всегда предполагает волю человека и цель его. Напр.: Шел и упал – *происшествие*, но когда решился встать и встал – *действие*.

§ 6. Расположение середины повествования так, как и в описаниях, должно следовать *степеням интереса*. Но сей интерес увеличивается от искусства рассказывать, от знания, что сказать прежде, что после, и о чем не говорить до известного времени, и от участия, какое принимает в рассказе сам повествователь.

§ 7. Главное правило при расположении повествований: *следовать времени*, или *естественному ходу* происшествия (что за чем следовало), дабы усилить занимательность *развязки*, или *конца* действия.

§ 8. *Конец*, или *развязка* повествования, должна совершенно удовлетворять *началу* и *средине*. (Primum ne medio, medium ne discrepet imo. Hor.²⁸) – Развязка составляет и *конец* практического упражнения. Но иногда после развязки оканчивается повествование какою-нибудь нравственною мыслию, или высокою и занимательною истиной, или *описанием* повествовавшего лица.

§ 9. Соединять повествование с описанием еще полезнее, еще занимательнее и приятнее для начинающих упражняться в сочинении. Место, время, и лица описываются, а действие повествуется, и красотою описаний возвышается занимательность рассказа.

Примеч. Сии практическая упражнения имеют ту выгоду, что, раскрывая чувствования и мысли, пробуждают в душе какую-то деятельность *мыслить* и *изобретать*, которая необходима для упражнений второго рода, то есть для *рассуждений*.

§ 10. Но ничто столько не важно при сих первых опытах, как верное направление вкуса. (Ne quid nimis?²⁹) Должно избегать крайностей, всего чрезвычайного, странного, дикого... Должно следовать *законам природы, рассудка, нравственного чувства* и *общих приличий*.

XVIII.

Пример. – Расположения повествований

§ 1. Повествование *Шелонской битвы* (из „*Марфы Посадницы*“ Карамзина). – *Начало* заключает общую мысль рассказа. – *Средина*, или *завязка*, расположена в естественном порядке, что за чем

²⁸ См. эпиграф раздела.

²⁹ Ничего слишком. *Теренций*. Девушка с Андроса. Выражение стало поговоркой.

следовало, исключая измену Дмитрия, которая сбережена к концу. – *Конец*, или *развязка*, удовлетворяет *началу* и *средине*.

§ 2. Сие повествование начинается и оканчивается трогательным описанием повествующего лица: оно взято из большой повести. Я прибавлю и сии описания. Вот первое:

Описание лица. „На щитах посадили Витязя, от ран ослабевшего, но он собрал последние силы, поднял томную голову, оперся на меч свой и вещал твердым голосом“.

§ 3. *Начало*, или *приступ*, заключает общую мысль, содержание рассказа в одной части. Вот оно:

„Народ и граждане! разбито воинство храброе, убит полководец великий. Небо лишило нас победы – не славы“.

§ 4. *Средина*, или *завязка*, заключается в *семи* частях. Части расположены по ходу действия и по степеням *интереса*. Слова Карамзина:

1-я часть. На берегах Шелоны мы встретились с Иоанном. Его именем Князь Холмский требовал тайного свидания с Мирославом. *Увидимся на поле ратном!* – отвечивал гордый юноша – и стройно поставил воинство.

2-я часть. Онежцы первые вступили в бой на высотах Шелонских: там Образец, славный Воевода Московский, принял их удары на щит свой.

3-я часть. Мы шли в средине тихо и в безмолвии. Мирослав впереди наблюдал движения и силу врагов, воинство Иоанново было многочисленнее нашего, необозримые ряды его теснились на равнине. Мы видели Князя Московского на белом коне; видели, как он распоряжал легионы и блестящим мечом своим указывал на сердце Новгородское, на *хоругвь Отечества*; видели Князя Холмского, с сильным отрядом идущего окружить нас.

4-я часть. Мирослав повелел, и стража Невская с Дмитрием *Сильным* двинулась на встречу к нему. Вероломный!.. [Здесь причина вероломства не объявлена и соблюдена к концу для умножения интереса.] Еще онежцы и волховцы не успели занять бугров Шелонских: меч Витязя Образца дымился их кровию. Мирослав, пылая нетерпением, летел туда на бурном коне своем: мы взглянули, и знамена Новгородские уже развивались на холмах – и Волховцы на щитах своих подняли вверх тело убитого начальника Московского. Тогда воскликнув громко: *Кто против Бога и великого Новгорода?* все ряды наши устремились в битву и сразились.

5-я часть занимательна рассказом *общей битвы*. На всей равнине затрепало оружие и кровь полилась рекою. Я видал битвы, но никогда такой не видал. Грудь русская была против груди русской, и витязи с обеих сторон хотели доказать, что они славяне. Взаимная злоба братий есть самая ужасная! Тысячи падали, но первые ряды казались целы и невредимы; каждый пылал ревностью заступить место убитого и безжалостно попирали труп своего брата, чтобы только отмстить смерть его. Воины Иоанновы стояли твердынею непоколебимою – новгородские стремились на них, как бурные волны.

6-я часть устремляет весь интерес на двух противных полководцев. Мы шли вперед! за полководцем нашим, который искал взором Иоанна. Князь Мо-

сковский был окружен знаменитыми витязями: Мирослав рассек сию крепкую ограду, поднял руку и – медлил. Сильный оруженосец Иоаннов ударил его мечом в голову, и шлем распался на части: он хотел повторить удар, но сам Иоанн закрыл Мирослава щитом своим. [*Какое великодушие двух враждующих полководцев!*]

В 7-й части интерес, или завязка, – затруднения и неизвестность – усиливаются в высшей степени. Опасность вождя удвоила наши силы – и скоро главная дружина московская замешалась. Новгородцы воскликнули победу, но в то же мгновение имя Иоанново гремело за нами.

§ 5. *Конец, или развязка*, совершенно удовлетворяет началу и середине, объясняя вероломство Дмитрия, и состоит в двух частях:

1-я часть. Мы с удивлением обратили взор: Князь Холмский с тылу разил левое крыло Новгородское... Димитрий изменил согражданам! [*Вот где открывается вероломство Димитрия, которое тем виднее здесь, что соединяется с пагубными следствиями*] не исполнил повелений вождя, завел стражу в непроходимые блага, не встретил врага и дал ему время окружить наше войско.

2-я часть. Мирослав спешил ободрить изумленных шелонцев: он помог им только умереть великодушнее! Герой сражался без шлема, но всякий усердный воин Новгородский служил ему щитом. Он увидел Димитрия среди Московской дружины, последним ударом наказал изменника и пал от руки Холмского, но, падая на берегах Шелоны, бросил меч свой в быстрые воды ее...

Описание повествовавшего лица: Тут ослабел голос Михаила, взор помрачился облаком, бледные уста онемели, меч выпал из рук его, он затрепетал, взглянул на образ Вадимов и – закрыл навеки глаза свои.

§ 6. *Вот расположения для практики: Олег пред Царемградом. Начало, или приступ:* Воображение представляет древность и видит Олега. *Средина, или завязка: (1-я часть)* Флот Олегов приближается к пристани Цареграда, а сухопутное войско идет берегом и опустошает окрестности; *(2-я часть)* Император Леон заграждает цепью гавань; *(3-я часть)* Олег (описание наружности, одежды) является пред войском и велит ставить суда на колеса; *(4-я часть заключает интерес в чудесном предании)* Войско Олегово силою ветра на парусах идет к Царюграду; *(5-я часть)* Греки, уstraшенные чудом, предлагают Олегу мир и дань. – *Конец, или развязка:* Олег, в знак победы, прибывает щит ко вратам Царяграда и с множеством золота и дорогих тканей возвращается в Киев (см. Ист. Гос. Рос., с. 130³⁰).

§ 7. *Молитва старца (повествование с описанием). Начало, или приступ:* Вечер. Долина к западу граничит горами, а к Востоку лесом, лучи из гор освещают пещеру у входа леса. *Средина: (1-я часть)* Старец (описание наружности) выходит из пещеры и с благоговением смотрит на заходящее солнце; *(2-я часть)* Солнце как

³⁰ У автора без указания тома.

бы останавливается на горах и старец преклоняет колена с молитвою; (3-я часть) Молитва: (*благодарность за долголетие и желание кончить жизнь, как солнце кончает путь свой*); (4-я часть) Лучи скрываются за горами. Старец медленно возвращается в пещеру. *Конец*, или *развязка*: Но лучи утра не озарили старца. Небо услышало его молитву.

§ 8. Смерть Ермака. *Начало*, или *приступ*: Обращение к тени Героя. *Средина*, или *завязка*: (1-я часть) Ермак, не найдя Кучума, возвращается на берег Иртыша; (2-я часть) Ночь и буря; (3-я часть) Ермак располагает стан на берегу и забывает военные предосторожности; (4-я часть) Кучум был недалеко и нападает в бурную ночь на полусонных казаков; (5-я часть) Смятение и битва; (6-я часть *усиливает интерес*) Ермак долго сопротивляется и уступает необходимости. *Развязка*: Он бросается в волны, и отягченный доспехами, полученными от Иоанна, тонет. *Конец*: О Герой! могила твоя неизвестна, но память незабвенна в потомстве (см. Ист. Гос. Рос., т. IX, с. 407).

§ 9. Завещание Гостомысла (*Предание*. см. Ист. Гос. Рос., т. I, с. 114). *Начало*, или *приступ*: Новгород – театр мятежей. *Средина*, или *завязка*: (1-я часть) Старейшина Гостомysl на одре смерти созывает бояр; (2-я часть) Чертоги, освещенные тусклым светом. Печальный одр и умирающий старец. (*Описание*.); (3-я часть) Бояре окружают Гостомысла с живейшим участием; (4-я часть) Старец собирает последние силы и вещает: *идите за море к Варягам – Руси и просите властителей*; (5-я часть) Бояре в слезах обещают исполнить волю его. *Конец*, или *развязка*: Гостомysl спокойно умирает.

§ 10. Падение Икара (см. Превращения Овидия. VIII Баснь 3). *Начало*: Дедал с сыном Икаром на острове Крите, и не может возвратиться в Отечество, Грецию, против воли тирана. *Средина*, или *завязка*: (1-я часть) Он делает крылья себе и сыну, укрепляя перья воском; (2-я часть) Подвизывая крылья сыну, говорит: *следуй за мною, не опускайся низко, ибо крылья от влаги моря отяжелеют, и не подымайся высоко, ибо от солнца растопятся*; (3-я часть) Сын сперва следует за отцом, они пролетают половину пути и смертные считают их богами; (4-я часть) Но Икар, научась владеть крыльями, приемлет дерзость, оставляет вождя-отца и парит к солнцу. *Конец*, или *развязка*: Лучи растопляют крылья, и он падает в море. Сие море прославилось его падением и именем.

Примеч. Еще несколько предметов для практических упражнений: Авраам приносит в жертву Исаака. Иосиф открывается братьям. Давид поражает

Голиафа. – Избрание Нумы на царство. Леонид под Фермопилами. Великодушные Регула. Сражение Горациев с Куриациями. – Освобождение Киева от осады печенегов (см. Ист. Гос. Рос., т. I, с. 173). Битва с Мамаем. – Подвиг Минина и Пожарского. – Румянцев под Кагулом. – Смерть Кульнева и пр.

Отделение IV. РАСПОЛОЖЕНИЕ РАССУЖДЕНИЙ

Si vis me flere, dolendum est / Primum ipsi tibi. *Hor.*³¹

XIX.

Рассуждения, роды их и части

§ 1. Другой род первоначальных классных, или учебных, сочинений – рассуждения. В них предлагается не предмет для описания, не происшествие для рассказа, а одна мысль в виде *предложения*, которую вы или доказать должны как справедливую, или опровергнуть как ложную.

§ 2. *Рассуждение* есть такое практическое упражнение, в котором доказывается истина или опровергается несправедливость. Древние считали сей род упражнений столь важным для будущих ораторов, что называли его потребностью, *необходимостью* (*χρεία*, *necessitas*, *utilitas*, *commodum*)³².

§ 3. Для создания *рассуждений* больше требуется размышления, чем чувствований, больше силы убеждать, нежели искусства описывать, но чувствовать и описывать легче, нежели размышлять и убеждать. Следственно, *рассуждение* труднее *описаний*.

§ 4. Приступая к расположению рассуждений, во-первых, заметим, что *рассуждения*, по способу расположения, бывают двух родов: простые (*chria ordinata*)³³ и искусственные (*chria inversa*)³⁴.

§ 5. Рассуждения *простые* начинаются просто (*recte et ordine*)³⁵ предложением и оканчиваются *заключением*, выводимым из оногo. – Рассуждения *искусственные* бывают, наоборот, (*inversa vice*)³⁶:

³¹ Если хочешь, чтобы я плакал, сначала тебе самому следует страдать. *Гораций*. Наука поэзии (102–103). В переводе М. Л. Гаспарова: „Сам ты должен страдать, чтобы люди тебе сострадали“.

³² Необходимость, польза, удобство.

³³ Правильная хрия.

³⁴ Обратная хрия.

³⁵ Прямо и правильно.

³⁶ В обратном порядке.

начинаются *заключениями*, выводимыми из главной мысли, и оканчиваются *предложением*.

§ 6. Действительно, сии два способа располагать *рассуждения* основаны на двух главных *способах рассуждать*, ибо мы, рассуждая, или начинаем с *целого* и переходим к *частям*, или начинаем с *частей* и доходим до *целого*. – Или (*что все равно*) начинаем с *рода* и переходим к *видам*, или начинаем с *видов* и доходим до *рода*. Первый способ называется в логике совокупительным (*синтетическим*), а второй – *раздробительным* (*аналитическим*).

§ 7. Сверх сих двух главных родов рассуждений есть еще особенные рассуждения, располагаемые по всем родам *силлогизмов*. Они относятся к рассуждениям *искусственным*.

§ 8. *Расположение* рассуждений как сочинений практических так твердо основано на законах рассудка, что части их всегда почти одинаковы и в *простых* рассуждениях занимают почти одни и те же места, только в *искусственных* сии места изменяются.

§ 9. Число частей в *простых* рассуждениях не меньше *трех* и не больше *восьми*, но обыкновенное число их *семь*. В рассуждениях *искусственных* – не меньше *трех* и не больше *пяти*.

§ 10. Следуя одинаковому порядку *расположения*, принятому нами в описаниях, заметим, что и рассуждения имеют также три главные части: *начало*, *середину*, *конец*, и будем следовать сему главному основанию.

XX.

Расположение простых рассуждений

§ 1. *Началом* в простых рассуждениях бывает *предложение* (*protasis*) – или вам данное, или вами избранное. Оно распространяется приличным образом (*периодом*) и имеет одну часть.

§ 2. Но если даются для рассуждения *слова знаменитого писателя*, тогда похвала писателю (*dictum cum laude auctoris*) и изъяснение слов его (*paraphrasis*) составляют вторую часть. В таком случае *начало* состоит из двух, а полное рассуждение – из восьми частей.

Примеч. Рассуждение из 8-ми частей называется *афтониевым*³⁷ (*chria aphthoniana*) по имени изобретателя *Афтония*³⁸, ретора Антиохийского III века, от которого дошло до нас: 1) *Риторика*, изд. в собрании греческих реторов Альдом Мануцием 1508, 1509 и 1525 годов 3 части *in folio* и особо в

³⁷ У Кошанского: Афоониевым.

³⁸ У Кошанского: Афоония.

Упсале 1670 in 8°; 2) несколько басен, изданных вместе с Езоповыми. Франкфурт. 1610 in 8° с фигурами.

§ 3. Средина простых рассуждений состоит из *одной* доказывающей части и *четырёх* объясняющих и доказывающих, которые все четыре вместе называются *распространением* (amplificatio). Следственно, в пяти частях и в таком порядке:

§ 4. [I] *Причина* (actiologia³⁹) составляет доказательство, почему предложение справедливо. Иногда бывают многие причины, и сия часть нарочито распространяется (см. ист. изобр. [I], разд. 3, § 5 и период винословный, разд. VII, § 8).

§ 5. [II] *Противное* (amplificatio a contrario) показывает и опровергает мысли, не совместные с предложением или причиною, и бывает двояким образом: 1) отвергается просто противное, 2) искусно делаются возражения и подробно каждое опровергается (см. ист. изобр. [IX], разд. IV, § 4 и период противоположный, разд. IX, § 3)

§ 6. [III] *Подобие* (a simili) объясняет или предложение, или его причину известными сравнениями, уподоблениями (см. ист. изобр. [II и III], разд. III, §§ 7–8 и период сравнительный, разд. VIII, § 1).

§ 7. [IV] *Пример* (ab exemplo) приводит лица или происшествия, которые служат доказательством предложению или его причине (см. ист. изобр. [IV], разд. III, § 9).

§ 8. [V] *Свидетельство* (a testimonio) приводит слова Священного Писания или знаменитого писателя, которые подтверждают предложение или его причину. И это может быть с прибавлением *похвалы писателю*. Если приводятся многие свидетельства, то можно упомянуть о некоторых мимоходом (см. ист. изобр. [V], разд. III, § 10).

§ 9. Конец состоит из *одной части* и эта часть есть *заключение* (conclusio). В ней снова повторяется *главное предложение* с большею силою важнейшими убеждениями или выводится *следствие*, согласное с предложением и доказательствами (см. ист. изобр. [XXIV], разд. VI, § 8).

§ 10. Итак, в *простом* рассуждении *семь* частей (иногда восемь). Для начинающих есть два способа упражняться в сочинении рассуждений: один – древний, готовящий ораторов; другой – новый, приучающий основательно писать.

1. *Древний способ*: 1) Не выходить из сего порядка и границ, приучаясь верно следовать сей нити расположения; 2) Распространять каждую часть одним периодом, чтобы 7 частей рассуждения заключались в 7 периодах; 3) Узнав

³⁹ Правильнее было бы передать это греческое слово как axiologia.

твердо нить расположения, осторожно и благоразумно переставлять части, чтобы не всегда следовать одному порядку; 4) Распространять разные части рассуждения новыми *вторичными рассуждениями* и достигать полноты *ораторской речи*.

II. *Новый способ*: 1) Сначала составлять рассуждения из трех частей: *начала* (предложение), *средины* (причина) и *конца* (заключение); 2) Потом в середину брать те части из 4-х остальных, которые сами собою [без всякой выисканности] встречаются в данном предложении, а некоторые могут быть и повторяемы; 3) Составлять рассуждение, не заботясь о числе частей в 4, 5, 6, 7 и 8 частях; 4) Распространять части не всегда *периодами*, но и хорошей прозой, отделяя часть от части [для ясности] новою строкою; 5) Избегать лишнего многословия и принужденности; и писать согласно с чувством и убеждением ума и сердца, не теряя, впрочем, из виду сей первой нити *расположения* рассуждений.

XXI.

Примеры. – Расположения простых рассуждений

§ 1. Простые рассуждения из 7 и 8 частей по древнему способу расположения, в строгом смысле, чрезвычайно редки. Каждый ретор для примера сочиняет свое собственное. См.: *Ломоносова*: § 254–265; *Рижского*: § 116–119; *Никольского*: § 73; *Толмачева*: т. I, с. 191–195 и многие другие.

§ 2. Примером древнего расположения простых рассуждений из 7 частей может служить окончание прекрасного рассуждения *Батюшкова* „*Нечто о морали, основанной на философии и религии*“. Вот оно! *Предложение*: *Писатель должен основывать нравственность на вере*.

Н а ч а л о: *предложение*: „Боже великий! Что такое ум человеческий в полной силе, в совершенном сиянии, исполненный опытности и науки? Что такое все наши познания, опытность и самые правила нравственности без веры, без сего путеводителя и зоркого, и строгого, и снисходительного? Вера и нравственность, на ней основанная, всего нужнее писателю.

С р е д и н а: 1) *причина*: Закаленные в ее светильнике мысли его становятся постояннее, важнее, сильнее; красноречие – убедительнее, воображение при свете ее не заблуждается в лабиринте создания; любовь и нежное благоволение к человечеству дадут прелесть его малейшему выражению, и писатель поддержит достоинство человека на высочайшей степени. Какое бы поприще ни протекало со своей музою, он не унижит ее, не оскорбит ее стыдливости и в памяти людей оставит приятные воспоминания, благословения и слезы благодарности – лучшая награда таланту!“;

2) *противное* [от свидетельства]: Неверие само себя разрушает, говорит красноречивый Квинтилиан наших времен [М. Н. Муравьев], который знал всю слабость гордых вольнодумцев, ибо он всю молодость провел в стане неприятельском. Одна вера созидает мораль незыблемую. Священное Писание, продолжает он, есть хранилище всех истин, и разрешает все затруднения. Вера

имеет ключ от сего хранилища, замкнутого для коварного любопытства, вера обретает в нем свет спасительный. Неверие приносит в него собственные мраки, которые бывают тем гуще, чем они произвольнее. Чтобы быть выше других людей, оно становится на высоты, окруженные пропастями. Оттуда взор его, смутный и блуждающий, смешивает все предметы. Неверие мыслит обладать орлиным оком и ничего не различает;

3) *подобие [превосходное]*: Не случилось ли вам путешествовать при первых лучах денницы путем, проложенным по высоким горам, когда пары, от земли восходящие, простирают со всех сторон туманную завесу, скрывающую горизонт, где изображается множество мечтательных предметов, от смешения света со тьмою происходящих? По мере того, как вы сходите с высоты, сие облако земное редет, рассеивается; вы проникаете через него и находите на себе малые следы влаги, скоро иссыхающей. Тогда открывается и расширяется пред вами необъемлемый горизонт: вы видите близлежащие горы, жатвы и стада, их покрывающие, селения человеческие и холмы, над ними возвышенные; вся природа вам отдана снова – вот эмблема неверия и веры. Сойдите с этих высот неверия, где вы ходите около пропастей неизмеримых, где взор ваш встречает одни призраки; сойдите, говорю вам, призванные и поддержанные смиренной верою, идите прямо к сим облакам обманчивым, восходящим от земли (они скрывают от вас истину и являют одни обманчивые образы); сойдите и пройдите сквозь сию ничтожную преграду паров и призраков; она уступит вам без сопротивления, она исчезнет – и ваши взоры обретут необъемлемую перспективу истин, все утешения сего земного жилища и гор лазурь небесную;

4) *пример [разительный]*: Но для нас исчезли все признаки мудрости человеческой. К счастью нашему, мы живем в такие времена, в которые невозможно колебаться человеку мыслящему: стоит только взглянуть на происшествия мира и потом углубиться в собственное сердце, чтобы твердо убедиться во всех истинах Веры. Весь запас остроумия, все доводы ума, логики и учености книжной истощены перед нами; мы видели зло, созданное надменными мудрецами – добра не видали. Счастливые обитатели обширнейшего края, мы не участвовали в заблуждениях племен просвещенных, мы издали взирали на громы и молнии неверия, раздробляющие и трон царя, и алтарь истинного Бога; мы взирали с ужасом на плоды нечестивого вольнодумства, на вольность, водрузившую свое знамя посреди окровавленных трупов, на человечество, униженное и оскорбленное в священнейших правах своих; с ужасом и горестию мы взирали на успехи нечестивых легионов, на Москву, дымящуюся в развалинах своих, но мы не теряли надежды на Бога, и фимиам усердия курился не тщетно в кадилнице Веры, и слезы, и моления не тщетно проливались перед Небом – мы восторжествовали. Оборот единственный, беспримерный в летописях мира! Легионы *непобедимых* затрепетали в свою очередь. Копье и сабля, окропленные святою водою на берегах тихого Дона, засверкали в обители нечестия, в виду храмов *рассудка, братства и вольности*, безбожием сооруженных – и знамя Москвы, Веры и чести водружено на месте величайшего преступления против Бога и человечества;

5) *свидетельство [помещено в противном, а здесь вместо его предложен другой пример]*. Должно ли приводить на память последние чудеса, новые покушения злобы и неверия и сияющее торжество невинности, человеколюбия и религии? Сколько уроков уму! Сердце в них нужды не имеет.

К о н е ц: *заключение*: С зарею наступающего мира, которого мы видим сладостное мерцание на горизонте политическом, просвещение сделает новые шаги в Отечестве нашем: снова процветут промышленность, искусства и науки, и все сладостные надежды сбудутся; у нас, может быть, родятся философы, политики и моралисты, и, подобно светильникам Эдмбургским, долгом поставят основать учение на истинах Евангелия, кротких, постоянных и неизблемых, достойных великого народа, населяющего страну необозримую, достойных великого человека, им управляющего!“ [*Вот истинное красноречие, язык сердца! Какая правильность расположения! Какие чувства и мысли! Они должны быть начертаны в сердце каждого ученика красноречия.*]

§ 3. По *новому* способу расположения есть множество примеров простых рассуждений как у ораторов, так и писателей. Таково начало рассуждения Карамзина „О любви к Отечеству и народной гордости“. Оно состоит из 7 частей, и многие части повторяются. – *Предложение: Любовь к Родине физическая есть общая.*

Н а ч а л о: *предложение*: Человек любит место своего рождения и воспитания. Сия привязанность есть общая для всех людей и народов, есть дело природы и должна быть названа физической. Родина мила сердцу не местными красотою, не ясным небом, не приятным климатом, а пленительными воспоминаниями, окружающими, так сказать, утро и колыбель человечества.

С р е д и н а: 1) *1-я причина*: В свете нет ничего милее жизни, она есть первое счастье, а начало всякого благополучия имеет для нашего воображения какую-то особенную прелесть;

2) *пример [1-й пример доказывает причину]*: Так нежные друзья освящают в памяти первый день любви и дружбы своей. [2-й пример доказывает предложение.] Лапландец, рожденный почти во гробе природы, несмотря на то, любит холодный мрак земли своей. Переселите его в счастливую Италию – он взором и сердцем будет обращаться к северу, подобно магниту; яркое сияние солнца не произведет таких сладких чувств в его душе как день сумрачный, как свист бури, как падение снега – они напоминают ему Отечество;

3) *2-я причина*: Самое расположение нерв, образованных в человеке по климату, привязывает нас к Родине;

4) *пример [ко второй причине]*: Недаром медики советуют иногда больным лечиться ее воздухом; недаром житель Гельвеции, удаленный от снежных гор своих, сохнет и впадает в меланхолию, а возвратясь в дикий Унтервальден, в суровый Гларис, оживает;

5) *подобие*: Всякое растение имеет более силы в своем климате – закон природы и для человека не изменяется.

К о н е ц: *заключение*: [от уступления] Не говорю, чтобы естественные красоты и выгоды Отчизны не имели никакого влияния на общую любовь к ней – некоторые земли, обогащенные природою, могут быть тем милее своим жителям. Говорю только, что сии красоты и выгоды не бывают главным основанием физической привязанности людей к Отечеству, ибо она не была бы тогда общею.

Сие заключение служит только переходом к следующему рассуждению, также простому, которое состоит из 5 частей и доказывает другое подобное предложение: Любовь к Отечеству моральная есть также общая.

Н а ч а л о: предложение и причина: С кем мы росли и живем, к тем привыкаем: (*ибо*) душа их сообразуется с нашею, делается некоторым ее зеркалом, служит предметом или средством наших моральных удовольствий и обращается в предмет склонности для сердца. Сия любовь к согражданам или к людям, с которыми мы росли, воспитывались и живем, есть вторая, или *моральная* любовь к Отечеству, столь же общая, как и первая, местная или физическая, но действующая в некоторых летах сильнее, ибо время утверждает привычку.

С р е д и н а: 1) *пример:* Надобно видеть двух иноземцев, которые в чужой земле находят друг друга: с каким удовольствием они обнимаются и спешат изливать душу в искренних разговорах! Они видятся в первый раз, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими-нибудь общими связями Отечества! Им кажется, что они, говоря даже иностранным языком, лучше разумеют друг друга, нежели прочих;

2) *причина [объясняющая пример]:* Ибо в характере единоплеменников есть всегда некоторое сходство, и жители одного государства образуют всегда, так сказать, электрическую цепь, передающую им одно впечатление посредством самых отдаленных колец или звеньев;

3) *свидетельство:* „На берегах прекраснейшего в мире озера, служащего зеркалом богатой натуре, случилось мне встретить голландского патриота, который по ненависти к Штатгальтеру и оранистам, выехал из Отечества и поселился в Швейцарии между Нюна и Роля. У него был прекрасный домик, физический кабинет, библиотека; сидя под окном, он видел перед собою великолепнейшую картину природы. Ходя мимо домика, я завидовал хозяину, не зная его; познакомился с ним в Женеве и сказал ему о том. Ответ голландского флегматика удивил меня своею живостию: „Никто не может быть счастлив вне своего Отечества, где сердце его выучилось разуместь людей и образовало свои любимые привычки. Никаким народом нельзя заменить сограждан. Я живу не с теми, с кем жил 40 лет, и живу не так, как жил 40 лет – трудно приучить себя к новостям, и мне скучно“.

К о н е ц: заключение [от противоположного]: Но физическая и моральная любовь к Отечеству, действие натуры и свойств человека не составляют еще той великой добродетели, которою славились греки и римляне. Патриотизм есть любовь к благу и славе Отечества, и желание способствовать им во всех отношениях. Он требует рассуждения и потому не все люди имеют его.

Сие заключение служит также переходом к новым рассуждениям. – И таким образом составляется ораторская речь, о которой подробнее увидим в „Частной риторике“.

§ 4. Вот несколько предложений с *расположениями* для практики:
[I] *По древнему способу* – рассуждение из 7-ми частей. *Н а ч а л о: предложение:* Мщение есть страсть низкая и вредная. *С р е д и н а:* 1) *причина:* ибо делать зло ближнему значит унижать достоинство человека ко вреду собственному; 2) *противное:* Напротив, прощать обиды есть подвиг души, прекрасной и великой; 3) *подобие:* Так пчела, отмстив обиду, сама лишается жизни; 4) *пример:* Часто друг, мстя другу за легкую обиду, лишается жизни или подвергается строгости законов; 5) *свидетельство:* Слова Озерова: „Дух кроткий их (обиды)

простит, великий – забывает“. *К о н е ц: заключение:* Итак, удаляйте от сердца страсть мщения.

§ 5. Расположение из 8-ми частей. *Н а ч а л о* состоит в двух частях: 1) *предложение:* Виант, выходя из разоренного Отечества своего, города Приэнны, сказал: „Я все свое несу с собою“; 2) *похвала* сему философу, одному из семи мудрецов. *С р е д и н а:* 1) *причина:* ибо истинное сокровище в добродетели и знаниях, которые неразлучны с человеком; 2) *противное:* Дары фортуны тленны и подвержены неудобствам; 3) *подобие:* Мудрый подобен драгоценному камню в коре, который, хотя и презрен невеждами, но через то не лишается цены своей; 4) *пример:* Поэт Симонид, возвращаясь в Отечество, на остров Хиос, подвергается кораблекрушению и лишается всего, но в первом городе *Кламезонах* вельможа, любивший его сочинения, принимает его и осыпает дарами; 5) *свидетельство:* Катон Цензор говаривал сыну: *Учись добродетели и искусствам, ибо fortuna изменяет, а наука остается с нами.* *К о н е ц: заключение:* Итак, добродетель и знания – надежные и полезные богатства.

§ 6. [II] *По новому способу* – расположение рассуждения из 5-ти частей. *Н а ч а л о:* *предложение:* Воспоминание служит залогом счастья или несчастья людей. *С р е д и н а:* *пример:* Дионисий-тиран ничем лучше не мог отмстить врагу своему Диону, как воспитав сына его праздным и развратным. *К о н е ц: заключение:* Итак, воспоминание должно быть предметом важнейших попечений.

§ 7. Расположение рассуждения из 4-х частей. *Н а ч а л о:* *предложение:* *Писатель должен быть добр и чувствителен душою.* *С р е д и н а:* 1) *причина:* ибо доброта и чувствительность соделают творение его любезным; 2) *противное:* Напротив, злые и грубые чувства писателя, как бы ни скрывал их, откроются против его воли в творении и оно будет всем противно. *К о н е ц: заключение:* Итак, кто хочет быть писателем, пусть украсит душу и сердце добродетелью.

§ 8. Расположение рассуждения из 5-ти частей. *Н а ч а л о:* *предложение:* *Наука дает человеку какое-то благородство во всяком состоянии.* *С р е д и н а:* 1) *причина:* ибо она, образуя ум, имеет сильное влияние на образ мыслей и поступков; 2) *причина к причине:* А образованный ум не может колебаться в выборе между низким и благородным; 3) *пример:* Философ Езоп, будучи рабом, пользовался уважением больше своего господина. *К о н е ц: заключение:* Итак, учение есть истинный путь к благодетству.

§ 9. Расположение рассуждения из 6 частей. *Н а ч а л о:* *предложение:* *Нужно умерять страсти.* *С р е д и н а:* 1) *причина:* ибо следст-

вия пылких страстей пагубны; 2) *подобие*: Человек – корабль в море, страсти – ветры; умеренные направляют к желанной цели – бури разбивают корабль; 3) *пример 1*: Страсть к завоеваниям губит честолюбцев – Наполеон; 4) *пример 2*: Страсть к наслаждениям убивает душу и тело – Сарданапал. *К о н е ц*: *з а к л ю ч е н и е* [от *противного*]: Напротив, тихие и умеренные движения сердца благодетельны для человека.

§ 10. *Еще несколько предложений для практики*: Низкие страсти потушают дарование, ибо пламень его есть пламень добродетели. – Хорошо писать значит хорошо чувствовать и мыслить, ибо слог есть только одежда чувствований и мысли. – Любовь к *прекрасному* есть *ангел-хранитель* от разврата, ибо она отвергает все низкое, грубое, презренное и пр.

XXII.

Расположение рассуждений искусственных

§ 1. *Искусственное рассуждение* (*chria inversa*⁴⁰) никогда не начинается предложением, но мыслями, почерпнутыми из предложения: или доказывающими (причиной), или объясняющими и доказывающими вместе (распространением).

§ 2. Посему искусственное рассуждение бывает двух родов: одно называется рассуждением *первого* рода – *через предыдущее и последующее* (*per antedecens et consequens*). В нем предшествует причина, а заключает предложение.

§ 3. Другое называется рассуждением *второго* рода – *через положение и приложение* (*per thesin et hypothesin*). Оно начинается *распространением*, то есть подобием, противным, примером или свидетельством и переходит к предложению, которым заключается рассуждение.

§ 4. *Через предыдущее и последующее* искусственное рассуждение заключает в себе от 3-х до 5-ти частей. *Н а ч а л о*: 1) *приступ*. *С р е д и н а*: 2) *предыдущее*, 3) *связь*, 4) *последующее*. *К о н е ц*: 5) *з а к л ю ч е н и е*. Иногда бывает без приступа и заключения в трех частях.

§ 5. *Приступ* содержит общую мысль (*род* или *целое*), к которой относится или предыдущее, или последующее. *Предыдущее* показывает причину действующую, ибо она всегда предшествует действию. *Связь* есть искусный переход от предыдущего к последующему

⁴⁰ Обратная хрия.

(новая причина, новое доказательство). *Последующее* есть самое предложение. *Заключение* – общая мысль, относящаяся или к предыдущему, или к последующему, или к обоим вместе.

§ 6. Таким образом, по большей части, распространяются разные предложения ораторских речей и пишутся некоторые письма, краткие речи, мнения и пр. Иногда бывают многие предыдущие, многие причины, доказательства.

§ 7. *Через положение и приложение* искусственные рассуждения бывают в 3-х и 5-ти частях. *Н а ч а л о*: 1) *приступ*. *С р е д и н а*: 2) *положение*, 3) *связь*, 4) *приложение*. *К о н е ц*: 5) *заключение*. – Может быть: 1) положение, 2) связь и 3) приложение.

§ 8. *Положением* называют прекрасное подобие, сильное противное, разительный пример или ясное, убедительное свидетельство. *Связь* есть переход от положения к приложению. *Приложение* есть самое предложение. В *приступе* и *заключении* содержатся мысли, общие с предложением.

Сим способом располагают краткие речи, приветственные, благодарственные и пр., распространяют части ораторских речей и даже пишут иногда письма.

§ 9. Итак, мы видим, что в искусственных рассуждениях части те же, что и в простых, но *расположение* их совсем иное, и средство убеждения искусственное, хитрее, нежели в простых рассуждениях.

§ 10. В простом рассуждении предлагается прямо истина и постепенно доказывается, объясняется... В искусственном сперва привлекают читателя приступом; потом предлагают предыдущее, или положение, как истины общие, неотразимые; далее посредством искусной связи приводят нечувствительно к последующему или приложению, то есть, к своей истине, которой не может не признать он, если согласится на предыдущее, или на положение.

XXIII.

Примеры и расположения искусственных рассуждений

§ 1. Примеры искусственных рассуждений везде встречаются у ораторов, писмописателей и писателей. Так, Карамзин в Похвальном слове Екатерине через *предыдущее* и *последующее* прекрасно доказывает, что *Россия заключила с Портою самый блестящий мир, ибо взяла Крым и принудила визиря подписать все условия.*

§ 2. Нач а л о содержит общую мысль, равно относящуюся к предыдущему и последующему. Вот оно:

Н а ч а л о: *приступ*: Следующее лето также осенило нас лаврами. Что начал Иоанн Грозный, то довершила Екатерина Великая.

С р е д и н а: *предыдущее*: Эти славные глубокие окопы, которые от Черного моря простираются до Азовского, не могли остановить торжественного шествия ее воинов, и Крым, последнее убежище варваров, пал к стопам Российского Гения. Берега Дуная не преставали обагряться кровию неверных и Константинополь трепетал, внимая близким громам нашего флота. Мустафа смирился, и Румянцев опустил меч свой [*величественная картина*], но еще не пришел конец бедствиям оттоманов;

связь: Мирные переговоры не имели счастливого успеха и полководец Екатерины украсил ее корону новыми лаврами: разил, истреблял, расчистил себе путь к Адрианополю, отрезал, окружил визиря и геройскою рукою своею подписал славный для России мирный трактат, который открыл нам моря Турецкие и Дарданеллы, даровал независимость Крыму, обогатил государственную казну миллионами, утвердил за Россиею Азов и Таганрог;

последующее: Никогда еще Отечество наше не заключало толь блестящего мира с Портою Оттоманскою.

К о н е ц: *заключение*: Беспимерные подвиги сей войны украсили книгу дворянства тремя именами славы: Рим имел Сципионов Африканских, Азиатских – Екатерина воскресила сию награду, достойную ее величия, и Россия имеет своего Задунайского, Чесменского, Крымского. [*Какая верность в расположении! Какая ясность, живость и благородство в ораторском слоге!*]

§ 3. Через *положение* и *приложение* искусственные рассуждения встречаются еще чаще как в больших речах, так и кратких. Вот прекрасный пример из превосходного *рассуждения* „О нравственных причинах неимоверных успехов наших в войне с французами 1812 года“ Филарета, где знаменитый оратор через *положение* и *приложение* доказывает, что *Россия восторжествовала*. *Положение* от противного с возражением: „Наполеон думал усмирить Россию“ и опровержением „Но сам бежал и погубил войско“.

Н а ч а л о: *приступ*: Если взаимно сообразить нетерпеливое стремление Наполеона в Москву и его упорное в ней медление, вопреки самим страстям его, то могут открыться мысли, которые он имел, вошед в столицу.

С р е д и н а: *положение* [*от противного возражения*]: „Теперь, – думал он, – я наступил на сердце России. Кто принудит меня обратить вспять мою ногу? Быв отнюдь не так силен, как ныне, я вступил в Вену и раздавил Германию. Москва, по крайней мере, должна вместе с собою смирить предо мной Россию“. [*Вторая часть противного – опровержение*]: Вообразим же, что в сию самую минуту, когда гордость и удача вдыхали утешителю Европы толь высокомерную надежду, явилась бы истина и произнесла бы над ним свой суд: ты не наступил на сердце России, но, преткнувшись, оперся на грудь ее и вскоре будешь отражен и низвержен [*вот движение ораторское!*]. Россия не будет

унижена, а вознесется в славе, доселе невиденной. Война, расположенная по чертежу коварства и злобы, достигла своего предела: начинается брань Господня. Ты расхитил преданную в руки твои судьбою столицу, но и будешь стрегом в ней как уловленный хищник в темнице, а сие возбудит рабов твоей великой темницы к покушению сокрушить свои оковы. Поражаемый отсюда, ты прибегнешь к обыкновенному твоему оружию лживого языка, но принужден будешь дать твоей империи повеление, чтобы она тебе верила, то есть признаться пред целым светом, что твоя империя тебе не верит [*разительный оборот мысли. Род иронии: диасирм – см. тропы*]. Ты побежишь как тать из той земли, в которую вторгся, как разбойник, и в столь же краткое время, как ты пришел сюда, тебя увидят в заточении собственного твоего дома, твои татьбины – в руках законных владетелей, твою великую армию – в плену, в снегах и холмах могильных [*Вот сила и разительность ораторского слога!*];

связь: Кто мог бы отличить тогда сии верные прорицания от суетных прещений? Кто узнал бы голос истины?;

приложение: Но, наконец, истина оправдана от сынов своих, и судьба России от глубокого мрака изведена – как полдень – путями Провидения“.

К о н е ц: *заключение:* „Да возвестится истина! Да благословится Провидение!“ [*Сие положение и приложение так благоразумно соображены, так сильно сказаны и так решительно оправданы событием, что нельзя не дивиться великому искусству оратора.*]

§ 4. Примером краткой речи посредством положения и приложения может служить прекрасное Приветствие Екатерине II на прибытие ее в Мстиславль *Георгия Конисского*. *Предложение:* *Все спешим видеть шествие Твое*. Положения от подобия: *Ты исходишь как солнце, от края до края небес*. (Важность богослужебного языка возвышает красоту нежных чувствований оратора.)

Н а ч а л о: *приступ:* Пресветлейшая императрица! Оставим астрономам доказывать, что земля вокруг солнца обращается, *наше солнце* вокруг нас ходит, и ходит для того, да мы в благополучии почиваем.

С р е д и н а: *положение от подобия:* Исходиши, милосердная монархиня, как жених от чертога своего; [*сравнение солнца*] радуешься, яко исполнил теши путь. [*С радостью протекаешь путь.*] От края моря Балтийского до края Эвксинского шествие твое;

связь: Да тако ни один из подданных твоих [не] укроется благодетельная теплоты Твоя. [*Сие подобие и связь напоминают 18 псалмов Давида, и сливаются с воспоминанием молитвы, благоговения и приятнейших чувств и благодарности.*];

приложение: „Хотя мы и покоимся твоим беспокойством, и не негорькими хождениями твоими сидим сладко, всяк под виноградом своим, и под смоковницею своею, яко же Израиль во дни Соломона [*прекрасное напоминание*], однако солнечнику цвету подобясь, туда и очи и сердца наши обращаем, амо же [*куда*] течение твое. [*Прелестное подобие, замеченное в натуре: подсолнечник всегда обращается к солнцу как магнит к северу.*]

К о н е ц: *заклучение с прекрасным желанием:* Тецы убо, о *солнце наше*, спешно! тецы исполинскими стопами, во всех твоих благонамерениях: [*жела-*

ние] к Западу только жизни твоя не спеши в сем бо случае, яко же Иисус Навин, и руки и сердца наши простирая к Небу, возопием: стой, *солнце!* и не движись, дондеже [доколе] вся великим твоим намерениям противная торжественно победиши. [*Единственное оригинальное применение примера.*]

§ 5. Вот несколько расположений для практики! Расположение письма *через предыдущее* и *последующее* к почтенной особе об исходатайствовании милости достойному человеку. *Предложение: Окажите благодеяние г-ну N.N. Причина: ибо делать добро для чувствительного сердца есть наслаждение.*

Приступ: Не смел бы я утруждать вас просьбою, если б N.N. не был достоин благодеяния и если б мне не было известно чувствительное сердце ваше. *Предыдущее:* Но как для чувствительных сердец делать добро достойному, значит возвышать цену благотворения. *Последующее:* то окажите благодеяние г-ну N.N. *Заключение:* Сим великодушным подвигом вы бесконечно обяжете N.N. и вашего и пр.

§ 6. Расположение письма *через предыдущее* и *последующее* к государственной особе об определении к должности молодого человека, кончившего курс учения. *Предложение: Прошу определить меня к должности. Причина: ибо, кончив курс учения, желаю служить под вашим начальством.*

Приступ: Простите, если осмеливаюсь утруждать Ваше Сиятельство, или Превосходительство, среди бесчисленных занятий Ваших. *Предыдущее:* Кончив курс учения [там-то], желаю служить Отечеству. *Связь:* Но как я особенно занимался науками, [разумеется, приличными той части, которая вверена управлению государственной особы] и желаю служить под высоким начальством Вашего Сиятельства, или Превосходительства. *Последующее:* то прошу определить меня к [такому-то] месту. *Заключение:* Сия милость обяжет меня беспредельною благодарностию, которая ни с чем не сравнится, кроме высокопочитания и преданности, с коими честь имею быть и пр.

§ 7. Расположение краткой приветственной речи [*через положение и приложение*], пред началом испытаний. *Предложение: Просим снисхождения к успехам нашим. Положение от подобия: Жатва обильная веселит взоры – скудная наполняет душу унынием.*

Приступ: Совершив круг годовых занятий, мы должны дать отчет в успехах. *Положение:* Приятно видеть жатву, красующуюся обилием, но горестно встречать бесплодные нивы. *Связь:* Вы притекли видеть жатву трудов наших, и – горе нам! – если жатва сия не соответствует ни ревности сеятелей, ни вашему ожиданию, ни благотворным влияниям свыше. *Приложение:* Но вы великодушны и мы просим снисхождения к слабым успехам. *Заключение:* Укрепясь в силах, мы соделаемся достойными вашего внимания.

§ 8. Расположение краткой благодарственной речи (*через предыдущее и последующее*) после торжественных испытаний при выходе

из училища. *Предложение*: Покажем благодарность нашу на деле. *Причина*: ибо великость ваших благодеяний и нашей благодарности не могут быть выражены словами.

Приступ: Ныне оставляем место воспитания, мирных трудов, забав и пр. *Предыдущее*: Чувствуем сколь велики благодеяния наставников, попечителей и пр. и не можем выразить словами. *Связь*: Но если б и могли, то не того они желают от нас. *Последующее*: Они желают, чтоб мы оправдали наставления их на деле: благоговением к Богу, преданностию к монарху и пр. *Заключение*: Дадим обет исполнять их наставления во всю жизнь для блага и славы Отечества.

§ 9. Расположение краткой защитительной речи (см. Ист. Гос. Рос., изд. 1817, т. VI, с. 47 и предыд.). Феофил на амвоне смиренно преклонил выю пред Иоанном и молил его умилосердиться над знатными новгородскими пленниками, которые еще сидели в московских темницах.

Приступ речи Феофила: Первое слово мое да будет во спасение страждущим. *Предыдущее*: Новгород смирился пред тобою и помилован – уже ли не умилосердишься над пленными? *Связь*: Миловать есть дело Божие и монаршее. *Последующее*: Возврати им свободу. *Заключение*: Да благословит Новгород грозного и милующего монарха.

§ 10. Расположение краткой политической речи. Когда шведы свирепствовали в Новгороде, а поляки заняли Москву, тогда нижегородский гражданин *Косьма Минин* приносит все имение в жертву Отечеству и говорит:

Приступ: Сограждане! Отечество гибнет! *Предыдущее*: Свирепость врагов неимоверна, они заняли первопрестольный град. *Связь*: Если падет Москва, падет вера и Отечество, падем и мы. *Последующее*: Пожертвуем всем, заложим жен и чад и искупим Отечество. Вождь Пожарский укажет нам путь к победе. *Заключение*: Сограждане! решите, что ожидает нас: рабство или свобода. [Тут граждане приносят имение, вооружаются, идут к столице и Пожарский освобождает Москву.]

Еще несколько предметов для практики: *представим*, что Кутузов Смоленский перед Бородинскою битвою *говорит* воинам [*речь военная*]; или уполномоченный Персидский убеждает вождя нашего, графа Эриванского к миру в 1827 году [*речь политическая*]; или посол алжирский превозносит могущество Султана [*речь похвальная*] и пр.

XXIV.

Расположение рассуждений по силлогизмам

§ 1. Наконец, ораторы и писатели для *расположения* разных сочинений заимствуют у философов *формы* их умствований, или *силлогизмов*. Таковых форм *девять*: 1) силлогизм простой; 2) условный;

3) разделительный; 4) дилемма; 5) энтимема; 6) эпихерема; 7) сорит; 8) наведение; 9) аналогия.

§ 2. *Силлогизм простой* состоит из трех частей: 1) большого предложения; 2) меньшего предложения и 3) заключения. Напр.: 1) *Государь, возвысивший свою державу и успокоивший Европу, достоин благословений в потомстве*; 2) *Александр I совершил и то, и другое*; 3) *Следственно, Александр I достоин благословений в потомстве*. Каждая из сих трех частей распространяется простыми или искусственными рассуждениями.

§ 3. *Силлогизм условный* состоит также из трех частей: 1) В большом предложении заключается условие; 2) В меньшем или утверждается, или отрицается условие; 3) Заключение, судя по меньшему предложению, бывает или утвердительное, или отрицательное. Напр.: (утвердительно): 1) *Если Бог совершенно правосуден, то воздаст каждому по делам его*; 2) *Но нет сомнения, что Бог совершенно правосуден*; 3) *Следственно, воздаст каждому по делам его*. – Или (отрицательно): 1) *Если бы вселенная произошла от случая, то бы не было в ней никакого устройства*; 2) *Но мы видим во вселенной чудесное устройство*; 3) *Следственно, вселенная произошла не от случая*.

§ 4. *Силлогизм разделительный* также в трех частях: 1) Большое предложение заключает в себе разделение; 2) Меньшее, подтверждая одно сказуемое, отрицает тем другое; или, отрицая одно, подтверждает тем другое; 3) Заключение должно быть согласно с общемою мыслию.

Напр.: 1) *Должно уповать или на Бога или на сынов человеческих*; 2) *Но уповать на сынов человеческих не надежно*; 3) *Следственно, должно уповать на Бога*. – Или: 1) *Можно покоиться и не искать славы; или искать славы и не иметь покоя*; 2) *Но покоиться и быть без славы не достойно благоразумного человека*; 3) *Следственно, должно трудиться и приобретать славу*.

§ 5. *Дилемма* есть такой разделительный силлогизм, в котором отвергаются все сказуемые; если их два, (*utroque cornu pignat*⁴¹) собственно дилемма. Напр.: 1) *Ты хочешь воевать Скифию, но бог ли ты, или человек?* (говорили послы скифские Александру); 2) *Если бог, то должен не похищать, а раздавать смертны блага*; 3) *А если человек, то вспомни, что сам можешь подвергнуться равной участи* (следственно, не должен воевать). Если три сказуемых отвергаются,

⁴¹ Сражается обоими рогами. Поэтому дилемму называли рогатым силлогизмом.

трилемма, а если четыре, тетралемма. Напр.: 1) Человек гордится или происхождением, или почестями, или богатством; 2) Но гордиться происхождением значит присваивать себе чужое; 3) Гордиться почестями значит унижать их достоинство; 4) А гордиться богатством значит не знать как оно тленно (следственно, не должен гордиться).

§ 6. Энтимема есть такой силлогизм, в котором или большее или меньшее предложение оставляется. Следственно, состоит из двух частей. Напр.: 1) Науки просвещают разум; 2) Следственно, науки полезны.

Примеч. Расположение по энтимеме подобно расположению через предыдущее и последующее.

§ 7. Этихерема – такой силлогизм, в котором или к большему или к меньшему, или к обоим предложениям прибавляются причины.

Напр.: 1) Не должно прилепляться к тому, что тленно; 2) Ибо лишение горестно; 3) А дары фортуны тленны; 4) Ибо фортуна легко дает и отнимает их; 5) Следственно, не должно прилепляться к дарам фортуны, дабы, лишась, не чувствовать горести. – Это сложный силлогизм.

§ 8. Сорит – такой силлогизм, в котором сказуемое предыдущего предложения делается подлежащим следующего, а в заключении сказуемое последнего предложения приписывается подлежащему первого.

Напр.: $A=B$. $B=C$. $C=D$. Следственно, $A=D$. – Или: 1) Человек имеет разум; 2) Но кто имеет разум, тот различает вещи; 3) Кто различает вещи, тот отличает добро от зла; 4) Кто отличает добро от зла, тот знает, что ведет к благополучию и что нет; 5) Кто знает, что ведет к благополучию, тот может изобрести и средства к достижению его; 6) Кто может изобрести средства к достижению благополучия, тот может быть благополучным. – Следственно, человек может быть благополучным. Сорит – также силлогизм сложный и число частей его неопределенно.

§ 9. Наведение (inductio) есть такое умствование, в котором род делится на виды, целое на части и каждому виду или части приписывается то сказуемое, которое свойственно роду или целому, то есть переходит от вида к роду, от частей к целому. Напр.:

Науки в юных летах назидательны, в старости отрадны, в счастье украшают, в несчастии служат утешением, увеселяют дома, не оставляют в путешествии и пр. Следственно, науки полезны.

§ 10. *Аналогия* есть такое умствование, в котором по *сходству* переносится к одному виду то, что несколько раз замечено в другом роде или в других видах. Напр.:

Человек имеет возрасты: младенчество, юность, старость; почему же и целый народ, и государство не может иметь их? – Но сие доказательство не всегда верно: малейшее различие производит другие следствия. Аналогия есть доказательство поэтов и мечтателей.

Примеч. 1. Сии умствования философов часто принимаются писателями в *основание расположения* речей, диссертаций, рассуждений, критик, мнений, голосов и пр., но так искусно распространяются новыми рассуждениями и осыпаются цветами красноречия, что обыкновенный читатель не замечает *расположения*.

Примеч. 2. Здесь показаны только *общие* способы *располагать* сочинения, то есть *частные*, заключающиеся иногда в самом предмете, иногда в способе писателя смотреть на предметы и представлять их. Они не подлежат общим правилам.

III.

ВЫРАЖЕНИЕ МЫСЛЕЙ

Is enim est eloquens, qui et humilia subtiliter, et magna graviter, et mediocria temperate potest dicere⁴². Cic. in Orat., c. 29.

Отделение V.

СЛОГ И ЕГО ДОСТОИНСТВА

Facta dictis exaequanda sunt. Sallust.⁴³

XXV.

О слоге вообще. – Слог простой

§ 1. Наконец вы изобрели мысли и расположили их; остается выразить, написать... написать так, чтобы все было ясно для ума, легко для чтения, приятно для слуха. Новая забота!.. Должно знать, что такое слог.

Примеч. Слог и мысли – в некотором слабом подобии – то же, что *тело и душа*. Прекрасная душа невидимо оживляет тело, дает ему прелесть и не умирает... но красота наружная, пленяя взор, легко изменяется, исчезает... Можно ли видеть изящное и не любить его?.. можно ли любить и не желать выразить его изящным образом?..

§ 2. Слог – стиль – перо – проза – все сии названия означают способ выражать мысли – искусство писать. Есть люди, которые, не зная изящного, пишут *наудачу* безыскусственную прозой и решительно не имеют никакого слога.

Примеч. Стиль (stylus) у древних был металлический пруттик, с одного конца заостренный, а с другого тупой; острым концом они писали на навощенных дощечках (in ceris), а тупым изглаживали написанное и поправляли. – „Часто перевертывай стиль“, говорит Гораций писателю, т. е. исправляй, отделявай сочинение. *Стиль и перо* (орудия, чем пишут) принимаются за самое действие – как пишут.

§ 3. Слог (*в особенности*) – способ выражать мысли, свойственный каждому писателю порознь. Сколько разных характеров имеют

⁴² Тот красноречив, кто может говорить о низком скромно, о высоком важно, а о среднем – умеренно. Цицерон. Оратор (29). В переводе М. Л. Гаспарова: „Это – такой оратор, который умеет говорить о низком просто, о высоком важно и о среднем умеренно“.

⁴³ Деяния должны излагаться соответствующими словами. Саллюстий.

писатели, столько может быть и *частных слогов*. Сверх того, частные слоги изменяются еще от предмета, избранного писателем, от цели, им предположенной, от расположения духа, в котором пишет и пр.

Примеч. Не должно смешивать *языка со слогом*. Язык ребенка, старца, слуги, ремесленника, придворного и пр. употребляет только слова, выражения и подобию, близкие к понятиям звания или состояния каждого из них, но не предполагает слога, т. е. искусства писать.

§ 4. Слог имеет общие свойства и частные: общие подлежат правилам, имеют свои достоинства и недостатки – частные зависят от вкусов и бесчисленны. Общие достоинства необходимы для всех частных.

§ 5. Первое общее разделение слога: на *простой, средний и возвышенный*. Второе общее разделение его: на *периодический, отрывистый и прозаический*.

§ 6. *Простой слог* (stylus humilis) – способ писать так, как говорят. Иные называют его *низким*, в противоположность *возвышенному*; *письменным*, потому что употребляется в дружественных письмах; *разговорным, философским и поучительным*, потому что им пишутся разговоры, философские и ученые сочинения.

§ 7. *Слова* в простом слоге должны быть *простые, обыкновенные*, но не все слова, употребляемые в разговорах, могут быть и на бумаге, ибо звук исчезает, а письмо остается.

§ 8. *Выражения* простому слогу приличны *обыкновенные, разговорные*, но должно знать, что есть разность между оборотами в разговорах и выражениями в сочинении.

§ 9. *Мысли* сему слогу свойственны *простые, обыкновенные*, но благородные. Все искусственное, украшенное сему слогу не прилично. Простота в мыслях, в чувствах, в словах и выражениях составляет *отличительную черту* сего слога.

Примеч. Простому слогу должно учиться не только читая сочинения, писанные сим слогом, но и примечая разговоры в лучших обществах, в высшем кругу людей.

§ 10. Простой слог употребляется во многих родах прозаических и стихотворных сочинений: в письмах, разговорах, некоторых повестях, романах, ученых сочинениях и пр., в баснях, сказках, комедиях, сатирах, в пастушеской поэзии и многих мелких стихотворениях.

Примеч. Простой слог без осторожности может перейти в *площадной и пошлый*, но между простым и площадным есть середина – слог *простонародный*, употребляющий не только *язык*, но и *способ выражать мысли*, свойственный простому народу. Так *граф Ростопчин* писал „*Мысли вслух на красном крыльце*“

и все объявления к московским жителям в 1812 году. Так *Осипов* и *Котляревский* подражали *Энеиде*, последний на малороссийском – и превосходно!

XXVI.

Слог средний и возвышенный

In vitium ducit culpaе fuga, si caret arte. *Hor.*⁴⁴

§ 1. Средний слог (*stylus mediocris*), способ писать с некоторым изяществом, выбором и красотою. Средним назван потому, что занимает средину между простым и возвышенным. Иные называют его умеренным (*temperatus*), ибо в нем и жар чувств и украшения умеренны. Иные – *историческим* потому, что он особенно приличен истории.

Примеч. Средний слог пользуется правом сближать *простой с возвышенным*, т. е. правом писать о простых предметах с некоторым достоинством и благородством, и о важном – с некоторою умеренностью. Он очень употребителен, но труден, ибо не только в сочинении, но и в поступках ничего нет труднее, как сохранить счастливую средину между двух крайностей. Средний слог без искусства может то возвышаться, то падать.

§ 2. Слова в среднем слоге употребляются с разборчивостию: из многих подобно-значащих избирается то, которое или живее, или благороднее, или приятнее для слуха.

§ 3. *Выражения* сему слогу свойственны отличнейшие, благороднейшие, нежели простому, с некоторым легким украшением (*leviter ornata. Cic.*) с некоторым тихим чувством, разливающимся во всем сочинении.

§ 4. *Мысли* в среднем слоге избираются полные жизни и чувства, и самое расположение их должно быть занимательно: в приятных картинах, в подобиях, в легких контрастах и живых переходах. Средний слог не терпит ни бесполезных рассуждений, всегда холодных, ни ложного блеска, всегда скучного, ни лишних слов, всегда обременяющих сочинение.

§ 5. Средний слог употребляется больше в прозаических сочинениях, нежели стихотворных: в письмах к высшим и во всех деловых бумагах, в описаниях, во многих повестях, романах, особенно в истории и пр., в посланиях, в некоторых мелких стихах и пр.

⁴⁴ Стремление избежать недостатков приводит к пороку, если нет мастерства. *Гораций*. Сатиры (I, 2, 24). В переводе М. Дмитриева: „...безумный, Бросив один недостаток, всегда попадает в противный!“.

§ 6. Возвышенный слог (*stylus sublimis*) – способ писать необыкновенно, языком страстей. Иные называют его *высоким*, потому что он выше *простого и среднего*; *славяно-российским*, ибо в нем употребляются славянские слова и выражения, *ораторским*, потому что им часто пишут ораторы.

Примеч. Не должно смешивать возвышенного, или высокого слога, с тем, что собственно называется *высоким*. Возвышенный слог всегда требует необыкновенных, благозвучных слов и выражений, а *высокое* часто бывает в одном действии, в одном чувстве, в одном выражении. Напр.: Регул добровольно идет на смерть для сдержания слова: *высокое в действии*. – Мать жертвует сыном за Отечество, за добродетель: *высокое в чувствах*. – „Рече Бог: да будет свет – и бысть свет“: *высокое в выражении*. – [Высокое (*само по себе*) есть союз *добра и красоты*, возвышенный изумляюще нас *истиной* и *всегда* напоминающий об Истине бесконечной...]

§ 7. Слова возвышенному слогу приличны важные, благозвучные, необыкновенные, заимствованные из славянского. – Однако ж не всякое славянское слово дает красоту слогу: должно избирать их с осторожностью и умеренностью (*parce detorta. Hor.*⁴⁵).

§ 8. *Выражения* в сем слоге употребляются возвышенные, славяно-российские. Жар чувств и необыкновенная сила выражений, исполненных красоты и жизни, требуют всех родов риторических украшений, о которых увидим после.

§ 9. *Предметом* возвышенного слога бывают высокие деяния, мысли и чувства: похвала герою, движение страстей, убеждение, преклонение на свою сторону, выражение восторга, удивления, любви к монарху, к Отечеству, ко благу людей и пр.

§ 10. Возвышенный слог употребляется в ораторских речах, духовных и светских, в похвальных и надгробных словах, величественных описаниях и пр., в лирической поэзии, в поэмах, трагедиях и пр.

Примеч. Ничто столько не пленяет воображения молодых людей, как слог возвышенный. Они стремятся к подражанию. Но, не имея сил возвыситься к высоким деяниям, мыслям и чувствам, подражают только наружности, высокопарным словам и выражениям и через то делают пустыми и смешными *декламаторами* (*Professus grandia turget. Hor.*⁴⁶). Посему начинающие должны удерживаться от сего слога до известного времени.

⁴⁵ Умеренно приведенные. *Гораций*. Наука поэзии (53). Гораций говорил об использовании греческих слов в латинском языке.

⁴⁶ Говорящий о великом становится напыщенным. *Гораций*. Наука поэзии (27). В переводе М. Л. Гаспарова: „...кто величия ищет – [становится] надутым“.

XXVII.

**Слог периодический. Отрывистый. Прозаический
и частный**

§ 1. Периодический слог (*oratorio periodica*) есть способ писать, соблюдая полноту периодов и непрерывную цепь мыслей. Он показывает тихое, величественное и торжественное течение речи.

Отличительные черты сего слога суть: *обилие* в словах, выражениях и мыслях; *полнота* в сохранении всех идей и посредствующих связей; *соразмерность* в частях и членах периодов; *плавность* в течении речи и особенно частое употребление периодов.

§ 2. *Периодический слог* употребляется большею частию в духовных и светских речах, в похвальных, надгробных словах, в деловых бумагах и пр. Он больше приличен возвышенному и среднему слогу, нежели простому.

Примеч. Так, у Ломоносова в похвальных словах почти везде слог периодический. – Похвальное Слово Екатерине II Карамзина состоит в счастливом соединении периодического слога с отрывистым. – Один периодический слог в продолжительном сочинении бывает однообразен, труден для чтения и утомителен.

§ 3. *Отрывистый слог* (*stylus laconicus*) – способ писать кратко, сжато, сильно, оставляя полноту периодов, посредствующие мысли и соединительные частицы. Он особенно приличен выражению пылких и сильных страстей.

Отличительные черты сего слога: *краткость, сила, выразительность*. В отрывистом слоге мысли соединяются не частицами, но общим отношением к главному предмету. Должно отличать однако ж сей слог от *слога надписей* (*stylus lapidarius*), в котором многое дополняется памятником и славой. Напр.:

Слог надписей: На гробе Сципиона Африканского: Прохожий, стой!.. Наступишь на героя! (*разительно!*) – Или на скале Фермопильской от имени павших спартан: Прохожий! Скажи Спарте, что мы все за нее пали! (*трогательно!*) ибо, кроме скалы, видевшей славную смерть их, некому было передать вести...

§ 4. *Отрывистый слог* называется *лаконическим, т. е. лакедемонским, спартанским и военным* и бывает уделом великих мужей и героев, которые, подобно лакедемонцам, больше действуют, нежели говорят. Напр.:

Спартанец Дионей, когда многие говорили, что персидское войско одними копьями затмит солнце, отвечал: *Будем сражаться в тени*. – Леонид на усиленные требования Ксеркса, чтоб он отдал оружие, сказал: *Приди – возьми*. –

Цесарь пишет Сенату: *Пришел – увидел – победил.* – Суворов доносит Императрице: *Прага у ног Вашего Величества! Ура!* – подписано: *Суворов.* – А Екатерина отвечает: *Ура! Фельдмаршал Суворов.* Подписано: *Екатерина* [он не был еще Фельдмаршалом].

Примеч. Никто из русских не отличался столько лаконизмом, как Суворов. Всем известны его донесения о *Праге*, о *Туртукае*, его *тактика*, слог его писем... но я расскажу *изустное предание*... Капитан N.N., чудо храбрости, не раз слышавший похвалы себе из уст самого Суворова, никогда после сражений не был награждаем вместе с прочими. Все это знали, чувствовали, говорили, жалели и удивлялись. Но когда кончилась война, Суворов, объявляя высочайшие награды, заключает: *А капитану N.N. за Брест – Георгия Крест, за Тульчин – полковника чин, за Прагу – золотую шагу, а в заключение, за долгое терпенье – 500 душ в награждение.* Вот лаконизм истинно суворовский. Суворов вместе с лаконизмом любил и *фигуру созвучие* (*paronomasiam*), приятную для русского слуха.

§ 5. *Прозаический слог* (*oratio non periodica elegantior*⁴⁷) занимает средину между периодическим и отрывистым. Он свойствен тем писателям, кои равно чувствительны и к мере стихов, и к плавности периодов – и есть счастливое соединение того и другого.

Примеч. Если проза *больше* заимствует от меры стихов, называется *стихотворною* (*prosa scandens*). Это имеет *свою* приятность для слуха. Таков *первый* перевод прозою *Песни Игоревои*. Таковы многие места „Марфы Посадницы“. Напр.: *Раздался звук вечегого колокола и вздрогнули сердца в Новгороде.* [Здесь в обоих предложениях число слогов *равное* и оба кончатся одинаковою *стопою*, пэоном.] – Если *больше* заимствует от периодов, называется *важною* [*historica*⁴⁸]. Таков слог *Истории Государства Российского*. Напр.: Владимир усыновил Святополка, однако ж не любил его и, кажется, предвидел в нем будущего злодея. [*Это почти уступительный период.* Т. II. Начало.]

§ 6. *Прозаический слог* употребляется не ораторами и не поэтами, но собственно *прозаиками*, то есть историками, философами и романистами. – Он больше приличен среднему слогу, нежели двум крайним.

Примеч. Все, что сказано о среднем слоге, свойственно и прозаическому. Одно особое замечание: *проза стихотворная* больше нравится молодости, а *важная* – опытности. Кто счастливо начал прозою стихотворной, тот счастливо может достигнуть прозы важной, исторической. Сей слог есть такое высокое искусство, до которого с великим усилием достигают немногие, руководствуясь долгими трудами, здравым разумом, сильным чувством, нежным слухом и вкусом.

§ 7. *Частный слог* (*stylus specialis*) есть способ писать по своему характеру, по своему вкусу. Частным назван потому, что свойствен

⁴⁷ Изящная непериодическая речь.

⁴⁸ Историческая.

одному писателю. И сколько есть разных характеров и вкусов, столько может быть и частных слогов.

§ 8. Выше мы заметили, что частный слог изменяется: *от предмета*, избранного писателем. Так, *слог повестей Карамзина и слог его же Истории* – какая разность!; *от цели*, предположенной писателем. Так, *Батюшков* пишет *О морали, основанной на философии и религии* и *Похвальное слово сну*. В первом увлекает и трогает, во втором – смешит и забавляет; и *от расположения духа*, в котором находится писатель. Так, Карамзин в „*Письмах Филалета и Мелодора*“ глубокомыслен и мрачен, в „*Письмах русского путешественника*“ – весел и часто забавен.

§ 9. Часто одно главнейшее достоинство или главнейший недостаток, всегда встречающийся в слоге писателя, делает слог его *частным* и в особенности свойственным тому писателю.

Мы говорим: слог легкий, плавный, быстрый, нежный, гармонический, приятный, прелестный; слог обработанный, сжатый, затейливый, колкий, комический, пародический; слог живой, свежий, натуральный, живописный, пылкий, огненный и пр. – *И наоборот:* слог тяжелый, грубый, дикий, шероховатый; слог холодный, принужденный, надутый, высокопарный, натянутый, растянутый и пр. Названия показывают и свойства. – *Иногда* названия слогу дают *забавные*, от подобий и отношений. Напр.: слог *водяной, топорный, булыжный*; или: *шелковый, бархатный, жемчужный*.

§ 10. Писатель, известный публике своими сочинениями и частным своим слогом, почти всегда может быть узнан по слогу, хотя бы и скрыл имя (если не изменит слога с намерением или если другой писатель не подделывается под слог его, что также случается)... Так иногда узнают виновника дела по известному характеру человека.

Примеч. Частный слог в некотором смысле есть *физиономия* писателя. Все люди имеют одинаковые *общие черты* лица, но каждое лицо имеет свое собственное *отличие*; все лучшие писатели имеют *общие свойства* слога, но в каждом есть собственная *физиономия* в слоге. Напр.: писать во вкусе *Тредиаковского* значит писать без всякого вкуса; во вкусе *Ломоносова* – писать правильно, высоко, благозвучно; во вкусе *Фонвизина* – замысловато, остроумно, колко; во вкусе *Карамзина* – легко-занимательно и приятно; во вкусе *Стерна* – смешно и трогательно. Вот физиономия слога их...

XXVIII.

*Достоинства и недостатки слога.**[1] Ясность и темнота. [2] Приличие и неприличие*

Prima oratoris virtus est perspicuitas. *Quint.*⁴⁹

§ 1. [I] Первое достоинство слога – ясность. Без нее все прочие достоинства для читателя, как красы природы без света для зрителя, – исчезают.

Примеч. Есть разные степени ясности – так же, как и света. Если читатель понимает, размышляя и догадываясь, это – свет лунный; если, читая, видит и чувствует, – свет дневной, он и греет; если читает и поражается истиною, это – яркий свет солнца, ясность гения.

§ 2. Три правила сохраняют ясность: первое требует твердого знания предмета. Не только должно хорошо знать, но обдумать и живо представить в воображении то, о чем пишем. Если ж начнем говорить или писать, сами не понимая, то следствием будет темнота или непонятность:

Так иной рассуждает о военных и политических делах, не зная ни политики, ни статистики, ни географии. Или другой силится объяснить затмения Луны, не имея понятия о движении планет.

§ 3. Второе правило ясности требует здоровой, основательной связи в мыслях, которая происходит от силы ума и степени образования, просвещения. Нарушение здоровой связи в мыслях производит особый род темноты, называемый пустословием, бессмыслицей, галиматьею.

Примеч. Бывают разные роды галиматъи:

1) забавная, вопреки вероятиям рассудка. Есть целая книжка забавной галиматъи под названием „Не любо не слушай, а лгать не мешай“;

2) умышленная, по формам логики, против здравого ума. Напр.: Лев терзает овец; а в Риме был Папа Лев; следственно, он терзал овец. Или у Крылова в превосходной басне „Волк, Овца и Человек“ галиматъя волчья: *Понеже кур овца сильнее и с ними ночь была, как видится из дела, И так, судя по совести моей [волчьей, по умышленной кровожадности], нельзя чтоб утерпела И кур она не съела. А вследствие того, казнить овцу И мясо в суд отдать [т. е. волку], а шкурку взять истцу;*

3) высокопарная галиматъя [пустословие] – набор звучных слов без мыслей. Напр.: *Лазурнубурный конь Пегас и серебро-розовые вороны. Макаров. Или: Во светлой мрачности лазоревых небес.* И прочие бывают галиматъи:

4) сентиментальная;

5) ученая.

⁴⁹ Первое достоинство оратора – ясность. Квинтилиан.

§ 4. *Третье* правило ясности требует: 1) естественного порядка слов; 2) точности и общей употребительности слов и выражений и 3) уместных знаков препинания. От несоблюдения сего правила происходит *сбивчивость, недоразумение*. Напр.:

Тредьяковский: *Был Плутон на престоле седяй из черного древа*. – Плутон или трон из черного древа?.. Или *Херасков: Развалины градов там льды изображают*. Что чем изображается?.. Развалинами льды или льдами развалины?.. Или *Петров: Там вихрем хлябь корабль три раза вокруг вращает*, т. е. там хлябь (*бездна*) вращает корабль вихрем три раза или корабль бездну?..

§ 5. Темнота происходит иногда от *излишней краткости* в слоге: *Brevis esse laboro, obscurus fio. Hor.*⁵⁰. Например, в следующих стихах *Тредьяковского*:

„*То ж есмь, видя тебя, что, меня зря, сам быть изволишь*“. Это приветствие Телемака Нарбалу. *То ж есмь*, т. е. я также здоров и счастлив, как ты сам, при свидании со мною. Или в следующем его же стихе, который еще темнее:

„*Лев со преди, со зади же змия, со среди же коза есть!*..“ Прошу угадать, что это такое?.. Это – гора *Химера*, на вершине коей водились львы, на скате – козы, а у подошвы – змеи; она представлена здесь *чудовищем* со львиной головою, змеиным хвостом и козым туловищем, и *для краткости* сие чудовище изображено одним стихом, который прошу прочесть еще раз...

§ 6. [II] Приличие полагается вторым достоинством слога. Иные называют его *благопристойностью*, другие – *вкусом*, но *благопристойность* есть долг, а не достоинство, и требует меньше; а *вкус* – особое чувство, и требует больше, нежели *приличие*, занимающее средину между *благопристойностью* и *вкусом*. Главнейших правил его *четыре*.

§ 7. (а) Слог должен быть приличен предмету: простой предмет требует *простого*, важный – *возвышенного*. Но если высокое пишется низким или низкое высоким слогом, то сочинение называется *забавным, шуточным*.

Забавные сочинения бывают двух родов: *комические* – о низком предмете говорят высокопарно. Напр.: Поэмы *Майкова*, или „Расхищение шуб“ *Шиховского*; и *пародические* – высокий предмет описывают простонародно. Напр.: „Энеиды“ *Осипова* и *Котляревского*, или „Похищение Прозерпины“ (из *Клаудиана*) неизвестного.

§ 8. (б) Слог должен быть приличен лицам, месту и времени: кто, где и в какое время пишет (юноша, или старец; служитель алтаря или

⁵⁰ Стараюсь быть кратким, становлюсь непонятным. *Гораций*. Наука поэзии (25). В переводе М. Л. Гаспарова: „Я силюсь быть краток – Делаюсь темен тотчас“.

воин; раб, или повелитель: *Davusne loquatur, an Heros! Hor.*⁵¹). – Не-приличное лицам называется *неестественным*, неприличное месту и времени – *несообразным*.

§ 9. (в) Приличие требует, чтобы мысли, картины и все украшения были так близки и свойственны предмету, чтобы заключались в самом существе его и отношениях. Если ж мысль или украшение вовсе нейдет предмету, то это называется просто *неприличием*, грубее, *нелепостью*.

Так *некто* в Послании к *П**вой*, говорит, что он не Омир, не может, подобно ему, пленять вымыслами. Напр.:

Умеет ли придать румяный цвет он иве?

Былинке повелеть весь день плясать на ниве?

Заставит ли хоть раз могущего вола,

По жердям прыгая, опередить козла?

Будто Гомер вымышлял пляску былинки или прыганье по жердям!.. Не меньше кстати и выноска внизу: „*Все сии пиитические украшения о румяной иве, воле и козле суть собственного сочинения!*“. Трудно решить, в чем больше приличия: в *гомеровских* ли картинах поэта или в *тонком* замечании *неизвестного*?

Или *Тредьяковский*, утешая друга, советует ему: „Плюнь на скуку, *Морску* суку, Держись черни, а знай штуку“. Совет прекрасен, но 2-й стих такая *нелепость*, какой нет и в натуре.

§ 10. (г) Приличие не терпит странного смешения слов и выражений низких с высокими, шуточных с важными, остроумных с простодушными. Сия смесь производит *чувство смеха*.

Примеч. Есть исключения: иногда, желая быть забавным – особенно в дружеских письмах, критиках и сатирах – нарочно смешать подобным сочетанием странных, но тогда целью бывает *смешное*.

XXIX.

[III] Чистота и небрежность. [IV] Плавность и принуждение

Ut silvae foliis pronos mutantur in annos.
Ita verborum vetus interit aetas. *Hor.*⁵²

§ 1. [III] Чистоту полагают третьим достоинством слога. Некоторые называют сие качество *правильностию*, другие *отделкою*, но

⁵¹ Дав ли говорит, или герой. В смысле: Пусть Дав (обычное имя раба) не говорит, как герой! *Гораций*. Наука поэзии (114).

⁵² Как леса меняют листву в конце года, ...так же наступает старость и для слов. *Гораций*. Наука поэзии (60–61). В переводе М. Л. Гаспарова: „Словно леса меняют листву, обновляясь с годами, Так и слова: что раньше возросло, то раньше погибнет“.

правильность служит основанием, а *отделка* средством к достижению чистоты, состоящей в словах и выражениях.

§ 2. Чистота слога требует *слов* лучших, благороднейших, употребительнейших, а нарушается: 1) словами низкими, или площадными, 2) обветшалыми (*архаизмами*) или вышедшими из употребления, 3) чужестранными, 4) провинциальными, 5) техническими, 6) новыми или неудачно-составными, 7) славянскими не у места.

Примеч. Слова *обветшалые* иногда возобновляют свою силу. – *Провинциальные* получают право гражданства в чистом слоге по нужде. Напр.: *тундра*, *сопка* [*сибирск.*], *хата*, *горцовать*, *кат* [*малорос.*]. – *Технические* необходимы в ученом сочинении. – Для введения *новых* слов требуется, сверх знания языка, вкус и доверенность публики. – *Новосоставные* употребляются поэтами удачно и неудачно. – *Славянские*, если редки и со вкусом, служат лучшим украшением; и те из них особую составляют красоту, которые равно известны и в самом высоком, и в простонародном языке. Напр.: *ведать*, *благословлять*, *ветхий*, *заветный*, *нерукотворный* и пр. Слова в живом языке часто изменяются, *ut silvae foliis*⁵³.

§ 3. Чистота слога требует *выражений*, приличных духу народа, свойству языка, общему его употреблению, словосочинению. – „*Есть звуки сердца русского, есть игра ума русского в произведениях нашей словесности*“ говорит Карамзин, и сие-то *русское* составляет чистоту нашего слога.

Примеч. Каждый народ смотрит на вещи *по-своему*, выражает их *своим* образом и часто не так, как другой народ. Сия разность называется *духом*, *свойством языка* (*идиотизмом*, *гением его*). Напр.: Римлянин говорил: „*я получил наказание от злодея* (*sumpsi poenas de scelerato*)“ – это значит: „*я наказал злодея*. – Или: „*он дал наказание судии* (*dedit poenas judici*)“ – значит: *наказан судьбою*. – В Отечестве нашем *восемь* наречий: одно коренное, *славянское*, два царствующих, близких между собою, *московское* и *санкт-петербургское*, и пять провинциальных: *сибирское*, *малороссийское*, *литовское*, *новгородское* и *вологодское*, не говоря о других, отличающихся только выговором. – Удивительно ли, что привыкший к одному наречию находит другое *не русским*? – Чистота слога требует царствующего наречия.

§ 4. Выражения против свойства языка бывают двух родов: одни – дикие, не свойственные никакому языку, происходящие от странного и неправильного способа соединять понятия; другие – составленные по примеру чуждых языков. У древних ошибки *первого* рода назывались *солецизмами*, а *второго* – *барбаризмами*. У нас ошибки *первого* рода слывут *небрежностью*, *дичью*, а об ошибках *второго* рода говорят: *это не по-русски*; *это латинизм*, *германизм*, *галлицизм* и пр.

⁵³ Как леса листвою.

Примеч. Солон основал в Сицилии город Солеис и населил афинянами; они, смешавшись с природными жителями, начали говорить ни по-аттически, ни по-сицилийски, а странным образом, солецизмами (solecismis utebantur. Diog. Laert.⁵⁴). – Греки и римляне считали все народы варварами, и всякое выражение в духе восточных народов или в ухе галлов, германцев и бриттов называли варварством (barbarismus).

§ 5. [IV] Плавность слога (numerus oratorius, rythmus⁵⁵) – искусство писать так, чтобы чтение было легко и приятно. Иные называют сие достоинство *течением речи*, другие – *ладом*, или *складом*, а некоторые – собственно *слогом*, ибо оно первое заметно при чтении, и дает чувствовать, что в сочинении есть *слог*.

Примеч. Вот достоинство слога, которое легче чувствовать, нежели определить с точностию. Об нем-то говорит И. И. Дмитриев: „Листочек, много два, а любо как читаешь. / Не знаю как-то сам, как будто бы летаешь“. Читайте Похв. слово Екатерине или „Мароу“ Карамзина – вы сами почувствуете плавность. Или вот надпись:

*Его стихов пленительная сладость
Пройдет времен завистливую даль;
И внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль,
И резвая задумается радость.*

В. А. Жуковскому – А. Пушкин.

3-й стих – живое чувство пылкой юности, 4-й стих трогателен, как поэзия Жуковского, 5-й так пленителен своею плавностию и так ярко освещен прелестью идей и правдой, что нельзя не назвать его *стихом гения*.

§ 6. Но если при чтении должно останавливаться против воли или напрягать все силы для достижения конца мысли, это называется *принуждением*. Или если множество односложных (как *камни под ногами*) или многосложных и длинных (как *цепи*) останавливают и путают читателя на каждом шагу, то как не назвать слога *тяжелым*? Например, другая надпись худому стихотворцу:

*Се Росска Флакка зрак! се тот, кто, как и он,
Ввыспрь быстро, как птиц царь, порх вверх на Геликон!
Се лик од, притч творца, муз читателя Графова,
Кой поле унестрил Российска красна Слова.*

Сия надпись составлена *четырьмя* из лучших наших поэтов в примере тяжелого, несносного слога: 1-й стих отличается [какофониею] неприятными звуками; 2-й – убийствен для чтения; 3-й – своим безобразием прелестен; слова: *муз читателя* сливаются в *мучителя*; 4-й – гордится пышностью площадною, а все вместе единственны в своем роде.

⁵⁴ Употребляли солецизмы. Диоген Лаэртский.

⁵⁵ Ораторский метр, ритм.

§ 7. Плавность слога зависит: 1) от естественного хода мыслей; 2) от соразмерности в частях; 3) от соответственности чувств и выражений; и 4) от эвритмии: (1) Естественный ход мыслей требует, чтобы они текли одна за другою, как струя за струею. Неуместные перерывы и неожиданные переходы останавливают читателя.

§ 8. (2) Плавность слога требует какой-то известной *соразмерности* в частях периодов, в соединении периодического слога с отрывистым и какого-то *тайного согласия речи* с быстротою или медленностию описываемых происшествий.

§ 9. (3) Плавность слога требует соответственности между порывами духа и мерою слов, в то время произносимых; между краткостью, или полнотою выражений, и живостию чувствований. Напр.:

*Ты дхнешь – и движенешь океаны!
Речешь – и вспяť они текут! (Дмитр.)*

§ 10. (4) Наконец, плавность слога требует *эвритмии*. Так называется редкое *искусство оканчивать* мысли, точки, части сочинения и самое сочинение *удовлетворительным образом*, т. е. в разных случаях: величественно, торжественно, прелестно, печально, блистательно, важно и пр. (Некоторые смешивают *эвритмию* с течением речи, *ритмом*.) Напр.:

Величественная эвритмия: „И там столпы свои поставит, Где свету целому предел“ (Дмитр.). – Торжественная: „Аще бо паки возможете и паки побеждены будете: яко с нами Бог“. [Платон оканчивает речь на коронацию.] – Прелестную (мы видели): „И резвая задумается радость“ (Пушк.). – Печальная: „Ударит час, и нас не будет! но останутся дела наши, и потомство благословит память нашу“ (Бакк.). – Блистательная: „Со треском небо развалится, и время на косу падет“ (Дмитр.). – Важная: „Да цветет Россия!.. по крайней мере, долго-долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой“ (Кар.).

XXX.

[V] Гармония. [VI] Украшение

§ 1. [V] Гармония – музыка слога – удовольствие слуха – есть такое наружное достоинство, которое приятно, когда сохранены важнейшие. Оно требует тонкого музыкального слуха и бывает двух родов: 1) благозвучность (*эвфония*), и 2) подражательная гармония (*звукоподражание*).

Примеч. Гармония, по назначению своему, больше прилична поэзии, нежели прозе, ибо цель ее удовольствие, а не польза. Но так как самое удовольствие для людей просвещенных становится необходимостью, то и проза не чуждается гармонии.

§2. *Благозвучность*, или *эвфония*, есть искусство составлять *аккорды звуков*, т. е. располагать звуки букв как тоны музыки, приятно для слуха, в некоторой соответствии, гласных с согласными, твердых с мягкими, шипящих с свистящими и пр. Это легче чувствовать, нежели описывать – зависит от нежности слуха. Напр.:

Я нахожу эвфонию в следующих выражениях Карамзина: „В цветущей Андалузии, там, где шумят гордые пальмы, где благоухают миртовые рощи, где величественный Гвадалквивир медленно катит свои воды“ и пр. „Вечерние лучи солнца угасали на блестящем их оружии“. – „С видом гордым, в одежде воинской и мечем препоясанный. – Или в следующих стихах Державина: „От чаши круговой зорями / Седые чёла в тьме блестят“. – „Бросишь взоры голубые, и зажжешь у них сердца“ и пр. Разные чувствования эвфонии происходят от разности слуха.

§3. Благозвучность нарушается стечением одинаковых слогов, или многих одинаковых согласных, трудных для выговора, неприятных для слуха. Сей недостаток называется *какофонией*.

Пример *какофонии* видели мы в надписи художу стихотворцу: *Се Росска Флакка зрак! Се тот, кто, как и он, выиспрь быстро как птиць царь, порх вверх* и пр.

§4. Благозвучность нарушается стечением многих гласных вместе. Сей недостаток называется *гиатом* (*hiatus зевание*). Напр.: *И он и Иоанн*. – Или: *тихое уединение*.

§5. Подражательная гармония, или *звукоподражание*, есть искусство звуками слов выражать звуки или действие описываемого предмета. Так выражают:

Удары грома, Державин: „Грохочет эхо по горам Как гром, гремющий по громам“. Он же: трели соловья: „Ты шелкаешь, крутишь, поводишь, журчишь и стонешь в голосах“; и треск его: „Средь поздних, ранних, красных зарь“. – Бурю и потопление корабля, Петров: „Урча и клокоча со щоглой поглощаешь (с мачтой)“. – Бег коня, неизвестный: От топота копыт пыль по полю дымится. – Веяние Зефира, Карамзин: „Плачьте Нимфы, нет Орфея. Ветр унылый, тихо вея, нам вещает: нет его!“ (Звуки нимфы – Орфея – ветер – вея – вещает показывают движение воздуха.) – Лай моськи, Крылов: „Эх! Эх, ей моська отвечает“. Его же: „Хавронья хрюкает: ну, право, порют вздор“. Нескладность и торопливость лягушек, его же: „Со всех лягушки ног В испуге пометались: Кто как успел, куда кто мог“. (В последнем стихе почти слышно, как мечутся лягушки.) И пр. и пр.

§6. [VI] *Украшение* – живопись слога – есть искусство пользоваться красотами предмета, или красотами выражений. Оно бывает двух родов: по предмету – *внутреннее*, по слогу – *наружное*.

Примеч. Не смешивайте украшения с тем, что собственно называется прекрасным. Украшение ведет только к прекрасному, а прекрасное (само по

себе) есть союз *истины* и *добра*, украшенный земною красотою и *всегда* напоминающий о *красоте* бесконечной. Напр.: *в с е л е н н а я - д о б р о д е т е л ь*. – Оно всегда и везде прекрасно, а если кому-либо когда-либо не кажется прекрасным, то не оно виною. – Виноваты ли цветы за то, что слепой их не видит или за то, что во время ночи покрываются мраком... Прекрасное бывает в *натуре* и в *искусствах* и, как род, имеет виды. Напр.: *П р е л е с т н о е ... (г р а ц и я)*. Это то же прекрасное, но только в приятном движении к нам, оно улыбается и хочет соединиться с нашим сердцем. Напр.: *М и л о с е р д и е*. – (Прошу *твердо* заметить, что *без идеи о красоте бесконечной* прекрасное в искусствах может унизиться до грубой чувственности и в ней исчезнет.)

§ 7. Внутреннее украшение состоит в искусстве *изобретения* и *расположения*. Оно так же, как и прекрасное, неизменно для всех веков и народов и не теряет достоинства своего, утратив наружную прелесть слога.

Отчего мы удивляемся *Феофану*, несмотря на то, что язык его есть смесь малороссийского, польского, богослужебного и великороссийского?.. – Оттого, что он удивляет и поражает нас силою доказательств и искусством их расположения.

§ 8. Внутреннее украшение зависит от изобретения и расположения, а изобретение и расположение – от силы ума и степени чувства и вкуса, врожденных человеку и образованных наукою. Итак, внутреннее, *истинное* красноречие требует врожденных способностей так же, как и поэзия – вопреки мнению древних, будто „поэты рождаются со способностями, а ораторы приобретают дар в школе“.

Примеч. Внутреннее украшение требует глубоких соображений с теми великими истинами и приличиями, которые существуют во всех веках, у всех образованных народов и показывают степени ума, познания натуры и сердца человеческого. Оно без наружных украшений для обыкновенных глаз почти не заметно – так кажется легким и естественным!

§ 9. *Наружное украшение* – роскошь слога, которая часто скрывает бедность мыслей – состоит, большей частию, в *тропах* и *фигурах*. Оно пленяет один век, одно поколение, но так блистательно для глаз обыкновенных, что преимущественно присваивает себе название *красноречия*.

Заметим, что и римляне от слова *eloqui* – *сказать, написать, сочинить*, называли красноречие *eloquentia*, а способ выражать мысли *elocutio* и придавали такую важность наружному украшению слога, *тропам* и *фигурам*, что составили для них пространное отделение в своих реториках.

§ 10. *Тропы* – язык *воображения*, пленительный и живописный, основанный на подобиях и разных отношениях, а *фигуры* – язык *страстей*, сильный и разительный, свойственный оратору в жару

чувств, в стремлении души, в пылком движении сердца. – Спокойное воображение и чувство не имеют в них нужды.

Примеч. 1. Вообще *тропы* и *фигуры* тогда только составляют красоту, когда непринужденны, не высканнны, как будто ненарочно, сами собою встречаются и, по-видимому, неизбежны; в противном случае они для слога – бремя.

Примеч. 2. Но учащийся риторике *хочет* и *имеет* полное право знать все роды риторических украшений. Посему *необходимо* показать их в общей риторике и в последнем отделении в виде полного *систематического* словаря – не для заучивания, а для *сведения, для справок*, на всякий случай сомнений или споров.

Отделение VI. ВСЕ РОДЫ УКРАШЕНИЙ

Dixeris egregie notum si callida verbum.
Reddiderit junctura novum. *Hor.*⁵⁶

XXXI.

Тропы

§ 1. Троп (от τρέπω, verto – переменяю) есть это перенесение слова (иногда и мысли) от своего собственного значения к несобственному по *четырем* случаям: *по подобию* (метафора), *по качеству* (метонимия), *по количеству* (синекдоха) и *по противоположению* (ирония). Главных тропов четыре, а прочие, коих еще 5, суть виды, или изменения первых.

Нужда изобрела *тропы*: в природе больше предметов и действий, чем в языках слов. Мы говорим: *ножка у стола, у стула; ручка у кресел, у чашки; нос у корабля, у птицы*. Сначала переносили слова от одного значения к другому *по нужде*, потом воображение, сближая два понятия, *собственное с переносным*, доставило приятное сравнение разуму; разум нашел в нем удовольствие, изобретение нужды обратилось в роскошь, сделало украшение, и риторика назвала его *тропами*.

§ 2. Метафора (от μετα-φέρω, trans-fero – *переношу*) переносит слово от собственного значения к несобственному *по подобию*: 1) от одушевленного к бездушному, 2) от бездушного к одушевленному, 3) от одушевленного к одушевленному, 4) от бездушного к бездушному и 5) иные причисляют к ней живописные эпитеты. *Примеры:*

⁵⁶ Ты скажешь (выразишься) превосходно, если искусное сочетание придаст новизну известному слову. Гораций. Наука поэзии (47–48). В переводе М. Л. Гаспарова: „Если известное слово искусным с другим сочетаньем сделаешь новым – прекрасно!“.

1) Луга смеются, зефиры дышат; 2) Каменное сердце, железная грудь; 3) Алчный взор; 4) Златая плавает луна в серебряной порфире (Держ.); 5) Серпокогтистый орел (Держ.); Полувоздушная нимфа (Пушк.). – Можно употреблять метафоры благородные, высокие, прекрасные, смелые, живописные, сильные и разительные. – Должно избегать низких и отвратительных.

§ 3. Метонимия (от *μετά* – через, пере и *ὄνομα* – имя; *переименование*) переносит значение слова по качеству, т. е. по разным отношениям, полагая: 1) предыдущее *вместо* последующего; 2) последующее *вместо* предыдущего; 3) действие *вместо* причины; 4) причину *вместо* действия; 5) творца *вместо* творения; 6) изобретателя *вместо* изобретения; 7) государя *вместо* подданных; 8) полководца *вместо* войска; 9) содержащее *вместо* содержимого; 10) содержимое *вместо* содержащего; 11) знак *вместо* значимого; 12) значимое *вместо* знака; 13) вещь за время; 14) время за вещь; 15) вещество *вместо* вещи; 16) владельца *вместо* его собственности. *Примеры:*

1) Обнажить меч [*вместо воевать*]; 2) Принести *опустошение* [*вместо войны, которой следствие опустошение*]; 3) Он носит *смерть* в груди [т. е. *пулю, рану, причину смерти*]. Изобретать *мысли* [т. е. *предмет, возбуждающий мысли*]; 4) Жить *трудами* [т. е. *деньгами за труды*]. Выражать *чувства* [т. е. *действие чувств, ощущение чувствования*]; 5) Читать Ломоносова, Державина [*их сочинения*]; 6) Наполнить чашу *Вакхом* [*вином*]; 7) *Петр I* создал Петербург [*его подданные*]; 8) Суворов взял Прагу [*его войско*]; 9) Берега Невы руками плещут (*Лом.*) [*жители берегов*]. Восток и Запад меняются богатствами (*Кар.*) [*их жители*]; 10) Коварство Наполеона посрамилось [*Наполеон, скрывавший коварство*]; 11) Орел затмил Луну [*Россия Порту; их гербы, знаки*]; 12) Петр I величествен на коне [*его статуя*]; 13) Жатва *вместо* лета; 14) XVIII век славен ложной философией [*философы сего века*]; 15) Пить вина *изумрудам* [*изумрудной чашей*]; 16) Сосед горит [*его дом*].

§ 4. Синекдоха (от *Συνεκδοχή*, *comprehensio* – *уразумение, догадка*) переносит слово по количеству: 1) целое *вместо* части; 2) часть *вместо* целого; 3) род *вместо* вида; 4) вид *вместо* рода; 5) единственное *вместо* множественного; 6) множественное *вместо* единственного; 7) отвлеченное *вместо* соединенного; 8) известное число *вместо* неизвестного; 9) собственное *вместо* нарицательного; 10) нарицательное *вместо* собственного. Сюда относится и антономазия (проименование) – употребление а) собственных по свойствам и б) нарицательных таких, которые одному только собственному приличны. *Примеры:*

1) Египтянин пьет *Нил* [*часть воды его*] (*Лом.*). Нерукотворная *гора* [*отломок горы под статуей Петра*] (*Рубан*); 2) Сколько голов (людей), столько умов (*пословица*); 3) Не мнит лишь *смертный* (человек) умирать (*Держ.*); 4) У него есть *хлеб* [*изобилие во всем*]; 5) Бледнеет *галл* [*галлы*], дрожит *сармат* [*сарма-*

ты] (Жук.); 6) Наши *Румянцевы, Суворовы* памятни Порте; 7) Где *бедность* по миру не ходит, *заслуга* хлеб себе находит (Держ.); 8) Там *тысячи* [очень много] валяются вдруг; 9) Взять шлем *Ахиллов* [неизвестного воина] не робеет. Нашедши в поле *Фирс* [неизвестный пастух] (Держ.); 10) *Троянец* [Эней] в Италии. – *Автономазия*: а) вместо он очень силен – он Геркулес; вместо очень богат – он Крез; б) вместо Дмитрий Донской – победитель Мамай; вместо Петр I – преобразитель России; вместо Князь Кутузов-Смоленский – спаситель Отечества и пр.

§ 5. Ирония (от ἰρωνεία, *illutio* – *насмешка*) переносит слово (иногда и мысль) в *противное значение*, разумеется, в насмешку, и бывает трех родов: 1) *сарказм* – самая язвительная насмешка в повелительном наклонении над несчастным, бессильным или умершим; 2) *астеизм* – колкая насмешка; 3) *хариентизм*, забавная, приятная шутка. К ним причисляются: а) *диасирм* – пояснение слова или мысли в противную сторону; б) *мимезис* – ироническое повторение слов и телодвижений другого; в) *хлеазм* – когда берут на себя то, что сделал другой, и наоборот; и г) *антифразис* (*противоположен автономазии*) – когда дают собственное имя в противном значении. *Примеры*:

1) *Радуйся!..* Царь Иудейский! 2) у Крылова Муравей – Стрекозе: „Ты все пела! Это дело. Ну! Поди ж теперь пляши!..“; 3) *хариентизм*, у Хеминцера: „Да, яма надобна большая“ [для глупцов]; у Крылова: „Да чтоб гусей не раздражить“; а) *диасирм в слове*: „Отличусь в сражении и получу крест!“. Другой отвечает: „Конечно, и еще большой, деревянный!..“ (т. е. над могилой); *диасирм в мысли*: „Но принужден будешь дать своей империи повеление, чтобы она тебе верила, то есть признаться перед целым миром (светом), что твоя империя тебе не верит“ (Филар.); б) *мимезис*, у Крылова: *Работник, убивший Медведя, слыша брань хозяина*: „Помилуй, говорит, за что?“ [*крестьянин передразнивая*] „За что?.. болван!“; в) *хлеазм*: *Муха Дмитриева говорит*: „Откуда? Мы пахали – Мы сбили, мы решили“; г) *антифразис*: Слабого назвать Геркулесом, ничего – Крезом.

§ 6. Гипербола (от υπερβάλλω – *перебавляю; перебавка*) есть 1) чрезмерное увеличение (*auxisis*) или 2) чрезмерное уменьшение (*meiosis, tapinosis*) предмета. Это случается 3) при насмешках и потому гиперболу относят к иронии; 4) бывает и без насмешек. Гипербола в *целой мысли* относится к фигурам мыслей (см. ниже). *Примеры*:

1) Димосфен *гремел* [сильно говорил] против Филиппа; 2) Бавий *прохрипел* [плохо прочел оду]; 3) Мевий *пропищал, провизжал* песню; 4) Слезы покатились ручьями. Пот сыплет градом.

§ 7. Аллегория (от ἄλλος – *иной* и ἁγορά – *речь, иносказание*) переносит не слово, а целую мысль (всегда троп мыслей): 1) по

подобию, как метафора; 2) иногда по отношениям, как метонимия; и бывает: 3) *чистая*, где все слова в переносном значении, и 4) *смешанная*, где есть слова в собственном значении. *Примеры:*

1) Лишь *солнце* [*счастье*] чуть кого *пригреет* [*поблагодарит*], Тот редко-редко разумеет, что многим очень *холодно* [*страждут*]; 2) Глядела и едва блистала [*Луна*] Пред старцем [*Румянцовым*] преклонив рога. Как бы с почтеньем признавала В нем своего того врага, Которого она страшилась, Кому Вселенная дивилась [*Тут Луна значит Турцию, метонимия 11 – знак вместо значимого*⁵⁷]; 3) Оба примера чистой аллегории; 4) Утро *дней моих* затмилось.

§ 8. **Эмфазис** (от εμφαίνω – отвечаю, оттеняю, *оттенение*) – прекрасный *троп в мыслях*, род гиперболы, усиливающий, *оттеняющий* качество или действие предмета посторонними обстоятельствами. Напр.:

Едва Зевес подвиг бровями, весь Олимп восколебался [*каково могущество!*]. – Или: Слепой циклоп Полифем идет и вместо посоха ищет дорогу собою; он входит далеко в море и волны едва достигают колен его! [*какова громада!*] – Или: „Ступит на горы – горы трещат, Ляжет на море – бездны кипят, Града коснется – град упадает, Башни рукою за облак бросает“ [*каков Суворов!*].

§ 9. **Металепсис** (от μετά – через и λαμβάνω – понимаю, *чрезпонятие*) переносит слово через два и три значения, соединяет два и три тропа вместе. Напр.:

„Как десять жатв прошло, взята пространна Троя“. Здесь *жатва* за лето – метонимия 13 – вещь за время⁵⁸, а *лето* за круглый год – синекдоха 2 – часть вместо целого⁵⁹. Или: „Я девять тяжких лун *страдала* за него!“ Здесь *луна* вместо известного ее движения – метонимия 4 – причина вместо действия⁶⁰, а известное движение за определенное время, в которое оно совершается – метонимия же, но другое отношение, т. е. 13 – вещь за время⁶¹.

§ 10. **Катахрезис** (abusus – *злоупотребление*). Так называется всякий троп, во зло употребленный, т. е. некстати выисканный, неуместный, низкий, пошлый. Напр.:

О лестница моего благополучия (т. е. *благодетель*)! Пугалище пороков, т. е. *добродетельный*. Громозвучный комар, златоблестящая солома и пр.

Примеч. Тропы в словах суть собственно тропы, но тропы в мыслях или относятся к *фигурам мыслей*, или называются просто *мыслью аллегорической, иронической, гиперболической и эмфатической*.

⁵⁷ См.: метонимия в 11-м значении на стр. 114.

⁵⁸ См.: метонимия в 13-м значении там же.

⁵⁹ См.: синекдоха во 2-м значении там же.

⁶⁰ См.: метонимия в 4-м значении там же.

⁶¹ См.: метонимия в 13-м значении там же.

XXXII.

Фигуры от недостатка и изобилия слов

§ 1. Фигура (*figura*, словоизвятие) есть оборот слов или мыслей, отступающий от простой, обыкновенной, холодной речи, выражение, исполненное чувства, язык страстей. Фигуры бывают *в словах и в мыслях*.

§ 2. И тропы тоже бывают *в словах и в мыслях* – чем же различаются?.. *В словах* троп всегда *перемещает*, переносит слово от собственного значения к несобственному; фигура *не перемещает* слова, а только играет им: то выбросит, то повторит дважды, трижды и больше, то поставит в известных местах и пр. Но троп с переменою слова, а фигура с перестановкою его исчезают.

§ 3. *В мыслях* тропы и фигуры от перемены слов не меняются. Но тропы всегда переносят мысль в иносказание, а фигуры не перемещают мысли, но придают ей такую силу, красоту и живость, которые холодным душам не известны.

Примеч. Фигуры слов иногда называются *грамматическими*, ибо слова – предмет грамматики, а фигуры *мыслей* – *реторическими*, ибо мысли – предмет ретирики.

§ 4. Фигуры слов рождаются в полноте чувств от четырех причин: а) от недостатка слов, б) от изобилия, в) от повторения и г) от сходства.

§ 5. От *недостатка слов* происходят две только фигуры: *умолчание* и *бессоюзие*, а от изобилия – три: *изобилие*, *многосоюзие* и *единозначение*.

§ 6. Умолчание (*ellipsis*) – опущение одного слова, которое в сильном чувстве не договаривается, но очень понятно слушателям. Напр.:

Нептун грозит ветрам: „Вот я вас... только дай мне волны успокоить“ [*нужно ли сказывать „накажу“?*] (*Лом.*). – Или: „На Кремль, на Кремль!.. и стар, и млад“ [*т. е. спешите*] (*Жук.*). – Или: „Летят! Огню – дома, поля... Перунам... – грудь и длани!“ [*т. е. предают*] (*Жук.*). – Или: „О вас... молитва пред Творцем“ [*т. е. совершается*] (*Жук.*). – Или: „Вам, вам все блага на земле!..“ [*да будут ниспосланы*] (*Жук.*).

§ 7. Бессоюзие (*asyndeton*) – опущение союза и для большей быстроты 1) между словами и 2) между мыслями. *Примеры:*

1) *в словах:* Всемогуший не лишит нас сего утешения добрых, чувствительных, печальных (*Кар.*). – Бог резвый, скользкий, роковой (*счастье Державина*);

2) *в мыслях:* „Краснеет Понт, ревет гром ярый. Ударам вслед звучат удары. Дрожит земля, дождь искр течет, Клокочут реки дрянной лавы...“ (*Держ.*).

§ 8. Изобиливание (pleonasmus) – прибавление таких слов, которые вовсе были бы не нужны, если бы не придавали мысли большей выразительности и силы. Напр.:

Я видел это *собственными моими глазами*. – Слышал *собственными ушами*. – Отдал *собственными руками*.

§ 9. Многосоюзиe (polysyndeton) – прибавление союза „и“ для большей выразительности и силы: 1) между словами, 2) между мыслями. Сия фигура противоположна *бессоюзио*. *Примеры*:

1) И радуемся, и торжествуем, и приветствуем, и благодарим Господу; и вопием (*Плат.*). – И малые, и старые, и богатые, и убогие хвалят добродетель; 2) И кони ржут, грызя бразды, И строй сомкнулся с строем, И вождь летит перед рядами, И пышет ратник боем (*Жук.*).

§ 10. Единозначение 1) в словах (synonymia), 2) в выражениях (exergasia) – есть соединение двух-трех слов или двух-трех выражений подобных, сходных, близких по значению. Тут требуется, чтобы следующее слово или выражение было сильнее предыдущего. *Примеры*:

1) в словах: Надуемся, напред, ударим, поразим (*Дмитр.*). – В стенах наших родилось, утвердилось и прославилось самодержавие земли Русской (*Кар.*). – Их сыновнею любовию красуюсь я, славлюсь и блаженствую (*Бакк.*);

2) в выражениях: И воинство заняло *полуостров крымский, древнюю Тавриду*. – Сии места были *горестною пустынею, дикою степью* (*Кар.*). – Они узнали прежних своих разителей, узнали по их *быстрым движениям, смертоносным громам, сокрушительным ударам* (*Кар.*).

XXXIII.

Фигуры от повторения и сходства слов

От повторения слов происходят семь главнейших фигур:

§ 1. Усугубление (epizeuxis) – повторение одного слова 1) дважды и 2) трижды через несколько слов для большей красоты и выразительности. *Примеры*:

1) *Восторг! Восторг* я ощущаю (*Дмитр.*). – *Шуми, шуми* волнами, Рона (*Бат.*). – Придут, придут часы скучны (*Держ.*); 2) *Зовет* меня, *зовет* твой стон; *зовет* и к гробу приближает (*Держ.*).

§ 2. Возвращение (anadiplosis) начинает другое предложение тем словом, коим первое кончилось: 1) с прибавлением к нему большей силы; 2) возвращение с разделением (antanaclasis) – оканчивается такими двумя и тремя словами, кои в двух и трех следующих предложениях повторяются порознь с объяснением; 3) *превращение*

(*epanodos*) – повторение тех же самых слов, но в другом порядке. *Примеры:*

1) *возвращение*: Низвергнется, *падет, падет* и не восстанет. – Я лишился друга, *друга*, которого ничто заменить не может. – Ты *жив*, но *жив* не для обуздания, а для умножения твоей дерзости;

2) *возвращение с разделением*: Он [Бецкий] оставил память о себе *в имени и в делах: в имени*, написанном в книге вечной жизни; *в делах*, увенчанных небесною славою (Анаст.). – Вся военная теория его (Суворова) состояла в трех словах: *взор, быстрота, удар*; но *взор* сей дает природа немногим; но *быстрота* сия была тайною для самих аннибалов; но *удар* сей разителен единственно с Суворовым (Кар.);

3) *превращение*: И все, что в мире оживлено, *Дань платит счастьем и любовью. Все дань любви и счастьем платит*. Лишь человек... (Капнист).

§ 3. Единоначатие (*anaphora*) – когда несколько предложений или стихов сряду начинаются 1) одним словом или 2) иногда и двумя словами. *Примеры:*

1) *Вечное движение* в одном кругу, *вечное* повторение, *вечная* смена дня с ночью и ночи со днем, *вечное* смешение истин с заблуждениями и добродетелей с пороками (Кар.). – *Тобой* поставлю суд правдивый, *Тобой* сотру сердца кичливы, *Тобой* я буду злость казнить, *Тобой* заслугам мзду дарить (Лом.). – *Возрастай*, дитя прекрасно, *Возрастай*, наш полубог, *Возрастай*, уподобляясь, ты родителям во всем (Держ.); 2) Он так взирал к врагам лицом, он так бросал за Бельт свой гром, он сильно так взносил десницу (Лом.).

§ 4. Единоокончание (*epiphora*) – несколько предложений подряд оканчивает 1) одним словом, 2) иногда двумя словами. Сия фигура в противоположности с *единоначатием*. *Примеры:*

1) Граждане! Вы жалеете о трех истребленных воинствах? – истребил их *Антоний*. Мы лишились знаменитейших граждан? – похитил их *Антоний*. Ограничена власть сего самого Сената? – стеснил ее *Антоний* (Циц.); 2) Век просвещения! Я не узнаю тебя; в крови и пламени не узнаю тебя; среди убийств и разрушений не узнаю тебя! (Кар.).

§ 5. Совокупление (*symploce*) – несколько предложений сряду начинает все *одним* и кончит все другим, но одинаковым словом. Соединяет *единоначатие* с *единоокончанием*. Напр.:

Кто первый оградил царство наше искусственными твердынями? *Петр Великий*. *Кто* первый устроил воинство и создал флоты? *Петр Великий*. *Кто* первый избрал толь крепкое место к населению сего царственного града? *Петр Великий*. *Кто* созидает и украшает сей град многокрасивыми зданиями? *Петр Великий* (Феоф.).

§ 6. Восхождение (*climax*) – когда несколько предложений выводятся одно из другого так, что каким словом первое кончится, тем следующее начинается, и постепенно возвышается речь. Напр.:

И нас, чад своих, призвала прославить *имя твое (Екатерина – Петра)*, а в *имени твоём* прославить *добродетель*, в *добродетели* же прославить самого Бога (*Плат.*). – В городах начинается *роскошь*, от *роскоши* исходит *корыстолюбие*, от *корыстолюбия* рождается *дерзость*, а *дерзость* отваживается на все злодеяния.

§ 7. Окружение (epanalepsis) – повторение одного слова в начале и в конце краткого по полноте периода. Напр.:

Внемлите, народы, Эллады сыны! Высокие песням внемлите (Бат.). – Слезой я каждый день встречаю и кончу каждый день слезой. – Я весел, но о чем, того и сам не знаю. Но что мне нужды в том, лишь только б был я весел. – Узнала витязя она, и брата с ужасом узнала.

§ 8. Наклонение (polyptoton) – 1) употребление одного слова в разных грамматических переменах, 2) *произвождение* (paregmenon) – счастливое употребление слов, от одного корня происходящих. *Примеры:*

1) *Себя собою* составляя, *Собою из себя* сияя, Ты был, Ты есть, Ты будешь ввек (*Держ.*). – *Грудь со грудью и рука с рукою* (*Дмитр.*). – *Желал*, чего *желать* не должно, *искал*, чего *найти* не можно (*Кар.*); 2) *произвождение*: *Царю царствующим* и *Господину господствующим*. – Не гордитесь *сильные силою*, *славные славою*, *могущественные могуществом* и *богатые богатством* своим (*Плат.*). – Теперь он (*Очаков*) падает во всем *величии*, чтоб тем еще более *увеличить* славу нашу (*Кар.*).

§ 9. Отличение (plocse) – 1) употребление одного слова в разных значениях; 2) *различение* (paradiastole) – употребление разных слов в одном значении. *Примеры:*

1) *отличие*: И в *мире* миром насладишься. Или: *Осел* пребудет век *Ослом* (*Держ.*). – И из гостей домой пришла *свинья свиной* (*Крыл.*). – И *ниций* *нищенским* по-прежнему остался (*Крыл.*) [*В первом случае имя показывает название, а во втором – его свойство.*];

2) *различение* [*Цицерон против Верреса*]: Не *вора*, но *грабителя*, не *святогата*, но *врага святыни*, не *убийцу*, но *палача граждан* предаем суду вашему. – Не *сочинителя*, но *сочинение*, не *злодеев*, а *злодейство*, не *порочных*, но *порок* обвинять должно.

§ 10. Соответствие (homoeoptaton) – 1) расположение слов в двух-трех предложениях, одно другому отвечающих; 2) *созвучие* (paronomasia) – неожиданное и резкое стечение одинаковых звуков, рифма в прозе, любимая в простонародном слоге русских, особенно в пословицах; 3) *согласие окончаний* (homoeoteleuton) – когда краткие предложения оканчиваются или именами в одних падежах, или глаголами в одних временах, лицах и пр. *Примеры:*

1) *соответствие*: Народы дикие любят независимость, народы мудрые любят порядок, а нет порядка без власти самодержавной (Кар.);

2) *созвучие*: Вор ворует не для *прибыли*, а для своей *гибели* (поговорка). – А он (Наполеон) за виски, да в тиски (Рост.). Да и твоей силе быть в могиле (Рост.);

3) *согласие окончаний*: Прилежание *похвалится*, труд *наградится*, успехи *прославятся*. – Богатство *приобретается хитростями*, уважение – *добродетелию*, а слава – *великими делами*. – Все спрашивают, никто не отвечает (Кар.). – Тем соединяющие правление с подчинением узы неразрывнее, ревность ко благу общему – живее, деятельность – неутомимее, единодушие – неразлучнее, крепость – необоримее (Филар.).

XXXIV.

Фигуры мыслей, убеждающие разум

Примеч. Фигуры мыслей заключаются в оборотах *сильных, новых и трогательных*. Они действуют или *больше* на разум, или *больше* на воображение, или *больше* на сердце. По преимуществу действия каждая фигура причислена к одной из *трех* способностей. – Прозаик, оратор и поэт имеют на них равное право. – Но если разделим фигуры на грамматические (*ф. слов*), риторические (*ф. разума*), прозаические (*ф. воображения*) и поэтические (*ф. сердца*), то грамматик, оратор, прозаик и поэт поссорятся за собственность.

§ 1. Предупреждение (*occipatio*) – когда оратор, *предупреждая* слушателей, сам возражает себе и опровергает возражение. – Служит к большему убеждению. Напр.:

Цицерон за Квинтия: Ты скажешь, что не было ни времени, ни возможности призвать его к суду, но он жил с тобою больше года. Скажешь, что в Галлии нельзя было судить его, но в сей провинции суд производился. – *Демосфен к афинянам против Филиппа*: Но, может быть, некоторые спросят: где ж флот наш пристанет к берегу? – Война, афиняне, сама война назначит место: она укажет нам, где неприятель будет слабее... нам должно только отважиться на битву.

§ 2. Ответствование (*subjectio*) – когда сами вопрошаем и отвечаем. – Сия фигура возбуждает внимание, любопытство и удовлетворяет оному. *Примеры*:

у прозаиков: Новгород видал надменного врага пред стенами своими – кто ж входил в них доньше? Одни друзья его (Кар.).

у ораторов: Потомство соплетет ему венец хвалы? Но глава, увядшая под смертным серпом, носить его не может. Бытописания возвестят дела его? Но сему не внемлет слух, прилегший к сердцу земли, которого и глас грома не потрясает. Воздвигнут в честь его медь или мрамор? Но под тяжестью его изнемогают кости, кои природа тихим манием преклонила в мире уснуть и почтить (Анаст. о Бецком);

у поэтов:

В полях ли брань? – Ты тьмишь свод звездный.

В морях ли бой? – Ты пенишь бездны (*Держ.*).

§ 3. Уступление (*concessio*) – когда мы соглашаемся на противное, но для того, чтобы тем более низвергнуть противника и подтвердить нашу истину. – Требуется тонкости ума, чтобы поразить противника его же оружием. На ней часто основываются *эпиграммы*. Напр.:

Наш Доктор говорит: нет! Ни один больной

Не скажет, будто бы он не доволен мной.

– Конечно, ни один не скажет:

Смерть всякому язык завяжет (*Дмитр.*).

Или: Так точно! В продолжении дня

Ты можешь и продать и выкупить меня.

В проворстве всяк тебе уступит.

Я сам ручаюсь головой,

Что в целый век того не сделать мне с тобой:

Тебя – никто не купит. *N.N.*

§ 4. Разделение (*distributio*) – вычисление видов вместо рода, частей вместо целого. Оно делает истину очевиднее, более убеждает разум. Напр.:

Здесь сонм великих Ее мужей (*России*) – там строй непобедимых Ее ратников, и знамена, на коих орел расprostирает крыле свои, струятся в воздухе. Здесь цветут Ее грады, Ее мирные села и благословенные нивы – там сверкают Ее реки, текущие обилием; там возвышаются Ее горы, источающие сокровища; там шумят необозримые моря Ее и флаги Ее развивают (*Бакк.*).

§ 5. Перемещение (*antimetabole*) – когда переставив слова в предложении, даем другую, сильнейшую и часто противную мысль. Сия фигура неожиданно, но тем сильнее убеждает разум. Напр.:

Не для того *живем*, чтоб *есть*, а для того *едим*, чтоб *жить*. – Внимайте *юноши старцу*, которому внимали *старцы*, когда он был *юношей*. – Находясь целую жизнь под *защитою законов и правительства*, воспользуйся случаем быть хотя единожды *защитою законов и Правительства* (*Филар.*). – *Искупи кровию* для потомков те блага, которые *кровию* купили для тебя предки (*Филар.*). – Шуйские хотели, чтобы Великий Князь помнил их угождения и забывал досады – он помнил только досады и забывал угождения (*Кар.*). – „Да! Я изменник, а требую от тебя клятвы, быть верным Государю нашему и сыну его – ты праведен, а не хочешь дать ее“. [*Турунтай замешался и присягнул* (*Кар.*). Т. VIII, с. 209].

§ 6. Остроумие (*охумогон*) – острая мысль с видимым противоречием. Заставляет соображать умом и догадываться. На ней часто основываются *эпиграммы*. *Примеры:*

1) у прозаиков: Где нет предмета для хвалы, там скажем все молчанием (Кар.). – На коих [пирах] трезвость, важность, самая пристойность считались непристойностью (Кар.);

2) у поэтов: Слепец всевидящий! [Гомера называет Батюшков.] – Движений тишина, Стыдливое молчанье, Где вся душа слышна, И прелесть без искусства, Которая для чувства Прекрасней красоты (Жук.).

Эпиграмма: Эдипом Озеров к бессмертию идет:

И кто ж!.. Слепец его ведет!.. (Жук.).

§ 7. Отступление (digressio) – искусный переход от одного предмета к другому. Служит к соединению частей рассуждения. Напр.:

Почему, судя о Тебе, хотя превознесенном паче всех человек, но яко о человеке, и должны бы мы свои радости и восторги торжественные в своих пределах удержать... (см. продолжение).

§ 8. Возвращение (revocatio) – переход от постороннего к главному предмету, последствие отступления. Сии две фигуры всегда следуют одна за другою, обращают ум от одной истины к другой и для ораторов необходимы. Напр.:

Продолжение: Удержать!.. Но что же означает сие днесь над тобою совершившееся действие? Состоит ли оно в одной наружности? Составляет ли только один простой обряд? Ах! Нет (Плат.).

§ 9. Нарращение (gradatio, incrementum) – постепенный ход от слабейшего к сильнейшему, более и более убеждает разум. Напр.:

Если же закон, живущий в сердцах, изгоняется... нет жизни в законах писанных: повеления не имеют уважения, исполнение – доверия, своеволие идет рядом с угнетением, и оба приближают общество к падению (Филар.). – Или: Продолжение и возрастание общей опасности нигде не могло быть примечено, разве при алтарях, где моление становилось продолжительнее, число притекающих возрастало, отверзающиеся Господу сердца, уже не таясь собранный, изливались в слезах умиления (Филар.).

§ 10. Поправление (epanorthosis) – когда одна мысль, как будто нечаянно или не нарочно сказанная, заменяется другою и сильнейшею. Примеры:

1) у ораторов: Погибнете, безрассудные! Вы, дерзающие оскорблять Бога хулением вашим! – Но что я сказал? – Нет! Лучше обратитесь несчастные, к милосердию Его и покайтесь... (из Массильона);

2) у поэтов:

Вся наша жизнь не что иное,

Как лишь мечтание пустое...

Иль нет, тяжелый некий шар,

На нежном волоске висящий. И пр. (Держ.).

XXXV.

Фигуры мыслей, действующие на воображение

§ 1. Изображение (hypotiposis) – *видение*, живая картина, представляющая предмет или происшествие так живо, как будто оно действительно происходит в глазах наших и мы видим его. Она легко воспламеняет страсти: удивление, жалость, досаду, мщение и пр.

Примеры:

1) у ораторов: И Екатерина на троне! Красота в образе воинственной Паллады!.. Вокруг блестящие ряды героев!.. пламя усердия в груди их!.. пред нею священный ужас и гений России!.. опираясь на мужество, богиня шествует – и слава, гремя в облаках трубою, опускает на главу ее венки лавровый! (Кар.) [Удивление];

2) у поэтов:

А там, на лесничный восход
Прибрел на костылях, согбенный,
Бесстрашный, старый воин тот,
Тремя медальми украшенный,
Которого в бою рука
Избавила тебя от смерти –
Он хочет руку ту простерти
Для хлеба от тебя куска (Держ.) [Жалость!].

§ 2. Одушевление (prosopopoeia) – *вошебство чувств*, когда бездушному или отвлеченному предмету дается и жизнь, и действие. Сия фигура сильно поражает воображение. (На ней основаны аллегорические божества греков и римлян.) Напр.:

И бледна Смерть на всех глядит:
Глядит на всех: и на царей,
Кому в державу тесны миры,
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и серебре кумиры,
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны,
И точит лезвие косы (Держ.).

§ 3. Заимословие (sermocinatio) – прекрасный оборот, вкладывающий слова в уста отсутствующего или умершего мужа. (На ней основаны разговоры в царстве мертвых.) Часто сия фигура соединяется с одушевлением, когда бездушному предмету – сверх жизни и действия – даются слова. *Примеры:*

1) у прозаиков: Мизософы (ненавистники просвещения) торжествуют: „Вот плоды вашей мудрости! – говорят они. – Где воспылал огонь раздора, мятежа и

злости? Где первая кровь обагрила землю?.. Да погибнет же ваша (ложная) философия! (Кар.);

2) у ораторов: заимословие с одушевлением: Тогда Отечество (в виде матери) приемлет его (гражданина) и, вознеся глас свой, вещает: „Сын мой! Все, что ты имеешь, – мое. Что ж ты для меня сделаешь? Чем ты мне будешь полезен?“ (Бакк.);

3) у поэтов:

Я прошу у быстрой Волги:

Возврати ты друга мне.

Быстра Волга отвечает:

„Друг твой в дальней стороне“.

§4. Противоположение (antithesis) – искусство противопоставлять предмет предмету (контрасты), или мысль мысли (антитезы). *Opposita penes se posita magis elucescunt*⁶². Сия фигура сильно действует на воображение. Примеры:

1) у прозаиков: Русские гибнут – новгородцы считают золотые монеты. Русские в узах – новгородцы славят вольность свою (Кар.);

2) у ораторов: Сей венец на главе твоей есть слава наша, но – твой подвиг. Сей скипетр есть наш покой, но – твоё бдение. Сия держава есть наша безопасность, но – твоё попечение. Сия порфира есть наше ограждение, но – твоё ополчение. Вся сия утварь царская есть нам утешение, но тебе – бремя (Плат.);

3) у поэтов: контрасты:

Я – царь, я – раб, я – червь, я – бог (Держ.).

Сегодня бог, а завтра – прах (Держ.).

Где столь был яств – там гроб стоит (Держ.).

Примеч. Частое употребление антитез и контрастов, действуя на одно только воображение, делает слог сухим и утомительным (например, слог Сенеки).

§5. Сравнение (parallellus) – сильное сличение подобных предметов, близких действий или свойств. Сия фигура особенно свойственна духу древних русских стихотворений. Примеры:

1) у прозаиков: Суворов, подобно Александру, сколько раз сражался, столько раз побеждал; подобно Цесарю, ставил себя выше рока, и рок не смел избличить его в ошибке (Кар.);

2) у поэтов:

Что не ласточки, не касаточки

Вкруг тепла гнезда увиваются:

Нет. То мать плачет – как река льется,

А сестра плачет – как ручей течет.

Примеч. Сюда относится и напоминание (allusio), прекрасная фигура, представляющая воображению нечто подобное и приятное. Примеры:

1) у ораторов: И сидим сладко, всяк под виноградом своим и под смоковницею своею, якоже Израиль во дни Соломона. Конисский;

⁶² Противоположности, рядом расположенные, ярче сияют.

2) у поэтов: И самый Слон, / Который был в лесах, почтён / Как в Греции Платон (Крыл.).

§ 6. Определение реторическое (*descriptio paraphrasis*, *описание*) – вычисление главнейших качеств, важнейших свойств и принадлежностей, пленительных для воображения. *Примеры:*

1) у прозаиков: История в некотором смысле есть священная книга народов, главная, необходимая, зеркало их бытия и деятельности, скрижаль откровений и правил, завет предков к потомству, дополнение настоящего и пример будущего (Кар.);

2) у поэтов:

О Ты! пространством бесконечный!
Живый в движеньи вещества;
Теченьем времени Превечный,
Без лиц, в трех лицах Божества;
Дух всюду Сущий и Единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог;
Кто все Собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем Бог (Держ.).

§ 7. Напряжение (*energia*) – собрание многих кратких и сильных мыслей об одном предмете. Сходна с наращением. *Разность:* та постепенна и убеждает разум, а *напряжение* усиленно и внезапно-стью действует на воображение. *Примеры:*

1) у прозаиков: Распространился ужас, сделалось общее смятение, затворили крепость, начали вооружаться. [В Казани.] (Кар.);

2) у поэтов:

Жить для себя лишь одного,
Уметь лишь радостей пить реки,
Лишь ветром плыть – гнесть чернь ярмом;
Стыд, совесть – слабых душ тревога!
Нет добродетели!.. Нет Бога!..
Злодей!.. увы! И грянул гром!..“ (Держ.).

§ 8. Превышение (*auxisis*) говорит *больше*, нежели сколько разуметь должно. Вид тропа *гиперболы*, отличается тем, что состоит не в одном слове, а в целой мысли. *Примеры:*

1) у прозаиков: Где только сияло солнце в областях российских, везде сияла Ее премудрость [Екатерины] (Кар.). – От Бельга в отдаленнейших степях Сибири он слышит вздох угнетенного и видит слезы несчастного (Бакк.). – Он умолк, и каждая бразда, проведенная на ниве его, есть источник, из коего течет золото в сокровищницы Отечества (Бакк.);

2) у поэтов:

Вихрь полуночный – летит богатырь:

Мрак от чела – с посвиста пыль,
Молнии от взоров бегут впереди,
Дубы грядою лежат позади!.. (Держ.).

§ 9. Умаление (*meiosis tapinosis*) говорит *меньше*, нежели сколько разуметь должно. Также вид *гиперболы*, и отличается тем же, что состоит не в одном слове, а в целой мысли. *Примеры:*

- 1) у *прозаиков*: Он – легче пуху, бессильнее мухи, непостояннее зефира;
- 2) у *поэтов*: Ни воздух двигаться, ни огонь гореть не смел (*Херасков*).

§ 10. Невозможность (*impossibile*) – когда *трудное* сравнивается с *невозможным* и последнее почитается удобнейшим. *Примеры:*

- 1) у *прозаиков*: Болгары, заключив мир с Владимиром, утвердили клятву сими простыми словами: „Разве тогда нарушим договор, когда камень станет плавать, а хмель тонуть на воде“ (*Кар.*);
- 2) у *поэтов*:
И славы луч твоей затмится,
Когда померкнет солнца свет,
Со треском небо развалится,
И время на косу падет (*Дмитр.*).

XXXVI.

Фигуры мыслей, пленяющие сердце

§ 1. Сообщение (*communicatio*) – доверенность к слушателям, когда ссылаемся на совесть их. Она показывает добродушие, совершенную уверенность в истине и тем самым пленяет сердце. *Примеры:*

- 1) у *ораторов*: Цицерон: Я ссылаюсь на вас самих, на вашу совесть: будьте искренни и скажите, не желали ль бы вы сами прощения в том неумышленном проступке, которого другому теперь простить не хотите;
- 2) у *поэтов*: Ну видывал ли ты (*Лисица – Сурку*), я на тебя сошлюся, Чтоб этому была причастна я греху? Подумай! вспомни хорошенько... (*Крыл.*).

§ 2. Сомнение (*dubitatio*), приятное недоумение, трагическое борение страстей, показывает неизвестность, чему следовать, на что решиться. Всякому приятно поверять собственное сердце в чувствах другого. *Примеры:*

- 1) у *ораторов*: Что возглаголем? Что сотворим, о Российские сынове?! Возблагодарим ли Вышнему Царю Царей за таковое о любезном Государе нашем и о нас благоволение? И мы благодарим всеусерднейше. – Возслем ли к Нему моления, да доброте сей подаст силу? И мы молим Его всею верою нашею. – Принесем ли что-либо в дар Господу? И Он благих наших не требует. И пр. (*Плат.*);

2) у поэтов:

Самозванец – к бессильной страже (Сумароков):

Не может быть ничто жесточе сей судьбины!

Пойдем!.. повергнем!.. стой! будь здесь! беги!..

§ 3. Умеление (sustentatio) – когда мысли и слова клонятся в одну сторону, а действие неожиданно переходит в другую. Сия неожиданность приятна сердцу. *Примеры:*

1) у ораторов: Уже гордый начальник Измаила думал, что он видит смятение нашего героя, что Суворов ожидает ночи для сокрытия неминуемого бегства. *Ночь прошла – и Суворов в Измаиле. 20 тысяч оттоманов легло в окопах (Кар.);*

2) у поэтов:

Не нужно мне твоих шатров;

Ни скучных песен, ни пиров,

Не стану есть, не буду слушать –

Умру среди твоих садов...

Подумала – и стала кушать... (Пушк.).

§ 4. Обращение (apostrophe) – живое чувство, говорящее к отсутствующему, бездушному и даже отвлеченному предмету. Оно *предполагает* во всем жизнь и трогает душу. Сия фигура способна для начала описаний и чрезвычайно употребительна. *Примеры:*

1) у прозаиков: Прелестная мечта всемирного согласия и братства, столь милого душам нежным! Для чего ты была всегда мечтою?.. (Кар.);

2) у ораторов: Дух Петра Великого, ты утешился! Отныне слияние Прута с Дунаем будет радостным памятником для россиян (Кар.);

3) у поэтов: Приди грустить со мною, луна, печальных друг! (Капнист).

§ 5. Прехождение (praeteritio) – показывая вид, будто желает умолчать, вычисляет все, и чем неприметнее, тем добродушнее, тем сильнее увлекает сердце и даже убеждает разум. Употребляется также при вычислении многих доказательств или свидетельств, ибо говорит в полтона, мимоходом. Напр.:

Осмотримся – *вещает Гedeон* – сколь много мы в наших достоинствах и в нашем изобилии воспользовали Церковь Божию, или общество... *Я бы охотно умолчал о сем, слушатели! Я бы и сам рад прикрыть такой стыд наш* – но бедные просители, никакого удовольствия от властей не получающие, но нищие, ни малейшего милосердия от богатых не видящие, но народ, во тьме невежества блуждающий, не может умолчать того. *Те говорят:* что нам прибыли во властях, когда они слез наших не отирают, воздыханий не слушают, прошений не приемлют? – (*Сильно и трогательно!*)

§ 6. Удержание (aposiopesis) нечаянно прерывает речь, не докончив мысли или чувства. Сходна с *умолчанием*: та недоговаривает одного слова, а удержание – целой мысли. *Примеры:*

1) у прозаиков: Народ любит и славит меня, чиновники имеют ко мне доверенность, враги и завистники... но я презираю их (Кар.). [*Может быть, хотел сказать: не могут, или не дерзают вредить мне.*];

2) у поэтов: Что ты задумалась (говорит Чиж Зяблице), давай-ка день хвалить. Смотри, как солнышко... но солнце вдруг сокрылось (Дмитр.).

§ 7. **Закливание** (execratio) – призвание всех бедствий 1) на главу ненавистную или 2) на свою собственную за нарушение клятвы. Сия фигура свойственна трагикам и эпикам. *Примеры: Эдип заклиняет Полиника:*

1) Как без пристанища скитался в жизни я,
По смерти будет так скитаться тень твоя;
Без гроба будешь ты, земля тебя не примет;
От недр отвергнет труп и смрад его обымет,
И призовет зверей, птиц хищных из лесов,
И дома подданных твоих стрегущих псов (Озер.);

2) *Фингал дает клятву:* „То накажи меня:
Чтобы руки моей исчезла дивна сила.
И твердость, мужество Фингаловой души,
Как былые долин, во цвете иссуши –
Чтоб в песнях бардов я в потомстве не гремел,
В дому отцов моих чтоб щит мой не висел. И пр. (Озер.).

§ 8. **Желание** (votum) – прошение, требование всех благ, или чего-либо чрезвычайного для себя или для существа милого сердцу. Противоположна *заклинанию* так, как благословение – проклятию. Употребляется в заключениях описаний и речей. *Примеры:*

1) у ораторов: Услыши, о Петр! наши тебе провозглашения! (обращение). Или паче Ты (поправление), Господи Боже духов и всякия плоти! Упокой в недрах твоих любезную нам Петрову душу (желание), и в радости вечной и сего торжества (победы под Чесмою) удовольствие чувствовать ей благоволити (Плат.);

2) у поэтов:
Приди, о дочь моя! Приди мое рожденье!
Да будет над тобой богов благословенье...

§ 9. **Вопрошение** (interrogatio) – обращение мысли или чувства в вопрос, не требующий ответа. *Примеры:*

1) у прозаиков: Вдруг громы возвестили явление солнца, и тучи дыма сокрыли его; оно снова воссияло – и где враги бесчисленные? (Кар.);

2) у поэтов: Пошел – и где тристаты злобы?.. (Держ.).

§ 10. **Восклицание** (exclamatio) – невольное движение души, мысль, чувство, вырывающееся в сильной страсти. К ней относится и *совосклицание* (epiphonema), тоже восклицание, но только всегда

оканчивающее речь, и притом заключающее в себе важную мысль.

Примеры:

1) *восклициания*: О Росс!.. о подвиг исполина!..

О всемогущая жена,

Бессмертная Екатерина!.. (*Держ.*);

2) *совосклициания*: *Ах! Подвиг мудрого царя есть самый труднейший в мире*
(*Кар.*).

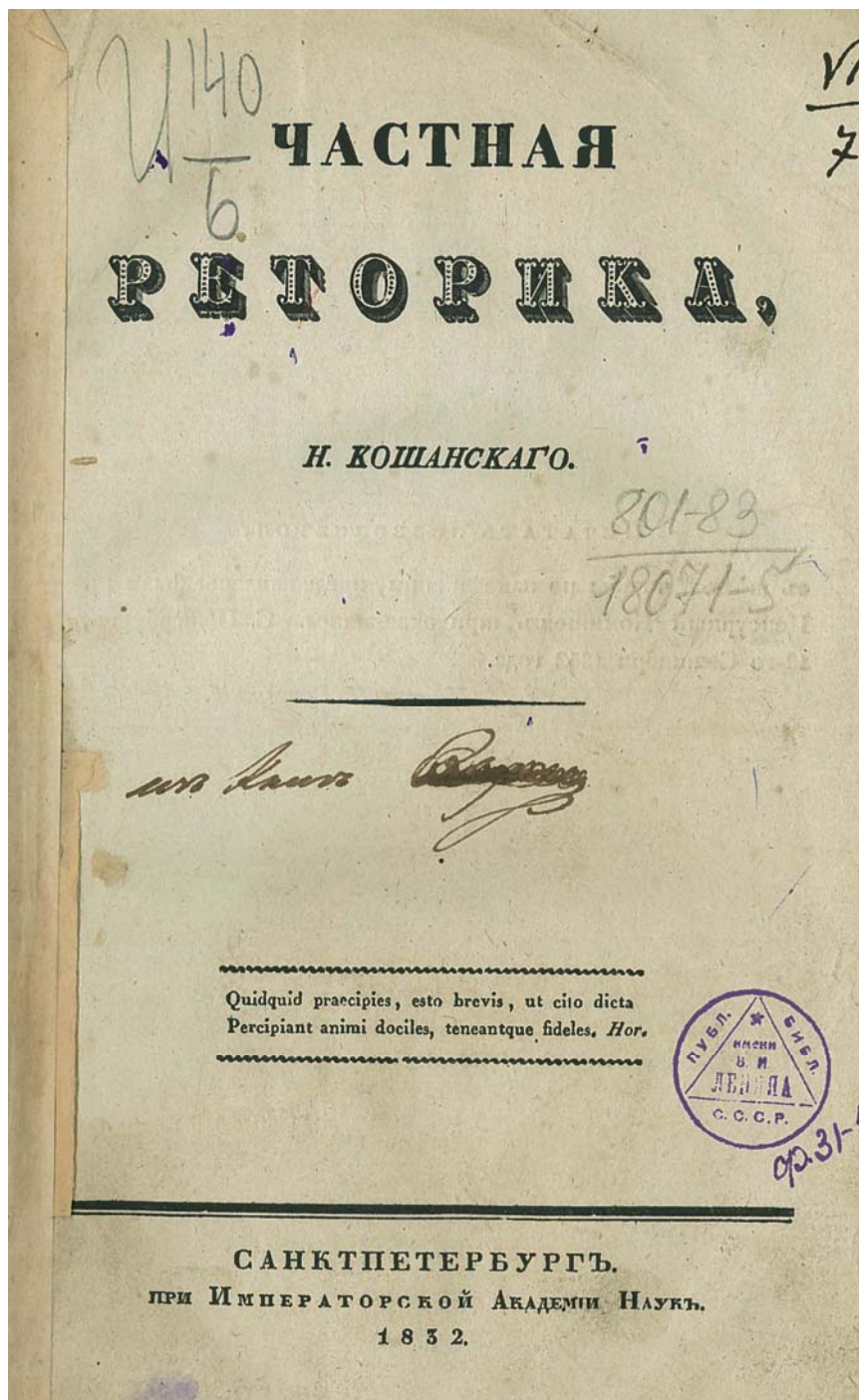
Конец Общей Реторики

Н. Ф. Кошанский

ЧАСТНАЯ РЕТОРИКА

Quidquid praecipies esto brevis, ut cito dicta
Percipiant animi dociles, teneantque fideles. *Hor.*⁶³

⁶³ В своих поучениях будь краток, ведь сказанное быстро воспримут понятливые души и запомнят верные. *Гораций*. Наука поэзии (335–336). В переводе М. Л. Гаспарова: „Кратко скажи, что хочешь сказать: короткие речи / Легче уловит душа и в памяти крепче удержит“.

ОТДѢЛЕНИЕ I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Esse eloquentiam non ex artificio,
sed artificium ex eloquentia natum. *Cic.*

I.

Словесность и ея отрасли.

1. Языкъ или даръ слова, (*vox articulata*) еспь даръ *свыше*, копорымъ Творецъ ошпи-чилъ любимое созданіе свое опъ всѣхъ безсло-весныхъ, и благоволилъ, чптобы человекъ самъ об-разовалъ сію способность, руководспвуясь нуждами, разумомъ, Природой. (1).

2) *Словесность* или *Литература* вообще (*Litterae*) еспь Наука, объемлющая полное знаніе одного или многихъ языковъ и всѣ письменныя произведе-нія и Писателей. (2).

(*Исторію Писателей называютъ иногда особенно: Историю Литературы; а Литературою какой-либо Науки или Искусства называютъ собраніе Сочиненій и Писателей по той части*). Народы дикіе имѣють Языкъ, но не имѣють Литературы; а просвѣщенные, по успѣхамъ Литературы заключають о степени обра-зованія народа.

3) *Словесность* раздѣляется на разныя отрасли, по *странамъ*: на Воспощную, Сѣверную, Европейскую, Азіатскую, Американскую — по *народамъ*: на Еврейскую, Греческую, Римскую, Россійскую и пр. по *временамъ*: на древнюю, среднюю, новую и пекущую. (3).

4) И люди и народы въ юности больше дѣй-спвуютъ воображеніемъ, говоряпъ чувспвамъ, движупся *удовольствіемъ* — въ зрѣломъ возрастѣ больше убѣждаются опыпомъ, слѣдуютъ разуму,

2

ищущъ *полезви*: опъ сего словесность раздѣляется на двѣ главныя сущесивенныя опрасли: на

Поэзію и Прозу.

Поэзія, въ нѣкоторомъ смыслѣ, есть юность Словесности: а *Ораторское краснорѣчіе*, особенно *Изличная Проза*, зрѣлый ея возрастъ.

5) Предѣлы сихъ двухъ опраслей Словесности такъ темны и слипы между собою, чпо часпо Поэзія входитъ въ Прозу, а Проза въ Поэзію; но ихъ разность состоиптъ въ *цбли*, въ *характерѣ*, въ *средствахъ* и *дѣйствіи* на чипапелю.

Цѣль Поэзіи — *удовольствіе*: плѣнитъ, очаровать, возвыситъ душу ко всему великому и прекрасному, раждая въ ней идеи о безконечности. *Цѣль Прозы* — *польза*: научитъ, убѣдитъ и понравится. — *Характеръ Поэзіи*: вымыслы, идеальныя созданія фантазіи. *Характеръ Прозы*: истинное, полезное, благородное. *Средства Поэзіи*: гармонія, извѣстныя мѣры, въ наше время рифмы и языкъ новый, живописный, необыкновенный. *Средства Прозы*: убѣдительность, жаръ, сила и пріятное печеніе рѣчи. — *Поэзія дѣйствуетъ* на воображеніе и чувсвива: *Прозаическое Краснорѣчіе* на разумъ и волю.

6) Поэзія *болше даръ*, нежели искусство. *Даръ*, вымышляя свое, идеальное по законамъ природы, или по спремленію духа, согласно съ здравымъ умомъ и вкусомъ. *Искусство*, оживляя вымысль гармонією слова. Она всегда соспавляетъ *первую и младшую* опрасль Словесности.

Не должно полагать Поэзіи въ мѣрѣ, въ рѣмахъ, въ опборныхъ и смѣлыхъ выраженіяхъ, въ жару чувсвивъ и языкъ спрасей: сіи качества служатъ ей только украшеніемъ и не всегда для истинной Поэзіи необходимы. Часпо въ Прозѣ бываетъ Поэзія; а въ стихахъ еще чаще, Проза. Теорія Поэзіи имѣетъ свои правила, копорыя увидимъ послѣ.

7) Изличная Проза, *болше Искусство*, нежели даръ. *Искусство*, силою образованнаго ума и даромъ *опытнаго* слова дѣйсвивающъ на разумъ, волю и спраспи людей. *Даръ*, собственнымъ чувсвивомъ воспаменяя спраспи и увлекающъ другихъ

3

за собою. — Проза составляет *вторую* важнѣйшую и *полезнѣйшую* отрасль Словесности.

Теорія Прозы содержится въ Частной Реторикѣ.

8) ЧАСТНАЯ РЕТОРИКА (*видѣли въ Общей*) есть руководство къ познанію всѣхъ родовъ и видовъ Прозы. Она изъясняетъ: *Содержаніе*, *цѣль*, *удобнѣйшее расположеніе*, *главнѣйшія достоинства* и *недостатки* каждаго сочиненія, показывая припомъ лучшія, образцовыя пворенія и важнѣйшихъ Писателей въ каждомъ родѣ.

Частная Реторика основывается на правилахъ *Общей*, и обнимаетъ Словесность одного, или многихъ народовъ. — Какъ *Общая* такъ и *Частная Реторика* со-спавляютъ Науку, постоянную для всѣхъ языковъ — но каждый народъ имѣетъ свои особыя произведенія, *своихъ Писателей*.

~~~~~  
II.  
~~~~~

Словесность у Грековъ и Римлянъ.

9) Судьба Словесности неразлучна съ судьбою народа. Она возвышается съ могуществомъ его и благоденствіемъ, и падаетъ съ его паденіемъ. Вездѣ Поэзія предшествуетъ Краснорѣчію Прозы; вездѣ образцы являюся прежде правилъ.

10) Нѣтъ нужды искать колыбели Краснорѣчія на Воспокѣ у *Ассиріянъ*, *Египтянъ* и *Финикіянъ*. Безъ сомнѣнія, древнѣйшіе памятники Словесности, намъ извѣстной — Поэзія *Еврейская*. Но Грецію можно почесть мѣстомъ рожденія Краснорѣчія. Греки за 100 лѣтъ до войны *Троянской* пѣли Гимны божествамъ своимъ, и со временъ *Героическихъ* употребляли Краснорѣчіе въ совѣтахъ полипическихъ и военныхъ.

Греція ничего не имѣетъ древнѣе *Глиновъ Орфеевыхъ*, можетъ быть, принесенныхъ имъ изъ *Фракіи*,

44

саніемъ. *Отдѣльные* Драм. Разговоры пишущся иногда для торжественныхъ случаевъ. На пр.

Разговоры о Физическихъ и нравственныхъ предметахъ, всѣ писаны и говорены на торжественныхъ Актахъ Москов. Универс. Благороднаго Панісона. Москва, 1800 г. in 8 во 2. части,

138) Въ связи съ Повѣствованіемъ и Описаніемъ Драмапическіе Разговоры, очень употребительны: особенно въ Повѣскахъ, въ Романахъ и даже въ Письмахъ.

139) Разговоры какъ въ Повѣствованіи такъ и въ Описаніи составляютъ чрезвычайный интересъ и придаютъ разнообразіе, живость и занимательность.

XVI.

Примѣры Драмапическихъ Разговоровъ.

140) Вотъ примѣръ Драмапическаго Разговора, изъ Жизнеописанія Костюшки (Ф. Глинки). Происшествіе сего Разговора: возвращеніе свободы Костюшкѣ. Дѣйствующія Лица: Императоръ Павелъ и Костюшко.

141) Въ семъ Драмапическомъ Разговорѣ происшествіе обыкновенно. Повѣствователь хотѣлъ только описать характеры споль знаменитыхъ Лицъ, и избралъ мѣсто и положеніе такъ удачно, что характеры ихъ сами собою являющіяся во всемъ блескѣ. А между тѣмъ самое происшествіе получаетъ всю возможную занимательность.

142) Павелъ I-й безъ всякаго предувѣдомленія о себѣ, входитъ въ то мѣсто, гдѣ заключенъ плѣнный Костюшко, и видитъ его въ глубокой задумчивости надъ чертежами Земнаго Шара.

Приѣзжаніе. Одно желаніе Павла поѣхать знаменитаго плѣнника въ темницу, есть уже подвиго рѣдкаго великодушія на тронѣ. — Вотъ слова Его: Павелъ „Императоръ Россійскій желалъ бы знать причину „столь глубокой задумчивости благороднаго Костюш- „ки . . . (Никто столько не украшаетъ величія, какъ кро- „тость! . . .)

Костюшко (съ великимъ удивленіемъ) „Государь! . . . „Могу ли повѣрить, чтобы темница моя озарилась „присутствіемъ Вашего Величества! . . . Но Ваша „воля есть узнать насоящія мои мысли; благоговѣю „къ ней и не могу не открыть сердца моего предъ „великодушнѣйшимъ изъ Монарховъ . . . Государь! „я разсуждалъ о превратностяхъ, постигающихъ „вѣны Царства и Царей. Я слѣдовалъ за бурнымъ „попотокомъ разрушенія (за революціею), испоргнувшимъ „си изъ нѣдръ разперзанной Франціи и спремившимся „поглотить большую часть Европы. Я видѣлъ сіи „губительныя волны, сбивающія великолѣпные пре- „столы, вырывающія съ корнемъ многовѣчныя деревья „родовъ Царскихъ, и перемѣняющія лице всей Земли. . . „Сколько Царствъ не стало въ мірѣ! . . . Сколько „народовъ лишилось бытія! . . . и мое Отечество!“ (Тутъ навернулись у него слезы). Вотъ слова и чувства пылкаго Героя и Патриота.

Павелъ. „Будь спокоенъ вѣрный сынъ Польши! „Отечество твое еще существуетъ на лицѣ зем- „номъ: Поляки — оставя всѣ разсужденія — по од- „ному мѣстному положенію ихъ, не могутъ быть „народомъ самобытнымъ; ни они могутъ быть сча- „сливы и будутъ благополучны подъ сѣнію Скипе- „ра Русскаго“ (Предсказаніе Павла исполнилось). По- „слѣ нѣкотораго моланія „Настало время возвратить „свободу Герою, имѣющему право, по добродѣте- „лямъ своимъ, на удивленіе Свѣта. Отнынѣ Костюш- „ко свободенъ! (Обратясь къ сопровождавшимъ) „Вру- „чите ему мечъ, который всегда сопровождалъ его „на пути истинной чести . . .“

143) Костюшко, по чувству благодарности, хо- тѣлъ упасъ на колѣна; но Государь не допустилъ его — Вотъ дѣйствіе въ Драматическомъ Разго- ворѣ, которое пакъ же проглательно, какъ и въ Драмѣ. Продолженіе:

Павелъ I „Вы можете избрать себѣ мѣсто- „пребываніе по собственному произволу Вашему: „но вы должны обѣщать . . .

Костюшко: „Понимаю, Государь, понимаю волю Вашу, и — спавя честь мою порукою — обещаю оп-
„нынъ на всегда ни мечемъ, ни совѣтомъ не уча-
„спиваю ни въ чемъ, что полько можетъ вло-
„нипъся ко вреду могущеспивенной Россіи и велико-
„душнаго Ея Монарха.“

Павелъ „Сего довольно!“ (*Государь удалился*).

144) Воптъ два характера: одинъ великодушій на Тронѣ, другой благородства въ узахъ! Въ разговорѣ сии характеры оппѣнились собственными словами и дѣлами. Въ Повѣспивованіи Писапель не доспигъ бы своей цѣли съ такимъ блескомъ.

Примѣт. Характеръ благороднаго Костюшки оправданъ событіемъ. Въ 1812 году *Наполеонъ* употреблялъ всѣ обольщенія, чтобы привлечь его въ свое войско; но онъ, какъ *Регуль*, свято сохранилъ данное слово до гроба.

145) Воптъ другой Драмапическій Разговоръ между *Королемъ Неаполитанскимъ* и *Милорадовитемъ*. Въ немъ Писапель (*Θ. Глинка*) представилъ важность произшествія, сколь можно занимапельнѣе. А Лица, какъ впороспепенныя, служаптъ только къ оппѣненію произшеспвія.

146) Содержаніе сего Разговора: Въ 1812 году *Король Неаполитанскій* прибъзжаетъ къ *Милорадовиту* просить пощады фуражирамъ, и старается завести родъ переговоровъ. Предыдущія и послѣдующія обспояпельспва показываюптъ всю важность произшеспвія.

147) *Милорадовитъ*, объѣзжая передовые посты, вспрѣчаепся нечаянно съ *Королемъ Неаполитанскимъ*, (*Мюратомъ*) объѣзжавшимъ такъже свои передовые посты, и послѣ обыкновенныхъ привѣспвій съ обѣихъ споронъ, воптъ слова ихъ:

Король: „Генералъ! Извѣстны ли вамъ поступки „Вашихъ Козаковъ? . . . Они спрѣляютъ по фуражирамъ, копорыхъ посылаю я въ разныя спороны. Даже „Креспяне ваши, съ помощію ихъ, убиваюптъ нашихъ опдѣленныхъ гусаровъ . . .“

Милорадовичъ: „Я очень радъ, что Козаки въ почтении исполняютъ данныя имъ приказанія. Такъ же пріятно слышатъ изъ устъ Вашего Величества, что Крестыяне наши показываютъ себя достойными имени Русскихъ.“

Король: „Но это противно принятымъ повсюду обыкновеніямъ (т. е. расталиб и ожиданіямъ Наполеона) „и если это продолжится, то я принужденъ буду посылать колонны для прикрытія фуражировъ. . .“

Милорадовичъ: „Тѣмъ лучше, В. В. Мои Офицеры жалуются, что уже три недѣли они остаются въ бездѣйствіи; они горятъ желаніемъ брать пушки и знамена. . .“

Король: Но къ чему стараются раздражать другъ противъ друга, два народа, достойные во всѣхъ отношеніяхъ взаимнаго уваженія.

Милорадовичъ: „Я и Офицеры мои всегда готовы оказывать Вашему Величеству всевозможные знаки почтенія; но фуражировъ вашихъ всегда будутъ брать въ плѣнъ; а разсылаемые для прикрытія колонны всегда будутъ разбиваться.“

Король: „Генераль! непріятелей не бьютъ словами. Взгляните на карту, вы увидите завоеванные нами у васъ Провинціи и куда мы зашли.“

Милорадовичъ: „Карлъ XII заходилъ еще далѣе; онъ былъ въ Полтавѣ.“

Король: „Французскія войска всегда были побѣдоносны. . .“

Милорадовичъ: „Но мы сражались только при Бородинѣ. . .“

Король: „Черезъ эту побѣду мы овладѣли Москвою.“

Милорадовичъ: „Извините, В. В. Москва была оставлена.“

Король: „Какъ бы то ни было, но мы владѣемъ Вашею древнею и пространною столицею.“

Милорадовичъ: „Такъ В. В. и эта мысль мучительна для всякаго Русскаго! — Это величайшая жертва, принесенная Россіею! Но она уже начинается пользоваться выгодами, происходящими отъ сего пожертвованія. — Мы извѣстно, что Наполеонъ послалъ Генерала Лористона къ нашему Главнокомандующему для переговоровъ о мирѣ; я знаю что ваши войска принуждены довольствоваться въ продолженіи двухъ сутокъ и болѣе пѣмъ, что едва ли достаточно для прокормленія ихъ въ одни сутки.“

Король: „Извѣстія, вамъ доставленные, ложны.“

Милорадовичъ: (продолжая) Я знаю, что Король Неа-

СОДЕРЖАНИЕ И РАСПОЛОЖЕНИЕ ЧАСТИЙ РЕТОРИКИ.

ЧТЕНИЕ ОБРАЗЦОВЪ, ПО МѢРѢ ПРОХОЖДЕНИЯ ПРАВИЛЪ, СЪ ЭСТЕТИЧЕСКИМЪ РАЗБОРОМЪ					
I. Словесность.	II. Письма.	III. Разговоры.	IV. Повествование.	V. Ораторство.	VI. Ученость.
1) Словесность и ее отрасли. Стр. 1 — 3.	7) О письмахъ вообще. Стр. 18 — 20.	13) Диалектика и разговоры. Стр. 38 — 39.	19) Повествование и Описание. Стр. 52 — 54.	25) Ораторство у Древнихъ и Новыхъ. Стр. 76 — 79.	31) Понятие объ Ученыхъ Сочиненияхъ. Стр. 125 — 127.
2) Словесность у Грековъ и Римлянъ. Стр. 3 — 14.	8) Письма по предметамъ общечеловѣческимъ: къ извѣстнымъ, равнымъ и высшимъ. Стр. 20 — 24.	14) Философскіе Разговоры. Стр. 38 — 39.	20) Характеры, Пейзажи, Анecdotes. Стр. 54 — 60.	26) Ораторское Наименование. Стр. 79 — 82.	52) Систематическія Ученныя Сочиненія. Стр. 127 — 131.
3) Словесность у Новыхъ и въ Россіи. Стр. 6 — 10.	9) Письма къ державнымъ Особамъ и Дипломатическимъ. Стр. 24 — 27.	15) Драматическіе Разговоры. Стр. 39 — 41.	21) Апокрифы Жизнеописаній. Стр. 60 — 63.	27) Ораторское Расположеніе. Стр. 82 — 92.	53) Отдѣльныя Ученныя Сочиненія. Стр. 131 — 134.
4) Истинное Красноречіе и мнимое. Стр. 10 — 12.	10) Дѣловыя Письма и бумаги. Стр. 27 — 30.	16) Приемы Драматическихъ Разговоровъ. Стр. 41 — 44.	22) Повѣсти. Романы. Стр. 63 — 65.	28) Ораторское произнесеніе и Декламація. Стр. 92 — 98.	34) Сѣбѣ Ученыхъ Сочиненій. Стр. 134 — 137.
5) Вкусъ. Геміи. Тапакты. Снособности Писателя. Стр. 12 — 14.	11) Литературныя Письма и роды ихъ. Стр. 30 — 32.	17) Разговоры въ Церквѣ Мертвыхъ. Приемы. Стр. 44 — 46.	23) Исторія и отрасли ея. Стр. 65 — 69.	29) Приемы Ораторскихъ Речей (съ разборомъ). Стр. 98 — 116.	55) Периодическія Издѣлія. Критика. Стр. 137 — 142.
6) Происхожденіе Писемъ, Правильность родовъ Прозы. Стр. 14 — 18.	12) Авторы Писемъ у Древнихъ, Новыхъ и въ Россіи. Стр. 32 — 36.	18) Писатели Разговоровъ у Древнихъ, Новыхъ и въ Россіи. Стр. 46 — 52.	24) Исторія у Древнихъ, Новыхъ и въ Россіи. Стр. 69 — 76.	30) Ораторы у Древнихъ, Новыхъ и въ Россіи. Стр. 116 — 125.	56) Ученые у Древнихъ, Новыхъ и въ Россіи. Стр. 142 — 151.

Simonides invenisse dicitur, ordinem esse maxime,

qui memoriae lumen adferret. Cic. de Or. c. 2. 358.

Отделение I. СЛОВЕСНОСТЬ

Esse eloquentiam non ex artificio,
sed artificium ex eloquentia natum. Cic.⁶⁴

I.

Словесность и ее отрасли

§ 1. Язык или *дар слова* (vox articulata) есть дар *свыше*, которым Творец отличил любимое создание свое от всех бессловесных и благоволил, чтобы человек сам образовал сию способность, руководствуясь нуждами, разумом, природой (прибавл. 1).

1. *Примеч.* Язык, сей чудесный *дар Неба*, соединяясь и никогда не разлучаясь с другим, божественным *даром разума*, созвал людей в общества, основал грады, составил науки и служит орудием чистейших, благороднейших, высших наслаждений ума и сердца. „Словесность есть главный орган гения и чувствительности“ (Кар.).

§ 2. *Словесность*, или *литература* вообще (literae), есть наука, объемлющая полное знание одного или многих языков и все письменные произведения и писателей (прибавл. 2).

2. М. Н. Муравьев говорит: „Язык сообразуется всегда со степенью просвещения, которой достиг народ, его употребляющий. Он груб, недостаточен, без красоты и согласия у диких, и заключает столько слов, сколько народ знает нужд и ощущений. Медленно расширяется круг понятий и обогащает язык новыми выражениями. Одни сильные и просвещенные народы говорили прекрасными и обильными языками, которые пережили падение своих народов, увековеченные в книгах великих писателей“ (т. III, с. 169, изд. 1819–1820).

⁶⁴ Не красноречие рождено техникой, а техника – красноречьем. Цицерон. Об ораторе (32). В переводе Ф. А. Петровского: „Не красноречие, стало быть, возникло из науки, а наука – из красноречия“.

В наше время *язык* и *литература* заключают два разных понятия. *Язык* значит ныне изустное употребление дара слова или, хотя и письменное, но писанное для удовлетворения *первой* нужды человека сообщать мысли и чувствования другому.

Область *языка* ограничивают ныне знанием *грамоты* и, может быть, *грамматики*, и употреблением *безыскусственной прозы* – первым, необходимым образованием человека.

Литература значит ныне произведения *языка*, утвержденные *письменами* и, может быть, *печатанием* как для современников, так и для потомства; и притом произведения, удовлетворяющие *второй потребности* человека – просвещению ума, наслаждению вкуса.

Литература обнимает все словесные науки с их произведениями и писателей с отличительными их достоинствами.

Историю писателей называют иногда особенно: историею литературы; а литературою какой-либо науки или искусства называют *собрание сочинений и писателей* по той части. Народы дикие имеют *язык*, но не имеют литературы, а просвещенные по успехам литературы заключают о степени образования народа.

§ 3. *Словесность* разделяют на разные отрасли: по *странам* – на восточную, северную, европейскую, азиатскую, американскую; по *народам* – на еврейскую, греческую, римскую, российскую и пр.; по *временам* – на древнюю, среднюю, новую и текущую (прибавл. 3).

3. *Примеч.* Всего любопытнее новое разделение словесности на 4 возраста человека: *младенчество* словесности простирается до Гомера; *юность* ее обнимает весь древний мир греков и римлян; *зрелый возраст* заключается в новом мире со введения христианской веры; *преклонные лета* ее, возраст мудрости, начинается XIX столетием. Характер каждого века словесности соответствует характерам их возрастов человека: *младенчество* не различает физического с нравственным, *юность* стремится к физическому, *зрелый возраст* – к нравственному, а опытная *преклонность* благоразумно соединяет опять физическое с нравственным. – Сие разделение более остроумно, нежели полезно в наше время; иногда основывают на нем некоторую разность, некоторые тонкости в произведениях, особенно в поэзии древней и новой.

§ 4. И люди и народы в юности больше действуют воображением, говорят чувствам, движутся *удовольствием*; в зрелом возрасте больше убеждаются опытом, следуют разуму, ищут *пользы*; отсего словесность разделяется на две главные существенные отрасли –

ПОЭЗИЮ И ПРОЗУ.

Поэзия в некотором смысле есть юность словесности, а *ораторское красноречие*, особенно *изящная проза*, – зрелый ее возраст.

§ 5. Пределы сих двух отраслей словесности так темны и слиты между собой, что часто поэзия входит в прозу, а проза в поэзию, но их разность состоит в *цели*, в *характере*, в *средствах* и *действии* на читателя.

Цель поэзии – удовольствие: пленить, очаровать, возвысить душу ко всему великому и прекрасному, рождая в ней идеи о бесконечности. *Цель прозы* – польза: научить, убедить и понравиться. – *Характер поэзии* – вымыслы, идеальные создания фантазии. *Характер прозы* – истинное, полезное, благородное. – *Средства поэзии* – гармония, известные меры, в наше время – *рифмы и язык новый, живописный, необыкновенный*. *Средства прозы* – убедительность, жар, сила и приятное течение речи. – *Поэзия действует* на воображение и чувства, *прозаическое красноречие* – на разум и волю.

§ 6. Поэзия – *больше дар*, нежели искусство. *Дар* вымышлять свое, идеальное по законам природы или по стремлению духа, согласно с здравым умом и вкусом. *Искусство* оживлять вымысл гармониею слова. Она всегда составляет *первую и младшую* отрасль словесности.

Не должно полагать *поэзии* в мере, в рифмах, в отборных и смелых выражениях, в жару чувств и языке страстей: сии качества служат ей только украшением и не всегда для *истинной поэзии* необходимы. Часто в прозе бывает *поэзия*, а в стихах еще чаще *проза*. Теория *поэзии* имеет свои правила, которые увидим после.

§ 7. Изящная проза – *больше искусство*, нежели дар. *Искусство* силою образованного ума и даром *опытного* слова действовать на разум, волю и страсти людей. *Дар* собственным чувством воспламенять страсти и увлекать других за собою. Проза составляет *вторую* важнейшую и *полезнейшую* отрасль словесности.

Теория прозы содержится в частной риторике.

§ 8. Частная риторика (*видели в общей*) есть руководство к познанию всех родов и видов прозы. Она изъясняет: *содержание*, *цель*, *удобнейшее расположение*, главнейшие *достоинства* и *недостатки* каждого сочинения, показывая притом лучшие, образцовые творения и важнейших писателей в каждом роде.

Частная риторика основывается на правилах *общей* и обнимает *словесность* одного или многих народов. – Как *общая*, так и *частная риторика* составляют науку, постоянную для всех языков, но каждый народ имеет *свои особые* произведения, *своих* писателей.

II.

Словесность у греков и римлян

§ 9. Судьба словесности неразлучна с судьбою народа. Она повышается с могуществом его и благоденствием и падает с его падением. Везде поэзия предшествует красноречию прозы, везде образцы являются прежде правил.

§ 10. Нет нужды искать колыбели красноречия на Востоке у *асирийян, египтян и финикиян*. Без сомнения, древнейшие памятники словесности, нам известной, – поэзия *еврейская*. Но Грецию можно почесть местом рождения красноречия. Греки за 100 лет до войны Троянской пели гимны божествам своим и со времен *героических* употребляли красноречие в советах политических и военных.

Греция ничего не имеет древнее *гимнов Орфеевых*, может быть, принесенных им из Фракии, и *поэм*, ему приписываемых. За 80 лет до войны Троянской *Орфей* – так гласит предание – участвовал в плавании *аргонавтов* за золотым руном в Колхиду и описал сие плавание в *исторической поэме*. – За 1000 лет до Р. Х. во время осады Трои герои Гомеровы говорят речи в советах и сражениях. Нет сомнения, что сии речи вымышлены *Гомером*, но они показывают существовавший тогда обычай употреблять красноречие.

§ 11. По разрушении *Трои* Греция приняла новый вид и устремилась к образованию. За 400 лет до Р. Х. *Эмпедокл* первый учил изустно правилам красноречия. Ученики его *Коракс* и *Тисий* распространили сие учение письменно. Но гораздо прежде их Греция имела ораторов: *Перикла, Солона, Фаларида, Езоп, Фемистокла, Алкивиада, Клеона, Крития, Ферамена* и других, коих речи подали повод *Эмпедоклу* к составлению некоторых правил.

Сии великие ораторы не знали правил и никогда не учились в школе. Но навык и необходимость говорить, часто перед народом, и пламенное стремление ко всему великому и высокому давали силу их красноречию, коего превосходные черты сохранены для нас *Фукидидом*.

§ 12. Знаменитый наставник Александра философ *Аристотель*, положивший начало всем наукам, особенно философским, основал и утвердил науку *словесности*, составив правила *пиитики* и *реторики*, которыми и доныне пользуется потомство.

Пиитика Аристотеля дошла до нас не вся, а только часть ее. – Реторика его состоит в *трех* книгах: *первая* рассуждает о свойстве и разделении реторики; *вторая* – о нравах и страстях; *третья* – о сочинении и наружных видах речи. За ним следовали: *Горгий*, учитель Исократы, *Антифон, Феофраст, Молон* и другие, но их реторики не дошли до нас. В позднейшее время *софисты* овладели теориею и практикою красноречия.

§ 13. Красноречие в Греции разделяется на *три* важнейшие периода. *Первый* начинается с героических времен и продолжается до смерти *Перикла*; *второй* – от *Перикла* до *Александра*; *третий* – от *Александра* до утраты свободы.

В первом периоде не было еще правил, но были образцы и сильные побуждения к красноречию; *во втором* и образцы и правила доведены до высшей степени совершенства; *в третьем* красноречие склонилось к упадку от утонченных софистических и утраты вкуса. – В Греции особенно процветало красноречие *политическое*.

§ 14. Рим воинственный и суровый долго не хотел любить ничего изящного, равнодушно слушал гимны жрецов салийских при *Нуме* и думал только о победах и завоеваниях. Tu regere imperio populos Romane memento. *Virg.*⁶⁵

§ 15. Продолжительный период от основания Рима до конца *первой* Пунической войны был бесплоден в отношении к словесности. Тогда римляне все искусства – кроме войны, земледелия и законодательства – считали созданными для рабов (*artes serviles*)⁶⁶.

По изгнании *Тарквиния Гордого* законодатель *Папирий* трудился над составлением законов. Вскоре отправлено посольство в Афины, коего следствием были законы 12 таблиц. События отечества хранились в книгах жрецов: они были писаны стихами и петы в дни празднеств. Первый римлянин, писавший прозою летописи Рима, был *Фабий Пиктор*.

§ 16. Римляне, *почти против воли*, учились у греков. Первый грамматик у них был грек *Кратес*, родом из Маллоса. Потом *Люций Плоций* прославился по сей части и первый на латинском языке учил риторике; за ним следовали: *Галл*, *Отаций Пилит* и др. В позднейшее время *Квинтилиан* в превосходном „Наставлении ораторам“ (*de Institutione oratoria*, где, впрочем, многое взял из Аристотеля) поддерживал падающее красноречие римлян.

Творение *Квинтилиана* считается превосходнейшей риторикою древних; оно в 12 книгах. *Квинтилиан* образует совершенного оратора, берет его из колыбели и ведет до могилы. *Риторика* его отличается от всех прочих искусством слога и вкусом.

§ 17. В начале римляне так предубеждены были против красноречия, что в 593 году от основания Рима⁶⁷ изгнали всех учителей сего искусства *определением сената*, которое подтверждено снова

⁶⁵ Римлянин, помни: ты должен править народами. *Вергилий*. Энеида (VI, 851). В переводе С. Ошерова: „Римлянин! Ты научись народами править державно...“

⁶⁶ Искусства рабов.

⁶⁷ 160 г. до Р. Х.

(в 663 году⁶⁸). Виной сего предрассудка было превратное понятие о красноречии и злоупотреблении софистов, но скоро оно сделалось занятием *отпущенников* (*ars libertorum, liberalis*⁶⁹) и после 2-й Пунической войны разлилось по всем состояниям народа.

К сему содействовали: 1) частые сношения их с побежденными этрусками, жителями великой Греции и Сицилии, кои были образованнее римлян; 2) долгое пребывание в Риме в виде послов трех греческих философов – *Карнеада*, *Диогена* и *Критолая*, кои, вопреки усилию Катона, не позволявшего им жить долго в Риме, пробудили охоту к красноречию; и, наконец, 3) чтение греческих ораторов и слушание их в Афинах.

§ 18. Вечер их республики и утро монархии были самым цветущим веком словесности. – В Риме особенно процветало красноречие *судебное*. Словесность римская разделяется на 4 века: а) *Золотой* начинается со *второй* Пунической войны и кончится смертью *Августа*; б) *Серебряный* простирается от Августа до Траяна; в) *Медный* – от Траяна до *разрушения Рима* готфами; г) *Железный* – от разрушения Рима до *восстановления наук* в Европе. – Достоинством металла ценится достоинство словесности!

Римляне всегда были подражателями греков, но они подражали *не рабски* – везде виден их собственный *гений*. Словесность *римская* при Августе достигла такого совершенства, что по все справедливости занимает первое место после *греческой*.

III.

Словесность у новейших и в России

§ 19. Наконец, Великая империя пала и развалинами покрыла всю Европу. Дикие народы нахлынули, как волны, и погасили науки, искусства и словесность. Настал мрак *Средних веков*...

Тут скрывается от нас *Древний мир*, и начинается *новый*. Все изменяется. Истинная религия даст другое направление человечеству, и кажется, будто народы переходят из одного возраста в другой.

§ 20. Долго черная туча носилась и волновалась над Европою. Свет истинной веры, блистая в мирных обителях иноков, еще озарял некоторые остатки наук и словесности. Но скоро вдохновенный глас *Пустынника* раздался в сердцах воинов *Креста* и подвигнул всю Европу на освобождение *Гроба Господня*.

⁶⁸ 90 г. до Р. Х.

⁶⁹ Науки (искусства) вольноотпущенников, также свободные науки.

В сие время не один *Петр* Пустынник, но и другие служители алтарей с необыкновенным красноречием возбуждали на брань святую; но их красноречие было дар природы, вдохновение веры, а не плоды учения, которого еще не было в Европе.

§ 21. После крестовых походов Европа принимает *новый* вид: образуются *новые* державы, успокоенные народы стремятся к мирным занятиям, искры художеств, наук и словесности возникают на древнем пепелище и возжигают просвещение сперва в *Италии*, потом и в других странах *Европы*.

И в том же порядке, т. е. *сперва* являются изящные искусства. – *Язычество* требовало *скульптуры* для кумиров, и скульптура их достигла такого совершенства, какого новейшие не достигали. – А христианская религия требовала *живописи*, которая не только превзошла древнюю, но и достигла такого совершенства (в конце 15-го и в начале 16-го века), какого едва ли достигает ныне.

§ 22. Ничто столько не содействовало к возрождению искусств, наук и словесности, как открытие и распространение древних *рукописей*. Они показали собранные веками истины и быстро разлили в Европе успехи словесности.

Величайшие мужи своего века занимались открытием и изъяснением древних рукописей: *Петрарка*, *Гаспарини*, *Поджий*, *Беатус Ренан*, *Алоизий*, *Моценик*, *Сикар* и многие другие. Труды их для восстановления наук неимоверны, бессмертны.

§ 23. Сначала является *поэзия*, в новом виде (с рифмами) и в новом направлении; потом *повествование* (*и оно изобретает новый способ писать – прозу*); далее – *ораторское красноречие* и *ученые сочинения*. Главнейший род *красноречия* у новейших – *нравственный* или *духовный*. В некоторых державах являются следы *красноречия политического* и *судебного*, например, в *Англии* и *Франции*.

Примеч. Начало просвещения в Греции и возрождение его в Европе без сомнения в *подробностях* различны. Но в целом являют разительное сходство!.. Там предшествуют образованию времена *героические*; здесь – века *рыцарские*. Там по гласу *чести* все области Греции восстают, соединяются и стремятся к великому подвигу – *разрушению Трои*; здесь по гласу *веры* вся Европа приходит в движение, соединяется под знаменем *Креста* и спешит на святой подвиг – *освобождение Иерусалима*. Там воспевают героев *рансодисты*; здесь поют рыцарей *трубадуры* и *романисты* (romancier). Там по разрушению Трои вся Греция изменяется; здесь, по освобождении Иерусалима вся Европа принимает вид новый. Там вскоре начинается просвещение, или, может быть, возжигается угасшее в Египте; здесь также вскоре возрождается оно, как Феникс из пепла. Наконец, оба великие события воспеты двумя величайшими поэтами – *Гомером* и *Тассом* (прибавл. 4).

4. Как будто в доказательство, что просвещение – подобно солнцу в природе – восходит и скрывается от одинаковых причин и одинаковым образом, и что баснь Сизиф с камнем, вечно поднимаемым и низвергающимся, не мечта, но действительное изображение усилий человечества.

§ 24. Под конец IX века (862) Отечество наше принимает бытие и победами возвещает новое имя свое и силу Восточной империи. Может быть, подвиги *Рюрика*, *Аскольда*, *Олега*, *Игоря* и *Святослава* воспеты баянами, но песни их умолкли в отдалении...

Единственные памятники сих времен: *Договоры Олега* (912), *Игоря* (945) и драгоценный пример красноречия *Речь Святослава* сохранены для нас летописцем. Они показывают силу нашу в то время и следы общественной жизни.

§ 25. Начало просвещения в России положено *Владимиром*. С принятием истинной веры (988) приняли мы от греков и письменна, и начала искусств, и некоторое образование слова. Восточная империя, угасая, возжигала просвещение в России.

Памятники сего времени: переводы священных книг, *Русская правда* (1019), *Нестор* (1111), следы красноречия в поучениях пастырей Церкви, в поучении *Мономаха* и, наконец, следы оригинальной поэзии в *Слове о полку Игоря* (см. Ист. Гос. Рос., т. I, с. 247 и след. и т. III, с. 213 и след., изд. 1816 года).

§ 26. С нашествием *татар* все угасло в России. Остатки просвещения хранились в обителях иноков, занимавшихся летописями и учением веры. С началом единовластия (*Иоанн III*) воссияла новая заря просвещения в России, явились некоторые пособия, училища, правила и книгопечатание.

Книгопечатание введено в Россию в 1553 году. Первая Грамматика эллино-славянская издана в 1591 году во Львове. В 1596 издана в Вильне грамматика *Зизанием*. В 1619 году издана Грамматика *Мелетием Смотрицким*. – В 1627 году издан славянский Словарь *Памвоем Бериндою*, и прежде его был краткий Словарь *Зизаниев*. – К сему времени относят *древние народные песни*.

§ 27. С восшествием на престол дома Романовых умножились средства и училища. Век Петра открыл нам просвещение Европы. Век Елисаветы познакомил нас с словесностию европейцев. Век Екатерины ознаменован вкусом. Век Александра и Николая ставит нас на ряду с просвещеннейшими народами.

Язык наш в самом начале много заимствовал от *греческого*, далее принял несколько слов *татарских*. В 16-м веке служил ему образцом *польский*. Со времен *Петра* вошло в него много слов немецких, особенно голландских. Со времен *Елисаветы* образовался он по примеру немецкого и французского.

§ 28. Словесность наша, *кажется мне*, приличнее всего может делиться на три периода: на *древнейшую* – от Рюрика до Иоанна III; на *среднюю* – от Иоанна до Петра, и *новую* – от Петра до Николая. *Характер первого* периода – введение письмен, переводы с греческого и некоторые образцы; *второго* – введение книгопечатания и некоторые правила языка; *третьего* – введение гражданской грамоты, правила и образцы во всех родах словесности.

Изящная словесность собственно начинается в *третьем* периоде, который разделяют между собою два *гения*: Ломоносов и Карамзин. *Первый* показал нам поэзию и ораторское красноречие; *второй* открыл русским изящную прозу. И тот, и другой имели сильное влияние на писателей своего века, и оба оказали бессмертные услуги нашей словесности.

Карамзин говорит: „Разделяя *слог* наш на эпохи, первую должно начать с Кантемира, вторую – с Ломоносова, третью – с переводов *славяно-русских* г. Елагина и его многочисленных подражателей, а четвертую – с нашего времени, в которое образуется *приятность слога*“.

IV.

Истинное красноречие и мнимое

§ 29. Будущий писатель должен иметь верное понятие о *красноречии*; следственно, должен знать, что красноречие бывает *истинное и мнимое* (прибавл. 5).

5. Скажут: быть красноречивым значит *уметь* доказывать, *уметь* действовать на разум, волю и страсти, *уметь* достигать своей цели. Согласимся на время, но спросим: что значит *уметь*?.. и достаточно ли для истинного красноречия достигать *только* цели, какова бы, впрочем, она ни была?..

§ 30. Есть люди, кои полагают красноречие в громких словах и выражениях и думают, что быть красноречивым значит блистать *реторическими украшениями*, и чем высокопарнее, тем, кажется им, красноречивее. Они мало заботятся о мыслях и их расположении и хотят действовать на разум, волю и страсти *тропами и фигурами*. Они ошибаются.

Это называется *декламация*. Она не заслуживает имени красноречия, ибо холодна для слушателей и тягостна для самого *декламатора*, но часто поддерживается мыслию будущих успехов, а иногда мечтою жалкого самолюбия.

§ 31. Иные думают: быть красноречивым значит уметь выражать мысли *необыкновенным образом* и чем *темнее*, тем, кажется им, *глубокомысленнее*, и, следственно, *красноречивее*. Они мучат себя –

жаль видеть! – усиливаясь сказать так, как никто не говорит то, что почти все знают.

Ничто столько не унижает писателя, как сие заблуждение. Оно показывает ложный вкус и превратное понятие о красноречии и случается с немногими *мнимофилософствующими* писателями. Но ни *декламация*, ни сей *странный способ* писать не достигают цели и не могут назваться красноречием.

§32. Красноречие имеет два признака: *силу чувств* и *убедительность* (прибавл. 6).

6. Красноречие всегда имеет *три* признака: *сила чувств*, *убедительность* и *желание общего блага*. Первые два могут быть и в красноречии мнимом, последний *существенно* отличает истинное красноречие.

С *каждым* из сих признаков красноречие больше или меньше достигает цели. *Сила чувств* и *убедительность* предполагают и все достоинства слога, но *желание общего блага* должно быть всегда их целью. Если ж не оно движет пером писателя, а под видом его страсти – ужасно!.. „Отвергайте обманчивую прелесть, столь часто заражающую дар слова“. Бессмертные слова Александра I в речи 15 марта 1818 года.

§33. Сила чувств – *красноречие сердца* – есть такое живое ощущение истины, такое сильное участие оратора в предлагаемом деле, что он, сам увлекаясь, увлекает и слушателей за собой (прибавл. 7).

7. *Феофан* после первых слов над гробом Петра не мог удержать слез – и все в храме зарыдало. – Цесарь слушает Цицерона и роняет из рук смертный приговор Лигария. – *Антоний*, требуя мщения, открывает окровавленную одежду Цесаря, и римляне содрогаются. – *Марфа* (в повести Карамзина), возбуждая ужас к рабству, бросает цепи, и народ терзает их... Сила чувства всегда производит *ораторские движения*.

§34. Убедительность – *красноречие ума* – есть такая неотразимая сила и приятность убеждений, что мы против чаяния, против воли совсем неожиданно соглашаемся с мыслями автора. – Если красноречие *ума* соединится с красноречием *сердца*, то нет почти сил им противиться (прибавл. 8).

8. Древние софисты и философы XVIII века вводили в заблуждение силою *чувств* и *убедительностию*, и, может быть, никто столько не соединял красноречие ума с красноречием сердца, как *Ж. Ж. Руссо*. – Были ли они красноречивы? *Без сомнения*. Но их красноречие есть *мнимое*, а не *истинное* и тем опаснейшее, чем труднее видеть змею над цветами.

Желание общего блага. Красноречие добродетели есть тот *существенный* признак, по которому узнается истинное красноречие,

и отличается от мнимого. Пламенное *желание* добра, стремление к сей цели – вот благородный предмет *истинного красноречия*, достойный добродетели!

Красноречие *ума и сердца* могут заблуждаться, но красноречие *добродетели* как самая добродетель, как прекрасное (*само по себе*), остается *истинным*, неизменным для всех веков и народов. Кто умножил хотя одною полезною истинною счастье людей, приблизил их хотя на один шаг к добродетели, тот *истинно красноречив*. Заметим, что и мнимое красноречие желает казаться истинным, и, представляя *вредное*, хочет доказать, будто оно полезно. Так порок иногда принимает на себя вид добродетели.

§ 35. *Истинное* красноречие равно может быть и в прозе, и в стихах. Демосфен в разительных речах против Филиппа, Жуковский в незабвенном „Певце во стане русских воинов“ равно красноречивы, равно достигают цели, спасительной для Отечества.

Мы еще помним Москву в плену и в пламени; помним, как юные защитники, рыдая при виде горящей столицы, взывали с певцом: „Внимай нам, вечный мститель! / За гибель – гибель, брань за брань / и казнь тебе, губитель!..“ Кричали: „И жизнь и смерть, – все пополам!“ И утешались приветами: „О други! смерть не все возьмет. / Есть жизнь и за могилой!..“ Вот истинное красноречие, оживлявшее воинов в 1812 году (прибавл. 9).

9. Можно ли назвать истинным красноречием то, которое предлагает мысли, полезные для блага людей, но не имеет ни силы чувств, ни убедительности? Не знаю... но чувствую, что в нем есть *основание* истинного красноречия.

Много есть сочинений, уважаемых современниками и потомством *единственно за добрую цель* их, за прекрасное желание блага Отечеству или всем людям.

Истинно красноречивым может назваться тот, кто соединил красноречие ума и сердца с красноречием *добродетели*.

Мы любим мечты и в поэзии, и в прозе, если они невинны, и, приводя нас в восхищение, облегчают на минуту существенные горести. – Но мечты мнимого красноречия, влекущие в заблуждение, возмущающие покой людей, равно пагубны как в стихах, так и в прозе. Сенат римский два раза изгонял из своего града учителей красноречия; Людовик XVIII вынужден был закрыть кафедру словесности, ибо политические мысли все еще были предметом красноречия... Но в наше время и в нашем Отечестве, кажется, в такие мечты впадали разве только молодые поэты по неопытности и тем давали повод обвинять поэзию, но прозаические писатели наши знают вред *мнимого* красноречия и с любовью стремятся к *истинному*.

V.

Вкус. Гений. Талант. Способности писателя

§ 36. Вкус (*sensus recti pulchrique. Quint.⁷⁰*) „неизъясним для ума“, – сказал Карамзин; „есть знание приличий“, – говорит Лагарп; – есть какое-то легкое, эфирное, неприкосновенное для нас чувство приятности или неприятности при виде красот или безобразий в натуре и в искусствах.

Если вкус физический неизъясним, как же изъяснить нравственный? Но мы очень хорошо отличаем сладкое от горького, запах розы от дыхания полыни, чувствуя в то же время удовольствие или отвращение. Не так ли и вкус нравственный различает все степени красот и безобразий чувством приятного или неприятного? – Знаем также, что вкус физический дан всем, но иногда теряется или портится – неужели и нравственный?..

§ 37. Не определяя вкуса, взглянем на его свойства и действия: 1) Вкус врожден всем людям, хотя в разных степенях; 2) Он различен до бесконечности, как самые физиономии; 3) Здравый вкус, как здравый разум, один у всех людей; 4) Он беспрестанно стремится к совершенству и требует пищи; 5) Вкус раскрывается прежде разума, еще в детстве и 6) имеет сильное влияние на образ жизни, мыслей и поступков.

Примеч. Из 1-го следует, что вкус не есть удел немногих, но свойствен всем, как способность говорить и думать. Из 2-го, что о вкусе никогда спорить не должно. Из 3-го, что он следует общим началам, имеет свою теорию и, *кажется*, может составить науку подобно логике, реторике, поэзии. Из 4-го, что скука есть недостаток деятельности для вкуса. Из 5-го, что он требует верного направления, иначе увлекает молодых людей в крайности – *в энтузиазм и сентиментальность*. Из 6-го, что образование вкуса необходимо при воспитании.

§ 38. Вкус должен быть освещаем разумом, как природа – лучами солнца. В союзе с разумом вкус становится верным, здравым и достигает *утончения и разборчивости*.

Утончение вкуса состоит в легкости замечать такие красоты и недостатки, которые для обыкновенных глаз неприметны, и зависит от утончения способности чувствовать. (*Но излишнее утончение здравому вкусу противно.*) *Разборчивость* есть следствие счастливого соединения разума со вкусом. Разборчивый вкус не обманывается мнимыми красотами, определяет истинную цену каждой, различает их степени, свойства, действия, показывает, откуда каждая заимствует свою волшебную силу, и сам чувствует впечатление сих красот живо, сильно, но не больше и не меньше надлежащего (прибавл. 10).

⁷⁰ Чувство истинного и прекрасного. Квинтилиан.

10. Тонкий и разборчивый вкус, довольствующийся наслаждением прекрасного в природе и в искусствах, можно назвать бездейственным: он производит любителей искусства и критиков. Но тот же вкус, стремящийся сам создать свое прекрасное, идеальное, называется *творческим*: он производит гениев, таланты и способности.

§ 39. Гений (*Ingenium, quod nobis ingenitum est*⁷¹) (прибавл. 11).

11. Гений (*Ingenium, quod nobis ingenitum est*) дает нам такое высокое понятие о творческой силе ума, о высших способностях души, что я и определять его не смею. – Может быть, он есть частица Божества, дерзающая в брэнном подражать Всемогушему...

Древние под именем гения воображали себе духа-хранителя места и даров человека. Новейшие под сим словом разумеют счастливое соединение всех способностей и сил души в возможном совершенстве...

Под сим словом разумеют счастливое соединение всех способностей и сил души в возможном совершенстве. *Гений* замечен по необыкновенному воображению, проницательности ума, твердости разсудка и непреодолимому стремлению к деятельности. Все силы его сосредотачиваются к *изобретательности*, которою отличается он от умов обыкновенных. – Вкус без гения бывает, но гений без вкуса быть не может или будет чудовище. – Бывают гении наук, искусств, войны и пр., но всеобъемлющий гений чрезвычайно редок, например, Петр I.

§ 40. Талантом, дарованием, даром (*Diues vena. Hor.*⁷²) называют сильное и счастливое воображение, соединенное с здравым умом и вкусом. – „*Прекрасный союз дарования с искусством заключен в колыбели человечества; они братья, хотя и не близнецы*“ (Кар.).

Может быть, талант есть часть гения, *полугений* или тот же гений в низшей степени, с меньшими силами. Ему потребно больше образования, больше искусства. Его творения пленяют нас, но не поражают удивлением.

§ 41. Счастлив писатель, если небо в минуту рождения благословило его вкусом, гением и талантом и наделило *чувствительностию*, которая одна только имеет силу приводить нас в умиление (прибавл. 12).

12. Умилительное (само по себе) есть союз истины и красоты, очаровывающий нас трогательным благом, и всегда напоминающий о благе бесконечном. Например, сострадание. Но в какой степени желать автору чувствительности?..

⁷¹ Дарования, присущие нам с рождения.

⁷² Богатая жилка. *Гораций*.

Если столько, чтобы каждое творение его очаровывало нас и приводило в умиление, то сия чувствительность может быть опасна собственному его сердцу... Что же делать слабому смертному?.. Вооружить чувствительную душу свою твердостью... „Чувствительность может быть без дарования, но дарование без чувствительности не бывает“ (Кар.).

§ 42. Писатель должен иметь *образованный* ум и сердце, должен основательно знать многие науки, чтобы понимать благо человечества, не заблуждаться в мнении о пользе людей и уметь находить средства к достижению оной.

Писателю необходимо основательное знание *языка* и *правил* его искусства как средства; необходимо знание *философии* для здравых и основательных суждений, *истории* для подтверждения примерами, *нравственности* для направления к благой цели, *естественных наук* для убеждения законами природы и пр. и пр.

§ 43. Писатель должен знать *нравы* своего народа и *страсти* людей, ибо его писания должны действовать на современников и потомство (прибавл. 13).

13. Под словом нравы (ἥθους, mores) древние разумели не обычаи страны, не нравы оратора или слушателей, но то, что мы разумеем под словом *дух времени*, т. е. все желания, опасения, надежды и ожидания современников. И в сем отношении они вымыслили баснь Сфинкса, *предполагающего загадки*. Сколько сочинений было и у них, и у нас, которые не разгадали сих загадок и *поглощены Сфинксом*!.. А под словом *страсти* (πάθους, affectus) означали глубокое знание сердца человеческого – самую труднейшую и полезнейшую из всех наук опыта.

§ 44. Но важнейшая, необходимая способность писателя, начало и заключение всех прочих, без которой нет истинного красноречия, есть *доброта его души, проникнутой верой*; на ней основывается желание общего блага – красноречие добродетели (прибавл. 14).

14. *Батюшков говорит*: „Любовь и нежное благоволение к человечеству дадут прелесть его малейшему выражению, и писатель поддержит достоинство человека на высочайшей степени“. *Квинтилиан* решительно сказал: „Nemo bonus Orator, nisi vir probus“⁷³. А *Карамзин* повторил за ним: „Я уверен, что злой человек хорошим писателем быть не может“.

⁷³ Нельзя быть хорошим оратором, не будучи хорошим, добродетельным человеком. *Квинтилиан*. Двенадцать книг риторических наставлений.

VI.

Происхождение письма, правил и всех родов прозы

§ 45. Человек в юности был поэтом. Словесность в колыбели соединялась с музыкой и пением. Величие Творца, красоты создания, сильные чувства, великие события, самая нравственность и философия предлагаемы были в *мере*, для пения... *мера* и *пение* облегчали память и передавали мысли, чувства и события отдаленнейшему потомству.

Справедливо заключают, что первые *философы, моралисты, законодатели и учителя* рода человеческого были *поэты*. Они украшали истину цветами вымыслов и предлагали правила в *мере стихов* для того, *вероятно*, чтобы пленить воображение и удобнее напечатлеть в памяти. Ибо *искусство писать* было редко и малоизвестно.

§ 46. Изобретение *письма* (scriptura) было следствием образования языка. Оно гораздо позднее. До изобретения его употребляли памятники: столбы, кучи камней, насыпи, и „*старец, указывая юноше на высокую могилу, повествовал о делах лежащего в ней героя*“ (Кар.) (прибавл. 15).

15. Или употребляли знаки: так, *Иденфирс*, царь скифский, послал *Дарию*, далеко зашедшему в Скифию, *птицу, мышь, лягушку и 5 стрел*. Это значило: *если персы не обратятся в птицу и не улетят, или в мышь и не зароятся в землю, или в лягушку и не станут прыгать по болотам*, то им не избегнуть скифских стрел.

§ 47. *Первый шаг* к изобретению *письма* было простое изображение предметов. Так, мексиканцы донесли царю *Монтецуме* о прибытии испанцев, изобразив флот испанский в картине. Но отвлеченные предметы не изображаются, для сего взяли *символы*, т. е. подобия. Например, *глаз* значил *провидение*; *круг* – *вечность*; *лук со стрелой* – *войну*; *лестница у стены* – *осаду* и пр.

Аллегорическое и символическое изображение предметов подвергалось переменам, сокращениям и произвольным знакам. Отсюда *иероглифы* и *письмо китайцев* (прибавл. 16).

16. Так, на одном египетском храме найден иероглиф: „*младенец – старец – орел – рыба – змея*“. Сии пять слов читают: *входящий и выходящий* (т. е. в храм и из храма) *помни, что Бог не любит вражды*.

§ 48. *Второй шаг* к *письму* было изображение не предметов, но *одинаковых звуков голоса, складов* (syllabaria). Сие изображение приписывают *браминам*. Наконец, изобрели несколько *букв* – *величайшее*

и благодетельнейшее открытие для человечества. – Но эпоха изобретения и изобретатель не известны.

Письмо было известно в самое отдаленное время. О нем упоминается в *Библии* (Исх., гл. 17, ст. 14; гл. 24, ст. 4; гл. 34, ст. 27 и 28). Греки и римляне приписывали сие изобретение финикийцам: *Тауту*, *Кадму*, *Эвандру* (*Плиний* Hist. Nat. LVC, 12. *Лука*n Phars. LIII, v. 220). Сперва писали на камнях, металле, дереве, коре, листьях папира, навощенных дощечках и пр. и употребляли *резец*, *стиль*, *тростник* и пр. *Направление* письма было во все стороны: сверху вниз и наоборот, от правой к левой попеременно (*браздами*) и пр.

Сходство всех европейских букв показывает, что источник их один и тот же. Буквы обыкновенно изображаются для *зрения*, но могут быть изображаемы для *осязания* (например, выпуклая печать для слепых или *навязывание* разных узелков, означающих разные буквы, на древесных лычках) и для *слуха*, т. е. известная нота означает известную букву – так можно говорить на инструментах.

§ 49. Люди несравненно прежде говорили, нежели знали правила, по коим говорят. Прежде были образцы поэзии и красноречия, нежели составляли им правила. Гений всегда производил *сам собою* и озарял мрак пустыни. *Вкус* наблюдал полеты гения и что находил в них согласного с натурою и разумом, то обращал в правила для неопытных. (Esse eloquentiam non ex artificio, sed artificium ex eloquentia natum. *Cic.*⁷⁴)

Греки из *наблюдений* составили правила языка и словесности. Они примечали, как слова в известных случаях изменяются, – *этимология*; как соединяются для составления мыслей – *синтаксис*; как пишутся – *орфография*; и как произносятся – *просодия*. Сии наблюдения обратились в правила и составили *грамматику*. Таким же образом из наблюдений составились правила *поэзии* и *ретиорики*.

§ 50. С распространением *искусства писать* открылось удобство сообщать мысли отсутствующим. Может быть, первое употребление сего искусства обращено было на памятники и на *письма*. *Начало* писем должно быть современно *искусству писать*.

Необходимость сообщать мысли отсутствующим есть потребность *первого рода* и вначале не составляла изящного искусства, но усовершенствование *писем* ныне достигло степени *изящных произведений*.

§ 51. Изустные поэтические предания, украшенные и возвышенные чудесным, переходили из рода в род и сохраняли память событий. Но опытные мужи начали отделять вымыслы от истины, чудес-

⁷⁴ Не красноречие рождено техникой, а техника – красноречием. *Цицерон*. Об ораторе (32). В переводе Ф. А. Петровского: „Не красноречие, стало быть, возникло из науки, а наука – из красноречия“.

ные украшения от действительных событий и положили начало *повествованию, летописям, истории*.

Повествования – исключая письма – самый древний род прозы. Он произошел от поэзии и следовал за нею. Греки, после *Орфея и Гомера*, не имеют ничего древнее „Истории“ *Геродота*. Римские, даже поэты *Энний и Невий*, писали историю Рима стихами, но их летописец *Фабий Пиктор* древнее всех прозаиков. У нас после Баянов, перевода церковных книг и некоторых узаконений нет ничего древнее *Нестора*.

§ 52. Историки, повествуя о великих мужах и их подвигах, передавали и *речи* их обдуманые, обработанные. Пример историков, равнодушных к красоте слога, возбудил внимание греков, заставил их обрабатывать свои народные *речи* и подал повод к *ораторскому красноречию*.

Так *Демосфен* – предание гласит – дважды переписывал „Историю“ *Фукидида* и знал ее наизусть, готовясь быть оратором.

§ 53. Распространение философии и способ *Сократов* учить сей науке подали повод к *разговорам*. Они по происхождению позднее, а по употреблению в наше время реже первых трех родов прозы.

§ 54. Наконец, с умножением знаний, с распространением наук, с началом догматической критики явились *ученые сочинения и учебные книги*, которые, распространив пределы прозы и обняв все, не подходящее к первым 4 родам ее, заключили все сочинения прозы (прибавл. 17).

17. *Примеч. 1.* Многие разделяют все прозаические сочинения по *предмету* и по *форме*, но всякому предмету *можно дать* всякую *форму*. Иные следуют естественному ходу прозы в том порядке, в каком, вероятно, явились все роды ее один за другим. Но *удобнейшая метода учения* требует начинать легчайшим и постепенно переходить к труднейшему. Следуя сему правилу, *частная риторика* моя показывает: 1) письма, 2) разговоры, 3) повествование, 4) ораторство и 5) ученость, поставив себе правилом рассматривать: а) *содержание*, или предмет каждого сочинения; б) *цель* его; в) *удобнейшее расположение* или *форму*; г) *главнейшие достоинства и недостатки*; д) если *род прозы* – исчислять его *виды*; е) если *вид* – показывать лучшие сочинения и главнейших писателей.

Примеч. 2. При указании писателей начинал я с греков и римлян: они служат основанием. Все сказанное об них едва ли составит 1 лист и почти не увеличивает книжки. – У новых народов ограничивался я одними именами славнейших писателей: всякая подробность вывела бы меня за границу моего начертания. При указании творений отечественных я должен был – при всей краткости – ограничиться только важнейшими и жалею душевно, что не мог говорить о многих писателях достойных, но утешаюсь мыслию, что об них узнают сами будущие соперники их, услышав от почтеннейших наставников или от молвы народной. Дополнять до современности есть дело преподавателя.

Отделение II. ПИСЬМА

Phoenices primi, famae si creditur, ausi
Mansuram rudibus vocem signare figuris. *Phars. L. III. v. 220*⁷⁵

VII. *О письмах вообще*

§ 55. Письмо (*litterae datae*) есть сообщение мыслей одного отсутствующего другому. *Переписка* есть разговоры двух лиц, разделенных пространством и лишенных способа видеть и слышать друг друга.

Самый употребительный и обыкновенный род прозы – *письма*. Может быть, *сотая* часть их пишется для публики, прочие остаются *собственностью*, а некоторые – даже *тайною* частных лиц. *Письмо* и *разговор* имеют ту разность между собою, что разговор живет от выражений голоса и телодвижений, но он исчезает, а письмо прочнее, ибо остается и всегда может быть перечитываемо с новым удовольствием.

§ 56. Писем два главнейшие рода: *письма по предметам общежития*, кои пишутся не для печати; и *письма литературные*, коих цель – быть известными публике.

Письма по предметам общежития, удовлетворяя первой потребности человека, допускают и безыскусственную прозу (*например, письма между низшим классом народа*), следственно, не всегда составляют *изящное*; но *литературные* письма, стремясь удовлетворять второй потребности – просвещению ума и наслаждению вкуса – всегда относятся к произведения *изящной* словесности.

§ 57. *Четыре* свойства писем особенно достойны внимания: *разнообразие* их; отношения *лиц*, ведущих переписку; *тон* писем и *форма*. На них основываются частные разделения и правила писем.

§ 58. *Разнообразие* писем происходит от разных предметов, от разных характеров, положений и частных слогов каждого писателя.

Сколько есть предметов в мире, о коих говорить или писать можно, столько может быть и разных писем.

§ 59. По *лицам*, ведущим переписку, письма разделяются: 1) на *предупредительные* и *ответные*; 2) на письма к *низшим*, *равным*,

⁷⁵ Первыми финикийцы, если верить молве, решили закреплять голос простыми знаками. Лукан. Фарсалии (III, 220–221). В переводе А. Е. Остроумова: „Если молве доверять, финикийцы впервые дерзнули Звуки людских голосов закреплять в новосозданных знаках“.

высшим и к державным особам; 3) к ним причисляются дипломатические и деловые.

§ 60. Тон письма называют известные пределы, в коих соблюдается приличие и благоразумие тех, кто и к кому пишет. По тону разделяются письма на важные, почтительные, дружеские, забавные или сатирические и смешные.

Тон письма всегда должен быть согласен с тоном личного обращения, или с саном и званием переписывающихся лиц, или с внутренним, благородным чувством каждого хорошо воспитанного человека.

§ 61. Форма письма требует, чтобы оно всегда обращало речь к известному лицу приличным образом и тем самым представляло не холодное описание или рассуждение, но разговор, оживленный чувствами, обстоятельствами и отношениями тех, кто и к кому пишет.

К форме писем относятся все известные титулования по достоинствам, по чинам и званиям. Они должны быть строго соблюдаемы в письмах по предметам общежития. Впрочем, сии формы нередко изменяются, и потому лучше и легче всего узнавать их из употребления.

§ 62. Содержание писем так же различно, как различны самые предметы, намерения и отношения между лицами, ведущими переписку. Цель письма вообще – сообщить новость, мысли, чувствования радости, печали, признательности, почтения, преданности или возбудить чувствования благотворения, снисхождения, дружбы, любви, радости, утешения, сожаления, удивления, смеха и пр. и пр.

§ 63. Расположение писем меньше подвержено правилам, нежели прочие роды прозы. Однако ж многие из них располагаются по известным способам, о коих увидим ниже.

Слог писем, особенно литературных, должен иметь все общие достоинства слога, показанные в „Общей риторике“ (разд. XXVIII, XXIX и XXX).

§ 64. Достоинств главных общих в письме два должно соблюдать: 1) чтобы слог был приличен предмету, а мысли – цели; 2) чтобы тон письма не выходил из границ, какие сохраняются в обращении тех, кто и к кому пишет.

Если ж сии два достоинства нарушены в письме, то никогда оно не достигнет своей цели. Многие ложно думают: „Бумага не краснеет, следовательно, чего нельзя сказать лично, по какому-нибудь тайному чувству, то можно написать в письме“. – Можно! но письмо также не достигнет цели, и по той же причине. Например: Если личное объяснение казалось грубым, дерзким, неуместным, то и письмо произведет те же чувствования и пр.

VIII.

**Письма по предметам общежития:
к низшим, равным, высшим**

§ 65. Мы видим, что *письма* разделяются по *предметам*, по *лицам*, по *тону* и соблюдают приличную *форму*. Все сии отношения сливаются вместе в письмах по предметам общежития.

Слог сих писем бывает *простой* или *средний* (*редко возвышенный*), т. е. таков, как разговор в лучших обществах, но обработаннее, связнее и полнее, ибо в разговорах *часто* перерывают речь вопросы, нетерпение... а письмо пишется наедине, на досуге... есть время подумать...

§ 66. Во-первых, достойны внимания письма *предупредительные и ответные*. Предупредительное письмо избирает предметы произвольно и располагает их по своему усмотрению, ответное согласуется с ним, следуя содержанию, ходу и расположению предупредительного.

Есть исключения: отвечают и в другом порядке по степеням *интереса*. Предмет интереснейший сберегается к концу и описывается подробнее – иногда прибавляются и новые предметы и новые вопросы.

§ 67. *Лица* показывают некоторым образом *тон* их писем. Ибо, судя по общим приличиям, отношения могут быть: к низшим – *приветливость*, к равным – *чистосердечие*, к высшим – *почтение*, к державной особе – *благоговение*.

§ 68. *Содержанием* писем к низшим бывают: поручения, приказы, наставления, советы и т. п. *Целию* – исполнение их; *достоинством* – снисхождение, ласковость, приветливость; *недостатком* – насмешливость, тщеславие и гордость.

§ 69. Письмами к *равным* называются письма к родным и друзьям; для них нет правил, ибо родство и дружба все извиняют. *Тон* их – чистосердечие и откровенность. – И если пишутся к друзьям и для друзей, а не для печати, действительно дышат каким-то трогательным чистосердечием. Напр.:

Вот последнее письмо Карамзина к *первому* его другу (И. И. Дмитриеву): „*Царское село, 22-го октября 1825 года*. Любезный друг! В ответ на милое письмо твое скажу, что о вкусах, по старому латинскому выражению, не спорят. Я точно наслаждаюсь здешнею (в Царском селе) тихою, уединенною жизнью, когда здоров и не имею сердечной тревоги. Все часы дня заняты приятным образом: в девять утра гуляю по сухим и в ненастье дорогам вокруг прекрасного, нетуманного озера, славимого и в „Conversations d'Emilie“ (соч. Жанлис); в одиннадцатом завтракаю с семейством и работаю с удовольствием до двух, еще

находя в себе душу и воображение (*Карамзин сохранил их до последней минуты*); в два часа на коне, несмотря ни на дождь, ни на снег: трясусь, качаюсь – и весел; возвращаюсь с аппетитом, обедаю с моими любезными, дремлю в креслах и в темноте вечерней еще хожу час по саду, смотрю вдали на огни домов, слушаю колокольчик скачущих по большой дороге и нередко крик совы (*странно! В 1825 году явился в нижнем саду филин и с половины сентября до декабря по вечерам пугал всех криком, как будто в оправдание суеверам... Скоро Царское село встретило гроб Александра!*); возвратясь свежим, читаю газеты, журналы... книгу, в девять часов пьем чай за круглым столом и с девяти до половины двенадцатого читаем с женой и с двумя девицами (*дочерьми*) Вальтер Скотта романы, но с невинною пищею для воображения и сердца, всегда жалея, что вечера коротки...

Работа сделалась для меня опять сладка: знаешь ли, что я со слезами чувствую признательность к Небу за свое историческое дело! Знаю – *что и как пишу*; в своем тихом восторге не думаю ни о современниках, ни о потомстве: я независим и наслаждаюсь только своим трудом, любовью к Отечеству и человечеству. Пусть никто не будет читать моей истории: она есть, и довольно для меня... За неимением читателей могу читать себя и бормотать сердцу, *где и что* хорошо. (*Вот душа, изливающаяся в дружеском чистосердечии!*) Мне остается просить Бога единственно о здоровье милых и насущном хлебе до той минуты, „как лебедь на водах Меандра, пропев, умолкнет навсегда“. Чтоб чувствовать всю сладость жизни, надобно любить и смерть как сладкое успокоение в объятиях Отца. В мои веселые, светлые часы я всегда бываю ласков к мысли о смерти, мало заботясь о бессмертии авторском, хотя и посвятил здесь способности ума авторству...“ Так пишут к друзьям из уединения! (*Жаль, что не знаем всего письма! Карамзин, как бы по тайному чувству близкой смерти, завещал последние мысли и чувства свои только достойному другу, но они сделались собственностью всех чувствительных сердец и драгоценны для них, как „завет предков к потомству“.*)

§ 70. Содержанием писем к родным и друзьям может быть все, о чем родство и дружба говорить могут. Цель их – приятность заочной беседы с милыми сердцу. Расположение следует излианию чувств. Достоинство – в чистосердечии, в откровенности и в свободе слога, который может быть высоким и шутивным, важным и забавным, может переменять прозу в стихи и даже вводить разговоры.

Недостатков в них не бывает, ибо все приятно от друга. Разве иногда излишняя колкость, выисканные остроты и неуместная чувствительность производят неудовольствие.

§ 71. Письма к *высшим* сохраняют все принятые формы. Тон их основывается или на удивлении к достоинствам и заслугам, или на почтении и преданности, или на благодарности. Содержанием и целью их бывает: снискание милости, покровительства, удовлетворение просьбы или выражение признательности и пр.

К роду сих писем относятся: *посвятительные, поздравительные, просительные, благодарственные* и т. п. Слог их должен быть *средний*, иногда, судя по предмету, бывает и *возвышенный*.

§ 72. *Расположение* писем к высшим, строго сохраняя принятые формы, большею частью следует расположению искусственных рассуждений (см. Общ. рет., разд. XXII) и состоит из 5 частей: 1) *приступа*, 2) *предыдущего*, или *положения*, 3) *связи*, 4) *последующего*, или *приложения* и 5) *заключения*.

Общие приступы бывают: извинение в беспокоивании письмом, уверенность в доброте, в чувствительности, в благотворительности и пр. Но чем приступ менее общий, тем больше в нем достоинства.

Самым лучшим вступлением к письму бывает такое обстоятельство, которое прилично только одному лицу: кто и к кому пишет.

§ 73. Средина письма к высшим требует краткого и ясного изложения дела, мыслей, чувствований. Заключение по *форме* всегда должно содержать уверение в почтении и преданности – упущение сего обстоятельства почтут непростительным *недостатком*.

В заключении писем к духовным особам просят благословения.

§ 74. *Достоинство* писем к высшим состоит в некотором нарочитом выборе слов и выражений, в некотором достоинстве и благородстве оборотов, свойственных *среднему слогу*. Все роды учтивостей, особенно искусные похвалы, основанные на истине, *а не на лести*, сим письмам приличны. – Письма сего рода, кроме *посвятительных*, редко издаются для публики.

Иногда в письмах важного содержания к знаменитым людям не бывает ни приступа, ни заключения, но прямо излагается дело возвышенным слогом. Таково письмо вдовы *Саницкой* к Суворову, который, по призыву Павла I, отправлялся в Санкт-Петербург.

Она пишет:

„Семьдесят лет живу я на свете: шестнадцать взрослых детей похоронила, а семнадцатого, последнюю подпору мою и защиту, молодость и запальчивый нрав погубили. Ему досталась в удел Сибирь и заточение, а мне еще гроб не отворился... Государь милосерд – Суворов милостив и сострадателен... Возврати мне сына и спаси отчаянную мать – капитаншу Саницкую“. Суворов отвечал: „*Молитесь Богу, сударыня, и я буду молиться*“. (Действительно, по просьбе Суворова, молодой Саницкий прощен.)

IX.

Письма к державным особам и дипломатические

§ 75. Бывают случаи, в которых подданный утруждает письмом особу монарха. Таковое письмо отлично от прочих, ибо *форма* его установлена законом, *тон* основан на *благоговении*, а *слог письменный* переходит в возвышенный.

Письмо подданного к царю, являющему на земле образ верховного существа, есть излияние чувств *просительных*, *умиловительных* или *благодарных*. Так думали предки наши, так думают все русские. Слог такового письма приемлет выражения, свойственные молитвам.

§ 76. *Содержанием* письма к государю бывает необыкновенно важное прошение об *участии*, *благосостоянии*, нередко и *жизни* подданного; или дело, достойное внимания монарха; или посвящение необыкновенного произведения. *Цель* его склонить к себе внимание, благоволение или милосердие монаршее.

§ 77. *Расположение* письма к государю зависит от важности дела, которое излагается кратко, ясно и с особенным живым и сильным чувством. Сие чувство, сливаясь с *благоговением* и утверждаясь на текстах Св. Писания, становится *трогательным* и составляет его *достоинство*.

Слог писем к государю всегда возвышенный; обращение к священной особе монарха выражается часто словом „Ты“ вместо „Вы“. Тексты Св. Писания служат доказательством истины, а славянские выражения – украшением слога. Таковы *большую часть* письма к государю частных лиц о частных делах, нуждах и пр.

§ 78. Иногда – по степени, занимаемой в государстве пишущим, или по степени приближения к трону, или по важным обстоятельствам государственных особ – слог сих писем изменяется, но *тон благоговения* остается *неизменным*.

Таковы письма *Шереметьева* к Петру I, *Румянцева* к Екатерине и пр. Вот одно из них, *любопытное* по обстоятельствам. (Оно объясняет многие места *Державина* „Водопада“.) *Румянцев* в ответ на призывание его вновь к войску, по смерти *Потемкина*, пишет императрице:

„Всемиловитейшая Государыня! Под бременем несносной старости, когда жизнь уже ближе к концу, нежели к началу, удостоился я принять драгоценный меч, не по заслугам, но яко дар Монархини, благотельствующей во множестве. Сколь ни оживляюсь и не чувствую цены благ монарших, но, Всемиловитейшая Государыня, совокупно смягчаюсь скорбью, что буря в жизни и слабость в душе (Держ.: „Ослабли силы, буря вдруг / Копье из рук моих схватила, / Хотя и бодр еще мой дух, / Судьба побед меня лишила“) привели в несостояние

достойно обнажить сего сверкающего остря во славу и хвалу Государыни, в страх неприятелям. В недрах владычества Вашего, Всемиловейшая Государыня, есть люди, отличия достойнейшие во изобилии: ирои сии, в действиях неумомимы, в исполнении помышлений совершенные, воззрят гордым оком и несатым сердцем и удивятся, что и сидевший в молдавской хижине, под кровлею от зноя и ненастья времени (*Держ.*: „Под наклонным кедром вниз / При страшной сей красе природы, (т. е. при водопаде) / На утлом пне, который свис / С утеса гор на яры воды, / Я вижу: некий муж седой (т. е. Румянцев) / Склонился на руку главой“), без дара предвидения и духа, сравнен с ними в щедротах монарших. Мои же малые дела недостойны оправдать сего трудного пути, сближаясь с тем временем, в которое полезен гроб паче других украшений. – Но да будут, Всемиловейшая Государыня, торжествуемые здесь лавры неувядаемы спокойствием непрерывно; долготы же дней Ваших да продолжится навеки, и грядущие времена да свидетельствуют великость дел монарших, а, может быть, и приведут некогда на память, что один из слабых бранноносцев имел удачу быть Государыне полезен в мале, награжден же по велицей Ее милости“.

§ 79. Со времен Александра I слог сих писем несколько изменился. *Тон благоговения* остается, но славянские выражения переходят на возвышенные русские.

Таковы посвятительные письма: *Карамзина* – при „Истории“, *Гнедича* – при „Илиаде“ (прибавл. 18).

18. Письма к государям другой державы зависят от разных отношений. *Тон* их основывается на степени знания, славы, частного образа мыслей и искусства того, кто пишет. Истинные похвалы в искуснейших вымыслах, в самых тонких и блистательных выражениях составляют их *содержание* и *достоинство*. *Цель* их – снискание милости Государя.

Таковы письма к Екатерине II знаменитых иностранных мужей и писателей: *Вольтера*, *Мармонтеля*, *де Лия* и мн. др. (*Они есть и на русском.*)

§ 80. Дипломатическими письмами называются те сношения между особами разных держав, коих *содержанием* бывает взаимная польза и выгоды государств. *Тон* их основывается не столько на личных отношениях, сколько на перевесе одной державы пред другой.

Сии сношения бывают иногда в виде *писем* и сохраняют *формы* писем к высшим, иногда в виде *нот*, *записок* или *договоров*, которых *расположение* следует особенным, вообще в Европе принятым *формам*.

§ 81. *Достоинство* дипломатических *писем*, *нот* и *записок* требует особенного искусства, тонких и обдуманных выражений; требует убедительности и знания политических отношений и допускает некоторые *хитрости* и *неопределенность* (прибавл. 19).

19. Образцом древней дипломатики может служить письмо Фемистокла к Артаксерксу, сохраненное Фукидидом. Вот оно:

„К Тебе, Артаксерс, прибегаю я, Фемистокл, нанесший дому твоему зол больше, нежели все греки, воюя против твоего отца и защищая мою Родину, но вместе с ним тот Фемистокл, который несравненно больше сделал ему добра, когда сам избавился от бед и когда отец твой подвергался явной опасности. (*Вот тонкость, обдуманность! Фемистокл нанес зла больше, нежели все греки, а добра еще больше, нежели зла.*) Ибо после сражения при Саламине, когда Ксеркс не хотел возвратиться в Азию, тайно я написал к нему, что неприятель хочет разрушить мост через Геллеспонт, отрезать его от Азии и окружить со всех сторон, – и сим письмом избавил его от гибели. (*Должно знать, что сим письмом Фемистокл хотел спасти не Ксеркса, а Грецию, ибо Ксеркс с остальным войском мог еще разбить греков. Теперь он ставит это себе в заслугу перед Ксерксом! Вот дипломатическая хитрость!*) Ныне изгнанный из Греции, прибегаю к тебе и прошу твоей дружбы, которой, если удостоюсь, то буду столь же верным другом тебе, сколько страшным врагом был отцу твоему. (*Опять хитрый и обдуманный оборот!*) Но прошу, чтобы на то, о чем говорить хочу с тобою, ты дал мне год времени; а по прошествии года позволил явиться к себе“. (*Дипломатическая неопределенность! Артаксеркс мог думать, что Фемистокл хочет говорить с ним о завоевании Греции и что год времени нужен ему для изучения языка!.. Чего желаем, тому верим.*) – Ныне дипломатические тонкости и неопределенности больше усовершенствованы. Для них в Европе есть особые формы и особый язык.

§ 82. Дипломатическими актами (diplomata) называются все сношения и договоры разных держав: мирные, союзные, наступательные, оборонительные, торговые и т. п. Должно отличать их от государственных актов (acta publica), к коим относится все торжественно обнародуемое от высшей власти. Напр.:

Манифесты, исходящие от лица монарха; речи, произносимые монархами и к монархам от целого сословия или от всего народа; государственные постановления; важные донесения министров, вождей, генералов и пр.

§ 83. Содержанием государственных актов и целью их бывает польза и выгоды государства. Их расположение и достоинство заключается в правилах ораторского искусства, о котором увидим после.

Х.

Деловые письма и бумаги

§ 84. Деловые письма (codicilli) заключают в себе не изъяснение чувств, но изложение дел и разные сношения по делам собственным, гражданским и государственным.

Таковые сношения бывают между присутственными местами, начальниками областей, заведения и вообще между чиновниками по делам службы и между частными людьми по делам собственным.

§ 85. *Содержанием* таковых писем бывает изложение, изъяснение дела. *Цель* их – исполнение обязанности собственной или по службе. *Расположение* деловых писем по свойству дел бывает различно. Большею частию располагаются так: а) изложение дела, б) следствие, мнение, желание, прошение, в) краткое заключение.

Таковые письма часто бывают без *приступа*, с самым кратким и обыкновенным заключением. Но человек с умом и вкусом может и в малой записке показать ум и чувство.

§ 86. Главное *достоинство* деловых писем – *простота, естественность и краткость*. Слог их почти всегда средний. В деловых письмах всякое излишество слов, выражений и учтивостей почитается *недостатком*.

§ 87. Иногда деловые письма пишутся в третьем лице, без *приступа* и заключения, от известного имени или известного места, и называются *з а п и с к а м и*. *Достоинство* записок в *краткости и ясности*.

Сии *записки* очень употребительны в сношениях по делам собственным и по делам службы между лицами и местами. *Напр.:*

N.N., свидетельствуя свое почтение *A.A.*, просит его о том-то или канцелярия *N.N.* просит правление *R.R.* сообщить сведение о таком-то деле.

§ 88. Деловые бумаги (*questiones perpetuae*) заключают в себе все производство дел в нижних, средних и высших присутственных местах, в департаментах, правлениях, канцеляриях и пр.

Сии бумаги требуют знания самых дел, очень редко издаются в свет и по одной только наружности, т. е. *по слогу* относятся к прозаическим произведениям словесности, а по существу дел, к разным частям государственных познаний.

§ 89. Многообразное *содержание* сих бумаг и разная *цель* их не могут быть подведены под одну *общую теорию* – мы взглянем на них только в некоторых отношениях.

Для познания в особенности дел каждого рода требуется долговременная опытность, знание отечественных законов, обычаев, бывших примеров и пр., и едва ли не целая жизнь человека.

§ 90. Вообще деловые бумаги бывают *двух родов*: 1) *входящие* и *исходящие* и 2) *остающиеся* в присутственных местах. Ко входящим и исходящим бумагам относятся: *приказы, предписания, повеления,*

предложения, представления, донесения, рапорты. Также просьбы, жалобы, обвинения, оправдания и пр.

Все сии бумаги по существу дел различны до бесконечности, но каждая имеет *данную* или утвержденную законом *форму*. Следственно, *расположение* их всегда следует предписанному порядку. *Например, просьбы и жалобы* пишутся по высочайшем титуле по пунктам (*т. е. отдельно, одно обстоятельство от другого*), а в заключении просят особу монарха повелеть сие прошение в таком-то присутственном месте принять и на законном основании решение учинить.

§ 91. К бумагам, *остающимся* в присутственных местах, принадлежат: *регистратура, журналы, протоколы, экстракты, записки, выписки* из дел и пр.

В *регистратуре*, т. е. особой книге, записываются под нумерами *входящие и исходящие бумаги* с кратким их содержанием, в *настольных журналах* – занятия присутственных мест, в *протоколах* – окончательное решение дел, в *экстрактах* или *записках* излагается кратко, но обстоятельно все дело для удобнейшего суждения об оном.

§ 92. *Достоинство* деловых бумаг *двоякое*: *внутреннее* состоит в правильном изложении дела и в основательном приведении доказательств, законов или причин нравственных, *наружное* – в слоге. Слог деловых бумаг бывает *средний* и почти всегда *периодический* (см. *Общ. рет., разд. XXVII*).

Слог деловых бумаг имеет много своих *технических слов и выражений* и во многих присутственных местах был в жалком положении до времен Александра, но с учреждения министерств очистился и вообще исправился в России, исключая разве некоторые древние *формы*, которые от старинного слога получают более важности, *например, грамоты, купчие*.

§ 93. *Слог деловых бумаг военных* бывает, напротив, почти всегда *лаконический* или отрывистый (см. *Общ. рет., разд. XXVII*), и чем (более) высший пост занимает лицо, тем слог возвышеннее и отрывистее. Героям некогда заботиться о полноте обдуманых периодов: в их слоге, как и в действиях, заметны три *суворовские* правила: *быстрота, глазомер, натиск*, т. е. *краткость, верность и сила*. Например, *Бонапарт* пред сражением у пирамид сказал только: „Воины! С вершины сих пирамид 40 веков смотрят на вас...“, и французы пришли в восторг.

К военным деловым бумагам относятся: *речи вождей, предписания, приказы, рапорты, донесения, реляции*. Бывают однако ж случаи, где требуется обстоятельность и точные подробности. *Смотр. Военное красноречие Я. В. Толмачева.*

XI. *Литературные письма и роды их*

§ 94. Литературные письма (*libelli*) суть разные сочинения, коим дается только вид, *форма* письма, но которые в самом деле пишутся не для исполнения потребности, а для удовлетворения вкуса, и не для одного лица, а для публики.

Вид письма дается разным сочинениям для того, чтобы, обращаясь *будто* бы к известному лицу, в *известном тоне* свободнее располагать и живее выражать чувствования и мысли.

§ 95. Литературные письма большею частию принимают тон *дружеских*, пользующихся правом изменять слог до бесконечности: говорить важно и забавно, простодушно и замысловато, остроумно и колко, и даже вводить стихи и разговоры (см. выше §§ 69 и 70).

§ 96. *Содержанием* литературных писем бывают разные повествования, описания, рассуждения – мысли о нравственности, науках, искусствах и различные чувствования.

Ничто не может быть так разнообразно, как содержание литературных писем.

§ 97. *Цель* сих писем одинакова с целию прозы. *Расположение* их зависит: а) иногда от предмета, б) иногда от характера писателя, в) иногда от намерения:

а) по *предмету* письма располагаются следуя ходу дела, науки, искусства или происшествий; б) *характер*: писатель иногда видит и представляет предметы оригинальным и забавным образом. Например, письма *Фонвизина* и *М. И. Муравьева-Апостола*. Иногда располагает письмом фантазия, например, письма *Батюшкова*, *Жуковского*; в) *намерение*: писатель иногда важный предмет представляет забавным, или забавный – важным и пр.

§ 98. *Достоинство* литературных писем заключается в живом, естественном и разнообразном *слоге*, которым или оживляется сухой предмет нравственности, науки, искусства, критики, или сильно выражаются высокие и нежные чувства.

§ 99. Литературные письма разделяются на *исторические* и *топографические*, *нравственные* и *романические*, *критические*, *сатирические* и *ученые* разных родов.

Сие разделение основывается только на их *содержании*, ибо цель, расположение, достоинства и недостатки их показаны выше в общих правилах.

§ 100. *Исторические и топографические* письма имеют содержанием современные события и примечательные местные описания.

Например, „Письма русского путешественника“ и его подражателей (*топографические*); „Письма русского офицера“ (*исторические*).

§ 101. *Нравственные* письма имеют предметом образование ума и сердца. Например, „Письма обитателя предместия“ и Эмилиевы. – *Романических* писем содержание одинаково с романом.

§ 102. *Критические и сатирические* письма имеют предметом науки или нравственность. Есть у нас в сем роде оригинальные письма Фонвизина и М. И. Муравьева-Апостола (прибавл. 20).

20. Вот выписки из сатирического письма Фонвизина. – *Характер французов*: „Рассудка француз не имеет и иметь его почел бы несчастьем своей жизни, ибо онный заставил бы его размышлять, когда он может веселиться. Забава есть один предмет его желаний. А как на забавы потребны деньги, то для приобретения их употребляет всю остроту, которою его природа одарила. Острота, не управляемая рассудком, не может быть способна ни на что, кроме мелочей, в которых и действительно французы берут верх над целым светом. – Приметил я вообще, что француз всегда молод, а из молодости вдруг переваливается в дряхлую старость; следственно, в совершенном возрасте никогда не бывает“. – *Военная дисциплина*: „В один раз, когда ложа (губернаторская в Монпелье) наполнена была лучшими людьми города, часовой, соскучив стоять на своем месте, отошел от дверей, взял стул и поставил его рядом со всеми сидящими знатными особами, сел тут же смотреть комедию, держа в руках свое ружье. Подле него сидел майор его полка и кавалер св. Людовика. Удивила меня дерзость солдата и молчание его командира, которого взял я вольность спросить, для чего часовой так к нему присоседился? *Ему хочется смотреть комедию*, – отвечал он с таким видом, что ничего странного тут и не примечает“. – *Судопроизводство во Франции*: „Тяжебные дела также несчастны во Франции, как и у нас (1778 года), с тою только разницею, что в нашем отечестве издержки тяжущихся не столь безмерны. Правда, что у нас и у них нередко обвинена бывает сторона беспомощная; во Франции прежде, нежели у правого отнять, надлежит еще много сделать церемоний, которые обеим сторонам убыточны. У нас же, по крайней мере, в том преимущество, что действуют гораздо проворнее, и как скоро вступался какой-нибудь полубоярин, родня вельможи, то в самой тот час дело совсем уже брало другой оборот и приближалось к концу. Скажут мне, что Франция превосходит нас в гражданских делах красноречием. Правда, но все сие весьма хорошо для французского языка, а не для правого дела. При бессовестных судьях Цицерон и Вахтин – равные ораторы...“ (*Оригинальная резкость: кто мог ожидать такой параллели Цицерону?*)

§ 103. *Ученые* письма часто бывают продолжительны и составляют иногда книги, для коих ответом может служить: а) только критика, б) иногда сим письмам дается *тон* поучительного послания, в) иногда ученый предмет бывает содержанием дружеского письма:

а) Письмо Оленина к гр. Мусину-Пушкину (о камне тмутараканском) *in folio*⁷⁶; письмо князя Щербатова к Болтину *in 4°* и ответ Болтина 2 тома *in 4°* (о российской истории); Карамзина письмо Филалета к Мелодору и ответ его (о нравственности и философии); письмо Фонвизина о Словаре Российской Академии; б) Сюда принадлежат послания апостолов и послания к паствам многих древних пастырей нашей Церкви и пр.; в) Ученые дружеские письма М. Н. Муравьева (Эмилиевы письма) от 8 июня Берново об Илиаде, или Карамзина (Русского путешественника) из Лейпцига от 16 июля об Эстетике Платнера.

ХП.

Авторы писем у древних, новых и в России

§ 104. Греки первые образовали свой язык и письменный слог прозы. Есть многие письма под именами славнейших мужей, большею частию *апокрифические* (подложные). Но есть настоящие письма *Исократовы, Платоновых 12, Аристотелевы, Демосфеновы и Эсхиновы*.

Собрание греческих писем издано Альдусом в Венеции, 1409; Куяцием в Женеве, 1606; Любином в Гейдельберге, 1600.

§ 105. В числе мнимых авторов упоминаются: а) *Анахарсис*, скиф, философ 46 Олимпиады; ему приписывают 9 писем; б) *Фемистокл*, полководец 75 Олимп., мнимый автор 21 письма; в) *Фаларид*, царь агригентский, оставил 148 писем, исполненных правил человеколюбия (прибавл. 21):

21. а) Думают, что письма *Анахарсиса* подали повод Барлеми к составлению прекраснейшего описания Греции, с заглавием „Путешествие юного Анахарсиса“; б) Полагают, что *Фемистокл* писал их во время изгнания, видели письмо его к Артаксерксу; в) Если письма действительно *Фаларидовы*, то они оправдывают характер его, очерченный в истории.

§ 106. *Сократу* приписывают: а) 7 писем нравственных; б) *Хиону Гераклеяскому*, ученику Платона, 17 писем политических; в) *Аристенет* (350 л. по Р. Х.) написал две книги романических писем; г) *Алкифрон* (360 л. по Р. Х.) оставил исторические письма:

а) Ныне известно, что *Сократ* сам ничего не писал; б) Слог и мысли *Хионовых* писем наполнены политическими вымыслами, но не вовсе без достоинств; в) Предмет *Аристенетовых* писем – любовь, а достоинство – легкость и остроумие, но они не имеют занимательности действительной переписки; г) Слог *Алкифроновых* писем приятен и цветущ, но слишком обилен, утончен и отзывается софистическими умствованиями.

⁷⁶ Размером в лист.

§ 107. а) В числе римских писмописателей первое место занимает *Цицерон* – он оставил много писем занимательных и прекрасных; б) *Плиний младший* написал 10 книг писем к друзьям; в) *Луций Анней Сенека* – 124 письма к Луцилию; г) *Аврелий Симмах* (330 л. по Р. Х.) – 10 книг писем, подражание Плинию; *Сидоний Аполлинарис* – 9 книг писем исторических:

а) Письма *Цицероновы* почитаются образцовыми: 16 книг к родным и друзьям (*ad diversos*⁷⁷); 16 книг к Аттику занимательны по анекдотам и историческим обстоятельствам; 3 книги к брату Квинту, советовательных; Книга писем к Бруту (18 его и 7 апокрифических); б) 10-я книга писем *Плиниевых* содержит письма Траяна к автору: большая часть их писана для обнародования; в) Слог писем *Сенеки* отрывист, полон антитез и контрастов, нов и в виде мнений; г) Письма *Аполлинариса* больше занимательны по историческому содержанию, нежели по слогу.

§ 108. У новейших заслуживают внимание: а) на итальянском – письма *Аннибала Каро*, *Бернарда Тасса* и *Графа Гоци*; б) на французском – письма *маркизы Севинье* к дочери и мн. др.; в) на английском – письма *Свифта*, *Поупа*, *Грея* и их друзей; г) на немецком – отличные письма *Геллерта*, *Рабенера*, *Глейма* и *Винкельмана*:

а) На *итальянском* множество писем, но редкие из них могут быть образцовыми. Они большею частию наполнены щегольством слога, подбором замысловатых выражений, принужденным остроумием и утомительной ученостию; б) С *французами* никто не сравнялся в искусстве писать письма. Они отличаются слогом живым и легким, нежностью чувств и выражений и каким-то приятным, натуральным остроумием; в) У *англичан* множество вымышленных и превосходно написанных писем; г) *Немцы* поздно начали писать письма со вкусом: ибо слишком привязаны к обрядам церемониала и к школьной методе.

§ 109. а) В России до введения гражданской грамоты были только *послания* пастырей Церкви и некоторых светских людей; б) Петр I образовал письменный слог в России; в) Отличнейшие мужи его века содействовали ему в этом образовании, но их письма больше достойны внимания по важности предметов, нежели по слогу:

а) Например, послание *Вассиана* к великому князю, грамоты *Геннадия* в опровержение толков еретических. Особенно достойны примечания послания *Курбского* к *Иоанну* и ответы *Иоанна*, окружные грамоты *Константина Острожского*, послания *Кн. Семена Шаховского* и др.; б) Петра I: письма к брату царю *Иоанну Алексеевичу* и патриарху *Адриану*, к *Шереметьеву*, к *Колычеву*, к *Науму Синявину* и мн. др.; в) Письма к Петру I *Шереметьева* и мн. др.

⁷⁷ К разным (адресатам).

§ 110. Век Елисаветы подвинул успехи нашей словесности: а) Гений *Ломоносова*, созидавая для нас поэзию и красноречие, оставил нам 16 писем к И. И. Шувалову; б) Письма *Фонвизина* остроумны, колки и забавны, но слог их в наше время потерял несколько свежесть:

а) Письма *Ломоносова* писаны по делам службы или собственным и не были назначены для печати; б) Письма *Фонвизина*, вероятно, также писаны были для одного вельможи, а не для публики, ибо при жизни автора не были печатаны. Они в сатирическом роде *оригинальны*. Автор имел редкий дар находить во всем смешное.

§ 111. *Карамзин*, творец легкой и приятной прозы в России, обратил на себя внимание всех „*Письмами русского путешественника*“, которые, отличаясь талантом и вкусом, долго считались образцом легкого и приятного письменного слога. Он имел много подражателей.

Удачливее прочих подражали Карамзину: *Кн. Шаликов*, два „Путешествия в Малороссию“ (в 1803 и 1804); *Владимир Измайлов*, „Путешествие в Полуденную Россию“; *Невзоров* „Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург“; *Пав. Иван. Сумароков*, „Путешествие по Крыму и Бессарабии“ и др.

§ 112. а) „Обитатель предместья“ (10 писем) и „Эмилиевы письма“ *Мих. Никит. Муравьева* превосходны и по содержанию и по слогу; б) Письма *М. И. Муравьева-Апостола* оригинальны и забавны. Письма *К. Н. Батюшкова* из Финляндии и *В. А. Жуковского* (из чужих краев) отличаются прелестным слогом и фантазией; жаль, что их так мало!

а) „Письма обитателя предместья“ и Эмилиевы *М. Н. Муравьева* очень полезны для образования и верного направления вкуса детей: они с большой пользой могут быть читаны в классах; б) Письма *Муравьева-Апостола* сатирическим вкусом больше всех подходят к письмам *Фонвизина*, но слог их свежее и, кажется, обработаннее – они писаны для публики (в разных журналах).

§ 113. „Письма русского офицера“ с описанием походов 1805–1806 и с 1812 по 1815 год (8 частей) *Ф. Глинки* очень занимательны по историческому содержанию и по слогу. Сверх того, есть на русском много писем: а) нравственных; б) ученых и пр.; в) есть также много переводов лучших иностранных писем. Напр.:

а) „Келейные письма“ *Тихона*, епископа Воронежского, и его же разные письма к приятелям примечательны по духовным мыслям и чувствам, *слог древний*; б) „Путешествие“ *Лубяновского* примечательно по части художеств; в) Перевод писем дю Пати *И. И. Мартынова*, писем *Морица* и пр.

Отделение III. РАЗГОВОРЫ

Format enim Natura prius nos intus
Post effert animi motus interprete lingua. *Hor.*⁷⁸

ХIII.

Диалектика и разговоры

§ 114. Разговор, *диалог* (dialogus) в натуре – взаимное изъяснение разумных существ, необходимость в обществах. В подражании разговор есть такое прозаическое сочинение, в коем собеседуют вводимые лица.

Разговор имеет то преимущество перед обыкновенной прозой, что в нем больше живости, убеждений и разнообразия, нежели в повествовании или рассуждении.

§ 115. Нет сомнения, что сей род сочинений получил начало от подражания натуре, от *драматической поэзии*, но поводом к сему изобретению был способ древних учить философии посредством *диалогики* или *диалектики*, т. е. разговоров.

Философ рассуждал с питомцем своим посредством вопросов и ответов; и начав с понятий простых, с истин, всем известных, беспрерывно шел за ним в исследованиях и нечувствительно приводил его к сей цели, к убеждению (прибавл. 22).

22. Диалектика у древних означала то же, что у нас *логика* (в виде разговора) и почиталась одним из их изящных искусств. Вот их изящные искусства: 1) *грамматика*, 2) *пиитика*, 3) *реторика*, 4) *диалектика*, 5) *живопись*, 6) *скульптура* и 7) *музыка*. Других искусств древние или не знали, или не признавали.

Первый диалектик был *Зенон Элейский*, ученик Парменида, живший в Италии за 504 лет до Р. Х. *Сократ* распространил сей способ учения и усовершенствовал его, почему он и назван методом Сократовым (methodus Socratica). Все ученики Сократовы писали сочинения свои разговорами.

§ 116. *Содержанием* разговоров бывают: 1) *истина* философская, богословская, нравственная, политическая, физическая, историческая и пр.; 2) *важные занимательные происшествия*; 3) *любопытные*

⁷⁸ Ведь прежде образует природа внутри нас (отклик)... Потом движенье души передает язык. *Гораций*. Наука поэзии (108, 111). В переводе М. Л. Гаспарова: „Так уж устроены мы: на любое стечение событий В нас сперва отвечает душа... А уж потом движенья души выливаются в слово“.

характеры и занимательные лица с их образом мыслей и чувствований.

§ 117. *Цель* разговоров *тройкая*: 1) показать истину с разных сторон, с разных точек зрения (посредством разных лиц) и через то исследовать скорее и сделать очевиднее; 2) представить занимательное происшествие живее и разительнее; 3) оживить важные исторические лица и их характеры собственными их словами.

§ 118. *Расположение* разговоров должно быть согласно с целью, для коей пишутся, т. е. если открывается *истина*, то постепенно развиваются доказательства, опровергаются возражения и, наконец, главное лицо утверждает истину. – Если представляется *происшествие*, то оно должно быть одно, хотя допускает некоторые отступления, и участие многих лиц служит только к живейшему окончанию или развязке. – Если представляются исторические лица, то *характер* каждого должен быть выдержан с начала до конца.

§ 119. *Достоинство* разговоров *вообще* состоит в непринужденности, естественности, в какой-то гибкости и оборотливости мыслей, чувствований и выражений и в слоге *простом* разговорном, соблюдающем приличие и благородство. Всякий письменный разговор тем совершеннее, чем ближе к изустному, натуральному.

§ 120. *Язык* в разговорах непременно должен быть приличен каждому лицу, его характеру и тому положению, в каком кто находится. (Notandi sunt tibi mores, Mobilibusque decor naturis dandus et annis. Hor.⁷⁹)

Иногда – живость, острота, шутливость или замысловатость, иногда – важность, краткость и резкость дают *жизнь* и *душу* разговору.

§ 121. *Недостатки* в письменном разговоре те же, какие и в изустном: излишние подробности в известном; витиеватость и плодovitость в описании или изображении предметов и ненатуральность слов и выражений.

Особенно скучна *вялость* и утомительно *многословие* в разговоре.

§ 122. Судя по *содержанию, цели и расположению*, разговоры бывают трех родов: 1) *философские*, к ним же причисляются *богословские* и *ученые*, 2) *драматические* и 3) *разговоры в царстве мертвых* или *богов* (прибавл. 23).

⁷⁹ Ты должен обозначить нравы, дать украшения для разных натур и возрастов. *Гораций*. Наука поэзии (156–157). В переводе М. Л. Гаспарова: „Должен представить ты нам все возрасты в облике верном, Для переменчивых лет приислав подходящие краски“.

23. В наше время *разговоры* меньше употребительны, нежели прочие роды прозы, но по редкости и новости бывают приятны.

XIV.

Философские разговоры

§ 123. Философский разговор есть исследование истины, в котором участвуют два или многие лица (прибавл. 24).

24. *Сократов* способ учения, легкий и приятный, сохранен в сочинениях первых философов и подал повод к философским разговорам. Первые сочинения философов писаны разговорами.

§ 124. Вводные лица представляются с разными мнениями. Они с разных сторон делают возражения. Но одно лицо, под которым разумеет себя автор, всегда защищает истину.

Преимущество сих разговоров перед *рассуждением* в том, что они обращают взор на истину с разных точек зрения в одно время и представляют ее живее через вводные лица. Мы слышим не одного, а многих, и соглашаемся не с одним, а с многими.

§ 125. В разговорах древних философов всегда истина вкладывается в уста *Сократу*. Таковы все разговоры *Платона* и других учеников его.

§ 126. *Содержанием* философского разговора бывает *истина*, большей частью новая, подверженная сомнению, требующая раскрытия, объяснения: сия истина может быть *философская, богословская, историческая, литературная* и вообще всякая *ученая*, которой исследование может принести пользу уму, сердцу или науке (прибавл. 25).

25. *Цель* сих разговоров (*философских*) состоит в том, чтобы объяснить, доказать и утвердить неоспоримым образом; следовательно, просветить разум, сообщить ему полезные истины.

Предмет и цель сих разговоров одинаковы с учеными сочинениями. – Разность в одной форме.

§ 127. *Расположение* философского разговора по числу лиц бывает различно: если два лица, располагается через *вопросы* и *ответы*; если многие лица – через *возражения* и *опровержения*.

§ 128. *Достоинство* философского разговора состоит в важности истины, в тонкости исследования, в натуральности, живости и благородстве простого слога. *Недостатки* его – в вялости, утомительности и пустословии (прибавл. 26).

26. В наше время часто детские, учебные книги пишутся в *вопросах и ответах*. Тут представляются только два лица: *ученик* и *учитель*. Это собственно *Сократова метода*.

Напр.: Катехизис в вопросах и ответах.

У древних были еще *симпози*и, т. е. разговоры на ученых пирах. Они показывают обычай древних беседовать в обществах обо всем, относящемся к наукам и философии.

До нас дошли два разговора под названием Симпози *Ксенофонов* и *Платонов*, и оба любопытны и прекрасны.

§ 129. В виде философских разговоров предлагаются также *богословские истины*.

В сем роде мы имеем превосходнейшие разговоры – творение знаменитого оратора нашего *Филарета*: „*Разговоры между испытующим и уверенным*“. В них важность священных истин соединяется с простотой и высокою слога.

XV.

Драматические разговоры

§ 130. Драматический разговор представляет в *действии* происшествия и лица. Он получил бытие и название от *драматической поэзии* – новейшее изобретение.

Слово *драматический* (от *драма* – *драма*; *ago* – *actio*; *действую* – *действие*) значит все *представляемое в действии* и есть *общее* название всей *драматической поэзии*, т. е. трагедии, комедии и пр., и самого *разговора*.

§ 131. *Содержанием* драматического разговора бывает не истина, а *происшествие*, занимательное само по себе или по лицам.

§ 132. *Цель* драматического разговора двоякая: а) если *действие* занимательно, то оживить его и сделать еще занимательнее; б) если занимательны *лица*, то привести их в такое положение, чтобы каждое слово их возбуждало интерес и любопытство.

Часто одно слово, одно движение, само молчание *интересного* лица производит сильное действие.

§ 133. *Расположение* драматического разговора вообще требует естественного хода происшествия и, судя по двоякой цели, бывает *двояким образом*. Располагают *происшествие* так, чтобы оно, сообщаясь с местом, временем и лицами, имело всю возможную занимательность. Или располагают так, чтобы *лица* могли показать в полном свете свой характер.

§ 134. *Достоинство* драматического разговора состоит в выборе предметов, лиц, их положения и в искусстве оттенять характеры и выдерживать их с начала до конца. — *Servetur ad imum „Qualis ab incepto processerit, et sibi constet“.* *Hor.*⁸⁰.

§ 135. Но *если* характер не выдержан, *если* происшествие не представлено во всей занимательности, *если* самый язык не имеет ни живости, ни быстроты, ни благородства, то разговор *теряет достоинство*.

§ 136. *Драматический* разговор отличается от *драмы* тем, что представляет *одну* только *картину* происшествия и лиц, почти без всякой *завязки и развязки*. Но он имеет ту выгоду перед повествованием, что возбуждает такое же любопытство, как и *драма*.

§ 137. Драматические разговоры бывают *отдельные* и *в связи* с повествованием или описанием. *Отдельные* драматические разговоры пишутся иногда для торжественных случаев. Напр.:

„Разговоры о физических и нравственных предметах“ все писаны и говорены на торжественных актах Московского университетского благородного пансиона. Москва, 1800 г. in 8°, 2 части.

§ 138. *В связи* с повествованием и описанием драматические разговоры очень употребительны, особенно в повестях, в романах и даже в письмах.

§ 139. Разговоры как в повествовании, так и в описании составляют чрезвычайный интерес и придают разнообразие, живость и занимательность.

XVI.

Примеры драматических разговоров

§ 140. Вот пример *драматического разговора* из „Жизнеописания Костюшки“ Ф. Глинки. Происшествие сего разговора – возвращение свободы Костюшке. Действующие лица: *император Павел* и *Костюшко*.

§ 141. В сем драматическом разговоре происшествие обыкновенно. Повествователь хотел только оттенить характеры столь знаменитых лиц и избрал место и положение так удачно, что характеры их сами собой являются во всем блеске. А между тем самое происшествие получает всю возможную *занимательность*.

⁸⁰ Пусть до конца сохранится таким, каким был вначале, и будет верен себе. *Гораций*. Наука поэзии (126–127). В переводе М. Л. Гаспарова: „...да будет он выдержан строго, верным себе оставаясь от первой строки до последней“.

§ 142. Павел I, без всякого уведомления о себе, входит в то место, где заключен пленный *Костюшко*, и видит его в глубокой задумчивости над чертежами земного шара.

Примеч. Одно желание Павла посетить знаменитого пленника в темнице есть уже подвиг редкого великодушия на троне. Вот слова его:

Павел: Император Российский желал бы знать причину столь глубокой задумчивости благородного Костюшки... (*ничто столько не украшает величия, как кротость!...*)

Костюшко: (*с великим удивлением*) Государь!.. Могу ли поверить, чтобы темница моя озарилась присутствием Вашего Величества?! Но ваша воля есть узнать настоящие мои мысли; благоговею к ней и не могу не открыть сердца моего пред великодушнейшим из монархов... Государь! Я рассуждал о превращениях, постигающих ныне царства и царей. Я следовал за бурным потоком разрушения (*за революцією*), исторгнувшимся из недр растерзанной Франции и стремящимся поглотить большую часть Европы. Я видел сии губительные волны, сбивающие великолепные престолы, вырывающие с корнем многовечные деревья родов царских, и переменяющееся лицо всей Земли... Скольких царей не стало в мире!.. Сколько народов лишилось бытия!.. и мое Отечество! (*Тут навнулись у него слезы. Вот слова и чувства пылкого героя и патриота.*)

Павел: Будь спокоен, верный сын Польши! Отечество твое еще существует на лице земном: поляки, оставя все рассуждения, по одному местному положению их не могут быть народом самобытным, но они могут быть счастливы и быть благополучны под сению Скипетра Русского. (*Предсказание Павла исполнилось. После некоторого молчания.*) Настало время воздать свободу герою, имеющему право, по добродетелям своим, на удивление света. Отныне Костюшко свободен! (*Обратясь к сопровождающим*) Вручите ему меч, который всегда сопровождал его на пути истинной чести...”

§ 143. *Костюшко*, по чувству благодарности, хотел упасть на колена, но государь не допустил его. – Вот действие в драматическом разговоре, которое так же трогательно, как в драме. *Продолжение:*

Павел I: Вы можете избрать себе местопребывание по собственному произволу вашему, но вы должны обещать...

Костюшко: Понимаю, государь, понимаю волю вашу и, ставя честь мою порукою, обещаю отныне навсегда ни мечом, ни советом не участвовать ни в чем, что только может клониться ко вреду могущественной России и великодушного ее монарха.

Павел I: Сего довольно! (*Государь удалился.*)

§ 144. Вот два характера: один – великодушия на троне, другой – благородства в узах! В разговоре сии характеры отделились собственными словами и делами. В повествовании писатель не достиг бы своей цели с таким блеском.

Примеч. Характер благородного Костюшки оправдан событием: в 1812 году Наполеон употреблял все свои обольщения, чтобы привлечь его в свое войско, но он, как Регул, свято сохранил данное слово до гроба.

§ 145. Вот другой *драматический разговор* между *королем Неаполитанским* и *Милорадовичем*. В нем писатель (Ф. Глинка) представил *важность происшествия* сколь можно занимательнее. А лица, как второстепенные, служат только к оттенению происшествия.

§ 146. *Содержание* сего разговора: *в 1812 году король Неаполитанский приезжает к Милорадовичу просить пощады фуражирам и старается завести род переговоров*. Предыдущие и последующие обстоятельства показывают всю важность происшествия.

§ 147. *Милорадович*, объезжая передовые посты, встречается нечаянно с *Королем Неаполитанским (Мюратом)*, объезжавшим также свои передовые посты, и после обыкновенных приветствий с обеих сторон вот слова их:

Король: Генерал! Известны ли Вам поступки ваших казаков?.. Они стреляют по фуражирам, которых посылаю я в разные стороны. Даже крестьяне ваши с помощью их убивают наших отделенных гусаров...

Милорадович: Я очень рад, что казаки в точности исполняют данные им приказания. Также приятно слышать из уст Вашего Величества, что крестьяне показывают себя достойными имени русских.

Король: Но это противно принятым повсюду обыкновениям (т. е. *расчетам и ожиданиям Наполеона*), и если это продолжится, то я принужден буду посылать колонны для прикрытия фуражиров...

Милорадович: Тем лучше, Ваше Величество Мои офицеры жалуются, что уже три недели они остаются в бездействии: они горят желанием брать пушки и знамена...

Король: Но к чему стараются раздражать друг против друга два народа, достойные во всех отношениях взаимного уважения?!

Милорадович: Я и офицеры мои всегда готовы оказывать Вашему Величеству всевозможные знаки почтения, но фуражиров ваших всегда будут брать в плен, а рассылаемые для прикрытия колонны всегда будут разбивать.

Король: Генерал! Неприятелей не бьют словами. Взгляните на карту, вы увидите завоеванные нами у вас провинции и куда мы зашли.

Милорадович: Карл XII заходил еще далее: он был в Полтаве.

Король: Французские войска всегда были победоносны...

Милорадович: Но мы сражались только при Бородине...

Король: Через эту победу мы овладели Москвой.

Милорадович: Извините, Ваше Величество, Москва была оставлена.

Король: Как бы то ни было, но мы владеем вашею древнею и пространною столицею.

Милорадович: Так, Ваше Величество, и эта мысль мучительна для всякого русского! Это величайшая жертва, принесенная Россией! Но она уже начинает пользоваться выгодами, происходящими от сего пожертвования. Мне известно, что *Наполеон* посылал генерала *Лористона* к нашему главнокомандующему для переговоров о мире; я знаю, что ваши войска принуждены довольствоваться в продолжение двух суток и более тем, что едва ли достаточно в прокормлении их в одни сутки.

Король: Известия, вам доставленные, ложны.

Милорадович (продолжая): Я знаю, что Король Неаполитанский приехал к Милорадовичу просить пощады фуражирам и завести род переговоров для успокоения своих солдат...

Король (с досадою): Посещение мое совершенно случайное; я хотел только открыть вам происходящие у вас злоупотребления. Неустройство есть великое несчастье для армии: оно ослабляет, истребляет ее...

Милорадович: Но в таком случае Вашему Величеству надлежало бы поощрить прекрасное неустройство, которым мы истребляем французских фуражиров!..

Король: Вы ошибаетесь насчет нашего положения. Москва всем достаточно снабжена (*Должно знать, что в ней все сгорело и не было ничего.*) Мы ожидаем бесчисленных подкреплений, которые уже к нам идут (*и которых русские не допустят*)...

Милорадович (смеясь): Неужели Ваше Величество думаете, что мы далее от наших подкреплений, нежели вы от своих (*т. е. неужели не знаете, что мы начинаем войну, а вы не можете продолжать*)?

§ 148. Вот занимательность происшествия, возрастающая постепенно: с открытием обстоятельств, излагаемых действующими лицами. Повествование не имело бы такой силы. Следующее обстоятельство еще больше интересно: оно показывает ясно положение французов, т. е. что они надеются на мир, а мы и слышать не хотим о мире.

Король: Я должен еще жаловаться в рассуждении одного, очень важного обстоятельства. Генерал! Я отдаюсь на ваше правосудие, на вашу справедливость. Вы дважды стреляли по нашим парламентарам.

Милорадович: Ваше Величество, мы и слышать о них не хотим. Мы желаем сражаться, не вести переговоры. Итак, примите ваши меры.

Король: Как!.. Поэтому и я здесь не в безопасности! (*Вот интерес драматического разговора, подобный завязке.*)

Милорадович: Ваше Величество на многое отважитесь, если в другой раз захотите сюда прийти. Но сегодня я предоставляю себе честь проводить вас до ваших форпостов. Гей! лошадь! (*Великодушие героя, какого французы не имели, ибо, выступая из Москвы, они взяли в плен парламентаров наших Винценгероде и Нарышкина.*)

Король: Я никогда не слыхал о таком образе войны.

Милорадович: Я думаю, что слыхали.

Король: Но где же?

Милорадович: В Испании. (*Король еще более поражен был сим ответом и, переменяя разговор, спросил с учтивостию.*)

Король: Где вы в первый раз вели войну в звании генерала?

Милорадович: Конечно, еще памятен во Франции поход Суворова в Италию. Я имел честь много раз командовать авангардом генералиссимуса. (*Тут король и Милорадович удалились, разговаривая о покойном князе Багратионе.*)

§ 149. В сих двух примерах видно, как писатель драматического разговора может оттенять *характеры* занимательных лиц, или при-
дать больше важности и занимательности *происшествию*.

Примеч. Ничто столь не оживляет повести и романа, как приводимые кста-
ти *драматические разговоры*.

XVII.

Разговоры в царстве мертвых. Примеры

§ 150. *Разговор в царстве мертвых* есть соединение разговора философского с драматическим. Он существенно отличается от обо-
их местом действия — *царством мертвых*.

Другого места избрать не может, ибо всегда представляет героев, живших в
разные века, которые в здешнем мире не могли друг с другом говорить и дейст-
вовать в одно время, *например, Аннибал и Суворов*, почему и получил название
от места — *царства мертвых*.

§ 151. Изобретателем сих разговоров можно почестъ *Лукиана Са-
мосатянина*, остроумца II века. Он, кажется, первый дерзнул сбли-
зить в один разговор мужей за пределом жизни, разделенных веками.

Лукиан по остроумию и сатире был удивлением своего века. Большая часть
творений его имеет вид разговоров. Славнейшие из них — „*Разговоры в царст-
ве мертвых и богов*“. В наше время разговоры между богами остались на теат-
ре в *прологах*, а разговорам в царстве мертвых охотно подражали: в Англии
лорд Литлтон; во Франции *Фенелон*; в Германии *Виланд*; в России *М. Н. Му-
равьев* и др.

§ 152. *Содержание* сих разговоров заключает в себе: или вели-
кую, особенно политическую, *истину* — подобно философским; или
объясняет *происшествие* и показывает *характеры* великих мужей и
героев — подобно драматическим; или соединяет и то, и другое.

К сей истине, всегда важной, политической, вводимые герои содействовали
или были прикосновенны — *герои* всегда бывают *исторические лица*. Часто сия
истина излагается в начале разговора. Таковы разговоры *М. Н. Муравьева*.

§ 153. *Цель* сих разговоров — сблизить прошедшее с настоящим и
открыть мысли (*гадательным остроумием*) великих несуществую-
щих мужей о настоящем. *Расположение*, судя по содержанию, по-
добно ходу *философских* или *драматических*.

Чем знаменитее и любезнее для народа вводимые лица, тем разговор их де-
лается занимательнее, а истина убедительнее.

§ 154. *Достоинство* разговоров в царстве мертвых, сверх общих
достоинств, приличных разговорам, состоит в редком *благоразумии*

и остроте ума, угадывать мысли великих мужей о настоящем, сходно с их характерами, с вероятностями ума, с заключениями дальновидности, – или с чувством желаний, опасений, намерений, напоминаний своего века – часто в противоположностях и пр. (прибавл. 27).

27. Разговоры в Царстве мертвых могут быть причислены к любопытным и занимательным прозаическим сочинениям.

§ 155. Вот разговор двух основателей царств: *Ромула* и *Кия*. 15 веков разделяют время их жизни. Содержание его – великая истина: „*Все народы вселенной возникают из варварства в последствии времен и, дошед до некоторой известной точки, низвергаются паки и уступают место другим*“. М. Н. Муравьев мог предположить встречу сих героев и остроумный разговор их только в царстве мертвых.

Ромул: Ты хочешь равняться с Ромулом: кто бы ты ни был, конечно, величественное имя Рима достигло слуха твоего. Ты видишь во мне основателя сего царствующего града – и дерзай после сего помышлять о равенстве со мною.

Кий: Я не мыслю оспаривать личных достоинств твоих. Сияющ войною, искусством правления, ты умел влиять в рождающийся народ свой глубокое чувство славы и приготовить его к завоеванию вселенной. Но познай в Кие основателя престольного Киева, одного из предков российского народа, которого слава может ныне без дерзости шествовать наравне с минувшей славой твоих квиритов. (*Владения Рима едва ли равняются третьей части России.*) Не гордо было основание Рима. Рем перескочил ров его, и ты знаешь, чего тебе сие стоило. (*Ограда Рима считалась священной: дерзнувший переступить ее подвергался смерти – Рем в шутку перескочил ров и убит Ромулом.*) Пастухи, странствующие изгнанники составили население града, который потом с седьми холмов своих повелевал вселенною. (*И Рим, великий Рим семь гор облегал собой. Virg.*) Пуки сена (*manipuli*) на острии копья были первые твои знамена.

Ромул: Но победа следовала за ними постоянно. Признали это Италия, Карфаген, Греция. Цари желали называться отпущенниками народа римского. Посол (*царя Пирра Циней*), введенный в присутствие Сената, мнил видеть собрание богов, а не человеков. Довольно называть *Брутов, Сципионов, Катонов, Цесаря...*

§ 156. В следующих словах *Кия* Муравьев благоразумно показывает нынешнее состояние Рима в сравнении с древним и возникающую славу России.

Кий: Ты умалчиваешь об его (Цесаря) преемниках: Неронах, Коммодах – о верховной власти, продаваемой более дающему. Но зри ныне сей самый Рим, столь изменившийся в собственных стенах своих, без Сената, без триумфов и в нем неизвестных иноков, попирающих спокойно прах Эмилия и Катона... и зри Россию, разливающую просвещение от моря Балтийского до вод, омывающих новый свет, воинства ее, флоты, искусства, учреждения.

Ромул: Я вижу, что каждый народ сияет поочередно на поприще вселенной и что слава, вместе с просвещением, обтекает весь земной мир". (Главная истина доказана событием, но никто лучше не мог свидетельствовать о ней, как самые основатели царств.)

§ 157. Вот другая великая истина, в другом разговоре Муравьева „Карл XII и Святослав I“: *„Нет ничего столь блестящего и превосходного, как жребий государя, составляющего блаженство народа своего просвещением, законами, умягчением нравов, возвышением сердец и разума“*. В сем изображении, кажется, видим августейшего нашего монарха.

§ 158. *Карл XII и Святослав I* оба были только герои-завоеватели, и потому ничто столько не убеждает в сей истине, как их сожаление и раскаяние. Они видят *Петра* – и завидуют ему...

Святослав: Остановись, свирепый герой! Святослав с удовольствием сре-тает тебя, входящего в жилища блаженных. Мы имели равные склонности в живых. Тот же дух неустранимости, который повергал тебя в опасности для снискания славы, одушевлял и меня в другое, более грубое столетие. Болгары и греки трепетали меня. Та же смерть воина постигла нас обоих на поле сражения. Печенег обошел меня в превосходных силах у порогов днепровских и сделал храбрость бесполезною. Но мертвые не стыдятся (собственные слова Святослава, сохраненные летописцем, и по ним-то чувствуем, что это говорит Святослав) и россы, бесстрашные россы оставили жизнь, но не место сражения. Ты знаешь их мужество (т. е. узнал его под Полтавою). Я горю нетерпением услышать из уст твоих о сем великом царе, твоём сопернике, который повелевает ими ныне и которого слава достигла до сих спокойных мест.

Карл: Святослав! Мы были с тобою дерзкие воины. Беспокойное желание кровопролития заблуждало нас. Петр уже не соперник мой, но победитель, но друг и великий человек. Он воюет не для того, чтобы наполнить вселенную пустым шумом и разорить несколько счастливых областей; война служит ему способом для доставления народу своему счастья, силы, просвещения. Он вводит искусства, науки, вежливость в пространный край света. Он благодетельствует поколениям, еще не рожденным, низвергая преграды, которые невежество возвысило между народом его и просвещением (мысль высокая, царская!). Он одобряет земледелие, заводит промыслы и торговлю. Собирает бесплодные венцы было моим честолюбием. Личным пристрастиям: гневу, мести, суетной славе пожертвовал я первым обетом государей – благосостоянием народа. Петр исхитил победу из рук моих твердостью. Я совершил несчастье моим упрямством. (Нельзя не поверить: это говорит сам Карл, а если Муравьев, то совершенно в его характере и духе.) Я не мог сносить мира. Беспокойство мое утомило собственных моих воинов так же, как и соседей. В сей час был я под стенами Фридрихсгаля, крепости Датской, мною осаждаемой. Роковой свинец поразил меня в висок. Завеса ниспала: я познал заблуждения свои. Теперь, мне кажется, что один взор мой возмущает тишину сих убежищ и отъемлет блаженство непорочных душ, которые в жизни своей составляли благополучие вселенной.

§ 159. Сие чувство раскаяния и страха, когда истина открыла глаза *Карла* – есть сильнейшее убеждение в той великой *правде*, которую также чувствует и *Святослав*, успокаивая его.

Святослав: Успокойся! Кто умеет так раскаиваться, как ты, не может быть недостоин сего жилища. Я поведу тебя в удел, посещаемый теми, которые прославились войной. Представлю тебя *Ахиллесе* и *Александру Великому*. (*Живая, прекрасная мысль!*) „Они узнают в тебе добродетели, составляющие героя. Не утомим, бесстрашен, чувствителен к одной только славе, презритель неги, великолепия, наблюдатель правосудия (*вот общие черты характера Ахиллеса, Александра, Карла и самого Святослава*), ты был бы украшением человеческого рода, если бы более чтил священные права его, если бы знал другую славу, кроме военной. Сии упреки, исходя из уст моих, должны тебя казаться сноснее, ибо я сам заслуживаю оные.

XVIII.

Писатели разговоров у древних, новых и в России

§ 160. Философия была любимым занятием греков. Сократ первый обратил ее в практику и сделал из нее истинную *философию жизни*. У греков важнейшие писатели философских разговоров были следующие:

§ 161. [1] *Ксенофонт*, ученик Сократа, жил с 72 до 105 Олимпиады, оставив два разговора: а) под названием „*Гиерон*“ (*между Гиероном и Симонидом*); б) *Пир философов* (см. прибавл. 26).

[2] *Эсхин* – не оратор, но философ, ученик Сократа; под его именем дошли три философских разговора: а) о *добродетели*, б) о *богатстве* и в) о *смерти*.

[3] *Цебет*, философ школы Сократовой, оставил нам только один разговор „*Картину*“ (*Πίναξ*) и очень любопытный; в нем рассуждается о *состоянии души* до соединения ее с телом, во время соединения и по разлучении от тела.

§ 162. [4] *Платон*, жил почти за 400 лет до Р. Х. Никто лучше его не выразил в писаниях изустное учение Сократа. Древность назвала его *divinus* – *божественным*, а новейшие отлично уважают его сочинения. Они состоят в разговорах *философских, физических, политических и нравственных*. И мысли, и слог их равно драгоценны. Он обилен красотой выражений, живостью понятий и отличается поэтическим образом выражений.

[5] *Лукиан Самосатянин* (см. § 146).

Все сочинения *Платона* (выключая 12 его писем) писаны *разговорами*. Важнейшие разговоры его: *Евтифрон, Оправдание Сократа, Критон, Федон* и

Горгий. Его мечтательная Республика добрых, его законы и мысли о прекрасном почитаются любопытнейшими разговорами.

§ 163. Из римлян: а) *Цицерон* следовал иногда диалектикам и в рассуждениях своих о разных частях ораторского искусства употреблял разговоры; б) *Квинтилиану* приписывают прекрасный разговор о причинах упадка красноречия:

а) Цицероновы разговоры: три книги *Об ораторе* к брату Квинту – о избрании и расположении ораторском, разговор между ним и сыном; б) Разговор *об упадке красноречия* иные приписывают и Тациту, но слог его ближе к слогу *Квинтилиана* и далек от слога *Тацита*.

§ 164. У новейших особенно достойны внимания: у итальянцев – *Альгаротти*; у англичан – *лорд Литлтон*; у французов – *Фенелон*, *Фонтенель*, *Вернет*; у германцев – *Лессинг*, *Мендельсон*, *Виланд*, *Энгель* и пр.

Примеч. Особенно достойны внимания по редкому остроумию разговоры *Альгаротти*: *Ньютонова философия для дам* и *Фонтенелевы О множестве миров*. (Они переведены: *Ант. Кантемиром*. СПб., 1740; и *Кн. Трубецкою*. М., 1802).

§ 165. В нашем отечестве отрасль разговоров еще не весьма обширна, однако ж мы имеем во всех трех родах примеры более или менее изящные.

§ 166. К философским разговорам мы отнести можем: а) *богословские*, *Филарета* – между испытующим и уверенным (см. § 129); *философские*, *Карамзина* – о счастии между Филалетом и Мелодором; б) *исторические* – о древностях великого Новгорода, *Евгения (митрополита Киевского)*; в) *литературные* – разговоры о словесности, *А. С. Шишкова* и многие другие:

а) Разговор *о счастии* заключает всю философию нежного и доброго сердца: он очень любопытен и приятен; б) Разговоры *о древностях* любопытны: они были говорены студентами Новгородской семинарии и по содержанию занимательны; в) Разговоры *о словесности* поучительны.

§ 167. К драматическим разговорам *отдельным* отнести можно: а) разговор *Карамзина „Нежность дружбы в низком состоянии“*; б) Разговоры о физических и нравственных предметах для воспитанников Универс. Благогр. Пансиона. М., 1810; и мн. др. (см. § 137):

а) Разговор *„Нежность дружбы“* отличается необыкновенной живостию и естественностию слога; б) В Университетском благородном пансионе (в Москве) был обычай ежегодно на актах читать разговоры о различных предметах наук и нравственности; сии разговоры очень полезны для учащихся по содержанию и слогу и, если нужно, могут приучать к декламации.

§ 168. *Драматические* разговоры в связи с повествованием и описанием встречаются часто в повестях, в новейших исторических романах и даже в „Письмах русского путешественника“, „Русского офицера“ и т. д.

§ 169. К разговорам в царстве мертвых относятся: М. Н. Муравьева „Разговоры в царстве мертвых великих князей“. Они превосходно изображают характеры великих князей, всегда основываясь на великой политической или нравственной истине (см. §§ 155–159).

Батюшков говорит об них: „Желая начертать в юной памяти исторические лица знаменитых мужей, а особливо великих князей и царей русских (кои писаны для августейших юных читателей), автор, подобно Фонтенелю, заставляет разговаривать их тени в царстве мертвых. Он, как Фонтенель, разрешает в маленькой драме своей какую-нибудь истину политическую или нравственную, но жертвует ей ничтожными выгодами остроумия и, если смею сказать, скрывается за действующее лицо“. Они превосходны по мыслям, по чувствам и по слогу.

Отделение IV. ПОВЕСТВОВАНИЕ

Incorruptam fidem professis nec amore quisquam et sine odio dicendus est.
*Tac. Hist. L. I*⁸¹

XIX. *Повествования и описания*

§ 170. Повествование (*narratio*) говорит о том, что *было*. Оно не есть рассуждение, ибо почерпается не из заключения ума, а из событий, но легко соединяется с рассуждением и тогда называется *прагматическим*.

Слово *прагматический* (от *πράγμα* – дело, действие) значит что-то деятельное, действительное, соединенное с рассуждением. Например, *прагматическая история*.

§ 171. Описание (*descriptio*) представляет то, что *есть*. Оно также почерпается не из умствований, а из натуры, но не есть повествование, хотя очень легко с ним соединяется и украшает его.

⁸¹ Исповедующие безупречную достоверность должны говорить обо всех без любви и без ненависти. *Тацит*. История (1, 1). В переводе Г. С. Кнабе: „...тем, кто решил неколебимо держаться истины, следует вести свое повествование, не поддаваясь любви и не зная ненависти“.

Вот первые понятия сих слов: *повествовать* значит говорить изустно, просто, без труда, следуя памяти. – *Описывать* значит излагать на бумагу, обрабатывать и, *кажется*, не одною памятью, но принимая в союз и воображение.

§ 172. *Повествование* прилично воспоминанию прошедшего, *описание* – чувствованию настоящего. Первое, кажется, издает звуки вдали, второе рисует предмет перед очами (прибавл. 28).

28. Повествование для ума – то, что музыка для слуха; описание для сердца – то, что живопись для зрения.

Например, битва Куликовская в „Истории“ Карамзина (т. V, с. 67, и след.) есть повествование, *воспоминание* прошедшего. Та же битва в „Дмитрии Донском“ Озерова (дейст. V, явл. 2) есть описание, *чувствование* настоящего.

§ 173. *Философы* утверждают: „Повествование изображает происшествия *во времени* (собственно в прошедшем), а описание представляет перемены *в пространстве*, которые оно, по противоположности повествованию, являет в настоящем виде“.

§ 174. *Существенная* разность между повествованием и описанием состоит не *в пространстве и времени*, а в самом способе изложения. т. е. *повествование* всегда говорит уму хладнокровно, с точностию, с беспристрастием. (*Incorruptam fidem professis nec amore quisquam, et sine odio dicendus est.*) *Описание* представляет воображению тот же предмет, но с большею живостию, с участием, с некоторым чувством, иногда с жаром: *mox narrat facundia praesens. Hor.*⁸² (прибавл. 29).

29. Философы хотят, чтобы им верили. Прозаикам велит сердце сомневаться, но мы заметим, что повествование с описанием суть действительно два способа изложения почти одинаковых предметов, почти одинаковым образом.

§ 175. Слог тому и другому приличен средний (см. Общ. рет., разд. XXVI). Но повествование больше приближается к слогу разговорному, философскому, *простому*, а описание больше – к *возвышенному*, к ораторскому и даже поэтическому, допуская некоторые украшения, а иногда и вымыслы. Напр.:

Поход Оскольда на Царьград в „Истории“ Карамзина (т. I, с. 117) есть беспристрастное прагматическое повествование, но „Оскольд“ М. Н. Муравьева (т. III, с. 273) есть прекрасное описание. Жаль, что оно не окончено.

§ 176. *Содержанием* повествований и описаний бывают: события мира – царства природы – судьба народов; одной державы – одно

⁸² Потом красноречиво расскажет присутствующий. *Гораций*. Наука поэзии (184). В переводе М. Л. Гаспарова: „...речистым доверь очевидцам“.

происшествие – жизнь, деяния великого мужа – участь науки, искусства; и, наконец, происшествия, занимательные только для сердца.

Происшествия, занимательные для сердца, бывают истинные и вымышленные. *Вымышленные*, по-видимому, должны бы относиться к поэзии, но если они заимствуют и язык, и средства прозы; если самый вымысел не *гениальный*, но обыкновенный, то они, без сомнения, столько же принадлежат поэзии, сколько прозе (*повести, романы*).

§ 177. *Цель* повествования должна быть нравственная. Всякая повесть, всякое описание есть урок познания, добродетели или гибельное явление страстей. Внимая им, мы учимся любить добродетель, страшиться порока.

§ 178. *Расположение* повествования вообще следует порядку вещей, ходу происшествий, течению времени и пр. (см. *Общ. рет.*, разд. XVII, §§ 6, 7) и соображается с предположенною целию. *Достоинство* повествования вообще заключается в истинном и правильном изложении предмета и в приличном слоге (прибавл. 30).

30. Повествователю – сверх общих качеств писателя – необходима *память происшествий* и имен, а иногда и память местная.

§ 179. Повествование с описанием есть *род*. *Виды* их: 1) *характеры*, 2) *некрологи*, 3) *анекдоты*, 4) *летописи*, 5) *жизнеописания*, 6) *повести*, 7) *романы*, 8) и, наконец, *история* и все ее отрасли.

Из всех сих видов к описанию относят естественную историю, землеописание, статистику, романы и отчасти повести. Прочие виды причисляют к повествованию, но повествование с описанием почти неразлучно и представляют прекрасный союз *памяти с воображением, ума с сердцем*.

XX.

Характеры, некрологи, анекдоты

§ 180. *Характер* (*χαρακτήρ*) – черта, отличающая один предмет от другого. *Исторические характеры* суть резкие, оригинальные и постоянные черты поступков, основанные на непреклонности воли; по ним всегда можно узнать героя. – Обыкновенные нравы не называются характерами.

Например, характеры *Брута, Ромула, Катона*, о котором сказал Гораций: „Если б на него обрушилась вся вселенная, то не устрашила бы его, поражая“. Или характер *Святослава*: „Там (*в поле*) суровую жизнь он (*Святослав*) укрепил себя для трудов воинских, не имел ни станов, ни обоза; питался кониной, мясом диких зверей и сам жарил его на угольях (*вот резкая черта дикой храбрости, напоминающая героев Гомеровых*); презирал холод и ненастье северно-

го климата; не знал шатра и спал под сводом неба: войлок подседельный служил ему вместо мягкого ложа, седло – изголовьем. (*Вот оригинальные черты, по коим всякий узнает Святослава.*) Он не хотел пользоваться выгодами нечаянного нападения, но всегда заранее объявлял войну народам, повелевая сказать им: „Иду на вас!“ (*Кар.*). (*Черта истинно рыцарской чести!*)

§ 181. Цель описания характеров – научить познанию сердца человеческого. *Знать характер человека значит знать теорию его поступков.* Бывают характеры истинные и вымышленные (например, *Скупца, Хвастуна, Лицемера* и пр.): *истинные* служат лучшим украшением летописей, истории, жизнеописаний; *вымышленные* – эпopeи, драмы и романов. Пишутся и отдельно. Например, характеры *Феофраста – Лабрюйера*. Или „Чувствительный и хладнокровный“ – *Карамзина*.

Например, Батюшков описывает характер Праздного: „Старожилов... в молодости имел живой ум, некоторые познания и большой навык в свете. Ныне цвет души его завял, прежняя живость исчезла, познания, не усовершенные беспрестанными трудами, изгладились или превратились в закоренелые предубеждения (живая истина: урок 1-й), и все остроумие его погубило, как блестящий фейерверк. Конечно, рассудок забыл шепнуть ему: старайся быть полезным обществу! (урок 2-й). Недеятельная жизнь, говорит мудрец Херонейский (Плутарх), расслабляет тело и душу. Стоячая вода гниет; способности человека в бездействии увядают, и за молодостью невидимо крадется время: „Придут, придут часы те скучны, / Когда твои ланиты тучны / Престанут Грации трепать!“ Тогда общество справедливою холодною отмстит тебе за то, что ты был его бесполезным членом (урок 3-й). Старожилов, проживший вертопрахом до некоторого времени, проснулся в 40 лет стариком, с подагрой, с полурасстроенным имением, без друга, без привязанностей сердечных, которые составляют и мучение, и сладость жизни; он проснулся с душевною пустотою, которая превратилась в эгоизм и мелочное самолюбие (урок 4-й). Ему все наскучило, он всем недоволен: в его время и лучше веселились, и лучше говорили, и лучше писали. Трагедии Княжнина, по его мнению, лучше трагедий Озерова; басни Сумарокова предпочитает он басням Крылова. – Как скучна нынешняя жизнь! – говорит он; и этому поверить можно. Зачем, спрашиваю я, зачем постоянно десять лет является он в клуб (собрание людей, коим нечего делать), чтобы слушать, изобретать или распускать городские вести или газетные тайны, чтобы бранить нещадно все новое и прославлять любезную старину, отобедать и заснуть за чашкой кофе; при стуке шаров (на бильярде – игра, выдуманная для праздных) и при единообразном счете маркера (человека, считающего игру в облегчение праздных), который насчитав 48 (конец игры), ненавистным числом напоминает ему его лета!..“ Разительные уроки! но всего удивительнее, что это говорит Батюшков... оратор „Похвального слова сну“, певец прославленный и лени, и покоя! ...Вот разность между прозаиком и поэтом в одном писателе!

§ 182. Бывают характеры *литературные* и *артистические*. В них изображают отличительные черты писателей, таланты артистов,

дарований художников. Например, „Пантеон российских писателей“ Карамзина.

Достойны внимания: разборы писателей А. Ф. Мерзлякова (см. „Амфион“, 4 части). Вот характеры писателей М. Н. Муравьева:

„Сумароков ни о чем не говаривал чаще и лучше, как о стихах. – Михайло Матвеевич (Херасков) говорит о стихотворстве с удовольствием, которого он не старается скрывать. Его промежутки молчания кажутся мгновениями размышления (*тонкая черта*). Разговор его тверд, благороден и оживлен быстротою взора. Голос жесткий, имеющий некое падение (*отделяющий слоги*), принимает часто тон пристрастия. Речь его более сильна, нежели избрана (*не заботился о выборе слов*). Усмешка выразительная. – Василий Иванович (Майков) целый день бывал занят забавами общества и никогда не говаривал сам о стихах, но наедине и с людьми, которые показывали старание пользоваться его знанием и вкусом, охотно любил он разговаривать о стихотворстве. Он был чувствителен к прелестям похвалы. В лице его было чистосердечное выражение добродушия и любви к стихотворству. В искусстве своем имел он некоторые собственные мнения, которые защищал с живостию. Обхождение самое светское; знакомство знатных заставляло его краснеть от имени стихотворца. Ему казалось обидеть кого-нибудь, чтоб не обязать его (*черта души самого Муравьева*). Какая светлость сердца и разума! – Василий Петрович (Петров), сколько я знаю, не говорит никогда о стихах. Но можно ль, делая их такое множество, выразительных и мастерских, об них не мыслить? Труднее гораздо иметь к нему доступ, нежели к двум первым. Он учтив по благопристойности. Но сердце его хотело бы иметь свободу сказать: я не хочу с Вами знаться. Разговор его свободен без разборчивости. Кажется, он жертвует разуму чувствительностию. Лет двенадцать назад толковал он Катехизис: ныне, кажется, он способнее толковать Лукреция (*вольнодумца эпикурейской секты*). Это тот из наших стихотворцев, который знает наибольшее число языков. Ибо он читает в подлинниках Гомера, Вергилия, Мильтона, Вольтера, без сомнения, Тасса и, помнится мне, Клопштока. Во время пребывания его в Московской академии учил он еврейскому языку. Заметно по его образу мыслить и чувствовать, что он жил в Англии“. (*Таковы были первые поэты времен Муравьева.*)

§ 183. *Достоинство* описания характеров состоит в глубоком знании сердца человеческого, в искусстве оттенять тонкие черты яркими красками и выводить из них главные начала – меру величия или нравственного достоинства человека. Бывают *общие* характеры разных народов, полов, возрастов. Например, „Общие черты героя“: см. § 159, или „Четыре возраста“ у Горация и Буало (*в их Пиитиках*).

Примеч. Молодой человек (*mutatur in horas. Hor.*⁸³) может иметь прекрасные правила, но характера иметь не может до тех пор, пока в известные лета сии правила не обратятся в постоянный, необходимый навык. *Характер* образуется

⁸³ Меняется каждый час. *Гораций*. Наука поэзии (160). В переводе М. Л. Гаспарова: „...что ни час, то с новою блажью“.

в зрелых летах от твердого, неразрывного союза ума с волей, преодолевающей страсти, а иногда и самую натуру.

§ 184. Некролог (νεκρολόγιον) – известие о кончине героя, знаменитого мужа. Он содержит в сокращении важнейшие случаи жизни, главные деяния *героя*, черты характера, творения *ученого*, произведения *художника*, успехи *артиста* и пр.

§ 185. Цель некролога – известить о кончине и вспомнить о важнейших заслугах. *Расположение* следует ходу жизни. *Достоинство* – в кратком, сильном и чувствительном слоге. *Недостатки* – в излишних подробностях или в холодном и растянутом слоге.

§ 186. Некрологи составляют красу летописей, истории. Например, некрологи *Германика*, *Сенеки*, *Тразеи* и пр. у Тацита или *Воротынского*, *Басманова*, *Курбского*, *Морозова* (т. IX, с. 267) и пр. у Карамзина. Пишутся и отдельно в ведомостях и журналах. Некролог служит основанием для жизнеописания так, как летописи для истории. Вот некролог Адашева (см. Ист. Гос. Рос., т. IX, с. 16):

„...Муж (*Адашев*) незабвенный в нашей истории, краса века и человечества, по вероятному сказанию *его друзей*, ибо сей знаменитый временщик явился вместе с добродетелию царя и погиб с нею... Феномен удивительный в тогдашних обстоятельствах России, изъясняемый единственно неизмеримой силой искреннего благолюбия, коего божественное вдохновение озаряет ум естественный в самой тьме невежества и вернее науки, вернее ученой мудрости руководствует людей к великому (*высокая мысль!*). Обязанный милости Иоанновой некоторым избытком, *Адашев* знал одну роскошь благоденствия: питал нищих, держал в своем доме десять прокаженных и собственными руками обмывал их, усердно исполняя долг христианина и всегда памятуя бедность человечества“.

§ 187. Анекдот (ἄνεκδοτον, ineditum) – что-то неизданное, составленное историею, забытое в жизнеописании, неизвестное в народе, но показывающее редкую черту характера, ума или сердца знаменитого человека.

§ 188. Содержанием анекдота бывают умные слова или необыкновенный поступок. Цель его – объяснить характер, показать черту какой-нибудь добродетели (иногда порока), сообщить любопытный случай, происшествие, новость. *Расположение* анекдотов бывает двоякое: а) или собираются анекдоты *одного героя*; б) или разных героев и великих людей, но *одного содержания*. – *Достоинство* их – в новости, в редкости, в важности. *Недостатки* – в противоположных качествах. Например:

а) анекдоты о Петре Великом *Голикова*, о Суворове *Парпуры*; б) анекдоты придворные, военные и пр.

§ 189. *Анекдоты* получили начало в средние века, при дворе византийском и сперва составляли тайну двора; потом сделались любопытным предметом разговоров; наконец, слово „*анекдот*“ начали употреблять в нынешнем значении. Напр., вот два анекдота о Петре I и Александре I.

1. „При основании Санкт-Петербурга солдат из рекрутов стоял на часах на берегу Невы, в таком месте, куда не ждал командира, а тем менее государя; и во время обеденное, жаркое вздумал искупаться. Но лишь только разделся и вошел в воду, вдруг видит, что из ближайшей улицы сам государь идет прямо к его посту. Что делать? (он знал военную дисциплину и строгость государя)... Вмиг бросается из воды, надевает сорочку, тесак, суму и кивер, хватается ружье, становится на место и, выправясь как должно, отдает честь государю... Петр взглянул на него, улыбнулся и сказал сопровождавшим: „Хоть гол, да прав“ (Голиков)“. *Вероятно, сей анекдот переходил из уст в уста, ибо слова Петра сделались пословицей, которая и поныне употребляется в разных случаях.*

2. *Следующий анекдот нигде не напечатан и мало известен; он показывает редкую черту Александра I, не любившего принуждений.* – „Государь, прогуливаясь в Царском селе вокруг большого пруда, заметил, что лебеди играют, плещутся в воде и хотят лететь, но не могут. – Он позвал садовника и спросил: „Что это значит, Л-н? Лебеди летать не могут? – Государь! – отвечал садовник, – у них обрезано по одному крылу, чтобы не разлетелись... – Этого не делать! – сказал Александр, примолвля со свойственным ему великодушием. – Когда им хорошо, они сами здесь жить будут; а дурно, пусть летят куда хотят!..“ После сего большая часть лебедей разлетелись в Павловск, в Гатчину и на взморье, но к осени действительно почти все возвратились“ (*истинное происшествие*).

XXI.

Летописи и жизнеописания

§ 190. *Летопись, хронограф, хроника* (annales) повествует события, следуя течению времени, т. е. говорит, в каком году и в какой день случилось что-либо важное по политическим следствиям, по духу времени или по разумению летописца.

§ 191. *Содержание* летописи то же, какое в истории. *Цель* ее – благотворное желание передать потомству события своего времени, завещать свою любовь к добрым, страх к злым, свои желания, опасения (*иногда собственные мысли, нравоучения*). – Летопись служит основанием истории.

§ 192. *Расположение* летописи следует течению лет и дней. Она не совокупляет событий как история, но иногда философствует о тайных причинах и живо рисует характеры (*например, характер*

Святослава у Нестора или характеры в „Анналах“ Тацита). Долг ее – передавать верно, что и когда случилось.

§ 193. *Достоинство* летописей состоит в достоверности преданий и в простоте речи, дышащей правдою. На них обращает все внимание историческая критика. *Недостатком* летописи считаются излишние подробности, не важные для истории, для политики, но близкие почему-либо летописцу.

Невозможно без особого чувства представить себе старца, забывшего мир, но еще не хладного к Отечеству, который пишет, что видел, что слышал, не думая о себе (*таковы наши летописцы, из коих многие не хотели нам открыть и своего имени*), но, утешаясь мыслию, что потомство узнает, чего желали, чего страшились, что любили и что ненавидели в его время. – *Летопись* современна образованию государств, с успехом наук она уступает место современным запискам. Например, „Записки“ Манштейна⁸⁴.

§ 194. Жизнеописание, *биография* (βιογραφία, *vita alicujus*) – истинная и полная картина жизни героя, великого человека, добродетельного мужа, поучительнейшее повествование.

„Самое благородное учение для человека есть человек“. Познавая других, мы невольно обращаемся к себе и нечувствительно возносимся духом к высшим понятиям о человеке, о его сане, достоинстве, о мере добра и зла и приближаемся к величайшему познанию – *самого себя*.

§ 195. *Цель* жизнеописаний двоякая: 1) передать потомству память и дела героя, великого, добродетельного мужа; 2) показать в нем пример для образования нравственности, рассудка и воли. Напр.:

Сколько прекраснейших примеров любви к Отечеству, мужества, великодушия, благоразумия, справедливости, душевной доброты и пр. в „Жизнеописаниях“ Плутарха, Корнелия Непота, Светония; или сколько христианских добродетелей кротости, смирения, самоотвержения и покорности воле Провидения в Патерике, в Житиях Четьи Минеи.

§ 196. *Расположение* жизнеописаний следует естественному ходу времени, изображая детство, юность, поприще славы, перевороты счастья и, наконец, последние минуты жизни героя. *Жизнеописание* несравненно более входит к подробности, нежели история или летопись.

Самые недостатки и слабости великих людей бывают поучительны для потомства.

§ 197. *Достоинство* жизнеописаний заключается: 1) (а) в знании избирать такие черты жизни, которые возвышают душу

⁸⁴ Манштейн Христофор Герман. Записки Манштейна о России. 1727–1744.

нравственностью, добродетелию; 2) (б) в искусстве излагать деяния занимательно и приятно; 3) в способности рисовать характер героя натурально, яркими чертами; и 4) в приятном, привлекательном слоге. *Недостатком* в жизнеописании почитается слог высокопарный и комический. Жизнеописание – не похвальное слово и не сатира.

а) Эпаминонд *никогда не лгал и в шутку*. – Владимир Мономах *никогда и ни в чем не ослушался отца своего*. – Аристид, по просьбе гражданина, не умевшего писать, *сам против себя пишет на черепице изгнание*. – Фемистокл наклоняется под удары Еврибиада и говорит: „Бей, но выслушай“. – Цесарь кормщику, испуганному бурей на утлом челне, говорит: „Чего боишься? Ты ве-
зеешь цесаря и судьбу его...“ – Вот черты, незабвенные в жизнеописании;

б) Философы ищут в биографе строжайшего беспристрастия и отречения от всяких суждений; они даже требуют, чтобы биограф „не только не гонялся за мелочными анекдотами, изречениями и отдельными чертами, но и постоянно имел пред глазами действие целого и высшую свою точку зрения“. Не спорю... но прошу их согласиться, что иногда одна черта, одно слово дают читателю понятие о герое несравненно высшее, нежели все холодное повествование.

§ 198. а) Бывают жизнеописания *забавные* и *вымышленные*, кото-рых цель – представить что-либо смешное, трогательное или необы-чайное; б) Иногда сами авторы описывают жизнь свою комическим слогом. Но сии жизнеописания относятся к *пародиям* (см. Общ. рет., разд. XXVIII, § 7 и примеч.) или к романам (см. ниже).

а) „Жизнь и деяния Тристрама Шенди“, *Стерна*, пер. *Буринского*, или „Ры-царь нашего времени“, *Карамзина*. (*Действительно что-то необычайно преле-стное: жаль, что не кончено или хотя бы не продолжено. Многие любят верить, что это собственное его жизнеописание.*); б) „Моим детям“ (соб-ственное жизнеописание), *Подшивалова*.

§ 199. Еще поучительнее жизнеописания тогда, когда два героя, два великие мужа описываются вместе: разность их характеров, дос-тоинства и недостатки того и другого еще виднее в *сравнении*. Это называется *сравнительными жизнеописаниями* (parallel-*li*). Например, „*Чувствительный и хладнокровный*“, *Карамзина* (при-бавл. 31).

31. *Примеч. 1.* Величайший образец сравнительных жизнеописаний оставил нам *Плутарх*. Пер. *С. Ю. Дестунис*. Лучшие жизнеописания у нас: Патерик (на Славянском); Четьи Минеи; Жизнь и деяния Петра I *Галема*, 3 части; Жизнь Суворова *Фукса*; Жизнеописания великих людей при Петре I *Бантыша-Каменского*, 3 части и мн. др.

Примеч. 2. Юноша, с пылкою душой, почти всегда ищет *идеала*, каким быть желает. И горе ему! Если изберет идеалом мечтательного героя романов: он на каждом шагу встретит противоречие. Но счастлив юноша, читающий с раз-мышлением жизнь великих мужей и героев – по ним он может составить себе

правила и будущий характер; и кто знает – может быть, столько же, как они, будет полезен Отечеству.

XXII.

Повести и романы

§ 200. *Повесть* (*variae, historiae, novella*) включает в себе рассказ о каком ни есть происшествии, занимательном для ума и сердца. – *Содержание* ее: одно какое-либо происшествие, событие историческое, истинное или вымышленное. – *Цель* ее: удовлетворить любопытству ума, чувствительности сердца и оставить нравственное впечатление.

Древние повести называются сказания. Таково „Сказание о Мамаевом побоище“, неизв.; „Сказание об осаде Троицко-Сергиева Монастыря от поляков и Литвы и о бывших потом в России мятежах“ *Авраамия Палицына*.

§ 201. *Расположение* повести зависит от воли, от вкуса, степени рассудка и нравственного чувства писателя; иногда оно следует ходу времени, события, происшествия, иногда начинается серединою, а начало и все предшествовавшее объясняется впоследствии.

Важнейшее *правило* при расположении повести состоит в том, чтобы непрерывно возбуждать участие и усиливать любопытство, следственно, *располагать* происшествия в такой связи и зависимости одно от другого, чтобы читатель не успокоился до тех пор, пока не увидит развязки или конца повести.

§ 202. *Достоинство* повести заключается: 1) в занимательности самого происшествия, 2) в приятности и привлекательности прозы, или слога, 3) в искусстве рассказывать с интересом и представлять самый вымысел как действительную истину (прибавл. 32).

32. Занимательность иногда заключается в главном событии, необыкновенном, трогательном и разительном, иногда – в любопытных и привлекательных подробностях, предшествующих или сопровождающих обыкновенное событие. Проза повести должна быть изящная и – судя по происшествию – может быть *стихотворная*. Например: „Оскольд“ *Муравьева* или „Марфа посадница“ *Карамзина*.

§ 203. Повести бывают *истинные* и *вымышленные*. К истинным относятся *исторические* и *действительные*. К вымышленным – *нравственные*, *чувствительные* и пр.

Напр.: Историческая и действительная: повесть „О Московском мятеже при царе Алексее Михайловиче“ (*Кар.*) или „О низложении патриарха Никона“ *Каченовского* и пр.; нравственная, например: „Каллисфен“ *Фонвизина* и пр.; чувствительные, например: „Повести“ *Карамзина* и др.

§ 204. *Вымышленные* повести, по-видимому, относятся к поэзии, ибо вымысел есть характер поэзии. Но если они употребляют и язык, и средства прозы, если самый вымысел их не идеальный, не поэтический, а обыкновенный, *прозаический*, то, без сомнения, больше принадлежат прозе, нежели поэзии.

Примеч. Есть повести поэтические, например: „Душенька“ *Богдановича*. – „Двенадцать спящих дев“ *Жуковского*. – „Руслан и Людмила“, „Бахчисарайский фонтан“ (*Пушк.*); все волшебные сказки, басни и пр., о которых увидим в поэзии. Но все обыкновенные, вымышленные повести принадлежат прозе. – „И вымыслы нравятся, – говорит Карамзин, – но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина“.

§ 205. Роман (*romana fabula, novella*) – частью поэзия, частью проза. – *Содержание* его – вымышленная жизнь какого-либо героя.

Роман отличается от повести тем, что содержит не одно происшествие, но целую жизнь героя. – Есть поэтические романы (например, „*Онегин*“ *А. Пушкина*). Но об них будем говорить в поэзии. Сюда относятся романы, принадлежащие прозе и по вымыслу, и по слогу, и по средствам.

§ 206. *Цель* романа двоякая: 1) познакомить читателя с известным веком, т. е. с нравами, обычаями и предрассудками в известное время (например, романы *Вальтера Скотта* или „*Юрий Милославский*“ *Загоскина*. Он изображает 1612 год в России); 2) занять ум и сердце предметами, для них интересными.

§ 207. *Расположение* романа совершенно свободно. Оно основывается на степени рассудка, нравственного чувства и вкуса и принимает без различия формы *повести, разговора и переписки* или соединяет и смешивает сии формы.

§ 208. *Достоинства* романа *общие*, без сомнения, те же, какие и повести (см. выше § 197). Но *частные* бывают различны и зависят от степени удовлетворения той цели, вкусу или желанию, коих требуют от романиста.

Поэтому бывают романы *нравственно-сатирические, нравоописательные, философские, исторические* и пр.

§ 209. Роман получил название от древнего французского, так называемого романского языка (*langue romance*), на котором написаны первые сего рода произведения на Западе. Но сей род сочинений существовал еще прежде того у греков, хотя и не под тем именем. Сочиненные ими вымышленные истории любовных приключений по справедливости причисляются к романам (*romana fabula*).

Таковы „*Эфионики*“ *Гелиодора* IV века в 10 книгах. Предмет их – любовь *Феагена* и *Хариклеи*. – Такова *romana fabula* *Ахиллеса Тация* IV века в 8 книгах

„Клитофон и Левкиппа“. – Romana fabula Лонгуса V века в 4-х книгах „Дафнис и Хлоя“. – Ксенофонта Эфесского romana fabula „Аброкомас и Амфия“. – Харитона Афродисского romana fabula „Херей и Каллироя“. – Федора Продрома XII века длинный роман в 12 книгах (как эпоса) „Родант и Досиклея“. – И даже Евстафию, знаменитому комментатору Гомера XII века, приписывают роман в 11 книгах „Исмений и Исмения“.

XXIII.

История и отрасли ее

§210. История (historia) есть зеркало, являющее предметы в том образе, в каком они *суть* или *были*. Она делится на 4 главные отрасли: *естественную, священную, политическую и ученую*.

§211. Естественная *история* (historia naturalis) изображает предметы видимого мира в том виде, в каком они существуют. *Содержание* ее – вся вселенная. *Цель* – сообщение знаний. *Расположение* – аналитическое, ей в особенности свойственное. *Достоинство* – в верности описаний и в свежем, прелестном, живописном слоге.

Естественная история располагает всю землю на царства природы; царства на классы; классы на роды; роды на виды; виды на семейства; семейства на неделимые. Таким образом, начинает с *целого* и переходит к *частям*. – Слог ее должен изображать предметы природы так живо, чтобы читатель, никогда не видавший животного или растения в природе, мог узнать его по описанию (например, Буффона, Лепехина и пр.). Сей слог часто принимает в пособие самую живопись.

§212. Священная *история* (historia sacra) представляет нам события мира по Священному писанию – историю избранного народа Божьего, историю Ветхого и Нового завета.

Мы имеем превосходнейшее творение в сем роде: „Начертание церковно-библейской истории“ и „Записки на Книгу Бытия“ первого оратора нашего века Филарета.

Должно отличать от священной истории *церковную* или *историю иерархии*. Она повествует о судьбе *Церкви* или *веры*: показывает ее начало, распространение, успехи, торжество, разделение и пр. и, собственно, относится к *истории ученой*. Например, „Краткая церковная история“ Платона, митрополита Московского, 2 части или „Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII века“ Иннокентия.

§213. Политическая история (historia populorum) собственно и преимущественно называется историею. Она, как чистое зеркало, являет судьбу царств и народов, деяния царей и героев, не увеличивая их и не уменьшая; как орган истины, открывает тайные причины

деяний, изъясняя характеры, наблюдая дух времени и беспристрастно передавая все потомству.

История представляет жизнь и деятельность одного народа или всего человечества в *стройной и необходимой связи* как ряд причин и действий.

§214. В *истории*, как в искусной картине, предметы рисуются в *перспективе*. Напр.:

В *общей* истории главные только предметы бывают на *первом плане*, важные – на *втором*, а примечательные едва видны на *третьем* плане, в отдалении. – В *частной* истории предметы приближаются, т. е. со *второго* плана переходят на *первый*, с *третьего* – на *второй*, а на *третьем* месте являются новые предметы, исчезавшие в общей истории. – В *жизнеописании* являются на третьем плане такие подробности, коих вовсе не было в истории. Наконец, предметы, забытые в жизнеописании, являются в *анекдотах*. Важный долг историка – *различать*, какие предметы должны быть на 1-м, на 2-м, на 3-м плане и какие недостойны истории.

§215. Цель истории – „*питать нравственное чувство и праведным судом своим располагать душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие обществ*“ (Кар.).

Примеч. „Каждый век, каждый народ дает особенные краски искусному бытописателю. *Не подражай Тациту, но пиши, как писал бы он на твоём месте* – есть правило Гения“ (слова Карамзина).

§216. *Расположение* истории бывает шести родов: 1) *географическое* – начинается описанием земель и доходит до образования царств; 2) *хронологическое* – следует дням и годам (*летопись*); 3) *этнографическое* – представляет каждый народ отдельно; 4) *синхронистическое* – являет современные события в целом мире; 5) *прагматическое* – изъясняет причины и действия; 6) *политическое* – рассматривает каждое государство по правилам политики.

Примеч. Карамзин говорит: „Есть *три* рода истории: *первая* современная, например, Фукидидова, где очевидный свидетель говорит о происшествиях; *вторая*, как Тацитова, основывается на свежих словесных преданиях; *третья* извлекается только из памятников, как наша до самого XVIII века. Что ж остается историку, прикованному, так сказать, к сухим хартиям древности? По *ряду* – док, ясность, сила, живопись.

§217. Историк в уме своем объёмлет весь *хаос* событий, делит его на *стихии*, связует отдаленнейшие причины с действиями, открывает тайное и силою гения *творит* из хаоса *единое, стройное, целое*, озаренное лучами истины и украшенное прелестью слова.

От историка требуют глубокого уважения к святейшим законам *нравственности* и к *сану* человека; требуют *умеренности в суждениях*, которые лучше

соединяются с повествованием, нежели предлагаются отдельно; но в случаях сомнительных и важных историк является сам (так Карамзин, оставя повесть, предлагает собственное суждение о Самозванце; т. XI, окончание); требуют истины и выбора деяний и характеров; искусства располагать события не только занимательным, но и привлекательным образом (как у Ливия и Карамзина); наконец, требуют беспристрастия, если не совершенного, по крайней мере, возможного для гражданина.

§ 218. Слог истории, собственно ей принадлежащий, есть историческая проза (см. Общ. рет., разд. XXVII, §§ 5, 6). Она соединяет простоту с важностью, точность с достоинством, силу и живопись с благородной умеренностью. Таков слог „Истории Государства Российского“.

Но слог оратора, панегириста, комика и сатирика суть явные недостатки в истории.

§ 219. Ученая история (historia literaria) повествует об изобретении, распространении, усовершенствовании и разных переменах какой-либо отрасли человеческих знаний. Содержанием ее бывает участь науки, искусства, художества, ремесла, промышленности, торговли и пр. Целью – распространение и усовершенствование знаний. Расположение сей истории применяется к постепенному ходу происшествий, началу, разным открытиям, успехам, переворотам и пр.

Достоинство ученой истории состоит в глубоком знании того предмета, о котором повествуют. Слог ее хотя и средний, но приближается к простому, философскому. Он отличается глубокомыслием замечаний и рассуждений, техническими словами и выражениями. – Ученая история занимает средину между повествованием и ученым сочинением. Напр., „История медицины в России“, сочинение г. Рихтера.

XXIV.

Историки у древних, новых и в России

§ 220. История получила бытие и имя в Греции. Она родилась от поэзии и столько ей подобна, сколько истина подобна вымыслу. Важнейших греческих историков полагают 10. Второстепенных 9. Новейших или византийских 4, а всех двадцать три; но их было несравненно больше.

§ 221. 1) Первый – Геродот, отец истории, жил за 460 лет до Р. Х; 2) Фукидид – за 450 лет до Р. Х; 3) Ксенофонт – современник его. 4) Ктесий – того же времени; 5) Полибий, друг Сципионов, жил за 150 лет до Р. Х; 6) Диодор Сицилийский жил во время Р. Х; 7) Дионисий

Галикарнасский – того же времени; 8) *Иосиф Флавий* жил вскоре по Р. Х; 9) *Плутарх*, жизнеописатель и философ, жил в конце I и в начале II века; 10) *Элиан* жил в III веке:

1) *Геродот* писал историю Греции, Египта и Лидии в 9-ти книгах, которые названы именами муз. Слог его прост, важен, но еще не свободен от баснословия; 2) *Фукидид* оставил историю Пелопонесской войны 23 года. Он почитается образцом беспристрастия, благородства, кротости и силы; 3) *Ксенофонт* продолжал Фукидиду до Мантинейской битвы и написал: о республике Афинской – „Киропедию“ и „Отступление 10000 греков“. Слог легкий и привлекателен; 4) *Ктесий* писал историю ассирийцев и персов, 23 книги, и Индии 1 книгу; до нас дошли отрывки; 5) *Полибий*, изобретатель прагматической истории, писал всеобщую Историю в 40 книгах; до нас дошли 5 первых книг и отрывки; 6) *Диодор* писал „Историческую Библиотеку“; до нас дошла половина – важна для хронологии; 7) *Дионисий* писал Римскую историю в 20 книгах от основания Рима до Первой Пунической войны; имеем 11 книг; 8) *Флавий*, префект *Галилеи*, написал 6 книг о разрушении Иерусалима, и Иудейские древности; важен для церковной истории; 9) *Плутарх*, мудрец *Херонейский*, оставил 44 сравнительных жизнеописания и несколько простых жизнеописаний; 10) *Элиан* написал смешанную историю в 14-ти книгах и историю животных в 17-ти книгах. Слог легкий и занимателен.

§ 222. Второстепенных греческих историков полагают *девять*: 1) *Дион Кассий* жил в конце I и в начале II века; 2) *Арриан* жил во II веке; 3) *Аппиан* – во время Траяна; 4) *Геродиан* – в III веке; 5) *Флавий Филострат* и 6) *Младший Филострат* жили в III веке; 7) *Цетцес* жил в XII веке; 8) *Дарес Фригианин* и 9) *Диктис Критский* – неизвестных времен; иные думают, будто они жили во время войны Троянской:

1) *Кассий* писал историю римлян в 8-ми декадах (80-ти книгах от Энея до своего времени: первые 25 книг утрачены, за исключением отрывков, имеем с 26-ти до 54-х вполне, а прочие в извлечениях разных авторов); 2) *Арриан* подражал Ксенофонту; до нас дошло 7 книг его о войнах Александра и книга о чудесностях в Индии; разные диалекты; 3) *Аппиан* писал римскую историю в 24-х книгах; до нас дошла половина, подражал Полибию и Плутарху; 4) *Геродиан* писал жизни императоров, при коих жил, с Антонина до Гордиана младшего, в 8-ми книгах. Слог чист и благороден; 5) и 6) *Флавий Филострат* и *Филострат Младший* оставили 70 статей о картинах древних. Сии статьи очень полезны для истории искусства; 7) *Цетцес* написал историч. поэму о войне Троянской; 8) и 9) *Дарес* и *Диктис* оба писали историю войны Троянской. Русский перевод их напечатан повелением Петра I в 1709 году. Любопытно заглавие: „Писаша же ю перво историцы Дид Грек и Фригий Дарий, истинные свидетели ополчениям и самовидцы бывшему в сложении дел своих“. Несколько раз вновь печатан. Седьмое издание. СПб., 1791. Вероятно, чтение сей истории распространилось на Руси и произвело простонародную сказку *О прекрасной царевне Елене* и пр.

§ 223. Главнейших византийских историков четыре: 1) *Зосим*, V века; 2) *Прокопий*, VI века; 3) *Агафий*, того же века и 4) *Зонара*, монах горы Афонской, жил при Комнине, в конце XI и в начале XII века:

1) *Зосим* написал так называемую „*Новую Историю*“ от Августа до 410 года. Слог чист, ясен и не без вкуса; 2) *Прокопий* писал историю персидскую и готскую и *анекдоты*, то есть тайную историю двора, в которой, побуждаясь мщением за немилость, отвергает все, что говорил в честь *Юстиниана* и *Велисария*; 3) *Агафий* продолжал Прокопия 7 лет; 4) *Зонара* подражал Кассию; он под именем летописи составил всеобщую историю от сотворения мира до 1118 года, выбирал из разных, неравным слогом.

§ 224. Римских важнейших историков XVIII. *Историки Золотого века*: 1) *Юлий Цезарь*, знаменитый вождь и первый император римский, жил за 30 лет до Р. X; 2) *Саллюстий Крисп*, жил во время Р. X; 3) *Корнелий Непот*, жизнеописатель при Августе; 4) *Тит Ливий*, падуанец, жил во время Р. X; 5) *Веллей Патеркул*, того же века; 6) *Валерий Максим*, того же времени; 7) *Корнелий Тацит*, образец истории и политики, жил в половине I века и составляет переход от *Золотого века* к *Серебряному*:

1) *Ю. Цезарь* писал „Записки о войне Галльской и междоусобной“, слог чист, ясен и благороден, очень полезен для военных; 2) *Саллюстий* описал заговор Катилины, войну с Югурфою, и есть отрывки его истории; подражал Фукидиду, слог краток, силен, красноречив; 3) *К. Непот* написал 25 жизнеописаний легким, чистым, приятным слогом; полезен для чтения детям; 4) *Т. Ливий* написал полную римскую историю 140 или 142 книги; дошли первые 10 книг и с 24 до 45-ти (дополнены Фреинзгеймием). Очень занимателен и привлекателен; слог его, как слог „Истории“ Карамзина, имеет свой особенный характер и назывался *palavinitas Livii*.⁸⁵; 5) *В. Патеркул* писал римскую историю, 2 книги (*без начала*), слог чист; 6) *В. Максим*: речи и подвиги греческих и римских героев в 2 книгах; слог его – декламация; 7) *К. Тацит* написал 16 книг „*Анналов*“ (5-я не вся), и от его истории дошло 5 книг; писал о германцах и жизнь Агриколы. Великий историк, живописец и философ.

§ 225. Важнейшие римские историки *Серебряного* и *Медного века*: 8) *Квинт Курций Руф*, жил под конец I века; 9) *Анней Флор*, жил в конце I и в начале II века; 10) *Светоний Транквилл*, того же времени; 11) *Юстин*, жил в III веке; 12) *Секст Аврелий Виктор*, IV века. 13) *Флавий Евтропий*, IV века; 14) *Аммиан Марцеллин*, того же века; 15, 16, 17 и 18) *Элиан Спартиат*, *Юлий Капитолин*, *Треbelлий Поллион* и *Флавий Вописк*, жили в IV веке и писали историю императоров слогом Медного века.

⁸⁵ Патавинизм, диалектные особенности языка жителей города Патавия, обнаруженные у Ливия Азинием Поллионом. Очевидно, имелась в виду некоторая наивность, провинциальность стиля.

8) *К. Курций* писал историю Александра Македонского, слог витиеват и распещрен; 9) *А. Флор* составил полную римскую историю, слог неровен; 10) *Светоний*, Жизнеописания 12 первых императоров, беспристрастен; 11) *Юстин*, 44 книги, извлечения из Помпея Трога, занимателен по слогу и предметам; 12) *Виктор* – имеем его отрывки; 13) *Евтропий*, „Сокращение римской Истории“ в 10-ти книгах от основания Рима до Валентиниана, слог легкий и прост; 14) *А. Марцеллин* написал 31 книгу от Нерона до Валента, первые 13 книг утрачены.

§ 226. В Средние века множество было исторических сочинений, но без вкуса и без достоинств слога. Из них достойна внимания „История“ на латинском *Де Ту*. – Между испанцами примечательны историки *Мариан* и *Антоний де Солис*; между итальянцами – *Гиччардини*, *Адриан*, *Бентиволио*, *Давилис*, *Макиавелли*, *Анжело де Костанзо*. – Во множестве французских историков отличаются: *Роллен*, *Кревье*, *Боссюэ*, *Верто*, *Миллот*, *Вольтер*, *Рейналь* и пр. – У англичан история усовершенствована: *Бюрнетом*, *Юмом*, *Робертсоном*, *Гольдсмитом* и *Гиббоном*. – В числе германских историков отличаются: *Шрекк*, *Шлецер*, *Шмидт*, *Миллер*, *Мейснер*, *Шиллер*, *Архенгольц* и *Геерен*.

§ 227. В России древнейшие повествователи: 1) первый *Нестор*, монах Киево-Печерской Лавры, род. 1056, ум. 1111; 2) *Василий*, монах или священник, жил в конце XI в.; 3) *Сильвестр*, епископ Переяславский, 1156; 4) *Иоанн*, священник новгородский и 5) *Тимофей*, пономарь; 6) *Симон*, первый епископ Суздальский, 1226 и 7) *Поликарп*, инок того же времени; 8) *Киприан*, митрополит Киевский, 1406; 9) Князь *Курбский*, 1529; 10) *Макарий*, митрополит Московский, 1564. – Повествователи средних времен: 11) *Авраамий Палицын*, умер между 1621 и 1629; 12) *Иннокентий Гизель*, архимандрит Киево-Печерского монастыря, 1684; 13) *Артемон Сергеевич Матфеев*, ближний стольник царя Алексея Михайловича, убит в бунте 1682; 14) *Димитрий Ростовский*, 1709 года и др.:

1) *Нестор* оставил русскую летопись до смерти Владимира, которую продолжали другие почти до царствования Алексея Михайловича, до 1682. – Она драгоценна не только для России, но и для всего верхнего Севера до XI века; 2) *Василий* описал современные происшествия юго-западной России; 3) *Сильвестр* продолжал летопись Нестора с 1116 до 1157 года; 4) и 5) *Иоанн* и *Тимофей* продолжали или только списывали продолжение Нестора; 6) и 7) *Симон* продолжал летопись с 1203 года и писал Патерик (*жития Киево-Печерских угодников*): 1 и 3 части – Симон, а 2 – *Поликарп*; 8) *Киприан* писал житие Петра митрополита и, вероятно, Степенные книги; 9) *Курбский*, „История князя великого Московского (Иоанн IV) дел, яже слышахом у достоверных людей и яже видехом очима нашими“ (рукопись). Он, может быть, увеличил строгости и

казни царя; 10) *Макарий* писал *Четьи Минеи (жития всех святых)* и дополнял, а, может быть, и продолжал *Степенные книги*; 11) *Палицын* написал „Сказание об осаде Троицкого монастыря и о бывших мятежах“; 12) *Гизель* написал *Синописис*, или краткое описание о начале славянского народа и о первых киевских князьях до государя царя Феодора Алексеевича; 13) *Матвеев* оставил описание всех великих князей и царей российских, славных в разных победах, в лицах с историями. Ему же приписывают и летопись о многих мятежах; 14) *Димитрий Ростовский* оставил *Келейную летопись*; она заключает Церковную историю до 1600 года. Он же исправил и дополнил *Четьи Минеи*.

§ 228. Историки новых времен в России: 1) *Татищев*, 1750; 2) *Ломоносов*, 1765; 3) *Елагин*, 1769; 4) *Федор Емин*, 1770; 5) *Кн. Щербатов*, 1790; 6) *Болтин*, 1792; 7) *Ипполит Богданович*, 1801; 8) *Стриттер*, 1802; 9) *Сергей Глинка* и мн. др. Каждый из них имеет свои относительные достоинства, удовлетворяя более или менее требованию нашего века:

1) *Татищев* оставил „*Историю Российскую от самых древнейших времен, через 30 лет, собранную и описанную*“. Это не что иное, как сводная русская летопись с примечаниями, которая пользовалась некогда отличным уважением; 2) *Ломоносов* написал „Краткий российский летописец“ с родословием и „*Древнюю Российскую Историю*“ от начала российского народа до 1054 года. Он больше знаменит как поэт и оратор, нежели историк; 3) *Елагин* сверх многих сочинений и переводов написал „*Опыт повествования о России*“, доведенный до 1389 года. Он следовал догадкам *Татищева* и сам вымышлял толкования; слог витиеват и высокопарен; 4) *Эмин* написал „*Российскую историю*“ от *Всеволода III* или до 1213 года, три тома; 5) *Кн. Щербатов* написал „*Российскую Историю*“, 15 книг, до царя *Михаила Федоровича*, но история его без критики; 6) *Болтин* писал замечания на „*Российскую историю*“ *Леклерка*, 2 тома, и „*Ответ Г. М. Болтина на письмо Кн. Щербатова*“, 2 тома. В нем много важных разысканий, но слог простирается до личных колкостей и брани; 7) *Богданович*, „*Историческое изображение России*“, но больше известен как поэт; 8) *Стриттер*, „*Историю Российского государства*“, в 3 томах, заслуживает уважения; 9) *С. Глинка* написал „*Русскую Историю*“ в пользу юношества, 14 томов; в ней много достоинств.

§ 229. *Н. М. Карамзин* написал „*Историю Государства российского*“, в 12-ти томах (*XII том издан по смерти его*) и по всей справедливости заслужил благодарность Отечества. Сие творение составляет эпоху и в истории, и в словесности нашей.

Вот что говорит о сем великом труде один из опытнейших любителей и ценителей изящного, коего вкусом руководились первые наши писатели и коему сам автор на одре смерти – может быть, по тайной симпатии вкусов – вверял издание XII тома: „Карамзин не имел несчастья пережить свой талант. В самом изнеможении сил физических силы души его не ослабели, и последние черты его кисти так же живы и верны, как и те, коими ознаменованы блистательнейшие места его Истории. В сем XII томе, коему, может быть, только

не достает конца, чтоб быть совершеннейшим, читатели, умеющие ценить изящное, найдут все, что по справедливости пленяет нас: во-первых, все, что можно назвать отличительным свойством сего бессмертного творения: необыкновенную точность в изображениях, плод обширных, неутомимых изысканий и пламенной, благоговейной любви к истине, во всем руководствовавшей автора, выбор всегда удачный сих мелких, но иногда столь важных подробностей, которые, так сказать, оживотворяют рассказ историка, искусство поддерживать и пробуждать внимание красотой отдельных картин без вреда для общей связи и действия целого, и другое, еще замечательнейшее искусство описывать давно бывшие происшествия с чувством и жаром современника, не переставая судить о них, означать их причины и следствия с беспристрастием и проницательностью философа, богатого идеями нашего века. Мы уже не говорим о достоинстве неподражаемого, доселе единственного у нас слога. Дм. Б.“ (Дмитрий Николаевич Блудов).

Отделение V. ОРАТОРСТВО

Ille quidem (*Orator*) magno fertur impetu praeceps et immensus,
sed multa e Graecis Latinisque desumta, veluti rapidissimo ingenii vortice,
secum trahit involvens, aliisque augetur opibus, ipse ditissimus.⁸⁶

XXV.

Ораторство у древних и новых

§ 230. Ораторство, *витийство* (*ars oratoria*) есть искусство даром *живого* слова действовать на разум, страсти и волю других (прибавл. 33).

33. Все роды прозы *мертвы*, они на бумаге; ораторство – живо, оно в устах и действует. И сколько человек даром слова возвышается над бессловесными, столько оратор даром красноречия возвышается над простыми людьми. Он отделяется от *прозаиков* и, подавая одну руку им, а другую *поэтам*, становится посреди их на некотором почтенном возвышении.

§ 231. *Ораторство* в кругу всех родов прозы занимает высшее место; оно составляет особое изящное искусство и не довольствуется изобретением, расположением и выражением мыслей, как все роды прозы, но требует еще *произношения* – языка действий (прибавл. 34).

⁸⁶ Он же (оратор) неистово и неудержимо устремляется вперед с великой силой; многое, заимствованное у греков и римлян, словно в вихре живейшего таланта, увлекает с собой, и сам, обладая чрезвычайным богатством, разными средствами его увеличивает.

34. У нас оратор духовного красноречия называется *проповедник*; оратор похвальных слов, панегириков – *панегирист*; оратор судебного красноречия – *адвокат*, оратор политического красноречия – *политик*, *дипломат*.

У оратора свое изобретение, расположение и особое выражение мыслей, соединенное с языком действий (в XXVI отделении рассматривается порознь каждая обязанность оратора).

§ 232. Оратор действует на *разум* красноречием ума, силою доказательств, убеждений; движет *страсти* красноречием сердца, жаром чувств, стремлением души.

Все древние реторики и реторы, от *Аристотеля* до *Квинтилиана*, сияются создать оратора. У греков и римлян оратор был вместе и государственный человек.

§ 233. *Содержание* ораторства – *ораторская речь*, в которой предлагаются *похвалы* героям, монархам, любви к отечеству, к добродетели, ко благу людей; или высокие *истины* нравственные, политические, ученые; или *обвинения* и *оправдания*.

Ораторская речь почти столько же подобна *рассуждению*, сколько описание – повествованию: предметы речи и рассуждения почти равны. Но *диссертатор* не является сам, не говорит, а пишет и хладнокровно убеждает разум, не заботясь ни о воле, ни о страстях. *Оратор* сам действует, и не только на разум, но и на страсти и волю других, и не довольствуется одним словом, но *занимствует и язык действий*.

§ 234. *Цель* ораторства – благотворная для людей – состоит в том, чтобы согласить различные мнения в *одну* мысль, различные страсти – в *одно* направление, различные желания – в *единую* волю.

У древних *ораторство* составляло некоторым образом правительственную науку. Ибо в мятежных народных державах достижение столь важной цели есть необходимость. Оно сливалось у них со всеми родами знаний и достигало такой высокой степени, какой едва ли достигает ныне.

§ 235. Три рода речей были у древних: 1) *Genus demonstrativum*, *торжественные речи*; 2) *Genus deliberativum*, *политические*, и 3) *Genus judiciale*, *судебные*. Первые два рода преимущественно блистали в Афинах, последний – преимущественно в Риме.

Иногда сии роды соединялись и смешивались один с другим. Например, *Цицерон* в речи за *Архия* судебным образом доказывает права *Архия* на достоинство римского гражданина, но *Архий* был учитель его и поэт; посему *Цицерон* в той же речи говорит похвальное слово изящным искусствам и соединяет судебный род красноречия с торжественным.

§ 236. Торжественные речи у древних гремели в честь и славу героям, гражданам, иногда городам и целым народам. Например,

речь *Перикла* в честь павшим при Марафоне (*имеем отрывки*), или *Горгия* – сраженным при Саламине и пр.

Иные называют *genus demonstrativum* *похвальным* и *описательным* родом красноречия. В наше время к сему роду бесспорно отнести можно слова и речи *торжественные, похвальные, надгробные и академические*.

§ 237. Политические речи имели предметом дела государственных: суждения о войне и мире или о принятии и уничтожении законов, например, речи *Демосфена* о войне против Филиппа, или *Цицерона* о законе Манилиевом, о законе разделения земель против Рулла и пр.

В наше время к сему роду отнести можно: *дипломатические и государственные акты* (см. выше §§ 82, 83). *Манифесты* – речи монархов и к монархам – речи при выборах дворянства, при открытии разных государственных учреждений, может быть, некоторые военные речи и пр.

§ 238. Судебные речи имели предметом обвинения и оправдания граждан. Таковы почти все речи *Цицерона*. Например, речь за *Квинтия*, за *Милона* или речи против *Верреса*, против *Катилины* и пр.

В наше время речи адвокатов.

§ 239. У новейших и у нас в России ораторство несколько изменило древнее направление. Оно избрало себе истины высшие, спасительные для человечества, кои были чужды язычникам, и разделилось на *духовное и мирское*; особенно возвысилось духовное.

Духовное ораторство основывается на истинах Св. Писания, на учении веры и христианских добродетелей; оно принадлежит пастырям Церкви. К нему относятся: *проповеди, беседы, поучительные и надгробные слова*. *Мирское* осталось в удел писателям и ученым. К нему принадлежат речи и слова *торжественные, похвальные и академические*. Речи приветственные или поздравительные равно произносятся духовными и мирскими, но они, по самому назначению, не требуют всей обширности ораторских речей. Речи *политические* произносятся государственными особами, а *военные* – вождями. – Могут быть и речи *забавные, пародические*, например, „Похвальное слово сну“ (*Бат.*)

XXVI.

Ораторское изобретение

§ 240. Оратор имеет *тему* или предмет речи, о коем должен говорить, и *цель*, коей должен достигнуть. *Тема* есть повод к ораторству, а *цель* – то, к чему ведет оратор, в чем хочет убедить разум, какие хочет возбудить чувства или к чему хочет подвигнуть нашу волю (прибавл. 35).

35. Цель оратора – в душе его, а предмет, текст или предложение – тема, в начале слова. Иногда и тема, и цель открываются оратором в течении речи.

§ 241. Прежде всего оратор *соображает тему с целью*: а) достаточна ли тема его к достижению желаемой цели; б) достаточны ли силы его к раскрытию темы для достижения цели; в) кто слушатели? и прилична ли им тема и цель его?; г) наконец, может спросить сам себя, тайно, во глубине души, уверен ли он сам в предлагаемой истине или только хочет уверить других? – Это важная *тайна*, которая *невидимо* будет иметь влияние на действие его речи (прибавл. 36).

36. Тема должна быть в совершенной гармонии с целью и соответствовать всем четырем требованиям – иначе здание оратора зиждется на песке.

§ 242. Первый долг оратора – изобрести. Но всякий предмет имеет две стороны: *правую* и *левую*. Оратор избирает ту, которая ведет его к цели (прибавл. 37).

37. Дижонская Академия дает ему тему: Полезны ли науки или вредны? Ж. Ж. Руссо не хочет стать наряду со всеми на *правой* стороне и избирает *левую*, соображая: 1) Науки имеют множество злоупотреблений; следовательно, тема будет согласна с его целью; 2) Спрашивает собственные силы, и сердце его, может быть, затрепетало от чувства самонадеянности и славы; 3) Кто будут судьи его? Члены Академии! Но был ли он сам уверен во вреде наук или только хотел уверить членов Академии?! Это его тайна... (*кажется, гордость и тщеславие ослепили его совесть и держали на то время в приятном обмане, ибо не мог бы он слить и силы ума, и чувств сердца в такое сильное красноречие*). И Академия увенчала труд его, и Европа увидела, до какой степени может простираться *мнимое* красноречие.

§ 243. По двум сторонам каждого предмета *источники ораторского изобретения* бывают двух родов: одни с *правой*, а другие с *левой* стороны. Оратор должен знать и те, и другие. Одни для того, чтобы их оживить и усилить, а другие для того, чтобы их опровергнуть и уничтожить.

Существенное действие оратора состоит в двух требованиях: в *доказательствах* и *опровержениях*. Убедив разум, он возбуждает страсти, а страсти повелевают воле.

§ 244. Главнейшие предметы ораторства суть: 1) *слава героев* – все историческое, похвальное и торжественное; 2) *истины христианские*, политические, ученые; 3) *обвинения* и *оправдания* – все судебное. – Представим, что оратор избрал темой героя, а целью хвалу его. Вот источники *исторического изобретения* для неопытных – ораторы в нашем указании нужды не имеют:

с правой стороны: 1) величие дела, 2) множество их, 3) разные роды, 4) героические подвиги, 5) предприятия, 6) опасности, 7) преодоление их, 8) силы духа, 9) благородные побуждения, 10) совершенный успех, 11) благотворные действия, 12) удивление и благоговение к *истинному герою*;

с левой стороны: 1) маловажность дел, 2) ничтожность их, 3) немногочисленность, 4) обыкновенные труды, 5) удобства, 6) влияние фортуны, 7) счастливые обстоятельства, 8) слабость духа, 9) своекорыстие, 10) некоторый успех, 11) вредные следствия, 12) ненависть и презрение к *мнимому герою*.

§ 245. Представим, что предмет ораторства – истина, добродетель, а цель – возбуждение любви и стремления к ней. Вот источники догматического изобретения для неопытных.

Но оратор знает, 1) что всякую теоретическую истину должно обратить в практическую, если хотим подвигнуть к ней и ум, и сердце, и волю; 2) что совершенная истина в гармонии с *добром* и *красотою* и возбуждает идеи об *истине бесконечной*; 3) что всякая истина граничит с заблуждением, всякая добродетель смежна с ближайшим пороком, во всяком добре противник может находить зло и потому видит:

с правой стороны: 1) добродетель, 2) благоговение, 3) набожность, 4) смирение, 5) кротость, 6) самоотвержение и пр. – Или: 1) истину, 2) благородство духа, 3) честность, 4) храбрость и пр. – Или: 1) добро, 2) благотворение, 3) щедрость, 4) милосердие и пр.;

с левой стороны: 1) обман, 2) лицемерие, 3) суесвятство, 4) происки, 5) тщеславие, 6) самолюбие и пр. – Или: 1) заблуждение, 2) гордость, 3) бессовестность, 4) дерзость и пр. – Или: 1) зло, 2) искательность. 3) расчётливость, 4) слабость души и пр.

§ 246. Представим, что адвокат имеет темою деяния гражданина, а целью – оправдание в обвинении. Источники судебного красноречия:

Адвокат знает, 1) что источники судебного красноречия суть: а) законы, б) нравственные причины, побуждения, способы; 2) он предполагает: или а) совершенно устранить противозаконное действие от лица; или б) отклонить и уменьшить силу противузаконности нравственными причинами; или в) возбудить снисхождение, жалость, сострадание и пр., и потому рассматривает:

со стороны обвинения: 1) ясность деяния, 2) свидетельства, 3) доказательства, 4) закон в обвинение, 5) силу страсти, 6) злое намерение, 7) желание выгод, корысть и пр.;

со стороны оправдания: 1) сомнительность дела, 2) неясность свидетельств, 3) опровержение, 4) законы в оправдание, 5) извинения, 6) неумышленность, 7) желание помощи, добра и пр.

§ 247. Все источники ораторского изобретения: исторические, догматические и судебные – относятся к трем главным началам. С правой стороны: истина, добро и красота; с левой: заблуждение, зло и безнравственность. Оратор согласно с целию заимствует:

От истинного (vero), или ложного (falso);
От полезного (utili), или вредного (inutili);
От совестного (honesto), или бессовестного (turpi).

§ 248. Приближимся к великим художникам и испытаем тайну их изобретения. Вот Ломоносов избирает темою Петра I, а целью возбудить к нему *удивление и благоговение*.

Оратор знает, что удивление возбуждается необычайными делами, и потому показывает, как Петр вводит науки, устрояет регулярное войско, заводит флот, умножает доходы внутренние и внешние, исправляет правосудие и учреждает присутственные места. Но где нет труда и опасности, там нет славы! Оратор показывает бесчисленные препятствия и опасности извне, внутри и в собственном семействе. Но препятствия могли быть устранены счастьем, судьбою? Нет! Оратор указывает на добродетели Петра: благочестие, премудрость, великодушие, мужество, правду, снисходительность, трудолюбие; наконец, говорит: „Ежели человека Богу подобного, по нашему понятию, найти надобно, кроме Петра Великого не обретаю“ и тем возбуждает к нему истинное удивление и благоволение – достигает цели.

§ 249. Вот другой великий художник *Карамзин* избирает предметом ораторства Екатерину Вторую, а целью – возбудить к ней благодарность и благословения в потомстве...

Благодарность есть следствие благодеяний. Оратор указывает, что в тихом семействе Ангальт-Цербского дома небо готовило причину благоденствия России; оно открыло Екатерине науку царствовать, и Екатерина, царствуя, зиждет благоденствие наше *победами*, разрушая силу грозной Порты, присоединяя к нам целые области, разделяя и уничтожая мятежную Польшу и пр. Она зиждет благоденствие России *мудрыми законами*: устройством Сената, желанием дать общее уложение России, мудрым наказом своим, обнародованием учреждения для губерний, заведением сельского благочиния, пожалованием грамоты дворянству, учреждением городского положения и пр. Она зиждет счастье наше *благодетельными учреждениями*: воздвигает памятник милосердию – Сиротский дом, заботится о воспитании нравственном, печется о физическом благосостоянии России, учреждает народные училища, Российскую Академию, дозволяет заведение типографий и пр. *Вот священные права ее на благодарность подданных и благословения в потомстве.*

XXVII.

Ораторское расположение

§ 250. Второй долг оратора – *расположить* свою речь. Ораторская речь имеет части: I. Приступ, предложение, разделение. II. Рассуждение: историческое изложение, или доказательства, и опровержения – существенная часть речи. III. Заключение.

§ 251. Приступ (exordium) – искание благосклонности, приготовление слушателей к делу – требует всей скромности, приличия, благоразумия и кончится *предложением* (propositio). За ним следует *разделение* (partitio).

В *духовных* речах приступ начинается *текстом* Св. Писания. Но бывают приступы и без текста. Например, *речь* Платона на коронацию. Бывают речи и без приступа (ex abrupto), например, *речь* Цицерона против Катилины 1-я.

§ 252. Рассуждение (tractatio) в *исторической* речи содержит изложение подвигов, препятствий, сил души, добродетели героя и прочее. В *догматической* и *судебной* – доказательства и опровержения – движения страстей, убеждение и прочее.

Но оратор – не историк, он излагает подвиги согласно *со своей целью*: иногда только важнейшие, иногда подвиги разных родов: *геройские, законодательные, христианские* и пр. В *догматических* речах доказательства располагаются: иногда сильнейшие – в начале и в конце, а в середине – слабейшие; иногда начинают слабейшими и постепенно переходят к сильнейшим и пр.

§ 253. Заключение (peroratio) почти всегда состоит в *желаниях* и в *обращениях*: в *исторических* речах – к герою, к Провидению, к согражданам; в *духовных* – к Богу, к слушателям; в *судебных* – к судьям, иногда с повторением важнейших убеждений и пр.

§ 254. Примеры убедительнее правил. Рассмотрим расположение речей: *Ломоносова* Петру I и *Карамзина* Екатерине II. Мы увидим на самом деле, как ораторы располагают речи. Вот Похвальное слово Петру.

Приступ: *Ломоносов* доказывает, что коронование Елисаветы (*празднество, в которое говорена речь*) так же ознаменовано чудесным Промыслом, как ее рождение (*почти в одно время с победою Полтавскою*) и восшествие на престол. И так как она и дочь, и наследница дел и славы Петра, то *предложение* (*слова оратора*) „Похваляя Петра, похвалим Елисавету“ – разделение речи. Оратор делит слово свое на три части: I. *Рассматривает важнейшие дела Петра*. II. *Все преодоленные им препятствия*. III. *Показывает добродетели Петра*.

Рассуждение: *Изложение подвигов*. Часть I. 1) Петр вводит науки и художества, особенно математические и горные. 2) Он, будучи 12 лет, учит потешное регулярное войско, сам проходит все нижние чины и усвершенствует дисциплину, потом ведет войну, и, хотя первое сражение под Нарвой неудачно от несогласия вождей, но войско отступает с честью и в следующее лето одерживает победы: 3) под Лесным, под Полтавою. 4) Наконец, Петр торжествует мир и дает указ Сенату содержать постоянно регулярное войско и в мирное время. – *Оратор переходит к флоту* и изображает, 5) как Петр сам испытывает все мастерства и работы, путешествует в Голландию для узнания кораблестроения, собственными руками делает корабли и в Британии достигает совершенства в теории и практике мореплавания. 6) Наконец, Петр воздает воинские почести

ветхому ботику, который вдохнул в него мысль о флоте. – *Далее оратор изображает*, 7) как Петр велит исчислить подданных, утвердить каждого на месте, налагает легкую подать и, тем уничтожив бродяжничество и разбои, умножает внутренние государственные доходы и, 8) открыв порты, увеличивает доходы внешние столько, что Россия, ведя войну 20 лет, не имеет долгов. – *Наконец, оратор представляет*, 9) как Петр вводит правосудие, учреждает правительствующий Сенат, Святейший Синод, государственные коллегии и другие присутственные места, с узаконениями, регламентами, уставами и пр., учреждает знаки отличия за заслуги.

Часть II. *Оратор излагает преодоленные препятствия*, 10) как Петр едва перешел с посольством границу и должен был спешить назад для прекращения коварств и крамолы; потом, отправясь вновь в путешествие, скоро должен был возвратиться для усмирения бунта. Извне воевала Швеция, Польша, Крым, Персия, Оттоманская Порты; внутри беспокоили стрельцы, разбойники, казаки, раскольники; в собственном доме устроились предательства от кровных. Но Бог спасал Петра и возвысил Россию, „однако оных (*опасностей и препятствий*)“, как по всему свету извещенных, не упоминаю“ – *говорит оратор, и сия часть кратка в сравнении с первой и последней*.

Часть III. *Оратор показывает добродетели Петра*. 11) По *благочестию* Петр в храме стоял и действовал наряду с певцами и, встречая тело Святого Благоверного Кн. Александра, сам правил рулем, а первейшие чины были гребцами. 12) *Премудрость* Петра являлась в важности суждений, в краткости слов, в стремлении к познаниям, в благоразумных разговорах, даже во взорах и во всем лице его. 13) *Величие души* Петра оказывалось еще в детстве, при военных обычаях, при метании бомб; он презирал опасности в путешествиях, бури веселили его на море. 14) *Мужество* его не страшилось пуль под Полтавою, ни знойных песков в Персии. Он побеждал оружием и великодушием: воздавая почести пленным шведам, называл их учителями. 15) Петр считал первым долгом государей награждать за заслуги и наказывать преступления. 16) *Правда* его требовала строгости в наказании бунтов, но милость многих щадила. 17) *Снисходительность* его беспримерна: можно было встретить Петра, идти с ним и говорить о чем угодно; часто беднейшие хижины вмещали Его Величество. 18) *Трудолюбие* Петра участвовало в строении кораблей, пристаней, крепостей; везде сам он был и показателем в труде, и ободрителем, и награжителем. 19) Наконец, всеобъемлющий гений Петра уподоблял его на земле Богу. 20) Он назван отцом Отечества, но сего мало: он родил нам Елисавету.

З а к л ю ч е н и е: 21) обращение к Богу; 22) обращение к тени Петра. Вот слова Ломоносова: „Услыши нас, Боже! Награди, Господи! За великие труды Петровы, за попечение Екатеринино (*Екатерины I*), за слезы, воздыхания, которые две сестры, две дочери Петровы, разлучаясь, проливали, за несравненные всех к России благодеяния, награди долголетием и потомством“.

„А ты, великая душа! Сияющая в вечности и героев блистанием помрачающая! Красуйся! Дщерь твоя царствует, внук наследник, правнук по желанию нашему родился. Мы тобою возвышены, укреплены, просвещены. Ею (*Елисаветою*) избавлены, ободрены, защищены, обогащены, прославлены. Прими в знак благодарности недостойное сие приношение. Твои заслуги больше, нежели все силы наши“.

§ 255. Еще любопытнее *расположение* Похвального слова Екатерине II *Карамзина*. Оно включает в себе *приступ*, предложение и *разделение* вместе, *рассуждение*, *разделенное* на *три* части и *заключение*. Вот нить расположения.

Приступ: 1) Сograждане! Дерзаю говорить о Екатерине, и все готовы внимать мне, ибо все обожали великую. 2) Счастливы ораторы, возвысившие своих героев, но я изображаю монархиню, которая удивила вселенную – черты мои будут слабы. 3) История ничем так не пленяет, как явлением великих душ, кои решат судьбу человечества, творят и разрушают царства. 4) Мы видим сих героев в Петре и Екатерине. Царствованием Петра приготовлено правление Екатерины. 5) Провидение в тихом семействе Ангальт-Цербского дома готовило причину благоденствия Северной Европы и Азии, Екатерина воспитывалась для мирной жизни – Небо открыло ей тайну царствовать. 6) Елисавета призвала ее к Российскому двору: в цветущей юности пленяла всех прелестью души и красотою. Екатерина видела игру двора, не будучи на троне, читала тайные желания патриотов, слышала о Петре, о его делах и, – „*часто облокотясь священной рукою на бессмертные страницы Духа Законов, раскрывала в уме своем идеи о народном счастье, предчувствуя, что она сама будет творцом одного для обширнейшей империи в свете*“. 7) И Екатерина – на троне. 8) С Екатериною воссели на престол: мудрость, любовь к славе, деятельность, знание человеческого сердца, знание века и желание купить бессмертие делами Матери Отечества.

§ 256. Предложение и *разделение* вместе. Вот слова оратора: „*Сograждане! Екатерина бессмертна своими победами, мудрыми законами и благотельными учреждениями. Взор наш следует за нею на сих трех путях славы*“:

Рассуждение: Часть 1. *Победы*. 1) Благо народов требует внешней безопасности: Екатерина, всегда готовая к войне, никогда не нарушала мира. 2) Мустафа оскорбил величие России, требовал, чтобы войско наше оставило *Станислава* и заключил посла нашего в темницу. 3) Екатерина ищет полководца и находит *Румянцева*. 4) *Румянецев* переменяет образ войны. 5) 80 тысяч отборного турецкого войска под начальством *Хана-Селима* разбито *Румянцевым* на берегах Прута; потом 17 тысяч русских разбивают 150 тысяч турок при *Кагузе*. 6) Екатерина посылает флот в Средиземное море и герои наши жгут турецкий флот под Чесмою. Монархиня скромно возлагает трофей на гроб Петра. 7) В следующее лето Румянецев очистил путь к Адрианополю, окружил визиря и подписал славный мир, открывший нам моря турецкие и Дарданеллы, даровавший независимость Крыму, обогативший казну миллионами и утвердивший за Россиею Азов и Таганрог. 8) Являются Задунайский, Чесменский, Крымский, 9) Екатерина именем Отечества благодарит *Румянцева*. Оратор сравнивает его с Тюренем и описывает характер его. 10) Польша, в чреду свою, падает к стопам России. Раздел ее есть действие могущества Екатерины. Полоцк и Могилев возвращаются в недра Отечества. 11) Крым был независим, но тревожил Малороссию. Екатерина повелела – и войско ее, не обнажив меча, заняло Тав-

риду. Описание Крыма. 12) Порты содрогнулись, но возобновила мирный договор. 13) Екатерина путешествует в Тавриду. Там два венценосца – *Станислав* и *Иосиф* – встречают ее, и цари Италии спешат посольствами приветствовать монархиню. 14) Свидание с Иосифом подало повод туркам к разрыву мира – война возгорелась. *Румянцев* не было, но дух его жил в войсках: враги бежали с открытых полей и заключились в крепких оградах. Очаков вновь падает. Измаил защищается армиею и взят *Суворовым*. 20 тысяч оттоманов легло в окопах. 15) Войско *Иосифа* ужаснулось турок. Он вызвал *Лаудона*, но совместник Фридриха взял только Белград. *Суворов* с 7 тысячами русских указал им путь к победе. Тут австрийцы узнали *Суворова*. 16) Густав дерзнул объявить войну России, но, поражаемый русскими, просит мира. 17) Екатерина заключает мир и с Портою, взяв только Очаков и весь берег Днестра, и ожидает следствий революции. 18) Между тем, Польша взбунтовала. Русские восстановили устав Республики, но коварно умерщвлены ночью. Екатерина содрогнулась, послала *Суворова* – и Прага дымится. Варшава падает и Польши не стало... 19) Суворов взятием Варшавы кончил подвиги при Екатерине. Оратор описывает его характер, тактику и вместе с *Румянцевым* причисляет к веку славы Екатерины. 20) Уничтожение Польши возвратило независимость Курляндии, но она хотела славы принадлежать Екатерине, и Россия обогатилась портами. 21) Еще Екатерина послала войско в Персию, но судьба пресекла дни ее. 22) Монархиня оставила Россию на высшей степени величия и славы и 23) благо нашего Отечества вместе с безопасностью всей Европы от турок есть действие побед Екатерины.

§257. Во *второй* части оратор показывает важнейшие только законы Екатерины, коих благотворное действие живо чувствовали все русские. Сия часть больше говорит уму, нежели воображению; в ней меньше блеску, но больше убеждений.

Часть II. 1) Екатерина уважала в подданном сан человека. „*Петр хотел возвысить нас на степень просвещенных – Екатерина хотела обходиться с нами как с просвещенными*“. Она уничтожает силу тайного судилища (1762 окт. 19). 2) Первым Манифестом, открыв виды своей мудрости, утверждает правосудие, истребляет лихоимство (1762). 3) Разделяет Сенат на департаменты, вверяет каждому особый род дел, сама в нем присутствует, и ее начертание (от 6 июня 1763) хранится в Сенате. 4) Екатерина обнародовала *Наставление губернаторам* (1764 апр. 21). 5) Дарует свободу торговле (1762 августа 10). 6) Населяет Царицинские степи колониею Евангелического братства (указами 1763 июля 22 и 1764 марта 10). 7) Назначает избыток доходов от духовных имений на успокоение престарелых воинов и содержание духовных училищ (манифест 1764 февраля 29). 8) Дает указ о военной дисциплине и *Инструкцию полковнику*, в коих ясно определяет все должности от первого начальника до последнего воина. 9) Наконец, Екатерина, желая дать общее Уложение России, велит собраться депутатам и торжественно вручает наказ, написанный ею для избранной Комиссии депутатов. – Тут оратор превосходно разбирает начертание Екатерины, сей драгоценный памятник высочайшей мудрости и человеколюбия на троне. 10) Комиссия началась, но турецкая война воспрепятствовала. 11) Однако же она открыла разные злоупотребления. 12) В первый год мира Екатерина

обнародовала *новое учреждение для губерний* – вторая важная эпоха ее правления. 13) Число тяжёбных дел умножилось, и монархия установила новые судилища, новые города. 14) Вручила *наместникам* власть отца. 15) Учредила *губернское правление*, 16) *Уголовную и Гражданскую* палаты, 17) дворянскую опеку и Сиротский суд, общественное призрение, Дома исправления и, наконец, Совестный суд. 18) Дворянство при Петре I служило до изнеможения сил. Петр III дал свободу служить дворянам. Екатерина, открыв им путь к избранию важных судебных властей в губерниях, заставила участвовать в правлении. 19) Пребывание дворян в губернских городах способствовало заведению благородных училищ. 20) От постановления городов и сообщения дворянства улучшилось земледелие. 21) От нового учреждения и, может быть, от действия лучшей нравственности пресекалось злоупотребление господской власти над рабами. 22) От умножения окружных и губернских городов процвело купечество и улучшилась его нравственность. 23) От дарования прав земледельцам судить себе подобных образовалась нравственность поселян. 24) Наконец, установление *Сельского благочиния* утвердило безопасность дорог и уменьшило беспорядки. 25) Тут оратор с восхищением взирает на необозримую империю, которая повсюду правится единым уставом, 26) рассматривает Зерцало Благочиния (1782 апр. 8), дающее полиции право римской цензуры, 27) Грамоту Дворянства (1785 апр. 21) и все ее преимущества, 28) *Городовое положение*, утверждающее права *среднего состояния* в России, и 29) заключает тем, что Екатерина, образовав полную систему монархической России, согласную с истинным счастьем человека и не совместную с именем раба, уничтожает сие название навеки (Указом 1786 фев. 19).

§ 258. В третьей части оратор излагает *благодетельные учреждения*. И, если в I части пленял воображение победами, а во II убеждал разум благом законов, то в III части в полной мере трогает душу благодетельными учреждениями, соединяя красноречие ума с красноречием сердца.

Часть III. 1) Екатерина посвящает милосердию Сиротский дом. 2) Учреждает дома воспитания благородных девиц и мещанских. 3) Дарует Академии Художеств истинное бытие и отличнейшие права. 4) Кадетский корпус, учрежденный Анною и воспитавший *Румянцева*, клонился к падению. Екатерина обращает на него творческий взор и, 5) видя, что образование благородных детей в России вверяется иностранцам, повелевает воспитывать вместе с кадетами несколько мещанских детей к учительскому званию. 6) Тут оратор отдает должную честь *Бецкому*, сотруднику Екатерины, который жил и дышал благотворению не громкою, но благодетельною для человечества. 7) Корпусы Морской и Артиллерийский обязаны Екатерине лучшим состоянием; и 8) учреждено ею Греческое училище для юных потомков древней республики. 9) Екатерина, заботясь о нравственном воспитании, торжественно объявляет родителям (см. *Наказ, глава о воспитании*), чтобы они соображались с правилами, ею обнародованными и 10) печется о физическом благосостоянии России: учреждает Медицинскую Коллегию и предписывает ей благодетельные правила. Екатерина делает для подданных то, что одна мать может сделать для

своего младенца: она прививает себе оспу и собственным примером убеждает нас прибегнуть к сему средству. 11) Наконец, монархия учреждает народные училища, которые полезнее для России всех академий. 12) Словесность была предметом особенного ее благоволения: при ней явились *Россиада*, *Державин* и *Богданович*. Она сама переводила *Велисария*, писала для юных августейших отраслей повести, занималась отечественной историею, учредила Комиссию для переводов и основала Российскую Академию – при ней вкус сделался общим. 13) Екатерина вела переписку с Вольтером, Дидеротом, Даламбертом, и Европа в сей переписке дивилась не им, но ей. 14) При ней Академия Наук издавала ежемесячные сочинения, посылала профессоров по всей России для описания трех царств природы и исторических памятников. 15) *Московский Университет*, основанный Шуваловым, от щедрот Екатерины получил больше способов, и, если во всех родах службы есть способные люди, то Отечество обязано сим *Московскому Университету*, а он – Екатерине и духу ее царствования. 16) Наконец, Екатерина дозволила заведение вольных типографий, „учредив благоразумную цензуру, необходимую в гражданских обществах, ибо разум может уклоняться от истины, подобно как сердце от добродетели, и неограниченная свобода писать столь же безрассудна, как неограниченная свобода действовать“. (*Бессмертные слова оратора!*) 17) Россия в 34 года царствования Екатерины созрела умом, ибо монархия действовала на подданных и славою побед, и мудрыми законами, и воспитанием, и всеми средствами просвещения. 18) Сравнение *Иосифа* с Екатериной служит тению, от которой мудрость Екатерины сияет лучезарнее. 19) Екатерина во время язвы, волнения в Москве, дерзостного бунта и угроз дворов была непоколебима. Англия и Пруссия хотели предписать нам мир, но Екатерина даровала оный *Густаву*, а *Питт* и *Фридрих Вильгельм* смирились. Сия твердость принудила все кабинеты зависеть от монархии, и все трактаты ее были славны. 20) Екатерина сохранила на троне чувствительность своего пола, но ведала ту черту, которая отделяет добродетель от слабости и царским долгом побеждала нежность своего сердца. 21) Россияне, следуя уставам монархии, следовали гласу Неба, и, повинувшись, не знали принуждения. Екатерина с высоты величия умела снисходить к любезности и восхищать прелестью ума. 22) Одною рукою подписывала судьбу царств, а другою ласкала цветущие отрасли Императорского дома и надежду любви своей и надежду России. 23) Дух порядка укреплял Екатерину в деятельности так, что дела *единой* государыни могли бы прославить *многих* государей. 24) Генрих IV славен, но вместе с Сюлли; *Людовик XIV* знаменит, но вместе с Кольбертом – слава Екатерины принадлежит ей одной. 25) Наконец, Россия внезапно лишается своей монархии...

§ 259. В заключении оратор напоминает обет Александра – торжество добродетелей Екатерины и нашей святой благодарности – обет „Я буду царствовать по сердцу и законам Екатерины Великой...“ Наконец, представляет дух монархии в виде Гения – хранителя России, и мы внемлем небесному гласу Екатерины:

„О Россияне! Слава моя была мне залогом вашей силы и безопасности; желая, чтобы мир нас страшился, я хотела единственно того, чтобы вы могли

никого не страшиться. Я предпочла независимости вашей одно ваше благополучие; не даровала вам тех одних прав, которые могли быть для вас вредными. И если мое царствование не возвело еще Россию на высочайшую степень народного блаженства, то помните, что власть государя не есть могущество Небесное, которого воля есть уже совершение; помните, что империи цветут веками и что Провидение требует от царей только возможного блага. (*Вот высокое в мыслях!*) Но я указала вам великую цель: теките к ней, осененные моими лаврами, путеводимые моими законами! И когда все народы земли будут завидовать вашей доле, когда имя россиянина будет именем счастливейшего гражданина в мире, тогда исполнятся тайные обеты моего сердца, тогда узнаете, что я хотела, но чего не смогла сделать, и признательность ваша почитает равно и дела мои, и мою память – единая награда, к которой добрые монархи могут быть чувствительны и по смерти своей!“

Оратор отвечает: „И я клянусь именем вашим, о сограждане! Именем всего нашего потомства, что память Екатерины Великой будет во веки веков благословляема в России“. (*Вот блистательное место, которое сделало бы честь таланту Демосфена!*)

XXVIII.

Ораторское выражение и декламация

Animi imperio, corporis servitio magis utimur. *Sallust.*⁸⁷

§ 260. *Третий* и последний долг оратора – *выразить* свои мысли. Но выражение ораторское (*изустное elocutio*) не довольствуется *языком слов*, оно требует и *языка действий*.

Язык слов есть *слог* оратора; язык действий – его *жесты, телодвижения, мимика*. В изустных разговорах оба языка соединяются и чем живее, чем сильнее разговор, тем выразительнее телодвижения.

§ 261. *Слог* оратора (*fertur magno impetu praeceps et immensus*⁸⁸) есть слог *возвышенный* (см. *Общ. рет.*, разд. XXVI, § 6 и пр.). Он незаметно обогащается всеми риторическими украшениями, кои тут нечувствительны, ибо необходимы и рождаются без ведома оратора, который, сам увлекаясь стремлением души, увлекает в движении своем и язык, и слушателей (*secum trahit involvens*⁸⁹).

Иногда ораторы, сообразив тему с целью, обдумав и расположив части своей речи, не пишут, а *говорят изустно, предаваясь*, так сказать, на *волю движения души, минуты вдохновения* и мало заботясь о словах и телодвижениях. – Так действовали древние ораторы, но желая утвердить речь письменами, писа-

⁸⁷ В большей степени нами повелевает дух, а служит нам тело. *Саллюстий*. О заговоре Катилины (1, 2). В переводе В. О. Горенштейна: „дух большей частью повелитель, тело – раб“.

⁸⁸ Неистово и неудержимо устремляется вперед с великой силой.

⁸⁹ Увлекает с собой.

ли после, по воспоминанию и имели скорописцев (*стенографов, графодромо*в), которые списывали их речи во время произношения. (Есть на русском прекрасная „Графодромия“. Бар. М. А. Корфа. СПб., 1820.)

§ 262. *Язык действий* есть стремление души, обнаруживающееся в движениях тела: в очах, в устах, на челе, в движении головы, шеи, груди, рук и пр. Так мы выражаем:

Склонением головы – *согласие*; беспокойным ее движением – *отрицание*; поднятием сжатой правой руки с выражением в лице – *угрозу*. Так говорит европеец с диким. Так два иностранца объясняют свои нужды друг другу. Сей язык усовершенствован для *глухонемых* столько, что на нем преподают им самые отвлеченные познания.

§ 263. *Язык действий* – сильнее и разительнее, *язык словесный* – определеннее и точнее. *Первый* мгновенно передает *взору* мысли и чувства, одним движением. *Последний* переливает их *слуху* как будто по каплям, по слову. Прекрасный союз их производит чудесное действие. Напр., Ист. Гос. Рос. (т. XI, с. 21):

„Народ благоговел в безмолвии (в Успенском соборе при короновании Годунова), но когда царь, осененный десницей первосвященника, в порыве живого чувства, как бы забыв устав церковный, среди литургии воззвал громогласно: „Отче, великий патриарх, Иов! Бог мне свидетель, что в моем царстве не будет ни сирого, ни бедного, – и, *тряся верх своей рубашки*, примолвил, – отдам и сию последнюю народу“, тогда единодушный восторг прервал священнодействие; слышны были только клики умиления и благодарности в храме: бояре словословили монарха, народ плакал...“ (Кар.).

§ 264. *Язык действий* равно понятен во все времена, всем людям: ему учит сама природа. Он темен, недостаточен, но выразителен. Сия *выразительность* в соединении с словесным языком называется *декламация*.

Нигде столько не блистает сия *выразительность*, как в пантомимах или балетах. (Так называются зрелища, на коих целое известное происшествие представляется без слов, одними телодвижениями или жестами.) Например, какой ужас и сострадание поражает зрителей, когда Медея борется с чувством матери, желая пронзить кинжалом детей своих!

§ 265. Декламация (от *declamare, провозглашать*) есть изящное искусство произносить речи и стихи громким, выразительным и приятным органом, соглашая звуки слов с приличными движениями тела. И бывает трех родов: *ораторская, поэтическая и театральная*.

Примеч. Слово *декламация* иногда употребляется в значении *практических сочинений*, произносимых учениками красноречия для приучения себя к ораторству (см. выше § 30 и примеч.).

§266. Ораторская *декламация* требует звучного, гибкого, образованного и приятного голоса, т. е. дара природы, и это – главное, ибо кто живо чувствует движения души, тот не может не выражать их движениями тела; а кто их не чувствует, того телодвижения всегда будут или недостаточны, или чрезмерны, или неуместны.

Ораторы древних шумных народных собраний старались только образовать орган, не заботясь о телодвижениях. Так Демосфен, предание гласит, выходил на берег моря и там при шуме волн, подобном шуму народа, учился ораторскому произношению, стараясь пересилить голосом, перекричать гул морской и каждому слову дать *внятность, выразительность и силу*.

§267. Ораторская *декламация* требует, чтоб каждое слово в устах оратора имело *жизнь и душу*, чтобы каждое движение тела было скромно и прилично. Легкий недостаток телодвижений рождает в слушателе приятное желание их дополнить, а излишество становится противным.

Нигде столько не отражаются чувства души, как в *чертах лица и взорах*, благороднейшей части нашего тела. Никакая наука не дает огня очам и живого румянца ланитам, если холодная душа дремлет в ораторе... Все правила *мимики* для истинных ораторов бесполезны или забавны, но всего забавнее думать, будто мимика научит приличию движений *того, кого* не может научить внутреннее чувство, сама природа. Телодвижения оратора всегда бывают в *тайном согласии* с чувством души, со стремлением воли, с выражением голоса. Самый лучший наставник декламации не *теория*, но *практика*.

§268. Поэтическая *декламация* – чтение стихов – требует: чтобы *чтец* останавливался не на стихах или полустихиях, но там, где кончится мысль или чувство; чтобы не ударял на рифмы, но скрывал их, как бы прекрасны они ни были; чтобы не оттенял звуками падение стоп и стихов, но живым чувством возвышал и понижал голос, ускорял и замедлял его, следуя движению души, увлекаемой восторгом, умилением, радостью, печалию и пр.

Примеч. Чтение новых стихов очень важно, ибо оно решает первый успех их. *Искусное* чтение может показать посредственное хорошим, хорошее – прекрасным, прекрасное – единственным, бесподобным, а *неискусное* может все испортить. Молодой поэт должен свое сочинение читать сам и не поверять чтения всякому *без разбора*, ибо чтением решается первое *впечатление*, а впечатлением – *суд общества*.

§269. Театральная *декламация* есть *гипербола* (увеличение) двух первых. *Актер* представляет не себя – как поэт и оратор – но *лицедействует*, т. е. действует в таком лице, которое должен представить или *героическим*, например, *Тесея*; или *трогательным*, на-

пример, *Эдипа*; или *забавным, смешным*, например, *Мельника, мещанина во дворянстве* и пр. Он должен говорить и *слуху, и взору*; должен *удвоить* выразительность слов и телодвижений.

Древние *лицедеи* употребляли трагическую, высокую обувь (*cothurnos*) или комическую, смешную (*soccus*), надевали величественные или забавные *личины* (*personas*, маски), ставили между ртом и маской трубу для звука голоса; и все это делали для умножения *выразительности* на их обширнейших театрах. Вкус нашего времени требует также от *актера* удвоенной выразительности, но полагает ей *известные* пределы (*Quos ultra citraque nequit consistere rectum. Hor.⁹⁰*), т. е. из коих не может он выступить, не нарушив приятного впечатления или очарования. – *Театральная декламация* есть действительно наука, равно требующая и талантов натуры, и беспрерывных упражнений.

XXIX.

Примеры ораторских речей с разбором

§ 270. В пример *духовных* и вместе *торжественных* речей рассмотрим речь *Платона* на коронацию.

Платон, оратор двора Екатерины, наставник Павла, красноречивейший муж двух царствований, уже старец 60 лет, увенчанный и знаменитейшим саноном, и славой, и трогательными сединами, приветствует юного обожаемого монарха, коего отцу давал наставление в законе; приветствует при торжественнейшем событии, когда Небо соединяет царя с подданными видимой своей печатью... и слава оратора, и торжественность события, и пламенная любовь к юности вождя монарха – все заставляло ожидать приветствия необыкновенного. Но оратор превзошел ожидание, превзошел и сам себя, ибо, оставив 20 томов проповедей своих, ничего не оставил *величественнее* сей речи, как бы в доказательство, что *ораторство* есть искусство, усовершенствуемое опытом и что последнее произведение должно быть лучше первых.

Сия речь всем известна, но не все знают, что в ней особенно *чудесно*. В сей речи должно дивиться не превосходному изобретению и расположению, не строжайшей отчетности в частях и переходах, ибо сим пленяют нас и другие ораторы, но *простоте и высоте мыслей*; а, всего более, какой-то *святой, пророческой торжественности слова*, как бы вдохновенной свыше. Оратор, кажется, предсказывает будущее... Слыша последние слова его: „*Разумейте, языцы, и покоряйтесь*“, можно подумать, что он говорил 20-ти языкам, шедшим в 1812 году на Россию. Слыша: „*Могущи, покоряйтесь! Аще бо паки возможете, и паки побеждены будете!*“, невольно хочется спросить, неужели оратор знал, что Наполеон *паки возможет и паки* побежден будет Александром.

Приступ без текста. Чудесное *предложение* сей речи состоит в антитезах разительных, истинно ораторских. *Рассуждение* показывает две стороны:

⁹⁰ Выходить за пределы которых правда не может. *Гораций*. Сатиры (I, 1, 106). В переводе А. А. Фета: „Дальше и ближе которых не может правда держаться“.

добро и зло в борении. Но торжество добра несомненно: в том убеждает нас и священное действие веры, и самая доброта души Александра. Тут оратор заключает речь, утверждая свое предложение, но вдруг видит новое доказательство промысления Божия о державе царя: Богом царю внушенное разделение чести венчания с помощницею его – и снова хочет заключить речь. Но, *как бы не все еще сказав*, обращается к царице-матери и заключает речь необыкновенно трогательно и торжественно.

Приступ есть верх ораторского искусства. Сказав „Итак, сподобил нас Бог узреть царя своего венчанна и превознесенна!“, оратор, кажется, теряется в чувствах радости, благодарности, умиления, восторга... наконец, как бы приходя в себя, „*видит нечто особенного внимания и озабочивания достойное*“. Тут следует разительное предложение:

„Вселюбезнейший государь! Сей венец на главе твоей есть наша слава, но твой подвиг. Сей скипетр есть наш покой, но твое бдение. Сия порфира есть наше ограждение, но твое ополчение. Вся сия утварь царская есть нам утешение, но тебе бремя“.

Кто мог ожидать, чтобы оратор присвоил блеск и красоту царских *знаков* подданным, а *значимое* их, труды и подвиги, – царю? Однако ж это справедливо и *достойно озабочивания*... Кто ж лучше оратора мог вывести слушателей из сего затруднения? Взгляните на неотразимые его доказательства. Кто удовлетворительнее Платона мог решить сие *предложение*? Сравните его с *заключением*, вот оно:

„Итак, великодушнейший государь! Сим укрепися и ободрися! С таковою помощию Небесною (*это относится к 1-му доказательству – действию св. помазания*), с таковым дарованным тебе духом Владычним (*это ко 2-му доказательству – доброте души Александра*) подвиг твой будет удобен, бдение твое будет сладостно, попечение твое будет успешно, бремя легко и ополчение твое будет победительно и торжественно“.

При словах „*подвиг твой*“, „*бдение*“, „*попечение*“, „*бремя*“ и „*ополчение*“ вы снова видите венец, скипетр, державу, порфиру и всю утварь царскую, снова видите нашу славу, наш покой, безопасность, ограждение и все наше утешение. Но уже *без всякого озабочивания*, ибо оратор доказал, что все царю будет *удобно, сладостно, успешно, легко, победительно и торжественно*. – Здесь ничто не забыто, всему дан отчет, все в совершенстве, чудесно!..

§ 271. В простоте и высоте мыслей, кажется, никто не превзошел *нашего* Платона. Я ничего не знаю на русском *проще, выше и трогательнее* следующего места сей речи:

„Предстанет бо лицу твоему пространнейшая в свете империя, каковую едва ли видела вселенная, и будет от мудрости твоей ожидать во всех своих членах и во всем теле совершенного согласия и благоустройства. Узриши сходящие с небес весы правосудия, со гласом от Судии неба и земли: „Да судиши суд правый и весы его да не уклониши ни на шее, ни на десное“. Узриши в лице самого Бога сходящее к тебе милосердие, да милостив будеши ко вручаемым тебе народам.

Достигнут бо престола твоего вдовицы и сироты, и бедные, утесняемые во зло употребленною властью, и лицепрятием и мздоимством лишаемые прав

своих, и вопить не перестанут, да защитиши их, да отреши их слезы, и да устроиши их везде проповедывать твою промыслительную державу.

Предстанет и самое человечество в первородной своей и нагой простоте без всякого отличия порождений и происхождений: „Взираи, – вопиет, – общий отец! на права человечества, мы равно все чада твои!“. Никто не может быть пред тобою извергом, разве утеснитель человечества и поднимающий себя выше пределов его.

Наконец, благочестию твоему предстанет и Церковь, сия мать, возродившая нас духом, облеченная в одежду, обогренную кровию едиnorodного Сына Божия; сия августейшая Дщерь Неба, хотя довольно для себя находит защиты в единой Главе своей, Господе нашем Иисусе Христе, яко огражденная силою Креста Его, но и к тебе, благочестивейший государь! яко к первородному сыну своему, прострет она свои руки и, ими обьяв твою любезнейшую выю, умолять не престанет: да сохраниши залог веры цел и невредим; да сохраниши не для себя токмо, но паче да явиши собою пример благочестия и тем да заградиши нечестивые уста вольнодумства, и да укротиши злый дух суеверия и неверия“. *Вот истинное красноречие, трогающее до глубины сердца! Оно возводит нашего Платона на степень первейших ораторов Европы.*

§ 272. В пример *гражданского* красноречия рассмотрим речь „О любви к Отечеству“ Баккаревича. Она меньше известна, нежели того достойна. Какая сила и важность мыслей! Какое достоинство и благородство *гражданского красноречия*! Но ничто столько не удивляет в сей речи, как прекрасное *оригинальное расположение*. Оратор с редким искусством умел представить все доказательства в картинах, и в сем отношении нет, кажется, на русском другой, ей равной.

Сия речь есть приветствие наступавшему XIX веку. Она произнесена 21 декабря 1799 при торжественном акте в одном из первых благородных училищ, в Москве, в сонме патриотов, в сердце России, где всегда пылала сия страсть душ великих, и произнесена в обет юных россов не изменять ей в грядущем веке. Мы видели в 1812-м году и ныне, в грозный час гнева небесного (*холеры*), с умилением видим, изменяет ли Москва сему чувству; посему судить можем, с каким восторгом внимали сей речи москвитяне, слыша торжественные похвалы любимой своей добродетели...

В *приступе* говорит оратор, что значит Отечество и что есть любовь к нему. *Предложение* весьма искусно обращено в вопрос от лица Отечества к гражданину – как бы от лица матери к сыну. *Рассуждение* состоит в ответах: во-первых, отвечает глава общественного семейства; за ним – герой; потом – судия; далее – писатель, наконец, отвечает и земледелец... „Так, всемогущий дух любви к Отечеству, – говорит оратор, – объемлет и живит все состояния и степени гражданского семейства“. Тут, в доказательство, что любовь к отечеству возвышает царства, оратор показывает в прекраснейших картинах славу Греции, славу Рима и славу России. В *заключении* приветствует XIX век с превосходным желанием. – Каждая из сих картин отделана *вольной кистью*, по законам *идеального искусства* с необыкновенным достоинством и благородством.

§ 273. Вот предложение сей речи и две-три картины с превосходным заключением:

„Когда человек-гражданин, достигнув зрелости нравственного и телесного своего возраста, начинает чувствовать себя во всей полноте; когда сила деятельности пробуждается в нем, движет его и колеблет; когда он, не вмещаясь, так сказать, в пределах собственного своего бытия, стремится преступить их и соединиться с бытием подобных ему существ моральных; словом, когда натура довершает в нем последнюю черту, тогда Отечество приемлет его, вознеся глас свой, вещает: „Сын мой! Все, что ты ни имеешь, мое. Что ж ты для меня сделаешь? Чем ты будешь мне полезен?“

Глава великого общественного семейства отвечает: „Я посвящу всего себя благу чад твоих; я не воздремлю на страже, на коей Бог и ты меня поставили. Клянусь в том священным твоим именем!“ И он верен клятве своей! Как орел с высоты эфирной проникает быстрым оком в моря и пропасти, так он с высоты престола своего объемлет взором всю обширность пространного своего владычества и обзирает все части государственного устройства. Дух его везде: в судах, в полках, на поле бранном и в хижине убогого. Он все наполняет собою, живет, движет и направляет к спасительной цели. От Бельта в отдаленнейших степях Сибири он слышит вздох угнетенного и видит слезы несчастного. (Оратор не знал, что он может броситься и в пламень язы!.. Пример потомству Николая I.) Гром его гремит над главою преступника, и отрада возвращается в сердце невинно страждущего. – Так царствует монарх, пламенеющий любовью к отечеству, и слава дел его, отзываясь от рода в род, раздастся в позднейших веках грядущих“. – Далее отвечает: герой – судья – писатель, наконец:

„Глас Отечества раздается на полях и в куцах сельских – и земледелец, опершись на плуг свой, отвечает: „Его посвящаю я тебе и вместе пот сей, катящийся по лицу моему. Руки сии сотворены для исполнения нужд твоих, для удовлетворения твоим потребностям“. Он умолк, и каждая бразда, проведенная на ниве его, есть источник, из коего течет злато в сокровищницы Отечества. Здесь – не в чертогах богачей – здесь, под соломенным кровом хижины его видит оно флоты свои и ополчения, могущество свое и величие. Земледелец есть избраннейший сын его“. (Сколько идеального достоинства и благородства!.. Тут следуют картины Греции, Рима и России. Вот окончание последней с заключением.)

„Среди сего дивного велелепия и славы возводит Россия светлое око веселия на владычество свое – полвселенную – повсюду счастье и спокойствие; только вдали раздастся гром... Она внемлет и познает мощного своего Алкида (Суворов на Альпах), в странах чуждых поражающего гидру буйства и торжествующего над ужасами самой природы; внемлет и с небесною улыбкою зрит во сретение наступающему веку“.

Заключение: „Гряди к нам от высоты эфирной! Гряди, сын времени, в дыхании зефира! Да будет благословен приход твой! Да с ним внидет меч в ножны свои, и мир благодатный да успокоит смятенные царства! Да вознесется до звезд чело России! Да проникнет луч просвещения в души дикого обитателя Кафрии! И народы – от Востока до Запада, от Севера до Юга – да прострут друг к другу объятия любви и заключат священный союз всемирного друже-

ства! (*Прелестнейшее желание! коему Александр I положил начало в Париже 14 сентября 1815 года.*) Тогда в поднебесной единое будет Отечество, Добродетель сядет на троне своем, сокрушатся кумиры, кровавые эшафоты падут (*это относится к кумирам и эшафотам французской революции*) – и земля представит, наконец, зрелище, достойное воззрения небес...”

§ 274. Примером академической речи может быть речь Карамзина о словесности (*произнесена в Российской Академии 5 декабря 1818*). Она содержит новые, прекрасные мысли – драгоценный плод великого ума и тонкого вкуса, приобретенный и усовершенный долголетнею опытностию.

В приступе оратор показывает цель Академии; сия цель составляет предложение и разделение его речи: I. Действовать для образования языка. II. Для ободрения талантов. III. Для славы Отечества. И тут же превосходно различает он словесность и науки. Вот слова его:

„Вы знаете, Мм. Гг., что язык и словесность суть не только способы, но и главные способы народного просвещения; что богатство языка есть богатство мыслей; что он служит первым училищем для юной души, незаметно, но тем сильнее впечатлевая в ней понятия, на коих основываются самые глубокомысленные науки; что сии науки занимают только особенный, весьма немногочисленный класс людей; а словесность бывает достоянием всякого, кто имеет душу, что успехи наук свидетельствуют вообще о превосходстве разума человеческого, успехи же языка и словесности – о превосходстве народа, являя степень его образования, ум и чувствительность к изящному“ (*Вот мысли, которых никто на русском не предложил с такой ясностию и точностию.*)

В рассуждении говорит оратор: Часть I. „Что для образования языка Академия совершила удивительный труд, издав полный Российский Словарь и предложив Грамматику, которая более решит вопросов, нежели [грамматика] Ломоносова. Но сии главные для языка книги всегда богаты белыми листами для дополнений и перемен, необходимых в живых языках. Тут оратор с опытною мудростию и тонким вкусом замечает: откуда обогащается язык и заимствуются правила?

„Главным делом вашим было и будет систематическое образование языка, непосредственное же его обогащение зависит от успехов общежития и словесности, от дарования писателей, а дарования – единственно от судьбы и природы. Слова не изобретаются академиями: они рождаются вместе с мыслями или в употреблении языка, или в произведениях таланта, как счастливое вдохновение. Сии новые, мыслию одушевленные слова, входят в язык самовластно, украшают, обогащают его без всякого ученого законодательства с нашей стороны, мы не даем, а принимаем их. Самые правила языка не изобретаются, а в нем уже существуют; надобно только открыть и показать оные...”

Во II части для ободрения талантов оратор показывает два способа: награды и справедливое оценивание всякого нового труда, имеющего признаки истинного дарования. Тут особенно драгоценны мысли его о критике. Он говорит:

„Никто не предпишет законов публике, она властна судить и книги, и сочинителей, но ее мнение всегда ли ясно? всегда ли определительно? Сие мнение ищет опоры. Если Академия посвятит часть досугов своих критическому обозрению российской словесности, то удовлетворит без сомнения и желанию общему, и желанию писателей, следуя правилу, внушаемому нам и любовью к добру, и самую любовь к изящному: *более хвалить достойное хвалы, нежели осуждать, что осудить можно*. Иногда чувствительность бывает без дарований, но дарование не бывает без чувствительности (*вот редкое знание человеческого сердца!*); должно щадить ее. Употребим сравнение не новое, но выразительное: что дыхание холода для цветущих растений, то излишне строгая критика для юных способностей души – мертвит, уничтожает, а мы должны оживлять и питать, приветствовать славолюбие, не устрашать его, ибо оно ведет к славе, а слава автора принадлежит Отечеству.

Пусть низкое самолюбие утешает себя нескромным оуждением в надежде возвыситься уничтожением других, но вам известно, что самый легкий ум находит несовершенства, что только ум превосходный открывает бессмертные красоты в сочинениях. (*Юные таланты! Ободритесь, читая строгие себе приговоры, и вспомните сии слова, которые говорит вам опытная мудрость устами Карамзина.*) Судя о произведениях чувства и воображения, не забудем, что приговоры наши основываются единственно на вкусе, неизъяснимом для ума; что они не могут быть всегда решительны; что вкус изменяется и в людях, и в народах; что удовольствие читателей рождается от их тайной симпатии с автором и не подлежит закону рассудка; что мы не столько хотим учить писателей, сколько ободрять их нашим к ним вниманием, нашим суждением, исполненным доброжелательства. Как ни приятна для нас хвала публики и самое одобрение Академии, но будет еще приятнее, если соединится с благонамеренным разбором книги его, с показанием ее красот особенных, когда опытный любитель искусства углубится взором, так сказать, в сокровенность души писателя, чтобы вместе с ним чувствовать, искать выражений и стремиться к какому-то образцу мысленному, который бывает целию, более или менее ясною для всякого дарования“. (*Один высший талант может так живо чувствовать потребность таланта!*)

Второй способ поощрять таланты, предлагая темы, также действителен. Скажут, что писатель не имеет нужды в указаниях? Нет! – возражает оратор, – сии указания бывают иногда плодотворны. Тут достойны примечания мысли о гении, „не чуждом россиянам в самые темные времена невежества, ибо он (*гений*) не ждет иногда наук и просвещения, летит и блеском своим озаряет пустыни; но он любит искусство и гражданское образование, мелькает и во мраке, но красуется постоянно и во свете разума; не есть наука, но заимствует от нее силу для высшего парения. – Прекрасный союз дарования с искусством заключен в колыбели человечества: они братья, хотя и не близнецы“.

Далее оратор утверждает, что словесность наша не есть подражание иноземцам, но мы пишем, как они пишут, ибо живем, как они живут. Там нет бездушного подражания, где говорит ум или сердце, и кто рожден с избытком внутренних сил, тот, начав подражанием, будет, наконец, сам собой.

В III части оратор говорит о славе с необыкновенной чувствительностью и о внутреннем удовольствии писателя с величайшей опасностью – осо-

бенно драгоценны слова его о *злоупотреблении таланта*: „Слава! чье сердце, пока живо, может совершенно охладеть к ее волшебным прелестям, несмотря на всю обманчивость ее наслаждений?! Пленяя юношу своими лучезарными призраками, венком лавровым и плеском народным, она манит и старца к своим монументам долговечным, памятникам заслуг и благодарности. Мы желали бы из самого гроба действовать на людей, подобно невидимым добрым гениям, и по смерти своей еще имеем друзей на земле... (*Пусть утешится тень оратора! Его добрый гений действует из самого гроба и долго-долго будет иметь друзей на земле!*) Но ежели слава изменяет, то есть другая вернейшая, существенная награда для писателя, от рока и людей независимая: внутреннее услаждение деятельного таланта, изысканное для нас удивительную любовь к трудам и терпение, которое Бюффон назвал превосходнейшим даром.

Внутреннее услаждение любимца муз действует всегда и на душу читателей: они вместе с ним восхищаются умом или сердцем, забывая иногда житейские беспокойства. Видим иногда злоупотребление таланта, но цветы его на ядовитом поле разврата скоро увядают и тлеют; неувядаемость принадлежит единственно *благу*. В самых мнимых красотах порочного есть безобразие оскорбительное не только для чувства нравственного, но и для вкуса в изящном, коего единство с *добром* тайно для разума, но известно сердцу. Низкие страсти унижают, охлаждают дарование; пламень его есть пламень добродетели“. (*Внимайте, юные таланты! сии мысли достойны быть начертаны золотыми буквами.*)

В *з а к л ю ч е н и и* оратор говорит, что словесность возвышает нравственное достоинство государств и желает, чтобы слава России была славою человечества. Тут есть разительные мысли:

„Для того ли образуются, для того ли возносятся державы на земном шаре, чтобы единственно изумлять нас грозным колоссом силы и его звучным падением; чтобы одна, низвергая другую, через несколько веков обширную своей могилою служила вместо подножия новой державы, которая в чреду свою падет неминуемо? Нет! и жизнь наша, и жизнь Империи должны содействовать раскрытию великих способностей души человеческой. (*Вот высокая мысль!*) Здесь все для души, все для ума и чувства; все бессмертно в их успехах. Сия мысль среди гробов и тления утешает нас каким-то великим утешением!..“ (*Печально и трогательно!*)

Примеч. Никто лучше не знал состояния словесности нашей, как Карамзин; и, может быть, ничто столько на русском не может содействовать к образованию вкуса, как чтение его сочинений.

§275. Политическое красноречие – новый источник нашей словесности, истекающий от престола или высших властей государственных. Чтобы судить о нем, требуется не юность – но опытность, не пыл страстей – но зрелый рассудок, не мечтания разума – но желание истинного блага человечеству.

Примером политического красноречия могут быть: 1) Речь от лица Сената и народа Екатерине II по заключению мира с турками; 2) Прошение Синода, Совета и Сената Александру I; 3) Манифест Александра I о постановлении

Священного Союза; 4) Донесение Кутузова-Смоленского о занятии неприятелем Москвы и пр.

§ 276. В примере судебного ораторства, коего нет у нас, я не мог избрать ничего лучше, как сравнение двух древних знаменитых речей *Эсхина* и *Демосфена* о золотом венке. Любопытно видеть, как один защищается всею силой истины в красноречии, а другой нападает со всею хитростию и утончением бессовестного искусства.

Эсхин – с прекрасным органом и величайшим даром не мог равнодушно видеть такого оратора, каков *Демосфен*. Без него *Эсхин* был бы первый и по красноречию, и по влиянию на Республику, посему он искал всех средств погубить *Демосфена*. Наконец, нашел случай после несчастной битвы *Херонейской*, которая повергла Грецию во власть Филиппа. Тогда афиняне, страшась осады, решились возобновить стены. *Демосфен* подал совет – и ему поручено исполнение. Но как сумма, для сего назначенная, была недостаточна, то он жертвовал собственным имуществом, и друг его *Ктезифон* предложил дать золотой венок *Демосфену*. Народ принял предложение с восторгом, а *Эсхин* всею силою красноречия вооружился против *Ктезифона* как нарушителя трех законов:

I. Закон запрещает давать венки гражданам прежде представления от них отчета. И сей случай падал на *Демосфена*. Следовательно, *Ктезифон* явно нарушил закон.

II. Закон повелевал, чтобы награда венком объявляема была в Сенате, а не в другом месте; а *Ктезифон* желал объявить сию награду в театре – второе нарушение.

III. В предложении сказано, что венок дается *Демосфену* за услуги Отечеству, а *Эсхин* силится доказать (*и это главная цель его и истинная причина всего дела*), что *Демосфен*, кроме зла, ничего для Республики не сделал.

Обвинение начато за 4 года до смерти *Филиппа*, а суд производился в 6-й год царствования *Александра* – уже повелителя Азии.

Из всех стран Греции стекался народ к сему торжественному судопроизводству; и подлинно, это было зрелище необычайное!.. Два величайших оратора своего века, оба министры, оба правители Республики, дыша друг к другу ненавистию и воспламеняясь личностями, восстали друг против друга! – Знаменитость и важность дела, любопытство и ожидание бесчисленных граждан, и собственная польза каждого, побуждали их истощить всю силу ораторства в сих двух речах – превосходнейшем памятнике греческого красноречия в *судебном роде*. Можно прибавить, что не одна слава ораторов привлекала почти всю Грецию: многие думали, что здесь откроются тайные причины, сразившие Республику, а народ и после событий любит знать, отчего зависела судьба его, кто оправдал, кто во зло употребил его доверенность. Словом, это – последняя жертва политике и славе ораторов – *характер греков*, равно страстных к великим делам и к великим талантам.

– Вот приступ *Эсхина*:

„Граждане афинские! Вы видели замыслы и ухищрения врагов моих, сего скопища мятежных, готового к бою; видели, с каким усилием оно коварствует в народе и на площади, дабы уничтожить наши обычаи, наши уставы. Но я пред-

стаю пред вас с одним упованием на богов бессмертных, на судей моих и на законы, и наперед уверен, что пред вами никогда хитрость и коварство не восторжествуют над правдою и законом. (*Здесь видим только искусство, но далее откроются ухищрения.*)

Я желал бы всем сердцем, афиняне, чтобы правительство устроило мудрый порядок и в Совете пятисот и в собраниях народа! чтобы в прежнюю силу восстановлены были законы Солона об ораторах! дабы старший из них без шума, без тревоги, восходил на сие место первый, и скромно подавал мнение, какое находит полезнейшим, дабы по нем всякий желающий, в чреду свою, прилично летам, излагал мнение о предмете суждения: тогда бы дела Республики шли правильнее, и обвинения не считались за редкость. (*С какою хитростию Эсхин метит здесь на главное лицо обвинения! Какое лицемерие в сем мнимом почтении к законам, в котором наперед убеждает слушателей, дабы тем ненавистнее соделать нарушителей закона.*)

Вам известно, афиняне, что народы имеют тройкое правление: монархическое, олигархическое и демократию. Два первые подчиняют граждан воле правителей – в демократии повинуются только законам. Но да познает каждый из вас и да уверится наперед, что всякий, кто восходит на сие место для обвинения нарушителя закона, сам подвергает закону собственную волю. Для сего-то мудрый законодатель, предлагая судьям клятву, начинает сими словами: *Я буду судить по закону...* Ибо сей великий муж ведал, что соблюдение законов есть защита нашей вольности“.

Таким образом сердца слушателей предубеждены против всякого нарушителя закона, и *Ктезифон* наперед уже становится жертвою ненависти. Слушатели готовы верить всему, что скажет оратор. Сии средства, чуждые благородному сердцу, казались *Эсхину* приличными. Жаль! что столько истинных талантов обращено на бессовестное дело!.. Он приводит законы – и каждый изъясняет ложно, приводит подвиги *Демосфена* – и каждому дает злое намерение! Не забудьте, что он говорит пред народом легкомысленным, который не раз уже платил за услуги Отечеству изгнанием и смертию... Представьте ж *Демосфена*: все против него! Обвиняемый во всех поступках, во всех частях управления, он доведен до крайности говорить о самом себе, о своих заслугах! Крайность опасная!.. Но на его стороне величайшее преимущество было то, что всякое деяние мог подтвердить беспрекословным доказательством, а всякое утверждение – чтением публичного акта. Сколько *Эсхин* употреблял в своем приступе хитрости и коварства, столько увидим достоинства и благородства в приступе *Демосфена*. Вот они:

„Прежде всего, афиняне! я умоляю всех богов и богинь, да пошлют вам, в сей грозный час, те чувствования любви ко мне, какими сам я пламенею к Отечеству. Еще молю их, для вашего блага, для вашей правды и славы, да внушат вам мысль внимать словам моим не по желанию противника – явная была бы несправедливость – но по законам и вашей клятве; по сей торжественной клятве, где одно из первых положений говорит: *должны слушать обе стороны равно...* Сие решительно значит, что вы должны не только отдалить от себя всякое предубеждение и с равной благосклонностью слушать обе стороны, но и дозволить каждой говорить в том порядке, какой находит она благоприятнейшим для своего дела.

Из всех преимуществ *Эсхина* предо мною, два в сем деле особенно важны. Первое: мы сражаемся не с равным оружием — я лишаюсь несравненно больше, теряя благосклонность вашу, нежели он, не достигая желаемой цели. Ибо, если утрачу любовь вашу — да отвратят боги мрачное предчувствие! — то ничего мне более не остается... а он, напротив, он обвиняет меня, ему нечего лишаться. Второе: всякий любит слушать обвинения и наветы, а похвалы самому себе, в устах оратора, для всякого противны. *Эсхин* имел все, что могло привлечь к нему внимание граждан, а мне осталось только то, что противно слуху каждого. Но, если я, в самом деле, страшась оскорбить вас, не решусь говорить о том, что сделал, то не подумаете ли, что я сам сознаюсь и в том, что считаю себя не достойным награды, которою почтить меня желают? Если же, с другой стороны, в оправдание себя, я должен подробно говорить обо всем, что сделал для Отечества и граждан, то поставлен буду в необходимость часто говорить о самом себе; по крайней мере, потщусь говорить сколько можно умереннее, и да пошлют вам боги правоту видеть, что виновник всему, по необходимости мною сказанному о самом себе, — не я, но тот, кто возжег между нами спор сей“.

Вот приступ! — верх искусства снискивать благоволение судей и возбудить в них желание, чтобы *Демфсоен* сам говорил о себе и о своих подвигах. И при том, какая простота и высокость! глас невинности и правды! — призвание богов в начале и в конце, без сомнения, произвело сильное действие в народе, который благоговел пред богами и страшился их.

§ 277. В рассуждении *Эсхин*, доказав, — как обыкновенно доказывают, представляя все в благоприятном для страстей виде, — что *Ктезифон* нарушил закон и, следственно, враг общей безопасности, начинает рассматривать управление *Демосфена*, разделив его на 4 части и исследывая каждую порознь. В первой содержится война против *Филиппа* до заключения мира *Филократом*. *Эсхин* доказывает, что *Демосфен* вместе с *Филократом* издал множество постановлений, вредных общему благу, и что он продал и выдал сограждан царю Македонскому.

Демосфен в ответ на сие обвинение представляет живую и разительную картину ненавистных поступков *Филиппа* и последнее средство — восстать против его замыслов и предупредить нападение. Потом вычисляет важные заслуги, действительно им оказанные Отечеству; и сии заслуги так решительны и так явны, что ему стоило только на них указывать. Сия часть его речи отделана со всем превосходством великого таланта, защищающего первое дело.

Примеч. *Эсхин* начал рассуждение изложением мнимых нарушений закона — это сильнейшая сторона *Эсхина* и слабейшая *Демосфена*. *Демосфен*, как великий оратор, тотчас заметил, что нельзя защищаться тем путем, какой указывает ему противник, и взял иной путь, т. е. решился сначала поразить умы величием заслуг, действительно им оказанных Отечеству; следственно, почти не имел нужды отвергать нападки, потерянные из виду и забытые слушателями. Однако ж отвечает и оправдывает *Ктезифона* и примерами прошедших времен, и самим текстом законов, приводимых *Эсхином*.

Достигнув третьей части правления *Демосфена*, *Эсхин* без всякой пощады обвиняет его во всех бедствиях, постигших Грецию, и показывает страшный вред от союза с Фивянами – сего превосходнейшего дела политики *Демосфеновой*. Наконец, доходит до битвы *Херонейской*; и так как это действительное несчастье и гибельная эпоха, с которой начинаются все бедствия Греции, то трудно представить себе что-либо сильнее и красноречивее следующего места:

„Вот случай сказать несколько слов в честь сим храбрым воинам, коих послал он (*Демосфен*) на явную гибель, хотя сии жертвы не были благоприятны – принести дань слез и похвал сим знаменитым героям, коих дерзнул он хвалить доблесть, попирая могилы их теми стопами, кои бежали срамно с поля битвы, оставив место ему вверенное... О, самый слабейший и ничтожнейший из смертных, где должно действовать, но высокомернейший и удивительный, где нужно только говорить! дерзнешь ли ты пред сим собранием требовать венка, коего считаешь себя достойным? И если бы дерзнул, афиняне, дозволите ли, допустите ли угаснуть памяти сих храбрых воинов, за нас павших вместе с ними? Оставьте на время сие место и мысленно перенеситесь в театр: представьте, что герольд выходит и торжественно провозглашает сие определение... Неужели думаете, что отцы и матери павших воинов больше прольют слез во время трагедии о бедствиях героев, на нем зримых, нежели о неблагодарности республики?... Кто из греков, хотя несколько образованных, кто из смертных не сокрушится сердцем, вспомнив, что происходило на сем театре прежде, во времена счастливейшие, когда Республика лучших имела правителей?... Герольд являлся, и, представляя гражданам сирот, коих отцы пали в битвах и которые в полном были вооружении, произносил сии прекрасные слова, столь сильное побуждение к доблести: „*Вот юноши, коих отцы, сражаясь мужественно, пали в битвах! Народ воспитал их, одел в полное вооружение и нынче, со счастливым предзнаменованием, возвращает в дома, предлагая им достигать заслугами первых званий в Республике!*“ Вот что некогда провозглашал герольд! А ныне, ныне – увы! что скажет он? Что дерзнет сказать, представляя грекам того, кто сделал чад их сиротами? И если осмелится произнести ваше определение, то не грянет ли глас всемогущей истины, не заглушит ли герольда, и не возвестит ли стыд вашего определения?!... Как? На театре Вакха, в полном собрании, скажут торжественно, что народ афинский даст венок *за добродетель!* – злейшему из смертных, и за *храбрость!* – бесчестному, бежавшему с поля битвы!.. Именем Зевеса, именем всех богов заклиная вас, афиняне, не торжествуйте на театре Вакховом вашего срама! не представляйте афинян в глазах греков бессмысленными! не напоминайте фивянам их зол бесчисленных, безвозвратных: сим бедным фивянам, которым вы отворили град ваш, когда они бежали из своего, по милости *Демосфена*; сим великодушным союзникам, коих продажность *Демосфенова* и злато Персидского царя сожгли храмы, умертвили чад, истребили гробы! Но вы не зрели сих бедствий – можете вообразить их! Представьте: стены рушатся, град падает, дома в пламени, старцы и жены, забывая навеки, что были некогда свободными и праведно негодуя не столько на орудия, сколько на виновников бед их, вопиют к вам, молят вас со слезами: не давайте венка *губителью* Греции, не подвергайте себя гибельному року, прикованному к судьбе сего человека, ибо все советы его, коим кто не следовал, были пагубны как частным людям, так и народам, коими хотел он править.

Как! вы положили закон, по которому кормчий саламинский не может оставаться кормчим, если опрокинул ладью во время переезда, хотя бы то было без всякой вины его, дабы дать через то чувствовать, сколь драгоценна жизнь греков – и вы не стыдитесь оставить кормило правления в руках того, *кто* виною всеобщего кораблекрушения Греции!”

Должно признаться, что сей контраст соображен весьма искусно. *Эсхин* воспользовался им как нельзя лучше, чтобы сделать врага своего ненавистным. Он собирает тени убитых граждан, ставит их между народом и *Демосфеном*, окружает его сими грозными мстителями как стражею, и, кажется, вручает ей *Демосфена*, чтоб не мог исторгнуться... И что же? В этом самом месте *Демосфен* громит его и одним оборотом рассыпает все грозное ополчение теней, воздвигнутое против него соперником. Вот его слова:

„*Эсхин*! Если ты один предвидел будущее, зачем же не открыл его? а если не предвидел, то и ты, подобно нам, виновен только в неведении – почто ж ты обвиняешь меня в том, в чем я тебя не обвиняю? Но поелику должно мне соответствовать, афиняне, я скажу нечто выше и скажу без всякой дерзости, умоляя вас верить словам моим душою и сердцем афинян. Я скажу: когда бы даже мы все предвидели, когда бы ты сам, *Эсхин*, ты, который не смел тогда открыть уста, вдруг став прорицателем, вещал нам будущее... и тогда бы мы должны были сделать то, что сделали, имея хотя пред очами и славу предков, и суд потомства.

Что говорят о нас ныне? Что наши усилия не были угодны судьбе, решающей все земное? Но пред кем дерзнули бы мы поднять взоры, если б оставили другим защиту вольности греков от *Филиппа*? И кому из греков, кому из варваров неизвестно, что Афины во все протекшие века никогда не предпочитали бесчестного мира славным опасностям; никогда не вели дружбы с державою несправедливою, но во все времена сражались за первенство, за славу? Если б я хвалился, что вдохнул вам сии высокие чувства, то с моей стороны было бы тщеславие нестерпимое; но показав только, что правила афинян всегда были таковы и без меня, и прежде меня, я с честью подтвердить могу, что по сей части управления, мне вверенного, я был также чем-нибудь и в том, что в поведении нашем было почтенно, великодушно.

Обвинитель, желая лишить меня награды, вами даруемой, не замечает, что он в то же время хочет лишить и вас праведной хвалы, которою обязано вам потомство. Ибо, если обвините меня за совет, мною данный, то не подумают ли, что вы сами виновны, за чем следовали?... Но нет! Вы не виновны, дерзнув на все опасности за благо, за вольность греков! Нет! вы нимало не виновны! Клянусь вам и тенями предков ваших, павших на поле *Марафонском*, и тенями сраженных при *Платее*, *Саламине*, *Артемизии* – клянусь всем сонмом великих граждан, коих прах почует с миром в общественных монументах!.. Так! Греция всем им воздает равное погребение, равные почести! Так, *Эсхин*, всем! ибо все имели равную доблесть, хотя судьба не всем даровала равные успехи!”

Вот клятва, знаменитая в древности, которую *Лонгин* приводит с отличною похвалою! Когда слышишь ее, кажется, чувствуешь, что все тени, вызванные *Эсхином*, спешат к *Демосфену* и приемлют его под свою защиту...

§ 278. *Эсхин* в другом месте речи своей с злобным удовольствием останавливается над расточением наград и необходимостью умень-

шить их, чтобы сделать уважительнее. Это место блистательно, но основывается на *софизме*. Здесь, к несчастью, ораторство становится искусством злословия.

„Неужели *Фемистокл*, предводивший флот ваш, когда вы разбили персов при *Саламине*, кажется вам не так велик, как *Демосфен*, бежавший с поля битвы? Неужели в глазах ваших он превосходит *Мильтиада*, рассыпавшего варваров в бою *Марафонском*? И что же? Пусть покажет *Демосфен*: где сказано, чтобы дан был венок кому-либо из сих мужей великих? Неужели народ был не благодарен? Нет, он был велик духом! и граждане, коих не удостоил он сей чести, были истинно достойны Республики.

Желаєте ли знать, что получили от предков ваших победители мидян на берегу *Стримона*? Три статуи из камня, поставленные в *Гермесовом* портике; и притом запрещено было написать имена их – за тем, конечно, что надпись считали они прилично народам, а не вождям их. Перенеситесь мысленно в Галерею живописи (*Στῶα λοκίλῃ*): там изображен бой *Марафонский*. Кто же был вождем? Мильтиад – вы скажете? Однако же нет там его имени! Почему? Неужели не искал он сей чести? Искал, но ему отказано: позволено только изобразить себя впереди, возбуждающим воинство к брани. Какую награду предложили предки героям *Фермопильским*? Венок оливный. Что же ныне предлагают *Демосфену*? Венок золотой! Помыслите, афиняне, что последняя награда помрачает славу первой. Она предосудительна для вас: если древняя была почтенна и если защитники наши заслуживали награду, то *Демосфен* недостоин венка“.

Демосфен утверждает противное, и вот его доказательства:

„Ты вопрошаешь меня, *Эсхин*, по какому праву считаю себя достойным венка? Сие право состоит: – в том, когда во всей Греции все ораторы, начиная с тебя, подвергались искушению злата сперва от Филиппа, потом от Александра, никогда я не был прельщен или уловлен ни удобностью случая, ни лестью слов, ни величайшими обещаниями, ни страхом, ни надеждой, ни иным каким-либо побуждением изменить тому, что я всегда считал правами и выгодами своего Отечества; – в том, что я никогда не давал советов так, как вы их даете, склоняясь, подобно весам, на ту сторону, которая тяжелее, но всегда и везде являл душу правую, не мздоимную; – в том, что я больше, нежели кто-нибудь, располагая величайшими делами Греции, во всех поступках моих сохранил непорочную совесть. Вот, *Эсхин*! почему я считаю себя достойным венка!“

§ 279. Тут следуют личные оскорбления и грубые колкости между ораторами – единственное пятно, помрачающее достоинство сих прекраснейших речей. *Роллен* и *Лагарп* оправдывают их правами Республики, но мне кажется, что неблагопристойность во всяком правлении неприлична. – Заключение Эсхиновой речи благородно и прекрасно, оно сделало бы честь таланту самого *Демосфена*:

„И когда он (*Демосфен*), заключая речь свою, станет призывать всех клеветников злодейств своих, чтобы окружили его своею защитой, то представьте себе, что близ сего места, с которого говорю, стоят в лице бесстыдству сего предателя гении – хранители Республики; представьте, что вы слышите глас *Солона*,

сего философа, сего великого законодавца, коего мудрые законы утвердили между нами демократию; что вы слышите *Аристиду*, сего мужа правды и бескорыстия, который располагал достоянием всей Греции, и коего дочерям, по смерти его, народ дал приданое. Представьте, что один со всюю кротостию, его только душе свойственною, умоляет вас: не меняйте законов и клятвы вашей на красные слова *Демосфена*, а другой, видя презрение правды, с сокрушенным сердцем, вопрошает вас: не чувствуете ли срама, зная, что отцы ваши почти умертвили и выгнали из Афин и из Аттики *Арфения Зелийского* за то, что он принес грекам золото персов, *Арфения*, который только пришел в Афины и соединен был с афинянами правами гостеприимства? А вы?! Вы хотите дать золотой венок Демосфену, который не принес золото от персов, но сам взял его и доселе владеет им за свои предательства... Неужели мыслите, что *Фемистокл*, что герои марафонские, платейские, что самые гробы предков ваших не помрачатся скорбию, видя венок на главе того, который сам сознается в замыслах с варварами против греков?

Что касается до меня, о Земля! о Солнце! о добродетель! и вы, рассудок, совесть, вы, кои учите различать добро от зла! Будьте свидетели! Я служил Республике сколько мог, всеми силами и, если обвинение мое вполне постигло преступления, я исполнил долг свой; если ж не достигло цели, по крайней мере, я старался его исполнить. Что касается до вас, о судьи, вразумляясь и доводами оратора, и теми, кои укрылись от него, не произносите ничего, противного истине и благу Республики“.

Демосфен оканчивает речь молитвою к богам простою, но высокою:

„И да никто из вас, могущие боги! не споспешествует их хотению (злых граждан). Но обратите, если можно, их разум и сердце на путь истины! Если же злоба их неисцелима, карайте их одних, губите на суше и на море, а нас, хранимых святым покровом вашим, избавьте от грозящих бед и милостиво осените спасением и миром!“

Примеч. В Афинах был закон, по которому обвинитель должен был собрать по крайней мере пятую часть голосов; в противном случае он подвергался изгнанию. Это случилось с *Эхином*. С горестию вышел он из Афин и поселился в Родосе. Там открыл школу красноречия, которая славилась несколько веков, и начал преподавание чтением этих речей. Когда читал свою, все удивлялись и хвалили, но когда начал *Демосфенову*, восклицаниям и плескам не было конца. Тут вырвалось у него знаменитое слово, которое делает честь врагу и сопернику: „Что ж, если бы вы слышали самого зверя, рычащего слова сии?“

Но *Демосфен* торжествовал красноречием и великодушием. Когда *Эхин* оставлял Афины, Демосфен спешил к нему с искренним утешением и с деньгами и убедил его принять неожиданное пособие – черта, по которой можно понять силу красноречия *Демосфена*.

XXX.

Ораторы у древних, новых и в России

§ 280. Все греческие ораторы делятся на три периода: I. Ораторы до Перикла и в его время. II. От Перикла до Демосфена. III. Третий

период составляют Демосфен и его современники. К ним можно причислить IV период: ораторы позднейших времен и особенно христианские.

§ 281. Ораторы до Перикла и в его времена известны только по именам и некоторым отрывкам, сохраненным историками. Они суть: Перикл, Солон, Фаларид, Езон, Фемистокл, Алкивиад, Клеон, Критий, Ферамен и др.

Перикл говорил речь в честь павшим на *Марафонском* поле, и до нас дошли отрывки оной.

§ 282. Ораторы от Перикла до Демосфена: 1) *Горгий*, сицилианец, родом из Леонтиума, жил в Афинах около 70 Олимпиады. 2) *Антифон*, жил с 75 до 92 Олимпиады; 3) *Лисий*, афинянин, жил с 80 до 100 Олимпиады; 4) *Исократ*, ученик Горгия, с 94 до 110 Олимпиады; 5) *Исей*, ученик Лисия и Исократа и учитель Демосфена, жил во времена Филиппа:

1) *Горгий* возбудил афинян к войне с персами и говорил речь в честь павшим при Саламине. От него дошли до нас две речи: „Похвала Елене“ и „Оправдание Паламеда“. Цицерон уважает в нем дар красноречия; 2) *Антифон* славен как оратор и профессор. После Эмпедокла он первый написал Ретиорику и сочинил много речей, до нас дошло 15; 3) *Лисий*, сын оратора Кефала и учителя ретиорики, оставил более 200 речей, но до нас дошли только 4. Цицерон считает его идеалом оратора (Brutus, с. 17); 4) *Исократ* составляет эпоху в прелестном красноречии греков. Он, как профессор, первый дал чувствовать плавность, благозвучие и красоту периодов. Мы имеем 21 из его речей, блистающих гармоническим соединением периодов; 5) *Исей* превзошел *Лисия* достоинством и возвышением мыслей и от Исократа занял красоту слога, которые сообщил ученику своему Демосфену. От него дошло до нас 10 речей.

§ 283. Третий период составляют три оратора: 6) *Демосфен*, знаменитейший из всех ораторов, жил до 104 Олимп; 7) *Эсхин*, современник и соперник Демосфена и 8) *Ликург*, не законодатель Спарты, но оратор афинский, современник двух первых. Позднейшие ораторы: 9) *Дион Хризостом*, вифинец, жил в конце 1-го и в начале 2-го века; 10) *Элий Аристид*, из Вифинии, жил в Смирне во II веке; 11) *Фемистий*, пафлагонец, оратор и софист IV века; 12) *Либаний*, антиохиец, жил в VI веке и мн. др.:

6) *Демосфен* превосходил всех силою и высокою мыслью, жаром чувств, убедительностью и разительным произношением. Под его именем дошли 61 полная речь и 70 приступов, вероятно, не им писанные; 7) *Эсхин*, учился у Исократа и Платона, спорил с Демосфеном о венке (см. выше § 271), но не мог равняться с ним силою и выразительностью. Квинтилиан считает его в числе первых ораторов; до нас дошли 3 его превосходные речи; 8) *Ликург*, учился

также у Платона и Исократа и писал много речей. Во время Плутарха известны были 15 его речей, но до нас дошла одна, против Леократа, оставившего Отечество после битвы Херонейской. Ликург отличается строгостью и любовью к Отечеству, без требований на красноречие; 9) Дион был софист, потом стоик; он оставил 80 речей или декламаций; в них виден ораторский дар по способу выражения темы; 10) *Элий* счастливо подражал древним ораторам, но в нем заметно принуждение. От него дошли до нас 53 речи, Рассуждение о слоге и несколько писем; 11) *Фемистий* преподавал ретиорику и приобрел великую славу в Константинополе. Он следовал Аристотелю и мы имеем 23 его речи, в коих есть ясность, хорошее расположение и обилие в сочинении; 12) *Либаний* отличался красноречием и писал ретиорику. В его речах и декламациях заметно желание блистать аттицизмом и принуждение.

§ 284. Первые *христианские* ораторы были святые апостолы и особенно, св. *апостол Павел*: 1) Ученики их отличились простотою, силою и высокостію мыслей, не искав земных украшений. Красноречивейшие из пастырей и учителей церкви: 2) св. Иустин; 3) Климент Александрийский; 4) Ориген; 5) Василий Великий; 6) Григорий Богослов; 7) Иоанн Златоуст и мн. др.:

1) О св. апостоле Павле *Златоуст* говорит, что он более обращал к истинной вере даром слова, нежели силою чудес. Знаменитый *Лонгин* почитает св. апостола Павла в числе величайших ораторов Греции; 2) Св. Иустин посрамлял философов своего времени их же правилами и, довольствуясь истиною, отвергал украшение слога; 3) *Климент* обширностію знаний и цветущим слогом привлекал множество учеников в Александрийские школы, где имя его осталось навеки бессмертным; 4) *Ориген* в 18 лет занял место Климента в александрийских школах и блистал силою и высокостію мыслей, живостію убеждений, достоинством и благородностію слога; 5) *Василий Великий* постигал всю святость Евангелія и глубину сердца человеческого, умел соединять кротость со строгостію. По высокості и силе духа его творений, по движениям ораторским и стремительному слогу софисты называли его христианским Платоном и Демосфеном; 6) *Григорий Богослов*, друг Василия, к строгости и силе его красноречія умел присоединить изящество своего века. Блистательный в мыслях, обильный в выражениях, изящный в оборотах и утонченный в размышлениях и доказательствах, он уступал только в красноречіи одному Иоанну Златоусту; 7) Иоанн Златоуст в высшей степени соединял таланты все таланты оратора. Какая простота и высокость мыслей! Какое изящество и красота выражений! Какая сила и стремительность слога! Он имел качества *Демосфена* и *Цицерона* и притом был *сам собою*: присвоая себе различные достоинства знаменитейших ораторов, он составлял из них свое собственное, неподражаемое достоинство.

§ 285. Римские ораторы, известные по именам и по хвалам: *Гракхи, Котта, Суллиций, Антоний, Гортензий, Брут, Мессала*. Три оратора, коих сочинения дошли до нас: 1) Марк Туллий Цицерон, знаменитейший римский оратор, родом из Арпинума, убит в 711 году

от основания Рима; 2) Марк Фабий Квинтилиан, испанец из Калагорры, жил в конце I века; 3) Плиний Младший, ученик Квинтилиана, жил в конце I и в начале II века. Панегиристы медного века; 4) Клавдий Мамертин, Евмений, Пакат Дрепаний и пр.:

1) *Цицерон* родился в Арпинуме, учился у поэта Архия, слушал преподавания Аполлония Молона и отправился в Афины. По возвращении в Рим избран квестором в Сицилию, потом консулом. Тут он разрушил заговор Каталины. Будучи осужден происками трибуна Клодия, добровольно удалился в Грецию, но скоро возвращен с великою честью и украшен достоинством проконсула и правителя Киликии. В войну Цесаря с Помпеем он был на стороне Помпея, после Фарсальской битвы помирился с Цезарем. Но будучи снова осужден Антонием, не избег своей участи и умерщвлен сотником Попилием. В красноречии соединял он силу Демосфена, обилие Платона и сладость Исократы. Мы имеем 59 его речей: все почти судебные; 2) Квинтилиан (см. выше § 16) оставил 19 речей и 145 декламаций; вероятно, не все им писаны; 3) Плиний написал панегирик Траяну блистательным, но слишком красноречивым и распешренным слогом. Все говорят, что Траян истинно был бы достоин сего панегирика, если б не слушал его, но Плиний сам сознается, что в присутствии Траяна он сказал только краткую речь (за дарованное ему консульство) и что через несколько лет написал сей панегирик в том виде, как он дошел до нас; 4) Панегиристы медного века служат более памятниками древности, нежели образцами красноречия.

§ 286. Ораторы у новых народов во Франции: Фонтенель, Томас Бурдалу, Массильон, Боссюэ, Флешье, Сорень и пр.; в Англии: Тилотсон, Стерн, Блер, Фокс, Пит и пр.; в Германии: Мосгейм, Крамер, Шлегель, Шпальдинг, Лафатер и пр.

§ 287. В России духовное красноречие всегда имело преимущество перед светским. Со времен Владимира и до Петра I пастыри церкви поучали народ, но их красноречие больше было дар природы, вдохновение веры, нежели плод науки. Из древних русских ораторов примечательнейший и известнейший есть Кирилл, епископ Туровский, живший в XII веке. Со времен Петра важнейшие ораторы: 1) Иоанникий Галатовский, ректор Киевской Академии, 1671; 2) Дмитрий, митрополит Ростовский, красноречивый проповедник и гонитель расколов, 1709; 3) Стефан Яворский, митрополит Рязанский и президент Св. Синода, 1722; 4) Гавриил Бужинский, епископ Рязанский, 1731; 5) Феофан Прокопович, красноречивейший и просвещеннейший муж своего века, сотрудник Петра I, 1736; 6) Лазарь Баранович, архиепископ Черниговский, 1693 и 7) Антоний Радивилловский, того же времени. – Проповедники при Елисавете: 8) Дмитрий Сеченов, митрополит Новгородский и первенствующий член Св. Синода, 1767; 9) Порфирий Крайский, епископ Белорусский,

1763; 10) Амвросий Юшкевич, архиепископ Новгородский, 1745; 11) Сильвестр Кулябка, архиепископ Санкт-Петербургский, 1761; 12) Геден Кринковский, епископ Псковский, 1761 – второй Феофан, красноречивый проповедник времен Елисаветы:

Сочинения Кирилла Туровского напечатаны в книге: „Памятники российской словесности XII века“. Москва, 1821;

1) *Галатовский* оставил книгу: „Ключ разумения“, содержащую проповеди и наставление сочинять их под заглавием „Наука албо способ зложения казаня“. Напеч. сперва в Киеве, потом во Львове;

2) *Димитрий* написал: а) Четыи Миней, или Жития святых, 4 части, правильным, богослужебным языком; б) „Алфавит духовный“, нравоучительные увещания; в) „Розыск о раскольнической Брынской вере“, 3 части; г) келейную летопись, Церковно-Библейскую историю до 3600 года; д) поучительные слова; и е) писал драмы духовного содержания („Рождество Христово“, „Грешник кающийся“, „Эсфир и Агасфер“, „Воскресение Христово“ и пр.), которые до введения в Россию театра были играны в семинариях;

3) *Яворский* говорил проповеди и надгробные слова, напечатаны в Москве 1804 года, и написал богословскую книгу „Камень веры Православно-Католическия Восточныя Церкви“, напечатанную в 1728 году;

4) *Бужинский*, красноречивый проповедник; по велению Петра I перевел: а) Пуффендорфово „Введение в историю европейских держав“. СПб., 1718; б) „О должностях человека и гражданина“, того же автора. СПб., 1726; в) „Феатрон, или позор исторический“ (соч. Страттемана). СПб., 1724;

5) *Феофан*, в красноречии блистал правилами науки и истинным талантом оратора, несмотря на смешение разных наречий. Он писал книги: богословские, исторические, полемические и прагматические, проповеди, речи похвальные, надгробные и стихи, числом около 90 сочинений;

6) и 7) *Баранович* и *Радивиловский* сближали свой язык с господствующим языком и отделяли его от польского. Барановича проповеди: „Труды словес“. Киев, 1674, а Радивиловского „Венец Христов“. Киев, 1688;

8), 9), 10) и 11) *Сеченов*, *Крайский*, *Юшкевич* и *Кулябка*, все учились реторике на латинском и располагали проповеди по правилам. Особенно Сеченов и Юшкевич отличаются изяществом мыслей, доказательств и силою ораторских движений, но слог их древний;

12) *Геден* отличался истинным талантом оратора. Елисавета сама иногда назначала ему темы. Карамзин говорил о нем: „Проповеди Геденовы славны и достойны того. Они исполнены христианского благочестия, умных рассуждений, моральных истин и самих ораторских движений. Слог его не ровен, однако ж ясен и вообще имеет довольно гармонии“.

§ 288. Духовные ораторы новейших времен: 1) Георгий Конисский, архиепископ Белорусский, 1795; 2) Платон Левшин, знаменитый оратор царствований Екатерины, Павла и Александра. Скончался 11 ноября 1812 г.; 3) Анастасий Братановский, архиепископ Астраханский, скончался 9 декабря 1806 г.; 4) Иоанн Леванда,

протоиерей Киевософийского собора, скончался 25 июня 1814 года;
5) Михаил Десницкий, митрополит Санкт-Петербургский, скончался 24 марта 1821 года:

1) *Конисский* защищал латинской речью греко-российских христиан в Польше пред королем Станиславом Понятовским. Король спросил: „Много ли в России таких умных людей, как вы?“ „Я самый последний“, – отвечал Конисский. Он написал: а) „Права и вольность жителей в Польше и Литве, исповедующих грековосточную веру“ (на польском); б) „Историческое известие о епархии Могилевской“; в) „О должности приходских священников“; г) „Поучительные слова“. Приветствовал Екатерину II при короновании и особенно знаменит краткими речами, говоренными императрице;

2) *Платон* (см. выше § 270) был наставником в Законе Павла Петровича и Марии Федоровны. Он приобрел великий навык проповедовать и, говорят, часто проповедовал (*exromptu*) без предварительного написания. В 1812 году пред нашествием французов он оставил уединение и, являсь в Москву, вдохновенным словом возбуждал россиян на брань за веру и Отечество. Он писал множество сочинений. *Евгений*, митрополит Киевский, почитает лучшими из них: а) „Краткую богословию“, б) „Инструкцию благочинным“, в) „Увещание раскольникам“, г) краткие катехизисы и многие речи и поучения. Всех сочинений его 10 томов. Евгений замечает, что первые проповеди Платона, говоренные в молодости при дворе, больше отличаются возвышением и богатством собственных мыслей, а последние больше напитаны Словом Божиим;

3) *Анастасий* отличается от всех предшествовавших проповедников чистотою и приятностию слога. Он оставил: а) „Руководство к сочинению проповедей“ (на латинском); б) „Поучительные слова“, 4 части (лучшие в I части); и перевел: а) „Предохранение от безверия и нечестия“, б) „Плач Иеремии Пророка“, *Ариода*; в) „Истинный Мессия“, г) „Опыт о совершенстве“, из *Формей*;

4) *Леванда* имел редкий орган и дар произношения, увлекался жаром чувств (например, над гробом Самуила) и иногда проповедовал без предварительного писания (*exromptu*). Речи его отличаются силою чувств и ораторских движений; напечатаны в Санкт-Петербурге, 1821, 3 части. Но сии речи несравненно больше имели действия во время произношения, нежели после, при чтении. Вероятно, многие из них не так напечатаны, как были произносимы;

5) *Михаил*, один из первых проповедников, оставил 10 томов проповедей под названием „*Беседы*“, в коих видно красноречие ума, сердца и христианских добродетелей.

§ 289. Из светских ораторов в России древнейший есть *Василий Кириллович Тредьяковский*, красноречия профессор. Ум. в 1769 г. Но знаменитейшие: *Михаил Васильевич Ломоносов*, первый образователь нашего языка, род. в 1711, ум. в 1765, и *Николай Михайлович Карамзин*, красноречивый писатель и историк нашего века. Ум. в 1825:

1) *Тредьяковский* открыл Российское собрание при Академии наук 1735 года „Речью о чистоте российского языка“. „Имя Тредьяковского, – сказал Карамзин, – будет известно отдаленным потомкам“. Сей автор написал множество томов в доказательство, что он... не имел способности писать;

2) *Ломоносов* блистает талантом великого оратора в двух похвальных словах (Петру и Елисавете), которые Карамзин почитает одним из лучших произведений русского ораторства. Но проза Ломоносова не может быть образцом, периоды его утомительны;

3) *Карамзин* оставил „Похвальное слово Екатерине II“ и акад. речь (см. § 255 и 274). В них блистают обширные сведения, талант, вкус и изящная проза;

4) В числе речей, говоренных профессорами Московского университета, кои изданы Обществом любителей русской словесности, в 4-х частях 1819–1823, особенно отличаются речи *Поповского*, *Барсова*, *Чеботарева*, *Мерзлякова* и *Антонского*.

Отделение VI. УЧЕНОСТЬ

XXXI.

Понятие об ученых сочинениях

§ 290. *Словесность*, расширяя круг свой, неприметно сближается со всеми родами *учености*. Она срывает плоды наук и искусств и щедрою рукою сыплет их в народе.

Все открытия наук и искусств распространяются посредством словесности и становятся приобретением целого народа. „Науки, – говорит Карамзин, – составляют собственность немногочисленного класса людей, а словесность бывает достоянием всякого, кто имеет душу“.

§ 291. Ученость (*doctrina, ars*) включает в понятие своем все *ученые сочинения*. Частная риторика рассматривает их столько, сколько они относятся к словесности, т. е. к способу расположения и выражения мыслей.

§ 292. Содержание ученых сочинений: науки и искусства. Ученость составляет обширнейший род прозы и обнимает все *древо* человеческих знаний.

Примеч. Все знания наши имеют одно *общее основание*. Утверждаясь на опытах и наблюдениях, как на бесчисленных корнях, *древо знаний* (его начертить можно) едва возвысилось и разделилось на две части: на науки – пищу ума, и искусства – пищу воображения и сердца. – Искусства разрослись на две главные ветви: на *механические*, удовлетворяющие нуждам, и на *изящные*, пленяющие сердце. От изящных вновь идут три ветви: искусства *образовательные*, *представительные* и *тонические* (оставим искусства до другого случая). Науки – по трем способностям души – разделились на три главные отрасли: на науки ума (догматические), науки рассудка (точные) и науки памяти (исторические). От догматических выходят ветви: науки *богословские*, *фило-*

софские, юридические (или нравственные) и медицинские. От точных родятся ветви наук: *математических и физических.* От исторических происходят: *географические, статистические, хронологические* и собственно *исторические.* Каждая ветвь наук имеет свои отпрыски, или особые науки... и все многочисленные ветви сего дерева растут... и дают содержание ученым сочинениям.

§ 293. *Цель ученых сочинений* – благотворная для людей: распространение знаний, возвышение нравственности, усовершенствование способностей, показание полезных истин, опытов, наблюдений, открытий и пр., и пр.

§ 294. *Достоинство ученых сочинений* вообще заключается или в изобретении, или в расположении, или в изяществе выражения, а иногда и во всех трех частях.

Если все три качества соединяются вместе, то ученое сочинение достигает *полного достоинства.* А если бывают только два или одно, то имеет достоинство *относительное или одностороннее.*

§ 295. *Достоинство изобретения* не принадлежит словесности, не зависит от риторики и не в ней почерпается, но в той науке или в том искусстве, которые дают *содержание ученому сочинению.*

Частная риторика не имеет источников изобретения для всех наук и искусств. Она показывает только источники ораторства, которые собственно ей принадлежат.

§ 296. *Достоинство расположения* ученых сочинений рассматривает частная риторика, и судя по множеству сих сочинений, вообще полагает два рода: *расположение естественное* – по предмету, по системе, по методу; или *искусственное* – по правилам риторики, по силлогизмам.

§ 297. *Достоинство выражения* ученых сочинений состоит в слоге. Слог бывает *простой, философский, поучительный* (см. *Общ. рет.*, разд. XXV, § 6), но он отличается употреблением *технических* слов и выражений.

Техническое слово и выражение (от τέχνη, ars – искусство) значит употребляемое только в какой-либо науке или искусстве. Например, *склонять имя, спрягать глагол* (в *грамматике*); или: время от одной *эпохи* до другой делится на несколько *периодов* (в *истории*), или: вода из *кислотвора* и *водотвора* (в *химии*). Всякая наука и искусство имеет свои технические слова и выражения, но они должны быть или прежде или тотчас изъясняемы, иначе сочинение для простого читателя будет темно.

§ 298. Все ученые сочинения в отношении к словесности делятся на два главные рода: на *систематические* и *отдельные.* – *Систематическое* сочинение объемлет науку или искусство во всей

полноте и связи частей между собою. Отдельное берет один только предмет из науки и рассматривает его с большим вниманием или с новой точки зрения.

§ 299. К *систематическим* сочинениям относятся *книги* – как учебные, так и учебные. К *отдельным*: 1) *рассуждения*, 2) *диссертации*, 3) *мнения*, 4) *голоса*; и смесь ученых сочинений: 5) *энциклопедические* сочинения, 6) *записки* академий и частных людей, 7) *акты* университетов, 8) *труды* разных обществ, 9) *повременные издания* и 10) *критика*.

XXXII.

Систематические ученые сочинения

§ 300. *Цель* систематических сочинений двоякая: одни пишутся для чтения знающих науку и в ней усовершенствующихся, другие – для преподавания науки незнающим. Первые называются *учеными*, вторые – *учебными*.

Ученые книги называются полными именами наук. Например: история, физика, математика. Учебные – чаще ограничиваются условиями. Например: *руководство* к истории, *сокращение* истории, *физика для детей* и др.

§ 301. Достоинство ученой систематической книги состоит в основательности начал, в постепенной связи и полноте частей, словом, в системе ее и в ясном, приличном слоге.

Системою называют связь и полноту всех частей, относящихся к одному целому, – все, что необходимо для составления полного целого, полной науки.

§ 302. *Достоинство* учебной книги, удерживая систему науки, требует еще известной методы, а для больших успехов ищет *симметрии* и *пропорции*. Слог учебной книги, сверх ясности и приличия, предполагает краткость. „Quid – quid praecipies, esto brevis“⁹¹ – совет разума в устах Горация.

Есть люди, кои, не затрудняясь различиями, почитают *систему* и *методу* одним и тем же. Но система значит только полный состав и связь науки, а метода – ее расположение по способу преподавания. Размеры в учебной книге полезны не для преподавания (ибо оно почти всегда или ускоряется, или замедляется от разных причин), но для облегчения памяти учащихся. Им легче видеть, помнить и повторять в малых частях (в таблицах или картинах), нежели в огромном целом, которое кажется для них беспредельным.

⁹¹ В своих поучениях будь краток. *Гораций*. Наука поэзии (335). В переводе М. Л. Гаспарова: „Кратко скажи, что хочешь сказать“.

§ 303. По трем главным отраслям науки (см. выше § 294 примеч.) есть и три главные методы: метода ума – *философская*, метода рассудка – *математическая* и метода памяти – *историческая*.

§ 304. Философская метода бывает двух родов: *аналитическая* – начинает с общего обозрения и постепенно разлагая, раздробляя на части, доходит до самых неделимых; *синтетическая* – начинает с неделимых и, постепенно слагая, совокупляя части, восходит к общему началу. Напр.:

Машина (*огромные часы*) есть в своем роде система, т. е. собрание частей, относящихся к одному целому и имеющих связь между собою. Вы хотите показать ее? Разлагайте же части, сперва главные, потом вторичные, и, наконец, разберите до самых малейших. Вот *метода аналитическая* (раздробительная). Или другим образом: начинайте с неделимых, покажите, как одна часть соединяется с другою, как обе совокупляются с третью и, наконец, составьте всю машину. Вот *метода синтетическая* (совокупительная). Например: Риторика есть система. Вы разделяете ее на части, части – на отделения, отделения – на что вам угодно меньшее. Вот *метода аналитическая*. Грамматика – также система, но она начинается с букв, соединяет буквы в слоги, совокупляет слоги в слова, наконец, из слов составляет предложение. Вот *метода синтетическая*.

§ 305. Математическая метода есть постепенный ряд следствий или начал, выводимых одно из другого непосредственно и непрерывно.

Это цепь, где каждое звено связывает предыдущее с последующим; это – лестница, где нельзя стать другою ногою на следующую ступень, если первую не утвердимся на предыдущей. Таков закон рассудка и наук точных.

§ 306. Историческая метода есть последствие времени; она требует того порядка, в каком следуют происшествия. Делится на два главные роды: на *этнографический* и *синхронистический*.

Этнографическая повествует отдельно о каждом народе; *синхронистическая* повествует совокупно обо всех народах в одно время. Оба отделяют происшествия *эпохами*, т. е. главными или важными событиями, и пространство времени от одной до другой эпохи именуют *периодами* (см. § 216).

§ 307. Всякая наука беспредельна – *ars longa, vita brevis*⁹² – но если назначается к преподаванию, то ограничивается временем: а) время для сего дается *известное* – дни с днями в симметрии, а б) часы с часами в пропорциях:

а) Всякий преподающий волею или неволею должен вместить свою науку в *границы* данного времени – иначе не достигнет цели;

⁹² Жизнь коротка – наука вечна. *Гиппократ*.

б) Ограничивая науку по *данному времени*, он может образовать ее и по данной форме как изящное произведение. – И если *поэзия* овладела гармониею *музыки* и красками *живописи*, если *мика* заняла благородство от *скульптуры* и сама уделила выразительность *декламации*, то неужели *словесность* – *изящное искусство* – не осмелится, при необходимости, занять правильную наружность и внутренние удобства от *архитектуры*?..

Примеч. Прочность здания зависит от качества материалов, правильная и при том красивая наружность – от соразмерности в целом (*symmetria*); а внутренние удобства – от равномерности частей (*proportio*). Всякую обветшалую часть легко вынуть и вставить, а здание науки – как родимая хижина – остается.

§ 308. Симметрия и пропорция (*архитектура учебной книги*) – есть такое достоинство, которое дает науке правильную наружность и внутренние удобства. Оно полезнее для учащихся, нежели гармония и украшение слога для читающих.

Мы *лучше* знаем предмет, когда помним его место, *лучше* помним место, когда оно в симметрии с целым и в пропорции с частями. И если бы что-нибудь забыли, то само место спросит нас, что мы забыли... Например: *Календарь* – есть система. Он следует *исторической методе* и являет месяцы с месяцами в *симметрии*, а дни с днями в *пропорции*. Взгляните ж на его удобство, начиная от стенного календаря на листочке до 4 фолиантов Четых Миней! Вы вдруг видите целое и части; знаете, где что быть должно; представляете его и в воображении, и на бумаге; и, видимо, делите на столько равных частей, сколько вам угодно.

§ 309. *Учебная книга*, представляя книгу по известной методе, в симметрии и в пропорциях, есть некоторым образом прекрасное здание, озаренное ярким светом и открытое снаружи и внутри, куда всякому войти хочется, где всякий вдруг видит целое и части, связь и постепенность, видит предметы – каждый на своем месте, в пропорции с другими, и где все, видимо, делится на столько равных частей, сколько иногда бывает нужно и учащимся и учащему.

Вот бесценные, ничем не заменимые удобства для учения, запоминания, повторений и для самих испытаний. Тут действует не одна память, но ей служат в помощь и воображение, и память. – Я скажу больше и скажу без всякого высокомерия: если мы, преподавая науку, не открываем в ней симметрий и пропорций (*разумеется, не математических, а учебных, приличных данному времени*), то мне кажется не наука виною... Она так легко повинуется тому, кто ее любит, и охотно уступает ему лестное право располагать собою.

XXXIII.

Отдельные ученые сочинения: рассуждения, диссертации, мнения, голоса

§ 310. *Рассуждения* – *искание* правды, доказательство истины, отвержение несправедливости – есть название общее многим отдельным сочинениям. Имеет свое и особое значение, с прибавленным и подразумеваемым словом *философское*.

Философское рассуждение отличается: – от практических рассуждений *простых* и *искусственных* (см. *Общ. рет.*, отделение VI) тем, что из них составляется и содержит их в себе как части; – от *повествований* и *описаний* тем, что почерпается не из натуры или событий, а из заключений разума; – от ораторской речи тем, что хладнокровно убеждает разум, не заботясь о воле и страстях.

§ 311. *Содержанием* философского рассуждения бывает *истина* нравственная, философская. *Целью* – убеждение разума, распространение знаний. Расположение следует правилам ретирики, основываясь на простых и искусственных рассуждениях. Таковы рассуждения:

Филарета: О нравственных причинах неимоверных успехов наших в войне с Французами 1812 года. *Карамзина*: а) О любви к отечеству и народной гордости; б) О счастливейшем времени жизни. *М. Н. Муравьева*: а) Пользы и затруднения государственного знания; б) Жребий философии. *Батюшкова*: О морали, основанной на философии и религии. *Жуковского*: Кто истинно добрый и счастливый человек.

§ 312. *Диссертация* – также рассуждение, но почерпаемое из какой-нибудь науки, от которой заимствует все свои доказательства.

Ничто столько не показывает приобретенных знаний в науке, как *диссертация*, удовлетворяющая значению сего слова.

§ 313. *Содержанием* диссертации избирается или назначается предмет науки новый, или неудовлетворительно объясненный, или обогащающий науку, или представляющий оную с новой точки зрения и пр.

Примеч. Академии и университеты при удостоении в ученые степени *магистра*, *доктора* и пр., сверх испытания, требуют от кандидата *диссертации* о предмете, нарочно для сего назначаемом. Сии диссертации иногда пишутся на ученом (*латинском*) языке, особенно *медицинские* и *филологические*. Например: „De Poesi Romantica“⁹³ Надеждина, 1830 г., но пишутся и на отечественном,

⁹³ О романтической поэзии.

например, диссертация Веланского „Пролузия к медицине как основательной науке“, 1805; Каченовского „Взгляд на успехи российского витийства в 1-й половине истекшего столетия“; Грамматина „О древней русской словесности“, 1809 и пр. (Все сии диссертации писаны для получения ученых степеней.) Часто кончившим курс назначаются предметы из наук для *диссертаций* и отличнейшие награждаются медалями.

§ 314. *Цель* диссертации – показать знание свое в требуемой науке, решить ученый вопрос важный и занимательный, удовлетворить требованию испытателей.

Диссертации всегда любопытны, ибо почти всегда содержат что-нибудь новое, объясняют сомнительное, недоказанное или открывают полезное для науки.

§ 315. *Расположение* диссертации бывает различно: иногда следует правилам ретирики, подобно философскому рассуждению; иногда, по важности предмета, данное предложение делится на несколько частей, глав или особых точек зрения.

Тогда каждая часть рассматривается отдельно, одна за другою, во всей подробности и притом методически. Делаются возражения и постепенно каждое опровергается. Доказательства следуют одно за другим с большею силою, пока предложенный вопрос не обратится в очевидную истину.

§ 316. *Слог* диссертации прост, поучителен, но жив, пылок и резок и часто играет техническими выражениями, не имея нужды объяснять их. Сии качества слога составляют *наружное достоинство* диссертации (прибавл. 38).

38. Таков характер молодых людей, едва кончивших курс учения, коих ум и воображение наполнены наукой. – Таков слог и кандидатов ученых степеней: они смотрят на науку как на игрушку, которую вертят как хотят.

§ 317. *Мнение* – тоже рассуждение, выводимое из многих данных начал, положений и следствий. *Содержание* его – практическая истина, например: делать ли что-нибудь или не делать? полезно ли что-нибудь или вредно? законно или незаконно? ...

Иногда мнение составляется не одним лицом, а целым сословием, иногда высшее место требует от подчиненных лиц и мест *мнения* касательно гражданских распоряжений, местных обстоятельств или достоинства изобретений, произведений, сочинений и пр.

§ 318. *Цель* мнения – открыть полезную практическую истину. Расположение исследывает обе противные стороны во всех основаниях и последствиях, сравнивает выгоды и невыгоды той и другой стороны почти *математически*, и *сумма* пользы или вреда, законности или незаконности, правды или несправедливости решает *мнение*.

Достоинство мнения состоит в основательном и точном выводе *заключения*. Для сего требуется знание всех обстоятельств, местностей, обычаев, законов, бывших примеров и пр., или сведения наук, искусств, ремесл, опытов и пр.

§ 319. *Голосом* называют тоже мнение, но только одного члена, и притом *несогласное* с мнением прочих членов. Сей голос прилагается к общему мнению и вместе с ним представляется на благоусмотрение высшего начальства.

Каждый член сословия ученого, гражданского, правительственного имеет *право голоса*, т. е. право не соглашаться с общим мнением, *излагая письменно* причины, побуждающие к несогласию, и когда исполнение, по общему мнению, окажется неудовлетворительным, незаконным или вредным, то член, подавший голос, не подвергается ответственности.

XXXIV.

Смесь ученых сочинений:

энциклопедии, записки академий, акты университетов, труды обществ и пр.

§ 320. *Энциклопедии* (*ἐν κύκλῳ παιδία*, *in circulo institutio* – круг знаний) – ученое сочинение, объемлющее круг наук: а) или одного рода, б) или всех наук, в) или всех человеческих знаний. Например:

а) Ручная математическая энциклопедия *Дм. Перевозчикова*; б) Новейшая детская энциклопедия или понятие о всех науках, 6 частей. М., 1815; в) Энциклопедия (*известная под именем Французской*) XVIII века.

§ 321. *Цель* энциклопедии – показать все науки и обо всех дать понятие, не входить в подробности, но верно означать части наук и предметы каждой части. Энциклопедия назначается для ищущего поверхностных знаний или избирающего науку по сердцу.

Но если энциклопедия входит в подробности, то бывает многотомна и составляется ученым обществом. Например: „Французская энциклопедия“ в 70 огромных томах заключает все успехи и заблуждения XVIII века. Она издана Обществом так называемых философов 18 века. Подобные энциклопедии (*но с лучшим направлением умов*) издаются ныне учеными обществами в Германии и Англии.

§ 322. *Достоинство* энциклопедий – в правильности расположения, т. е. в естественном порядке наук и искусств, их частей и отделений. Оно требует известной полноты и связи в частях, ясности и приличия в слоге.

§ 323. К энциклопедическим сочинениям относятся так называемые *библиотеки (книги)* и *собрания сочинений* или одного рода, или разных родов, но для одной известной цели. Напр.:

„Древняя российская виблиотика“ (*библиотека*), изд. Николаем Новиковым, 20 частей. М., 1789, и продолжение оной, изд. Академиею наук, 11 частей СПб., 1801. Она драгоценна для русских древностей. Есть библиотеки путешествий, библиотеки анекдотов и разные детские библиотеки.

§ 324. *Записки академий (acta academiae)* – собрание разных ученых сочинений по всем частям наук и искусств – издаются от целого ученого сословия.

Примеч. 1. Санктпетербургская Академия наук, по совету Лейбница, предназначенная Петром I, но открытая Екатериною I в 1725 году, оказала бессмертные заслуги наукам и Отечеству изданием полезных книг, решением вопросов, предлагаемых от правительства, сочинением месяцесловов и собранием сведений о России во всех отношениях. Она, между прочим, печатала свои записки на латинском: *acta academiae petropolitanae*, и ныне издает их (большую частью) на французском и немецком.

Примеч. 2. Российская академия, составленная из отличнейших литераторов века Екатерины II и преобразованная в 1816 году, оказала незабвенные услуги нашей словесности изданием начальных книг языка, грамматики, словаря и многими глубокими исследованиями нашего языка и словесности. Она, между прочим, издавала „*Сочинения и переводы Российской академии*“, 7 частей, 1805–1823 года.

Она соединена с Академиею наук.

§ 325. *Содержание* академических записок – рассуждения, диссертации, замечания, наблюдения, исследования, опыты и пр. *Цель* – распространение знаний. *Достоинство* – в новости, в редкости, важности, пользе и пр. Преимущество в том, что сии записки рассматриваются и одобряются собранием ученых мужей.

Бывают записки и одного писателя. Например: современные записки, составляемые историографами. Таковы „Записки“ Манштейна (см. § 198).

§ 326. *Акты университетов (acta universitatis)* – собрания отчетов, речей, похвальных слов (иногда разговоров) с приложением стихов, хоров или кантат, читанных и петых в торжественных собраниях.

Таковые акты ежегодно происходят в торжественных собраниях университетов, многих высших училищ, лицеев, пансионов и пр. Из таковых актов Московского университета составились 4 части ораторских речей (см. § 289), а из актов Пансиона того же Университета – 2 части разговоров (см. § 137 и 167).

§ 327. *Труды обществ* – собрания разных сочинений, читанных и одобренных целым обществом. Сии сочинения всегда бывают *одного* рода, ибо самые общества составляются для *одной цели*. Напр.:

Общества ученые: Труды Академии наук, 2 части. СПб., 1821–1823 (4) и пр. – *Литературные:* Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете, 20 частей, М., 1812–1820 и Сочинения в прозе и стихах. Труды того же Общества, 6 частей, М., 1822–1826 и мн. др.; – *Общество Историческое* (при Моск. универ.) издало Русские достопамятности; – *Общество испытателей натуры* (при Моск. универ.) издало Записки Общества испытателей натуры, 5 томов, 1809–1816; – *Экономическое:* Труды Вольного экономического общества, издаваемые с 1765 года. (*Многие части изданы дважды и трижды.*) – И очень многие общества другие.

§ 328. *Цель* трудов обществ – распространять успехи той науки, которая соединила любителей в общество. *Расположение* зависит от частных усмотрений. *Достоинство* в том, что сии сочинения предварительно подвергаются суждению знатоков и любителей и издаются только одобренные целым обществом.

§ 329. Часто труды общества выходят под особыми именами. Но их цель, расположение и достоинство не изменяется. Есть много подобных трудов под разными именами, различных обществ, особенно литературных. Напр.:

Чтение в Беседе любителей русского слова, 20 книжек 1811–1815 или полезные для учащихся *Труды Общества благородных воспитанников Московского университетского пансиона* под следующими именами: а) Полезное упражнение юношества. М., 1789; б) Утренняя заря, 6 частей, 1800–1808; в) Избранные сочинения из „Утренней зари“, 2 части, 1809; и г) Отдых в пользу, 1804; д) Каллиопы, 4 части, 1815–1820; е) Избранные сочинения и переводы в прозе и стихах, 3 части, 1824–1825 и пр.

XXXV.

Периодические издания. Критика

§ 330. Периодические издания (εφ ἡμέριδες, diaria) – сочинения, выходящие *повременно*, т. е. по известным дням, неделям, месяцам и оканчивающиеся вместе с годом. Они вообще называются *текущею словесностию*.

Содержание и *цель* их подобны всем литературным и ученым *отдельным сочинениям*. *Расположение* применяется к намерению издателя. *Достоинств* два: новость и занимательность предметов, живость и свежесть слога.

Примеч. Не все умеют говорить с публикою. Есть *известные приличия* в сношениях с нею, которые публицистами (издателями газет) строго соблюдают; есть *особый слог*, который всем званиям и состояниям равно внятен и приятен. И как между *простым* слогом и *площадным* мы видели средину – слог *простонародный* (Общ. рет., разд. XXV, § 10, примеч.), так между *средним* и *простым* есть черта, едва приметная, – слог *газетный*, или *общенародный*. Он занимает нечто от обоих.

§ 331. Периодические издания суть: 1) *ведомости*, или *газеты*; 2) *журналы*, коим даются разные названия: *вестников*, *собеседников* и пр.; 3) *альманахи* под разными именами.

Каждое периодическое издание избирает одну, два или несколько частей и ими ограничивает годовой круг свой. Например, историю, политику, литературу, новости, моды и пр. – Или одну отрасль наук: медицинских, военных, экономических. – Изящные искусства, мануфактуры и пр., и наперед объявляет предметы, входящие в издание, дабы читатели не могли требовать больше, нежели обещано.

§ 332. *Ведомости*, *газеты* – печатные листки, извещающие о *новостях всякого рода* дважды, трижды в неделю или ежедневно. Должно отличать *официальные* от *обыкновенных*. Официальные под влиянием правительства всегда объявляют истину; обыкновенные газеты собирают слухи, и их обманчивость вошла в пословицу.

Примеч. Имя газеты есть имя древней венецианской мелкой монеты, которою платили за газеты. Цена листов дала название самим листкам. *Содержание* ведомостей: новейшие известия всех родов. *Цель* – сообщить публике все любопытное, полезное, новое как можно скорее. *Достоинство* – в новости, верности, занимательности современных происшествий и всех известий и в общенародном слоге. Первые ведомости в России – Санкт-петербургские. Их издание началось в 1728 году. Московские ведомости начались с 1756, Сенатские – с 1809.

§ 333. *Журнал* – представитель успехов своего времени, *вестник* всего нового, достойного внимания, *хранитель* современных событий, наблюдатель нравов, обычаев, мод своего века, *орган* литературы, наук, искусств, мануфактур и пр.; является однажды или дважды в месяц, или еженедельно.

Цель журнала – удовлетворить по начертанному плану требованиям публики. *Характер* – стоять наряду с просвещением своего века и живо рисовать свое время. *Достоинство* – благоразумно упреждать свой век, расширяя успехи. *Недостаток* – отставать в просвещении от века, не замечая успехов его. *Заслуги журнала* измеряются долгою дней его. Обязанности журналиста столь трудны, что молодой писатель не может всех предвидеть, и часто, начав издание, *торжественно* падает среди поприща...

Первый журнал в России явился при Елисавете в 1755 году. Издатель Миллер назвал его *Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие*. Он продолжался с великою пользою до 1765. Вторым журнал – *Трудолюбивая пчела*, Сумарокова, начал выходить с 1759 (Оба в Санкт-Петербурге). В Москве первый журнал – *Свободные часы*, Хераскова, с 1762. При Екатерине II важнейшие журналы были: *Санктпетербургский вестник* и *Собеседник любителей русского слова*, в котором участвовали Державин, Фонвизин и сама императрица. В Москве отличались журналы Новикова, мужа незабвенного по заслугам в нашей словесности. Кроме столиц, издавались журналы в провинциях: в

Тобольске, в Калуге, в Харькове и в Казани. Важнейшие древние журналы: *Почта духов*, 1789, изд. 2, 1802, И. А. Крылова, и *Зритель*, 1792, его же; Сохатского и Подшивалова: *Чтение для вкуса, разума и чувствований*, на 1791–1792–1793, 12 частей; их же: *Приятное и полезное препровождение времени*, с 1794 по 1799 год, М., 20 частей; Карамзина *Московский Журнал*, 1791–1792, изд. 2, 1801–1803. – Ни один журнал в России не был так долголетен, как *Политический* (пер. Гамбургского политического журнала): он с 1790 года продолжался (с некоторым изменением названий) до 1831 года. – *Вестник Европы*, отличный журнал, начатый Карамзиным, продолжаем был (2 года) Жуковским и особенно Каченовским, существовал 29 лет, до 1831 года, М., 136 частей. В сем же 1831 году прекратился *Московский Вестник* г. Погодина, достойный внимания.

§ 334. Альманах (календарь, месяцослов) – собрание новейших литературных сочинений, издаваемое в виде календаря к каждому новому году (для подарков) под разными именами. Например, *Северные цветы* и пр.

Цель их – представить публике новейшие и занимательнейшие литературные произведения, особенно любимых публикою авторов. Например, *Памятник отечественных муз*, *Литературный музей* и прочее. Расположение зависит от воли издателя; большею частию бывает в двух отделениях: проза и стихи, иногда попеременно. *Достоинство* – в новости, в занимательности предметов и особенно в слоге. Альманахам дается привлекательная наружность, особый формат, прелестные картинки. Имена писателей и их сочинения означаются в заглавии, на выбор читателей.

Отечество альманахов – Франция, там исстари ведется обычай издавать собрания стихов в виде календарей к каждому новому году. Французский *Альманах муз* издается с 1754 года. Первым альманахом в России можно почесть *Аонида* Карамзина, 1796, 1797 и 1798. – От французов перешли альманахи к немцам и сделались разнообразнее, приняв к стихам и прозу. У них появились альманахи: *исторические*, *географические*, *статистические* и пр. – Англичане, начав издание литературных альманахов с 1823 года, превзошли всех пышностью изданий. С сего же 1823 года возобновились альманахи и в России.

§ 335. Критика (от κρίτειν – судить, суждение): а) последний подвиг учености – приложение правил, опытности, рассудка и вкуса – к произведению всякого рода. Сии 4 начала суть общая мера достоинств и недостатков всякого произведения; б) но сия нравственная мера не у всех одинакова; в) „Никто не предпишет законов публике: она властна судить и книги и сочинителей“ (Кар.):

а) Под словом критика иные разумеют не суждение, но осуждение, порицание – понятие ложное и недостойное благородной цели критики, но от злоупотреблений (увь!) почти справедливое;

б) Произведение может быть или ниже правил, или наравне с ними, или выше их. Если ниже – недостойно критики; если наравне с ними, критика полезна для учащихся, она показывает примеры для правил, но если выше известных правил, критика необходима: она обогащает науку и искусство новыми

правилами, новыми исключениями, открывая действие таланта, расширяя сферу понятий, пробуждая деятельность, возвышая мысли, чувствования и прочее;

в) Всякий волен критиковать, но не всякий может быть *Аристархом*. Участь Зоила не завидна (см. § 341). Тот может назваться *истинным критиком*, кто превосходством *своей нравственной меры, всем известной*, и любовью к изящному заслужил *доверенность* публики. Так, Карамзин критикует Богдановича или наказ Екатерины; так, Батюшков разбирает М. Н. Муравьева; или Жуковский дает суд о Кантемире и баснях Крылова – им все верят и любят верить... Но часто критика бывает следствием страстей, личностей и невольно напоминает Богдановичев *Храм прекраснейшей богини*, то есть:

„Сей Храм имеет два различных входа:
особо для жрецов – особо для народа“.

§ 336. Цель критики – обогатить науки и искусства правилами: а) предохранить их от злоупотреблений; б) одобрить талант, часто робкий; в) *характер*: беспристрастие, или доброжелательство; г) *достоинство* в преимуществах критикующего над критикуемым по сведению *правил*, по *опытности*, по зрелости *рассудка и вкуса*, и особенно, по *доверенности* публики. *Расположение* следует порядку разбираемого сочинения; д) критика бывает: *догматическая, историческая и эстетическая*:

а) Всеми правилами обязаны мы *критике*: она одна вводит их и изменяет; б) Критика в области науки и искусств то же, что полиция в обществе людей: блюдет порядок, приличие, благопристойность; в) Ничего нет легче, как видеть недостатки, и ничего труднее, как постигнуть *идеал* автора, войти в его сферу и вместе с ним чувствовать, искать слов, выражения и стремиться к совершенству. Вот красноречивая похвала таланту, который, по словам Карамзина, не бывает без чувствительности, а чувствительность щадить должно; г) Главное правило: „Более хвалить достойное хвалы, нежели осуждать, что осудить можно“ (*Кар.*); д) Расположение критики иногда отступает от сего порядка, приближаясь к частной цели критикующего. Подобная критика называется также *разбором, рецензиею, поверхностная – замечаниями*.

§ 337. *Догматическая критика* (*critice dogmatica*) собственно принадлежит наукам и есть приложение правил науки к произведению по науке. Она преимущественно требует *глубоких знаний, опытности и зрелости рассудка*.

§ 338. *Историческая критика* (*critice historica*) относится к летописям и историческим событиям, сличает их, сравнивает, сводит вместе, рассматривает все степени вероятности, и, наконец, выводит *истину*, соображая возможности, характер летописцев, дух времени и пр.

Например: *Нестор*. Русские летописи на древнеславянском языке. А. А. Шлецера. Перевел Д. И. Языков.

§ 339. Эстетическая критика (*critice aesthetica, vel conjectiva*) входит в область *изящного*, основывается, собственно, на степени вкуса и, решая по собственному чувству, никогда *решительна* не бывает, ибо о вкусе не спорят, а потому и называется *гадательною* (*conjectiva*).

„Судя о произведениях чувства и воображения, – говорит Карамзин, – не забудем, что приговоры наши основываются единственно на вкусе, неизъяснимом для ума; что вкус изменяется и в людях, и в народах; что удовольствие читателей рождается от их тайной симпатии с автором и не подлежит закону рассудка; что мы (т. е. члены Российской Академии) не столько хотим учить писателей, сколько ободрять нашим к ним вниманием, нашим суждением, исполненным доброжелательства и др.“. *Вот благороднейшая цель эстетической критики.*

XXXVI.

Писатели ученых сочинений у древних, новых и в России

Примеч. Науки и словесность дошли до нас из Греции, но в течение веков так размножились ученые сочинения, что невозможно (в кратком обозрении) показать и важнейшие во всех родах. Ограничимся *словесностью* и некоторыми прикосновенными частями.

§ 340. Греческие важнейшие писатели эстетических рассуждений: 1) *Платон*, сын Аристона, ученик Сократа, величайший философ, жил почти за 400 лет до Р. Х.; 2) *Дионисий Лонгин*, философ Платоновой секты, ретор и знаменитый критик, жил в III веке. – Реторы и филологи: 3) *Аристотель*, образователь наук, жил во время Александра; 4) *Димитрий Фалерский*, питомец Теофраста и правитель Республики Афинской, жил почти за 300 лет до Р. Х.; 5) *Дионисий Галикарнасский*, жил почти за 300 лет до Р. Х.; 6) *Гермоген*, родом из Тарса, жил в половине II века; 7) *Ифестион*, философ Александрийской школы того же времени; 8) *Аммоний*, философ той же школы, жил, вероятно, под конец IV века и мн. др.:

1) *Платон*, сверх многих превосходных сочинений (см. § 157), написал о *прекрасном* (περὶ τοῦ καλοῦ) и рассеял много эстетических замечаний и риторических правил в своем *Федоне* и *Горгии*;

2) *Лонгин*. Из всех его сочинений дошло до нас только превосходное рассуждение о *высоком* (περὶ τοῦ ὑψηλοῦ), где он и правилами, и примерами объяснил высокое в мыслях и в слоге;

3) *Аристотель* оказал великую услугу тем, что собрал в состав наук рассеянные дотоле главнейшие знания людей, основал ученые системы и дал им названия. Хотя преимущественно ему обязаны философские науки, но он знаменит и в словесности (см. § 12);

4) *Димитрию Фалерскому* приписывают *Рассуждение о сочинении ораторском*; в нем есть много тонких замечаний о силе, важности и красотах слога;

5) *Дионисий Галикарнасский* известен как историк, но он написал *О расположении слов* и полную *Реторику*, которая дошла до нас, хотя в ошибочном виде;

6) *Гермоген*, на 18-м году написал *Реторику* в 5-ти отделениях: а) о расположении и разделении ораторских предложений; б) об изобретении ораторском; в) о видах ораторских; г) о силе речи, которое без конца (пятое потеряно);

7) *Ифестион* написал о мере стихов, столь усовершенной древними, и показал много сведений и остроумия;

8) *Аммоний* писал о различии слов и выражений однозначных; в сем сочинении так много грамматической учености, что *Генрих Стефан* приложил оное к своему знаменитому *Лексикону Thesaurus*.

§ 341. *Греческие* славнейшие критики: 1) *Аристарх*, родом из Самофракии, наставник сына Птоломея Филометора, жил за 148 л. до Р. Х.; 2) *Зоил*, из Амфиполиса, во Фракии, ретор, за 270 л. до Р. Х. – Важнейшие энциклопедисты: 3) *Атений*, родом из Наукратиса, жил в начале III века; 4) *Фотий*, патриарх Константинопольский, IX века. – Важнейшие комментаторы: 5) *Цетцес*, родился в Константинополе, жил в XII веке; 6) *Евстафий*, архиепископ Фессалоникский, родился и жил в Константинополе в XII веке:

1) *Аристарх* написал 9 книг на *Илиаду*, на *Пиндара* и *Арата*. Жаль, они не дошли до нас! Он первый разделил *Илиаду* на столько песен, сколько в азбуке букв, и, говорят, отбросил множество стихов. Доверенность к нему была столь велика, что все, что не нравилось *Аристарху*, считалось подложным, а критика столь основательна, что имя его и до сих пор означает человека с возвышенным умом и тонким, разборчивым вкусом;

2) *Зоил* писал критики на *Исократа* и *Гомера* и называл себя *бичом их*. Из Македонии прибыл он в Александрию и поднес свою критику на Гомера Птоломею, прося за труд награды для пропитания. Птоломей прочел, вознегодовал на Зоила и велел сказать ему: „Если Гомер и по смерти своей питает тысячи людей (т. е. рапсодистов), то неужели Зоил, который считает себя умнее Гомера, не найдет средства к пропитанию?“ Одни говорят, Птоломей его повесил, другие, что народ убил камнями, а некоторые утверждают, что его сожгли в Смирне. Впрочем, критика Зоилова исчезла, а творения Гомера вечны;

3) *Атений* оставил 15 книг: *Пир софистов* (Δειπνοσόφιστον), сокровища сведений и источник учености мифологической, исторической, поэтической и литературной. В нем множество мелких произведений древности, которые без сего были бы утрачены;

4) *Фотию* мы обязаны, так называемую „Библиотекою“, в которой содержатся критические извлечения из многих древних утраченных писателей и 279 таких отрывков, которых без него мы не знали бы и названия. Есть его *Письма* и *Беседы*, но они маловажны.

5) *Цетцес* в свое время был славен, его сочинения очень полезны для истории и мифологии и состоят в *толкованиях Гезиода* и иносказательных стихотворений;

6) *Евстафий* славен по огромному ученому толкованию Гомера, 3 тома in fol. на Илиаду, на Одиссею и том показаний (index). В нем много излишних грамматических тонкостей.

§ 342. Греческие важнейшие мифографы: 1) *Аполлодор*, сын Асклепиада и профессор языков в Афинах, жил за 140 лет до Р. Х.; 2) *Конон*, мифолог, живший во время Августа; 3) *Антонин Либералис*, вероятно, жил в I веке; 4) *Палефат*, родом из Пароса или Приенны, жил, вероятно, за несколько веков до Р. Х.; 5) *Фурнутус*, родился в Африке, в Лептисе, в I веке, последователь Стоической секты и мн. др.:

1) *Аполлодор*, ученик Аристарха и философ стоической секты, написал Историю богов в 24 книгах, но до нас дошли три под именем „Библиотеки“ и суть извлечения из сего великого творения: в них заключается краткая история богов и героев до войны Троянской;

2) *Конон* написал 50 мифологических повестей, но мы знаем их по одним извлечениям в „Библиотеке“ Фотия;

3) *Либералис* оставил собрание превращений, выбранное из разных авторов, неравным слогом;

4) *Палефат* написал о невероятностях 50 статей, басен, (мифов) с их изъяснением. Думают, что их было 5 книг, но до нас дошла одна. Слог легок, прост, предметы занимательны и поучительны, очень полезен для учащихся;

5) *Фурнутус* оставил *Умозрение о свойстве богов*, в 35 книгах, все творение наполнено иносказаниями.

§ 343. Греческие важнейшие географы: 1) *Ганнон*, полководец Карфагенский, жил прежде Геродота, за 500 лет до Р. Х.; 2) *Страбон*, из Анамеи, в Каппадокии, жил во время Р. Х. и путешествовал по Египту, Азии, Греции и Италии; 3) *Дионисий Периегет*, современник Страбона, родился в Хараксе, на берегу Персидского Залива и путешествовал по Востоку; 4) *Клавдий Птоломей*, из Пелузии, в Египте, жил во II веке; 5) *Павзаний*, родился в Кесарии Каппадокийской, жил во II веке и путешествовал по Греции, Македонии, Италии и большей части Азии и мн. др.:

1) *Ганнон* на пуническом языке написал *Путешествие по морю*, которое при жизни его или вскоре после смерти переведено на греческий;

2) *Страбон* написал огромное и очень важное для древней географии творение в 17-ти книгах. В нем много основательности и суждения;

3) *Дионисий*, по своим путешествиям названный *Периегетом*, послан был Августом на Восток для описания стран. От него дошла до нас *Космография* в гексаметрах, но она важнее для географии, нежели для поэзии;

4) *Птоломей* – географ, астроном и музыкант. От него дошли до нас: а) Географическое сочинение в 7 книгах; б) *Альмагест* (μεγάλη σύνταξις) в 13-ти книгах, с *приложением первой системы планет*, какая только есть в астрономии; в) Список царей Ассирийских, Мидских, Персидских, Греческих и Римских – чрезвычайно важен для хронологии и истории;

5) *Павзаний* оставил описание Греции с географическими картами, в нем видны знания древностей, особенно, в отношении к искусству и истории искусства. Он везде входит в подробное описание храмов, зданий и статуй.

Примеч. Вот имена славнейших греческих математиков: *Эвклид* за 200 лет до Р. Х. написал *Стихии*, или *Элементы*, т. е. начала математики, в 15 книгах. – *Архимед* изобрел главные основания механики и многие важнейшие геометрические истины. (Часть творений *Эвклида* и *Архимеда* переведены на русский г. *Петрушевским*.) – *Аполлоний Пергейский*, Конические сечения. – *Диофанту* приписывают изобретение алгебры. – Имена медиков и натуралистов: *Гиппократ*, один из Асклепиадов (потомков Эскулапа) за 420 лет до Р. Х.; *Теофраст*, ученик Платона и Аристотеля; *Диоскорид*, в I веке; *Клавдий Гален* жил во II веке и мн. др.

§ 344. Римские важнейшие филологи: 1) *Марк Теренций Варрон*, ученый и плодовитый писатель во время Р. Х.; 2) *Присциан*, филолог, родом из Кессарии, жил в VI веке. – Важнейшие риторы: 3) *М. Т. Цицерон* (см. §§ 163 и 294); 4) *М. Ф. Квинтилиан* (см. § 16), римский комментатор; 5) *Юлий Донат*, филолог и учитель Св. Иеронима, IV века. – Важнейшие энциклопедисты: 6) *Плиний Старший*, дядя младшего (см. § 285), один из ученейших римлян, жил в Вероне, в I веке, и пал жертвою ученого любопытства при извержении Везувия; 7) *Авл Геллий*, учитель языка в Риме, жил в II веке; 8) *Макробий* жил, вероятно, в V веке и мн. др.:

филологи: 1) *Варрон*, хранитель библиотеки Цезаря, писал о латинском языке 24 книги. До нас дошли 5 и 6 об *Этимологии*, 7, 8 и 9 *Аналогия языка*, а от прочих книг отрывки. Он драгоценен по древности, но часто ошибается в словопроизводстве;

2) *Присциан* написал рассуждение о *Грамматике* в 20 книгах, самое обширное и классическое сочинение о началах языка. В 18-ти книгах он рассуждает о частях речи – это называется *Великий Присциан*, а в двух – о словосочинении – *Малый Присциан*;

3) *Цицерон* не только был великий оратор, но и лучший профессор. От него мы имеем: а) *Реторику*, 4 книги к Гереннию; б) О изобретении ораторском, 2 книги; в) Об ораторстве, к брату Квинту, 3 книги; г) *Брута* (картину славнейших ораторов); д) *Топики* (о судебных доказательствах); е) О разборе и разделении ораторском; ж) Оратора (о лучшем красноречии ораторском). Важнейшие из них: в), г) и ж);

4) в *Квинтилиановом* наставлении 10-я книга поучительнее всех;

5) *Донат* оставил рассуждение о началах языка, просодии и красноречия, но знаменит комментарием на 5 комедий Теренция;

энциклопедисты: 6) *Плиниева* Естественная история есть памятник древней учености, она чрезвычайно полезна не только для испытателя натуры, но и для географа и любителя искусств, (*Opus diffusum, eruditum nec minus varium, quam ipsa natura*⁹⁴, говорит его племянник). Она в 37-ми книгах: в 1-й обозрение всего сочинения; 2–5-я содержит космографию и географию; 6–10-я – историю животных; 11–19-я – растения; 20–31-я – о лекарствах; 32–37-я – о металлах, о скульптуре и живописи, о художниках и их творениях;

7) от *Авла Геллия* дошли до нас *Аттические Ночи*, в 20-ти книгах – выбор из лучших писателей греческих и римских для его детей. Из 15 глав 1-й книги остались одни содержания, а вся 8-я книга и начало 9-й потеряны, в прочих много полезного для филологии и критики;

8) *Макробий* оставил нам 7 книг *Сатурналий* (т. е. смеси), очень полезных для филологии. Это также выбор из авторов греческих и римских.

§ 345. Римские важнейшие мифографы: 1) *Юлий Гигин*, отпущенник Августа и смотритель его библиотеки; 2) *Фабий Фульгенций*, африканец, жил не древнее VI века; 3) *Лактанций Плацид*, почитается одним лицом с Лутацием, христианским филологом VI века. Важнейшие географы: 4) *Помпоний Мела*, испанец, жил в I веке; 5) *Вибий Секвестр* неизвестного времени и мн. др.:

1) *Гигин* оставил нам 277 мифологических басней (в 2-х книгах), кои составляют содержание трагедий греческих и римских, и *astronomicon poeticum*, для пояснения планет и древних созвездий;

2) *Фульгенция* творения: 3 книги мифологических басней;

3) *Лактанций* написал Комментарий на *Стациеву Фиваиду*, но больше знаменит извлечением из *Овидиевых Превращений*;

4) *Помпоний Мела* оставил Географию (*de situ orbis*), в 3-х книгах, она примечательна по превосходству слога, краткости и точности;

5) *Вибий* написал географическую номенклатуру стран, озер, рек, гор и пр. для своего сына; сия книга полезна для изъяснения древних историков и поэтов.

Примеч. Имена славнейших римских ученых: *Витрувий* – строитель Рима при Цезаре и Августе; *Фронтин* – строитель водопроводов; *Вегетий* – стратег-матик; *Порций Катон* – эконом; *Колумелла* – садовод и мн. др.

§ 346. У новых народов, по восстановлении наук, по части словесности писали учебные книги на латинском: *Фоссий*, *Эрнестий*, *Бургий* и мн. др.; на италийском: *Беттанелли* и др.; На французском: *Рапень*, *Буфье*, *Фенелон* и пр.; На английском: *Лавзон*, *Кампбель*, *Пристлей*, *Блер* и мн. др.; на немецком: *Готшед*, *Базедоф*, *Миллер*, *Линднер*, *Эшенбург*, *Гейнзиус* и мн. др.

§ 347. В России старший по времени филолог – 1) *В. К. Тредьяковский* (см. § 289). Важнейшие новые филологи: 2) *Александр*

⁹⁴ Труд обширный, ученый, не менее разнообразный, чем сама природа. *Плиний Младший*. Письма (3, 5).

Семенович Шишков, адмирал, бывший министр народного просвещения, президент Российской Академии и пр., знаменитый филолог и литератор. Род. в 1754; 3) А. Х. Востоков, поэт и филолог. Род. в 1781. – Важнейшие наши риторы: 4) М. В. Ломоносов (см. §§ 28, 223, 284); 5) И. С. Рижский, профессор словесности в Харькове. Ум. в 1811; 6) А. Ф. Мерзляков, поэт и литератор, профессор словесности в Москве. Ум. в 1830; 7) А. С. Никольский, литератор и ученый секретарь Адмиралтейского департамента. Род. в 1755; 8) Я. В. Толмачев, профессор словесности и мн. др.:

1) *Тредьяковский* написал: а) Способ русского стихосложения и *первый* обратил внимание на новейшую меру; б) Разговоры между чужестранным человеком и русским об орфографии старинной и новой;

2) *Шишков* писал: а) Детские книги (подражая Кампе); б) перевел и сочинил многие книги и лексиконы для морской службы; в) Рассуждение о старом и новом слоге (три издания 1802, 1813 и 1818) – примечательная книга, подавшая повод к *общему* литературному спору с 1803 до 1810 года;

3) *Востоков* написал: а) Опыт о русском стихосложении; б) Русскую грамматику;

4) *Ломоносов* оставил: а) Российскую грамматику; б) Краткое руководство к красноречию (первая Риторика на русском); в) О правилах русского стихотворства; г) О пользе книг славянских и первый отделил русский язык от славянского. Он знаменит как *поэт, оратор, физик и химик*;

5) *Рижский* оставил: а) Науку стихотворства и б) Опыт ретирики, достоин внимания по слогу и вкусу;

6) *Мерзляков* известен переводами (*в стихах*) некоторых древних классиков, и собственными стихотворениями, отличным чтением публичных лекций, разбором наших *древних поэтов* и изданием *Ретирики* и *Пиитики* Эшенбурга;

7) *Никольский* написал: а) Основания Российской Словесности (*Грамматику, Ретирику и Пиитику*), полезные для училищ; и б) перевел многие литературные и филологические сочинения;

8) *Толмачев* написал: а) Правила Красноречия от первых начал до высших совершенств его, 4 части. В них есть глубокие исследования об языке и красноречии; б) Военное красноречие – взгляд на красноречие с *новой* точки зрения.

К превосходным учебным книгам языка у нас принадлежат *Грамматика* и *Словарь* Академии Российской.

§ 348. Собранием *образцовых сочинений* у нас занимались:

- 1) В. А. Жуковский, один из первых поэтов и прозаиков нашего века, известный своим гением и вкусом, род. в 1783; 2) А. Ф. Воейков, отличный литератор и издатель повременных сочинений, род. в 1773; 3) Н. И. Греч, трудолюбивый филолог, литератор и публицист и пр.:

1) *Жуковский*, в 1810 году первый подал мысль собрать и указал *Образцовые сочинения* в стихах, которые изданы с прекрасным его предисловием, в

5-ти частях, но лучшие образцы поэзии русской – его собственные стихотворения, 3 части, 1824;

2) *Воейков* участвовал в *Собрании Образцовых русских сочинений и переводов в стихах и прозе* (вместе с А. Тургеневым и Жуковским), 12 частей. СПб., 1815–1817. 2-е издание, в прибавлении правил красноречия и поэзии (*Срезневского*) издал *Воейков*, 12 частей. СПб., 1822–1824. Он же продолжал сие собрание с 1816 до 1821 года, 4 части. Собрание очень полезное для словесности;

3) *Греч* издал: а) *Пространную Русскую грамматику*, 1827; б) *Практическую Русскую грамматику*, 1827; в) *Начальные правила русской грамматики*, 1828. Труд очень полезный, хотя не вполне удовлетворяющий требованию нашего времени; г) *Избранные места* из русских сочинений и переводов в прозе, СПб., 1812; д) *Учебную книгу* русской словесности, или *избранные места* из русских сочинений и переводов в стихах и в прозе, с присовокуплением кратких правил *риторики* и *пиитики* и *истории российской словесности*. СПб., 1819, 4 части, изд. 2, 1830–1831. Правила взяты из *Эшенбурга*, *Гейнзиуса*, *Рейнбека* и *Востокова*, а примеры из *Образцовых сочинений*. Но всего полезнее в этой книге *первый Опыт* краткой *истории русской литературы*.

§ 349. Ученые путешествия. Академия Наук назначала отдельных мужей для ученых путешествий. „*Сии избранные мужи, – говорит Карамзин – от берегов Невы до гор Рифейских, до морей Азовского, Каспийского и далее видели и описали Россию в трех царствах натуры, исследовали все исторические монументы в нашей империи, и не только Россия, но вся Европа, не только ученые, но и все любопытные читают с удовольствием и пользою описание сих путешествий*“ (Похвальное слово Екатерине II).

Важнейшие из ученых путешествий: *Палласа*, описание путешествий в течение 6-ти лет, с 1771 до 1776 (перевод Зуева); *Лепехина*, Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, 3 части, 1771–1780; *Гмелина*, кончившего жизнь в плену у горцев, Записки путешествий, изд. Академиею, 1770–1784, 4 части (на немецком). Русский перевод напечатан в 1771–1785; *Крашенинников*, умер в тот самый день, как отпечатался последний лист его Описания Камчатки. 2 тома, 1775, изд. 2, 1818 и мн. др.

Еще любопытные морские ученые путешествия: 1) Путешествие по Северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному Океану, с 1785 по 1793 (8 лет) находившегося при Географической и Астрономической экспедиции Биллинга флота капитана *Сарычева* (впоследствии адмирал и генерал-гидрограф), 1802, и многие другие описания ученых морских путешествий сего знаменитого мужа; 2) плавание для *Описания Курильских островов* с 1807 по 1809 год, 3 части, 1812. *Головнина*; и 3) плавание к *Японским берегам* и сношение с японцами (для освобождения из плена *Головнина*), СПб., 1816. Записки *Рикорда*; 4) особенно достойно внимания *первое* путешествие русских вокруг света, в 1802, 1803, 1804, 1805 и 1806 годах, 3 части с Атласом 1809–1813, знаменитого *Крузенштерна*.

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О Н. Ф. КОШАНСКОМ

А. А. Волков

РИТОРИКА Н. Ф. КОШАНСКОГО В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ СЛОВА И МЫСЛИ

Риторика Н. Ф. Кошанского создана в период расцвета „золотого века“ русской национальной культуры. В это время, 20–50-е годы XIX века, творили: писатели В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, Ф. И. Тютчев, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев; архитекторы К. А. Тон, Д. И. Жилярди, А. Г. Григорьев; филологи А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский; богословы свт. Филарет Дроздов, свт. Филарет Гумилевский, свт. Игнатий Брянчанинов; историки М. Н. Карамзин, М. П. Погодин, Т. Н. Грановский, С. М. Соловьев; правоведы М. М. Сперанский, М. А. Балугьянский, А. П. Куницын, К. А. Неволин; математик Н. И. Лобачевский; философы А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин; живописцы А. И. Иванов, А. А. Иванов, Э. Гау, И. К. Айвазовский; композиторы А. Н. Верстовский, М. И. Глинка, А. С. Даргомыжский... Русское культурное творчество развивалось главным образом в художественной литературе, изобразительном искусстве, богословии, философии, историографии, правоведении.

Но развивалась русская культура также в государственном строительстве. Усилиями императора Николая Павловича и его окружения российское общество перешло от военной монархии, зависимой от политических пристрастий и прихотей гвардейского офицерского корпуса, к гражданскому управлению. Особое внимание правительства было обращено на образование: реформируются военные учебные заведения, духовные школы, но главное, реформируются лицей и гимназия – основные образовательные источники управленческих кадров государства и университетской науки. Русская классическая гимназия строилась в русле идей философии культуры Вильгельма фон Гумбольдта, но применительно к условиям и задачам русского общества.

Главными предметами были классические языки – Закон Божий, российская словесность и логика (грамматика, риторика, литература), латинский и греческий языки, математика, история, география и статистика, иностранные языки (преимущественно французский и немецкий), физика.

Почему именно классические языки?

Русская культура принадлежит европейскому культурному ареалу и уходит своими корнями в греческую и римскую Античность. Древнерусская культура сложилась на основе византийской и восприняла ее главный продукт – православие.

В отличие от западноевропейского, византийское образование было светским, но, за исключением университетского, в основном частным. Это частное светское образование унаследовало дохристианские античные традиции, что в условиях Византии было вполне приемлемым: античная и христианская словесность составляла для византийца единую национальную культурную традицию. Но для русского, принявшего православное христианство, ценность языческой античной образованности представлялась, мягко выражаясь, сомнительной. Неоднократные попытки внедрить византийскую школу в русское общество к успеху не привели, и только начиная с рубежа XVI–XVII веков в связи с неотложными задачами вероисповедного и государственного характера появляются грамматические, риторические, математические, исторические, географические сочинения. Учитывая, что православная Византия больше не существовала, источником культурных радиаций стала Западная Европа, причем, увы, ее глухая культурная провинция – Польша.

Реформы Петра Великого были направлены на формирование культурной системы, которая синтезировала бы глубокую духовную православную традицию с теми составляющими духовной и материальной культуры, которые были реализованы в Западной Европе, но оставались лакунами в составе русской культуры. В любом культурном строительстве случаются недостатки и просчеты – важен общий замысел: культурная система формируется в течение жизни нескольких поколений путем напряженного творчества и не без издержек. XVIII век в России был преимущественно веком учения и заимствований. Но главное – были заложены основы новой национальной российской культуры: норма русского литературного языка, гуманитарные, естественные и прикладные науки, словесность, художественные и прикладные искусства, военное дело, промышленность, градостроительство.

XIX век принес новые культурные задачи: необходимо было полностью восстановить уже в составе единой национальной культуры всю последовательность культурной традиции: именно так русская культура обретала полную самостоятельность. В этом русле строится образовательная система. Знание классических языков дает прямой выход к основам европейской культуры – греческой философии и литературе, текстам Священного Писания и Отцов Церкви, римскому праву и равным образом к философскому и научному наследию Средних веков, Возрождения и Нового времени. Но кроме того, синтетический строй, логически организованная грамматическая и лексическая системы в особенности латинского языка развивают интеллект. Следует учесть, что церковнославянская и русская нормативная грамматика, в частности грамматика М. В. Ломоносова, построена в системе категорий александрийской грамматики. В сходных целях преподается математика, понимаемая как важнейший инструмент развития умственных способностей и дисциплины формального мышления. Занятия же риторикой развивают способность суждения и точного выражения мысли. Классическая гимназия была призвана давать развивающее образование, основанное на глубоком усвоении основ культуры: общество нуждается в творческих, способных к самостоятельному мышлению людях.

Риторика Н. Ф. Кошанского была не первой и не последней риторикой своего времени, но в истории русской риторики она занимает особое место. Чтобы определить место и значение риторической системы Н. Ф. Кошанского, нужно обратиться к истории риторики.

Слово „риторика“ первоначально означало ораторское искусство. Но риторика имеет к ораторскому искусству примерно такое же отношение, как грамматика к грамотности, экономика к домоводству, история к исследованию, поэзия к изобретению, логика к слову, психология к душе.

Аристотель, создатель первой дошедшей до нашего времени риторики, обобщил в своем теоретическом труде опыт софистов, разработавших принципы построения публичной речи, диалектической аргументации и дискуссии по значимым для общества политическим, судебным, логическим и этическим проблемам. Более того, Аристотель считал, что риторика представляет собой науку об отношении мысли к слову („Поэтика“, 1456а 34–41).

Риторика сложилась в педагогике софистов – учителей мудрости, и первым ее именем была софистика. Образование в древнегреческих полисах было делом аристократов и состояло в усвоении поэзии, имевшей сакральное значение, воинской физической культуры, музыки в виде хорового пения, связанной одновременно с отправлением культа и эволюциями военного строя. Становление демократического правления в Афинах и других греческих полисах повлекло за собой создание искусства гражданской деятельности, которое состояло в первую очередь в умении убедительно высказываться в собрании граждан по судебным, политическим и этически вопросам, в умении спорить и отстаивать свою позицию. Софисты, изучая опыт публичной дискуссии, и создали учение о публичной аргументации, единственным средством которой в то время была ораторская речь.

Учение софистов стало предметом преподавания, которое имело уже иной характер. Софисты обучали приемам нахождения доводов в споре, построения и произнесения ораторской речи, использования уместного стиля речи. Но равным образом многие софисты в своих школах обучали философии, мифологии, поэзии, музыке, иные же ограничивались обучением технике спора – эристике. Этих последних и критикуют философы Платон и Аристотель. Но в отличие от своего учителя Платона, рассуждавшего о праве риторики или лирической поэзии на существование, Аристотель занял вполне разумную реалистическую позицию – главную задачу риторики он видел в том, чтобы честная аргументация, основанная на компетентных и добросовестных положениях, была более убедительной, чем эристическая, преследующая недостойные и эгоистические цели.

„Риторика“ была, по-видимому, последним трудом Аристотеля, завершившим его многогранную научную и педагогическую деятельность. Сохранившиеся произведения Аристотеля относятся к трем областям знания: метафизике и физике – соответственно, учению о первых причинах и началах и учению о природе; учению о нормах человеческой деятельности – этике, обозначенной словом „органон“; учению о языке в широком смысле как средстве познания, общения и обучения. Сам Аристотель разработал три области учения о языке: поэтику – учение о художественной речи; диалектику (логику в современном понимании) – учение о категориях, правилах употребления слов и терминов в философских рассуждениях (включая топику – учение о посылках аргументов и построении аргументов в дискуссии и аналитику – учение о строении умозаключения в изложении философских и научных проблем); риторику – учение способах создания убедительной и украшенной речи.

Риторика, по мысли Аристотеля, является ответвлением диалектики, предназначенным для обсуждения проблем, относительно которых возможны различные

решения и имеются различные мнения. Риторика тесно связана: с этикой, поскольку обсуждение и принятие выдвигаемых положений зависит от нравственной оценки личности говорящего, его предложений и аргументов, стиля речи; с диалектикой, поскольку выдвигаемые доводы обсуждаются и могут быть опровергнуты; со стилем речи, в котором проявляется стремление оратора убедить слушателей, вызывая те или иные чувства. Таким образом, этос, логос и пафос речи определяют, с одной стороны, ее строение и целесообразность, а с другой, – отношение получателей речи, общества к оратору, его образ. Виды публичной речи различаются Аристотелем в зависимости от отношения предмета обсуждения к моменту и целям речи. Судительная (судебная) речь – о прошлом, а цели – справедливое и несправедливое; совещательная речь – о будущем, а цели – полезное и вредное; показательная речь – о настоящем, а содержание ее – прекрасное и постыдное.

Идея риторики как учения о мысли и речи основана на трех принципах, которые можно назвать принципом аргументации, принципом уместности и принципом единства мысли и слова.

Принцип аргументации состоит в следующем. Ритор, то есть создатель публичной речи считает истинным, справедливым, полезным, достойным тезис, который он выносит на обсуждение и стремится обосновать. Например, „следует построить военный флот“. Но те, к кому он обращается с этим предложением и, главное, кто принимает решение, например, народное собрание, могут иметь иное мнение, которое считают правильным. Следовательно, ритор должен привести в пользу своего предложения доводы, убедительные именно для данного собрания в данное время и в данных обстоятельствах. Это значит, что в основание приводимых доводов он должен заложить посылки, которые рассматриваются народным собранием как бесспорные, и вывести из них заключение, строение которого прозрачно для участников собрания. Понятно, что разные люди в разное время и в различных обстоятельствах могут относиться к одним и тем же положениям различным образом. Поэтому значимы не те посылки, которые считает правильными или истинными ритор, но те, которые считает таковыми данная аудитория.

Риторическая аргументация тем самым не является доказательством. Доказательство, например, геометрической теоремы, должно быть убедительным для любого разумного и внимательного человека. Обоснование риторического тезиса убедительно для конкретного круга людей, к которым обращается ритор.

Принцип уместности. Реакции людей на обращенное к ним слово сходны. Например, если мы скажем Павлу „Павел, ты любишь Ивана, потому, что помогаешь ему в беде“, то Павел будет любить Ивана. Если мы скажем Николаю: „Николай, ты достойный человек, но Тарас незаслуженно тебя презирает“, то Николай станет гневаться на Тараса. Если сходные приемы убеждения вызывают сходные чувства (пафосы) у лиц одинаковых возраста, общественного положения, образованности, обеспеченности, то, следовательно, нужно исследовать, какие именно речевые приемы, в каких обстоятельствах, к кому были обращены, и в сходных обстоятельствах, при наличии сходных задач использовать те же приемы. При этом, анализируя и классифицируя приемы убеждения по реакции и качеству построения, можно указать причины, почему данный прием в таком-то исполнении оказался наиболее эффективным. Выводы могут быть подтверждены или опровергнуты материалом каждой новой речи. Следовательно, риторика выдвигает ги-

потезы, проверяет их на фактическом материале и предлагает рекомендации, которые с определенной вероятностью окажутся эффективными.

Принцип уместности включает построенное высказывание в литературную традицию, поскольку элементы и композиция каждого высказывания повторяют отложившиеся в традиции формы. Вместе с тем принцип уместности препятствует созданию индивидуальных стилей, творчеству.

„Риторика“ Аристотеля содержит три основных раздела. В разделе о нравах и пафосе, в котором описываются нравы по возрастным, образовательным, экономическим, социальным признакам и речевые приемы, посредством которых создаются речевые эмоции людей по соответствующим признакам (молодых, пожилых, среднего возраста, знатных, незнатных, среднего общественного положения и т. д.), – принцип уместности. В разделе о построении риторического аргумента рассматриваются классы аргументов и их убедительность для различного типа аудиторий – принцип аргументации. В третьем разделе рассматриваются вопросы стиля и композиции произведений. Третий принцип риторики – единство риторического построения – в явном виде не разработан Аристотелем, но является продуктом последующего развития риторики.

Принцип единства мысли и слова. Реализация принципа единства связана с римским этапом истории риторики. В Риме риторику преподавали греки и на материале греческого языка, и только во второй половине первого века по Р. Х. была создана первая кафедра римской риторики, которую занял Марк Фабий Квинтилиан. Очевидно, система риторического построения была разработана именно греческими преподавателями риторики (Цицерон. „Об ораторе“, II, 19, 79). В отличие от греков – философов и поэтов, римляне были народом практической складки. Риторика в Риме была нужна для подготовки практиков – юристов и политиков. От преподавателя требовалось, чтобы будущий *virbonusdicendiperitus* (достойный муж, готовый к речи) умел проанализировать предмет спора, сформулировать тезис, разработать аргументацию, выстроить композицию речи, написать эту речь в форме, доступной мудрому римскому народу, заучить ее наизусть и произнести на форуме или в суде. И греческие педагоги достойно ответили на этот вызов. Трудно сказать, кем именно было разработано риторическое построение: во всяком случае, оно известно из латинских источников – Цицерон разбирает его в диалоге „Об ораторе“, а Квинтилиан дает подробное обоснование и изложение практически всех разделов риторического построения – технологию движения мысли от замысла к словесному воплощению высказывания.

Перед оратором, профессиональным политиком и юристом, стоит проблема – несогласие сторон. Решение, что особенно значимо, принимается компетентной коллегией, члены которой также вполне подготовлены к дискуссии и критически относятся к каждому слову оратора. Поэтому он должен отработать каждый аргумент, каждое слово своего выступления, найти ответ на каждое возможное возражение или упредить его. Цицерон отметил, что судебная речь является самым острым и сложным видом искусства оратора („Об ораторе“, II, 17, 72) и тот, кто умеет построить убедительную судебную речь, сумеет убедительно высказаться по любому другому вопросу. Эта особенность римской судебной речи привела к тщательной и подробной разработке системы риторики.

В первую очередь, оратор должен понять содержание проблемы и точно определить, в чем именно состоит несогласие сторон и в чем следует согласиться с

оппонентом – это теория статусов речи. Далее оратор тщательно разрабатывает тезис – предложение, которое он выносит на обсуждение. Оратор находит аргументы, посредством которых можно эффективно и полно обосновать предложение. Цицерон разработал топику – систему нахождения посылок аргументов, с помощью которой можно быстро и эффективно построить обоснование тезиса. Эта система в различных модификациях используется во всех полных курсах риторики. Затем оратор строит расположение – подробный план речи, размещая в определенном порядке основные ее составляющие.

Каждая из этих составляющих имеет определенную форму построения, зависящую от ситуации, предмета, общей композиции речи, характера аудитории. Наконец, оратор пишет речь или диктует ее секретарю, отбирая и анализируя уместные средства выражения – слова и обороты, чередуя периодические и прозаические конструкции, строя отступления и обращения к аудитории, подыскивая в случае необходимости приемы отвлечения аудитории от слабых мест аргументации. Элокуция (выражение) завершает создание текста речи, который заучивается наизусть, выступление репетируется. Действие, то есть произнесение речи предполагает творческое сочетание декламации заученной речи с импровизацией. Все завершается разбором выступления с секретарем и, если речь оказалась удачной, ее публикацией, в исправленном виде. Таковы дошедшие до нас речи Цицерона или Юлия Цезаря.

Таким образом, высказывание представляет собой процесс движения мысли от замысла к акту речи.

В первые века по Р. Х. в основном в грекоязычных областях Империи развивается так называемая вторая софистика: ораторская речь превращается в развлекательное зрелище. Это время глубокого упадка греческой риторики как в практике, так и в теории. Риторика вырождается в своего рода стилистику, сводится к разбору тропов и риторических фигур, к разработке ритмики периодической речи. Однако с распространением христианства риторика снова обретает содержание и смысл. Христианство принесло с собой новые формы публичной речи: апологетику и гомилетику. Языческое мировоззрение исключает возможность религиозной полемики, язычник может верить в любых богов в любой комбинации – христианин верит в единого Бога и не допускает вероисповедной, как и любой мировоззренческой, эклектики. Поэтому он защищает и обосновывает свою веру, в особенности если эта вера преследуется.

Христианская апологетика развивается в двух формах – юридической и философской. В произведениях великих апологетов, как Ориген на Востоке и Тертуллиан на Западе апологетика являет высшие образцы искусства слова и техники аргументации, как представляется, не уступающие искусству Цицерона, по крайней мере, в техническом отношении. Отцы и учителя Церкви Св. Василий Великий, св. Григорий Богослов, св. Иоанн Златоуст, бл. Августин Гиппонийский разработали типы аргументов, жанровые формы, приемы стиля, неизвестные риторам прежнего времени.

Гомилетика имеет в истории риторической прозы даже большее значение, чем апологетика. Христианская проповедь представляет собой продолженную речь, обращенную к аудитории, состав и организация которой изменяется. Кроме того, проповедь связана с богослужением и циклична. Проповеди одинаковой тематики произносятся во всех христианских храмах одновременно, темы проповедей по-

вторяются каждый год. Содержание проповеди связано не только с евангельским чтением, но и с духовными нуждами прихожан, и в этом смысле каждая проповедь должна быть новой и актуальной. Кроме того, проповедь тесно связана с диалогическими формами речи – исповедью, катехизацией. Все эти обстоятельства создали новую технику речи, новые требования к духовному оратору – проповеднику и миссионеру.

На рубеже Античности и Средних веков бл. Августин в трактате „О порядке“ развивает учение о единстве научного знания и образования, в основе которого находятся дисциплины, названные впоследствии тривиумом и квадриумом: грамматика, диалектика, риторика и арифметика, музыка, геометрия, астрономия. В сочинении „Христианская наука“ бл. Августин рассмотрел принципы толкования текста св. Писания, понятие о контексте, видах контекста, что означало становление метода научного филологического анализа текста. В этом же произведении бл. Августин сформулировал главные принципы гомилетики. В Западной Европе, в отличие от Византии, образование всецело принадлежало Церкви, поэтому идеи бл. Августина легли в основу всей школьной науки – схоластики. В „генеральной школе“ – университете – на младших курсах преподавались свободные искусства, на старших – в основном богословие и право. Риторика как предмет тривиума сохранялась в классическом виде на протяжении Средних веков.

В Византии подход к риторике был не менее творческим. В риторических сочинениях Михаила Пселла исследуется индивидуальный стиль св. Григория Богослова и в этой связи развивается представление о значении стилистической новации в риторической прозе. Идеи Михаила Пселла впоследствии через посредство византийских ученых-эмигрантов оказали сильное влияние на творчество гуманистов Возрождения.

В Эпоху Возрождения положение риторики было сложным. С одной стороны, для гуманистов первых поколений риторика стала неким символом Античности. Петрарка находит и издает сочинения Цицерона, подражает ему в своих „Письмах о делах повседневных“ и других сочинениях, в литературный обиход входят „Воспитание оратора“ Квинтилиана, переведенная „Риторика“ Аристотеля и другие классические произведения. С другой – сама практика гуманистов с их взаимными инвективами, философскими потугами и хвалебными речами была всего лишь литературной игрой, напоминающей времена второй софистики. Однако с Реформацией риторика снова становится необходимым инструментом религиозной, общественной и культурной жизни.

В XVI–XVII веках созданы два типа риторики – протестантская и рационалистическая. Протестантская риторика создана сотрудником и другом Лютера Филиппом Меланктоном. Риторика Меланктона в основном воспроизводит классическую систему Квинтилиана, но при этом ограничивает раздел элокуции, утверждает примат „дидактической“ речи и дополняется топикой, представляющей собой подборку цитат из св. Писания, соответствующих протестантскому вероучению. Фактический отказ от учения о стиле и сведение топики к закрытому списку общих мест – посылка аргументов – означает отказ и от принципа уместности. Протестантская риторика утрачивает культурное содержание, из учения о языке и словесности она превращается в инструмент пропаганды и эристической полемики с католиками. Здесь следует отметить, что первая русская риторика была свободным переводом „Малой риторики“ Меланктона.

Рационалистическая риторика складывается в кругах католических диссидентов – янсенистов в значительной мере на основе рационалистической философии Рене Декарта. В „Рассуждении о методе“, „Правилах для руководства ума“ и других работах Декарт предлагает единый универсальный метод мышления, познания и аргументации; вводя при этом психологический критерий истины в качестве ясности и отчетливости идей, к которым сводятся анализ и синтез любого предмета мысли. Аналитическое логическое мышление, по мысли Декарта, подобно Солнцу, которое одинаковым образом освещает любые предмет. Эти идеи Декарта в значительной мере зависимы от упомянутого трактата бл. Августина „О порядке“ и противопоставлялись янсенистами позиции иезуитов, которые в это время имели огромное политическое влияние во Франции и доминировали в системе образования. Дидактические принципы и содержание новоевропейского образования были созданы именно иезуитами. Монастырь Пор-Рояль был центром религиозной, политической и культурной оппозиции правительству Людовика XIV, в частности, и образовательной политике иезуитов. А. Арно, П. Николь, К. Лансло, в значительной мере великий математик Б. Паскаль стоят у истоков рационалистического учения о языке. В начале 60-х годов XVII века выходят „Всеобщая рациональная грамматика“ Арно и Лансло и „Логика, или искусство мыслить“ Арно и Николя, а в 1675 году, уже после того, как монастырь и школа Пор-Рояль были закрыты правительством, „Риторика, или искусство речи“ Б. Лами, последователя Декарта и авторов рациональной грамматики и логики.

Рационалистическая риторика Б. Лами в основном содержит изложение вопросов языка и стиля, и только последний ее раздел относится к риторике как таковой. В качестве основного инструмента убеждения Б. Лами предлагает ясность, отчетливость, чистоту, краткость, уместность стиля, которые и открывают возможность представить картину предмета мысли, истинность которой очевидна любому разумному и внимательному человеку: „Ясность – знак истины. В ясно изложенной истине не приходится сомневаться. Если истина изложена предельно ясно, то даже самые подозрительные слушатели обязаны сложить оружие и смириться“⁹⁵. Аргументация сводится к описанным в „Логике“ Арно и Николя умозаключениям, посылы которых также представлены как самоочевидные. Топика фактически не только отвергается как бесполезная, но и изображается как „искусство говорить о том, чего совсем не знаешь“⁹⁶. Этическая составляющая риторического учения Б. Лами вытекает из универсалистского представления, согласно которому ясная и отчетливая мысль с необходимостью убедительна для любого нормального человека, поэтому „оратор должен относиться к людям, которых нужно освободить от заблуждений, так же, как принято относиться к безумным, от которых скрывают предписанные им лекарства“⁹⁷. Рационалистическая риторика Б. Лами оказала значительное влияние на образ мысли и стиль просветителей XVIII века, как и на последующую судьбу риторики.

Если протестантская риторика устраняла принцип уместности, то рационалистическая риторика устраняла принципы аргументации и единства мысли и слова.

Было бы неправильно считать систему риторики М. В. Ломоносова вариантом рационалистической риторики. М. В. Ломоносов по своим философским и науч-

⁹⁵ Лами Б. Риторика, или искусство речи. Пер. Е. Л. Пастернак. М., 2002. с. 254.

⁹⁶ Там же, с. 260.

⁹⁷ Там же, с. 269.

ным взглядам был значительно ближе к Локку или Лейбницу, чем к Декарту. Тем не менее, рационалистическая риторика оказала на него определенное влияние. Риторика Ломоносова была первой в точном смысле слова русской риторикой, как его грамматика была первой русской научной грамматикой, поскольку та и другая представляют собой учение о русском литературном языке.

Содержательный центр риторики М. В. Ломоносова – изобретение. Другие части риторического построения – элокуция и расположение – жестко подчинены технике изобретения: такова последовательность риторического построения. В этом, пожалуй, проявляется влияние рационализма, но в самом общем смысле как рационалистического образа мысли.

Процесс изобретения предстает в следующем виде. Тезис, например: „Неусыпный труд препятства преодолевает“, разделяется на термины – простые или сложные идеи. От каждого термина по топам (действие, претерпевание, подобное, противное, качество, место, время и т. п.) производятся новые термины. Например: неусыпный когда? – во все времена жизни; подобно чему? – подобно течению реки и т.д. Соотношение производящего и производного терминов определено и имеет определенную форму, поэтому совокупность производных также организована смысловыми отношениями. Но сами по себе эти смысловые отношения (действие, претерпевание, качество, количество, время, место, причина, цель, отношение и др.) образуют состав возможных ходов мысли. Мы мыслим любую реальность в этих категориях. Производные термины первого уровня могут в свою очередь использоваться как производящие для терминов второго уровня и т. д. в зависимости от объема и содержания планируемого текста. Таким образом, смысловая конструкция произведения образует граф, развертывание которого потенциально не ограничено, но жестко структурировано. Вместе с тем, состав терминов-концептов, образующих вершины графа, и отношений, образующих его ветви, оказывается творческим продуктом, содержание которого определяется замыслом автора. Отношения субъекта и предиката тезиса учитываются при построении понятийной системы высказывания.

Риторика Н. Ф. Кошанского создана примерно через семьдесят лет после филологических работ М. В. Ломоносова. За это время русская система образования прошла значительный путь развития. Перед русской школой стояли новые задачи: творческое включение в состав национальной культуры опыта античной и новоевропейской культуры и организация этого единства как основы дальнейшего развития национальной системы образования, культурного творчества, государственности и общественной жизни.

Риторическая система, наиболее выразительной реализацией которой стали общая и частная риторики Н. Ф. Кошанского, синтезировала классическую риторику и риторическую традицию Нового времени и ориентировала ее на развитие системы образования. Главные особенности риторики Н. Ф. Кошанского – утверждение в качестве предмета риторики прозаической словесности и в этой связи разделение поэзии и прозы; разделение самой риторики на общую и частную; ориентация риторики на освоение культуры прозаического слова.

Предметом риторики, по Н. Ф. Кошанскому, является проза, то есть совокупность произведений делового, научного, философского, исторического, юридического (судебная речь), общественно-политического (критика), бытового (личная переписка) содержания. Определение прозы в качестве предмета риторики означает,

что риторика из технической теории построения речи превращается в науку о прозаической словесности, в отличие от поэтики – науки о литературе художественного вымысла. Разделение риторики и поэтики означает, что дидактически риторика ориентируется не на универсальную языковую личность дилетанта – гуманиста, просветителя, но на широко образованного профессионала – чиновника, дипломата, офицера. Если риторика занимается „выражением мыслей“, то поэтика изучает „выражение чувствований“.

Разделение риторики на общую и частную означает восстановление фундаментальных принципов аргументации, уместности, единства мысли и слова. Общая риторика занимается построением высказывания – методом систематического развертывания мысли в целесообразное высказывание, что означает единство мысли и слова, но равным образом ориентацию риторического построения на частную аудиторию. Частная риторика занимается родами и видами словесности, она устанавливает частные нормы построения конкретного типа высказывания – ораторской речи, доклада, делового и личного письма, исторического произведения, основанные на литературной традиции и воспроизводящие отложившиеся в культуре слова жанровые формы. Тем самым восстанавливаются принципы уместности и аргументации – произведение определенного жанра всегда ориентировано на определенного получателя речи.

Ориентация риторики на культуру слова – сложившуюся в ходе истории литературы систему норм и прецедентов означает, что учащийся осваивает произведения, читая их: „аналитически“, то есть с разбором строения и составляющих элементов; „наблюдательно“, то есть усваивая смысл построения произведений как целого; „эстетически“, то есть оценивая качество индивидуального стиля и обнаруживая стилевые новации автора. Риторический анализ произведения словесности открывает возможность его обоснованной, критической оценки, не зависящей от того, нравится или не нравится читателю „тенденция“ автора, но позволяющей объективно установить положительные и отрицательные стороны произведения, чтобы продуктивно использовать те и другие.

В. И. Аннушкин

**Н. Ф. КОШАНСКИЙ – УЧЕНЫЙ, УЧИТЕЛЬ,
ФИЛОЛОГ, РИТОР**

Судьба Кошанского, ученого-классика, учителя Пушкина и других царскосельских отроков в истории русской науки парадоксальна и несправедлива: над мнениями ученых авторитетов, советовавших изучать „старинные реторики“ (Б. В. Томашевский), „публиковать Кошанского“ (устные высказывания акад. В. В. Виноградова) возобладали оценки „смуглого отрока“, утверждавшего по-мальчишески „Не нужны мне твои уроки, я знаю сам свои пороки...“, и критика Белинского, отрицавшего риторику и решавшего революционные задачи перестройки русской словесности. Но факты ясно говорят: это был самый популярный и издаваемый автор учебников языка и словесности, по которым учились русские дети в первой половине XIX века.

Как бы противоречиво ни оценивались личность и труды Кошанского, надо прежде всего сказать, что труды попросту малоизвестны нашему современнику, а потому отсутствует возможность их объективной оценки. Не странно ли, что учебник педагога, первым взрастившего музу великого русского поэтического гения, издается двести лет спустя? Странно. „Благодарные потомки“ должны, наконец, отдать должное учителю Кошанскому и объективно посмотреть, каковы учительные истоки, на каком материале вырастали лучшие русские люди, в сущности, весь девятнадцатый век. А человека, безусловно, возвращает школа: „в начале жизни школу помню я...“ (Пушкин).

Может быть, виной педантизм и строгость учителя Кошанского, который, видимо, „осуждал“ писанья „смуглого отрока“, но мог ли отрок сам выработать технику стиха, не будь у него с самого начала строгого и хорошего учителя? Разве не ясно каждому, что к Кошанскому в критических стихах Пушкина (их анализ см. ниже) обращается обиженная и неопытная „ветреная младость“? Тем более что перед этим юный Пушкин и его друзья варили пунш и почти кутили с другим учителем – Галичем, „верным другом бокала“ и „подушки“, рифмованной с „подружки“...

Благодарность Кошанскому выражали многие ученики Царскосельского лицея, а о соединении в его „методе“ дисциплинированной строгости, любовного внимания и творческого остроумия свидетельствуют как его пометы на полях первых литературных опытов лицеистов, так и многочисленные воспоминания бывших его учеников.

Но главное, чем должен пленить нашего современника образ профессора русской и латинской словесности – необыкновенная судьба образованного ученого-учителя, знатока классических языков (к 1811 году вышли его книги с комментариями на греческом и латинском языках), русской древности, современных ему научных трудов.

На открытии Лицея 19 октября 1811 года Кошанский выступил с речью „О преимуществах российского слова“⁹⁸. Исследователи почему-то фиксируют все внимание на кратком выступлении директора Малиновского и „Наставлении воспитанникам“, написанном министром Разумовским и прочитанном адъюнкт-профессором Куницыным. Так что позднейшему исследователю трудно разобраться, была ли эта речь произнесена вообще (не будем говорить о сегодняшнем Интернете, где „помнят“ и повторяют из сайта на сайт лишь имена Малиновского и Куницына). Скорее всего, все-таки яркая речь Кошанского была произнесена и вскоре опубликована вместе с текстами Малиновского и Куницына, тем более что к ней же присоединены в публикации стихи и канты, написанные Кошанским к этому памяtnому дню⁹⁹.

Об авторитетности профессора Кошанского среди учителей Лицея говорит тот факт, что он был избран секретарем конференции Лицея (должность, схожая с нынешним главой ученого или педагогического совета). „Метода“ Кошанского воспитывала в юных лицеистах ту дисциплину ума, устремленность сердца, способность вдохновенно трудиться и, главное, любовь к писанию, творчеству, и первые строгие уроки литературного творчества Пушкин и его друзья получили именно от Кошанского.

Кошанский ставил розу в стакан воды и предлагал описывать ее „по частям“. Рождались первые пушкинские стихи: „Где наша роза, / Друзья мои? / Увяла роза, / Дитя зари...“

Революционеру Белинскому такой метод учения казался схоластическим, „пошлым и вульгарным“, как и „все риторики“, но всякому педагогу очевиден педагогический прием наглядности, а творческой увлеченности Кошанскому было не занимать – об этом говорят его остроумные и многочисленные заметки на полях сочинений учеников-лицеистов.

Таким образом, направление ума и поэтических вкусов задано А. С. Пушкину его лицейскими учителями. Первое пробуждение лицейской музыки поэта, по мысли наиболее раннего биографа В. П. Авенариуса, „должно быть всецело отнесено к заслугам профессора латинской и русской словесности Кошанского“¹⁰⁰. Что знаем мы о том, кто был первым учителем русского языка и словесности для нашего величайшего национального поэта? Имеется ли у нас, „благодарных потомков“, его биография, переизданы ли его труды, исследована ли „метода“ преподавания, не довольствуемся ли мы мифами о том, кто был первым наставником Пушкина в его словесных опытах? На все эти вопросы в настоящее время не находится ясного и определенного ответа, поэтому следует наметить решение следующих задач: 1) создание биографии ученого-педагога Н. Ф. Кошанского; 2) восстановление курса русского языка и словесности в Царскосельском лицее и методов его преподавания; 3) исследование филологических трудов ученого и их научное переиздание.

⁹⁸ Кошанский Н. Ф. О преимуществах российского слова. СПб., 1811.

⁹⁹ Там же, с. 19–31.

¹⁰⁰ Авенариус В. П. Отроческие годы Пушкина. Биографическая повесть. М., 1993, с. 78.

Точная дата рождения Николая Федоровича Кошанского неизвестна – 1784 или 1785 год. Он учился в Московском университетском пансионе одновременно с В. А. Жуковским, а будучи студентом Московского университета, преподавал риторику в Университетском благородном пансионе и Московском воспитательном доме, Екатерининском московском институте, пансионах и частных домах. В 1802 году Кошанский окончил Московский университет сразу по двум факультетам: философскому (с золотой медалью) и юридическому. Затем преподавал латинский и греческий язык в университетской гимназии, российскую риторику в Московском университетском пансионе, а с января 1805 г. был магистром философии и свободных наук. В 1807 г. Кошанский защитил диссертацию „Изображение мифа о Пандоре в античных произведениях искусства“ (на латинском языке), получив степень доктора философии.

Таким образом, ко времени открытия Царскосельского лицея в 1811 году это был молодой, известный филолог-словесник и ученый-искусствовед, профессор русского и латинского языка и словесности. Кошанский преподавал в Лицее российскую словесность и латинский язык вплоть до 1828 года, когда по состоянию здоровья вынужден был покинуть службу. Я. К. Грот, учившийся в Лицее с 1826 года, среди „очень хороших профессоров“ называет Кошанского – „по русской и римской литературе“¹⁰¹. К концу своей педагогической и ученой карьеры Кошанский накопил огромный опыт, который реализовал в двух учебниках „Общая реторика“ (1829) и „Частная реторика“, вышедшей посмертно в 1832 году. (Кошанский скончался в конце 1831 года в Санкт-Петербурге при вспышке эпидемии холеры.) С тридцатых годов XIX века наступает слава Кошанского как создателя известных учебников „реторики“, по которым учились несколько последующих поколений российских учащихся.

Преподаванию филологических наук и прежде всего „русской словесности“ в Лицее уделялось главное внимание. Хотя специальный предмет „русский язык“ отсутствовал в расписании лицейских дисциплин, но очевидно, что русскому языку и словесности (античной, отечественной, иностранной) отводилась первенствующая роль.

В. П. Авенариус так описывал занятия Кошанского: „Страстный любитель древней классической поэзии, талантливый переводчик многих классических произведений, Кошанский с увлечением молодости старался втянуть и своих юных слушателей в этот, отошедший уже в вечность, но все еще чарующий мир. А на уроках русского языка, рядом с заучиванием од Ломоносова и Державина, басен Хемницера и Крылова, он посвящал мальчуганов и практически в тайны стихосложения“¹⁰². Очевидно, в отборе текстов для занятий сказывался вкус Н. Ф. Кошанского: он не только предлагал классические образцы (их воспитательный эффект очевиден), но в 1826–28 годах, наряду с текстами Гомера, Корнелия Непота и Федра, разбирал тексты Пушкина и Жуковского, о чем вспоминает учившийся в эти годы в Лицее Я. К. Грот.

Оценки Кошанского как современниками, так и потомками противоречивы. Едва ли не основным аргументом в отрицательной оценке Кошанского послужило обращение к нему самого Пушкина в стихотворении „К моему Аристарху“.

¹⁰¹ Грот Я. К. Из лицейских воспоминаний Я. К. Грота (VI курса: 1826–1832) // К. Я. Грот. Пушкинский лицей. СПб., 1998, с. 475.

¹⁰² Авенариус В. П. Отроческие годы Пушкина. Биографическая повесть. М., 1993, с. 78.

Любопытно восстановить по тексту стихотворения личность Кошанского, способ его преподавания и общения с учениками. При этом будем помнить, что стихи пишутся 16-летним юношей зрелому учителю и для объективного суждения об их отношениях необходимо помнить о создании юным поэтом определенного „образа автора“ с вольной философией и смелыми взглядами на мир:

Помилуй, трезвый Аристарх,¹⁰³
 Моих бахических посланий,
 Не осуждай моих мечтаний
 И чувства в ветреных стихах...

Кошанский не просто разбирал – и, видимо, весьма критически – первые стихотворные опыты лицеистов. Он даже запрещал писать собственные стихи до определенного этапа, когда ученик познакомится с азами „стихотворения“ (кстати, это слово понималось еще авторами Словаря Академии Российской буквально – как наука о творении стихов). Едва ли своему ровеснику могло понравиться строгое и требовательное отношение, возможно, примененное Кошанским, но как точная оценка учителем юношеского характера Пушкина, сделанная уже в марте 1812 года: „Александр Пушкин больше имеет понятливости, нежели памяти, более имеет вкуса, нежели прилежания, почему малое затруднение может остановить его, но не удержит, ибо он, побуждаемый соревнованием и чувством собственной пользы, желает сравниться с первыми питомцами. Успехи его в латинском хороши, в русском не столь тверды, сколь блистательны“¹⁰⁴.

Обратим внимание на это слово: „блистательны!“

Кто прав в этих спорах – юный ученик (хотя и Пушкин) или опытный учитель, не будем выносить скорого суждения, но учительский опыт подсказал бы не только учителю, как неохотно юные подростки выслушивают критические замечания, за которые бывают благодарны впоследствии. Кстати, именно таким, абсолютно неспособным к восприятию каких-либо критических замечаний, проигрышу в спорах, но искренним, азартным, увлекающимся представлен Пушкин в биографии Авенариуса. Но повесть Авенариуса, несмотря на лежащие в ее основе документальные свидетельства, художественна, а диалоги выдуманы, теперь же пора восстанавливать объективную картину.

Очевидно, что учитель „осуждает“, а самолюбивый талантливый ученик не терпит критики. Внимательные исследователи педагогики Царскосельского лицея давно подметили обратный смысл пушкинских „ярлыков“, повешенных на Кошанского и ставших препятствием на пути объективной оценки личности педагога. Да,

¹⁰³ Решаемся сделать одно важное текстологическое исправление. Первые две строки обычно печатаются с опущением запятой в конце первой строки:

Помилуй, трезвый Аристарх
 Моих бахических посланий...

Хотя имя Аристарха и „стало нарицательным для строгого и педантичного судьи“ (как об этом говорится в комментариях), в русском языке нет выражения „Аристарх... посланий“ как обличитель чего-либо. Очевидно, что „трезвый Аристарх“ – обращение, и мы имеем выражение „помилуй... моих бахических посланий“ (вариант родительного падежа вместо винительного – наложение род./вин. одушевленного на им./вин. неодушевленного). Так что с уверенностью полагаем, что начало стиха должно быть с запятой в конце первой строки:

Помилуй, трезвый Аристарх,
 Моих бахических посланий...

¹⁰⁴ Пиксанов Н. Н. Ф. Кошанский // Пушкин А. С. Собрание сочинений / Под ред. С. А. Венгеров. – СПб., 1907, т. 1, с. 255.

юный автор называет своего наставника „цензором угрюмым“, „скучным проповедником“, считает ненужными „уроки учености сухой“ и просит умерить „ученый вкуса гнев“. Шестнадцатилетний поэт протестует против усидчивости, свойственной бездарным рифмачам, которые „сидят три ночи сряду и высидят трехстопный вздор“, защищает свободное творчество – „непринужденное упоенье“, когда „нечаянной порой стихи кропать найдет охота“. Так, З. И. Равкин справедливо подметил в этих упреках и вызывающих возражениях юноши-Пушкина свидетельство серьезного отношения Кошанского к поэтическим дебютам своего воспитанника. Впрочем, и сам Пушкин проговаривается относительно своих ошибок и погрешностей, на которые, не без основания, указывал ему Кошанский:

За рифмой часто холостой
Назло законам сочетанья,
Бегут трехстопною толпой
На „аю“, „ает“ и на „ой“...
Я ставлю (кто же без греха?)
Пустые часто восклицанья
И сряду лишних три стиха.

Не Кошанскому ли должен быть благодарен Пушкин, научившийся внимательной критике стиха (вспомним его тонкие разборы в письмах, насмешки над банальными рифмами типа: „И вот уже трещат морозы... Читатель ждет уж рифмы розы“)?

Здесь же юный Пушкин сформулировал свою литературную позицию, близкую к эпикурейской философии наслаждения жизнью и удовольствий, отсутствия отягощающих трудов, догматических правил и т. д. Что это, как не традиционная юношеская бравада, противопоставляемая родительскому или учительскому опыту и столь знакомая всякому, кто перешел юношеский возраст?

Объяснение Пушкиным своей позиции – прямой намек на содержание занятий Кошанского:

Плоды веселого досуга
Не для бессмертья рождены,
Но разве так сбережены
Для самого себя, для друга,
Или для Хлои молодой.
Помилуй, сжался надо мной –
Не нужны мне твои уроки.
Я знаю сам свои пороки.

Конечно, так: профессор-учитель толкует о „бессмертии“ и лучших сочинениях литературных классиков, а у юного отрока все помыслы о „Хлое молодой“, или о „друге“, или о „самом себе“. И вообще лучше говорить не о чем-то серьезном и важном, а о „веселом досуге“. Не в этом ли противопоставлении и сопротивлении и готовятся будущие „бессмертные“ стихи поэта и откуда бы взялась его „техника стиха“, не получи он ее от строгого и требовательного учителя? В тайнах творчества мы более всего склонны полагаться на силу таланта и вдохновение, не отдавая должное труду и упорству, которое является не только личным качеством художника (в том числе, Пушкина), но также воспитывается учителем и наставником.

И, конечно, противопоставление таланта, вдохновения, легкого содружества с музой – унылому труду, правилам, „кряхтенью“ над рифмой – в сущности это будущий конфликт „гуляки“ Моцарта и „ремесленника“ Сальери. Хотя очевидно, что

всякий настоящий художник знает, что такое труд, только имеет свой „образ“ труда. Здесь же ясно, что бравирующий ученик самонадеянно пишет о том, что „знает сам свои пороки“, но с чьей помощью? Не у Кошанского ли и подобных ему учителей выучились Пушкин и его друзья упорному труду, любви к писанию, вдохновению, которое, по словам К. Паустовского, есть „строгое рабочее состояние человека“?

Вот зрелые характеристики педагогического искусства Кошанского, данные ему академиком К. Я. Гротом, учившимся в Лицее в середине двадцатых годов: „Мы заслушивались его рассказов и чтений. Русских поэтов читал он нам в собрании „образцовых сочинений“ и останавливался особенно на Жуковском, сопровождая чтение умным, оживленным комментарием“. „С многостороннею классической образованностью и большой опытностью в преподавании, – пишет другой ученик Кошанского, – он соединял необыкновенно тонкий и изящный вкус, восторженное поэтическое настроение и особенный дар передавать то и другое своим слушателям“¹⁰⁵.

В Лицее у Пушкина были два учителя словесности – Н. Ф. Кошанский и А. И. Галич. Отношение к А. И. Галичу, заменившему Н. Ф. Кошанского вследствие болезни последнего с 10 мая 1814 года по 1 июня 1815 года, было, напротив, явно дружелюбным. А. И. Галич – антипод Кошанскому: если Кошанский – „угрюмый цензор“, то Галич – любит „праздность и покой“, если Кошанский – „гонитель“, то Галич – „мудрец ленивый“, зовущий „в приют поэзии счастливой“, в ком „трудиться нет охоты...“ Так какой же тип учителя лучше: „гонитель“ и „обличитель“ или „ленивец“ и „верный друг бокала“?

Очевидно, что в Кошанском и Галиче мы наблюдаем два противоположных педагогических метода как типы общения с учениками. Один – представляется строгим и педантичным, но за этими качествами стоит большая любовь к ученикам, дружба с ними и будущая готовящаяся благодарность (что доказывается множеством свидетельств: заметками Кошанского на полях стихотворений, прямыми обращениями к „любезным друзьям“, педагогическими трудами, но также и добрыми отзывами лицейцев). Другой – „беспечен“ и „ленив“, но философическими беседами пробуждает искры вдохновения у своих учеников.

Конечно, большинство наших пушкинистов (Ю. М. Лотман, М. П. Алексеев) попали под влияние оценки юного Пушкина, причислив Галича к разряду „прогрессивных“ и „либеральных“, а Кошанского – к числу „педантов“ и „староверов“. Так, Ю. М. Лотман в биографии Пушкина среди учителей поэта упоминает лишь Куницына и Галича, „не чуждых либеральных идей“, и полагает, что „преподаватели, подобные Куницыну, и директор Малиновский, действовали, главным образом, не лекциями (Куницын не обладал даром увлекательной речи), а собственным человеческим примером, показывая образцы гордой независимости и „спартанской строгости“ поведения“¹⁰⁶. Но что за „спартанская строгость поведения“ у „верного друга бокала и жирных утренних пиров“, обладающего „крепким сном ленивца“?.. И почему бы известному ученому не обратить внимание как раз на того, чьих „рассказов заслушивались“ лицейцы, кто обладал и образованностью, и вкусом, и „особенным даром передавать то и другое своим слушателям“? А если речь идет о

¹⁰⁵ Цит. по: *Равкин З. И.* Педагогика Царскосельского лицея пушкинской поры (1811–1817 гг.). Историко-педагогический очерк. М., 1999, с. 88.

¹⁰⁶ *Лотман Ю. М.* Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Л., 1982, с. 17–18.

настоящем учении, то можно ли чему-либо выучить „образцами гордой независимости“, а не „лекциями“, предполагающими и „методу“, и „педантизм“?

По-видимому, более правы дореволюционные исследователи, нежели Ю. М. Лотман, – они утверждали, что от Галича лицеисты получили чрезвычайно мало, и Кошанскому требовались многие усилия, чтобы вернуть учеников-лицеистов к последовательному учению. Именно к этому моменту „возвращения“ Кошанского и относятся „критические“ стихи Пушкина 1816 года.

Очевидно, что сегодня необходимо увидеть все положительные стороны педагогических методов обоих учителей риторики и словесности в Царскосельском лицее – как Кошанского, так и Галича. В нашей литературе по-прежнему преобладает странное сочетание либеральных взглядов, доставшихся от исследователей дореволюционного периода (Н. Пиксанов, Н. Малеин и др.), и идеологических оценок советского периода (они имеются и у Ю. М. Лотмана, и у З. И. Равкина). Так, безусловно сниженную оценку имеет в описании З. И. Равкина „благонамеренность“ Кошанского (вот Куницын – другое дело!), который нередко вводил в оборот „казенную фразеологию патриотизма и верноподданства“¹⁰⁷. Теперь читатель Кошанского имеет возможность самостоятельно сделать вывод о том, чему и как учил Кошанский: хороший педагог и не может иметь никаких других намерений, кроме „благих“ и направлять своих воспитанников ни к чему другому, кроме блага и истины. Кошанский предстает в своих „реториках“ как настоящий патриот, любящий свою Отчизну вовсе не „странною“, сомневающуюся, а настоящей любовью; наконец, большинству из нас до сих пор трудно понять, что подлинная „верность“ царю-императору, как и лучшим его предшественникам (с какой гордостью и любовью описывается в учебнике деятельность Великих Петра и Екатерины!) ценилась в пушкинское время и была одним из лучших качеств человека-гражданина.

Сомнения в этом высказывала, конечно, революционно-демократическая критика, в плену которой до сих пор продолжает пребывать, в основном, наша филологическая наука. Оценки деятельности царскосельской профессуры зависят от того, насколько они следуют „свободомыслящей и антисамодержавной педагогической концепции“ и в этом смысле Кошанский, конечно, „менее последовательно, чем Куницын и Кайданов“ следовал этой концепции, которая была „характерна для ведущих профессоров Лицея“¹⁰⁸. Однако о Кошанском следует сказать со всей определенностью, что это был человек, преданный монархической самодержавной власти, что нисколько не мешало ему защищать идеалы вольности и свободы. Так, в „Ручной книге древней классической словесности“ 1816–1817 гг. он объясняет причины расцвета искусства в античном мире „образом их правления республиканским и вольным“, а „с утратой свободы греки лишились нравственной деятельности и всех побуждений к славе“¹⁰⁹. Преданность государственной власти и честное служение Отечеству в глазах Кошанского нисколько не противоречили идеалам свободы, которая, по его мысли, должна была иметь прежде всего „нравственное“ обоснование.

¹⁰⁷ Равкин З. И. Педагогика Царскосельского лицея пушкинской поры (1811–1817 гг.). Историко-педагогический очерк. М., 1999, с. 87.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Кошанский Н. Ф. Ручная книга древней классической словесности. СПб., 1816.

Педагогические методы Кошанского выглядят особенно выразительно, если их сравнить с методами другого педагога, заместившего его на время болезни, – Александра Ивановича Галича. Пусть в методах преподавания и общения с учениками они достаточно противопоставлены, но схожи в одном: горячей любви к словесности и риторике. Характерно, что оба почти одновременно (это был период смены учебников Министерством просвещения) написали свои учебники: Кошанский – „Общую ретику“ в 1829 году, Галич – „Теорию красноречия“ в 1830 году. Готовя 2-е издание в 1830 году, Кошанский правил текст исходя из „учительских“ установок, например, он добавлял обращение „Любезные друзья!“ в текст 1-й главы и упрощал текст, делая его более понятным для учеников¹¹⁰. Успех учебников Кошанского превзошел все ожидания: „Общая риторика“ выдержала 10 изданий до 1849 года, а затем продолжала анонимно входить отдельными главами в „Теорию словесности“ 1851–60 гг, составленную И. И. Давыдовым на основе учебников К. П. Зеленецкого.

„Теория красноречия“ А. И. Галича написана „с извлечениями из немецких авторов“, но так писалось большинство наших классических учебников. В отдельных местах книга А. И. Галича замечательна своими практическими советами, например, о том, как надо писать сочинение. Пользование этими советами могло бы принести пользу и современному оратору или писателю – пока отсылаем заинтересованного читателя к двум хрестоматиям по риторике с пространными отрывками из сочинений Н. Ф. Кошанского и А. И. Галича¹¹¹.

Каков же Кошанский как учитель риторики – науки, обучающей „мыслям“, хорошей и убедительной речи? Для достижения целей воспитания и образования любого пишущего или говорящего человека, по мнению Кошанского, существуют три средства (и в этом состоит задача риторики): „1. Чтение, 2. Размышление, 3. Собственные упражнения“. Чтение требуется, чтобы замечать лучшие слова, идеи, выражения, прекрасные мысли“, размышление образует „способность рассуждать“, а собственные упражнения необходимы потому, что „кто не упражнялся постоянно в составлении периодов и учебных сочинений, всегда будет не тверд в слоге... и не уметь написать десять строк связно“¹¹².

Кошанский и будет постоянно заниматься требованием чтения, образования ума через „размышление“ и, конечно, тренировкой поэтического таланта лицеистов. Вывод о том, что Кошанский „действительно сыграл большую роль в литературном образовании и развитии как самого Пушкина, так и его товарищей“, делает и академик К. Я. Грот, сын лицеиста Я. К. Грота, учившегося у Кошанского в 1826–1828 годах¹¹³. Практическое посвящение в тайны стихотворства имело определенную методику, безусловно отраженную в современной речевой педагогике. Современный методист увидит, что мы многое заимствуем из старинного опыта преподавания словесности и риторики.

Так, именно учитель задает темы сочинений. Темы были преимущественно нравственно-этического характера. Вот, например, тема для рассуждения Илличев-

¹¹⁰ Анализ правки Кошанским своего учебника при подготовке 2-го издания см. в нашей статье: Кто же автор анонимной „Теории словесности“ 1851–60 годов? // Риторика. 1996, № 1(3), с. 107–123.

¹¹¹ Русская риторика / Сост. Л. К. Граудина. М., 1996; *Аннушкин В. И.* История русской риторики: Хрестоматия. М., 1998.

¹¹² Общая риторика Н. Кошанского. СПб., 1830, с. 3–4.

¹¹³ *Грот К. Я.* Пушкинский лицей. СПб., 1998, с. 159.

ского, который первое время считался главным лицейским поэтом и лишь позднее уступил пальму первенства Пушкину: „Строгое исполнение должностей доставляет чистейшее удовольствие“. Или пространное стихотворение Кюхельбекера на тему, несомненно также внушенную Кошанским: „Бессмертие есть цель человеческой жизни“ (отсюда пушкинское: „Плоды веселого досуга не для бессмертья рождены...“). Эти темы могут показаться сегодняшнему учителю и ученику (особенно такому же пятнадцатилетнему) чересчур серьезными. Но из Пушкина и его товарищей эта возвышенная и осужденная некоторыми критиками риторичность (В. Г. Белинский) готовила философски серьезных и государственно мыслящих людей, умевших быть весельчаками на дружеской пирушке и государственными мужами в деловом собрании.

От „бессмертия“ и „строгости исполнения обязанностей“ легко перейти к шуткам и словесным играм, наполняя и само легкомыслие философской глубиной. И это методический постулат для наших современников: не от развлечения – к глубокомыслию, а от серьезных нравственно-этических раздумий – к стиливому разнообразию мыслей, чувств и словесного выражения.

Кошанский получал от лицеистов их стихотворные произведения и давал им словесные оценки. Причем, инициатива исходила, конечно же, от учителя. Мнение лицеиста М. А. Корфа, щедрого на несправедливые и суровые приговоры, о том, что Кошанский преследовал лицеистов „за охоту писать стихи“, приходит в противоречие с очевидными фактами и свидетельствами других учеников Лицея. И. И. Пущин вспоминает, как однажды Кошанский кончил лекцию раньше и сказал: „Теперь, господа, будем пробовать перья. Опишите мне, пожалуйста, розу стихами“. Стихи других воспитанников не клеились, а Пушкин мгновенно сочинил два своих знаменитых четверостишия, чем привел в восторг и Кошанского и товарищей.

Кстати, можно реконструировать (естественно, предположительно, но с достаточной степенью достоверности), что Кошанский потому запрещал начинать „писать стихи“, что сначала хотел привить своим воспитанникам чувства меры и вкуса вместе с определенными законами „стихотворения“, что вовсе не предполагало, как видим, запрета, но наоборот, только раззадоривало в интересах к самостоятельному творчеству самых талантливых учеников. А уж о творческой самостоятельности и, как писали раньше, „самодетельности“ учеников Кошанский никак не забывал: „Преподавая латинский язык и русскую литературу, он (Кошанский – В. А.) занимал нас почти только практически и умел в высшей степени возбудить наше внимание, расшевелить нашу самодетельность“¹¹⁴.

Образцами внимательнейших и остроумных разборов стихов и сочинений лицеистов являются заметки Кошанского в текстах лицеистов. Вот, например, на первое стихотворение Алексея Илличевского „Добродетель“ он записывает: „Мысль и стихи очень хороши“. К сочинению в прозе „Бурная ночь“, кроме заметки на полях „C'est beau“? значимый учительский совет: „Окончание прекрасно. – NB. Владея языком, должно уметь употреблять его. – План вашей *бурной ночи* несколько *темен* – не везде верно изображение природы – особенно переход от вечера к утру. Есть много слов излишних, много не то значащих, что Вы сказать хотели. Но все вообще показывает Вашу способность владеть языком и счастливый дар легко выражать мысли и чувства. Прошу Вас, М. г., быть осторожным в выборе слов и

¹¹⁴ *Прот К. Я.* Указ. соч., с. 160.

заменять все бурносмешное скромным благоприличием и тихим чувством. *Ваш слуга Кошанский*¹¹⁵.

Стиль уважительного и требовательного общения с юными лицеистами присущ всей педагогической деятельности учителя Кошанского. Кошанский не только делал письменные критические заметки для своих учеников, но и много беседовал с ними, не жалея времени и сил: „Большую часть замечаний я сказал и скажу изустно...“ – пишет он, разбирая историческую оду „Освобождение Белграда“. Впрочем, затем, как истинно увлеченный человек, подробно разбирает сюжет написанной оды с остроумными замечаниями о том, что описание колодцев может быть „хорошо для историка, а поэту никак нельзя из них напиться“¹¹⁶.

Хотя взгляды учителя представлялись Пушкину и другим лицеистам несколько архаичными, скорее всего, это дань юношеской незрелости, не склонной особенно располагаться к серьезности и требовательности классического учителя. Относительно филологической концепции и методических взглядов Кошанского существует ряд мифов, которые с трудом поддаются пересмотру. Один из таких мифов – тезис о приверженности Кошанского „выспренности“: так, в сочиненных Авенариусом диалогах Кошанского с лицеистами учитель настаивает, чтобы стихи были „подобающе выспренними“¹¹⁷. Это, конечно, художественная выдумка позднейшего биографа: при всей приверженности классическим вкусам Кошанский нигде не только не настаивает на пустой и холодной „выспренности“ стиля, но напротив: в „реториках“ постоянны требования яркого воображения, искреннего вдохновения, точного „природного“ описания, простоты и краткости стиля. Так, Кошанский пишет, что „*тропы* и *фигуры* тогда только составляют красоту, когда непринужденны, не выисканны“, рождаются „как будто ненарочно“ (Общая риторика, отд. XXX, § 10).

Особо стоит сказать о Н. Ф. Кошанском как филологе самых разнообразных интересов. Хотя Кошанский был известен как литератор и переводчик множества эстетических трактатов и статей, наибольшую славу и влияние принесли ему именно педагогические труды. Учебник латинской грамматики выдержал 11 изданий (СПб., 1811–1844), русской грамматики – 9 изданий (СПб., 1807–1843), „Общая риторика“ имела 10 изданий (1829–1849) и „Частная риторика“ 7 изданий (1832–1849). Количество изданий ясно говорит о влиятельности личности автора и его идей в течение всей первой половины XIX столетия – даже после кончины педагога (1832) его книги продолжали активно переиздаваться. Сегодня уже можно объективно говорить о его приверженности и преданности официальной идеологии: Кошанский предстает в учебниках риторики как патриот, пропагандирующий „веру, царя (точнее бы сказать, царей) и Отечество“. Очевидна его приверженность христианской нравственности, что давало ясную филолофско-этическую основу всему ходу рассуждения. В учебнике много исторических примеров – от Древней Руси до недавней славной истории России в именах Петра и Екатерины. При энциклопедической широте, охватывающей сведения от истории Египта, Греции и Рима до современных трудов по географии, статистике, математике, физике и пр., „Риторика“ Кошанского – своеобразное педагогическое введение в „энциклопедию русской жизни“ не в переносном смысле (как у Пушкина), а в прямом, поскольку

¹¹⁵ Грот К. Я. Указ. соч., с. 161.

¹¹⁶ Там же, с. 161–162.

¹¹⁷ Авенариус В. П. Отроческие годы Пушкина. Биографическая повесть. М., 1993, с. 86.

содержит весь необходимый охват интеллектуальных сведений для образованного человека первой половины XIX века.

По учебникам Н. Ф. Кошанского учились несколько поколений российских учащихся. Живость изложения, множество дополнительных сведений по логике и эстетике, иллюстрация риторических указаний многочисленными примерами из древней и новой литературы снискали Кошанскому славу замечательного писателя-педагога. Если общая риторика излагала общие правила составления сочинений, то частная риторика предлагала правила к отдельным видам: как писать письма, как вести разговоры, как строить учебные и ученые сочинения, каковы разновидности ораторского красноречия, наконец, как пишется художественная (или изящная) проза.

Терминология и общая концепция филологических („словесных“) наук существенно отличалась от современных филологических дисциплин, поэтому небезынтересно разобраться в ее специфике. „Общая риторика“ Н. Ф. Кошанского начата замечательным определением сущности человека, который отличен от „прочих животных“ „силой ума и даром слова“¹¹⁸. Эти две способности являются причиной различия ученых предметов: „сила ума проявляется в *понятиях, суждениях* и *умозаключениях*: вот предмет логики. Дар слова заключается в прекраснейшей способности выражать *чувствования* и *мысли*: вот предмет словесности“.

Дальнейшее определение словесных наук требует выделения трех главных частей: грамматики, риторики и поэзии, граничащих с эстетикой. Предмет грамматики – „слова“, риторика – „преимущественно мысли“, поэзия – „чувствования“. Согласно Н. Ф. Кошанскому, риторика имеет „предметом мысли“ и показывает: „1. откуда они почерпаются (*изобретение*); 2. как приводятся в порядок (*расположение*); 3. как излагаются (*выражение мыслей*)“¹¹⁹. Критики риторики будут утверждать, что „изобретать мысли невозможно“ (К. П. Зеленецкий).

Словесность, названная „способностью выражать мысли и чувствования“, подразделяется на *прозу* (ее изучает частная риторика) и *поэзию*, изучаемую пиитикой.

Термин красноречие прокомментирован у Н. Ф. Кошанского в примечаниях. Если каждая из словесных наук (грамматика, риторика, поэзия) имеет, „как наука, свою теорию, и как искусство, свою практику“, то очевидно, что практика риторики ближе всего к традиционному значению слова *красноречие*. В „Частной риторике“, пользуясь терминами „гражданское красноречие“, „политическое красноречие“, „духовное красноречие“ при описании конкретных родов речей, Н. Ф. Кошанский предпочел названию этого вида словесности термин ораторство. Вот его определение: „Ораторство, витийство (*ars oratoria*) есть искусство даром живого слова действовать на разум, страсти и волю других“. В описании действий оратора Н. Ф. Кошанский использует слово „красноречие“ скорее метафорически: „Оратор действует на разум красноречием ума, силою доказательств, убеждений – движет страсти красноречием сердца, жаром чувств, стремлением души“¹²⁰.

Одним из первых Н. Ф. Кошанский пытается разделить значения словесности и литературы – почему-то в нашей литературе разбор этих различий принято начинать с мнения В. Г. Белинского, писавшего свои статьи значительно позднее и,

¹¹⁸ Общая риторика. 2-е изд. СПб., 1830, с. 1–6.

¹¹⁹ Там же, с. 2.

¹²⁰ Частная риторика. СПб., 1832, с. 76.

скорее всего, подсознательно заимствовавшего свою классификацию у критикуемого им „ходульного“ ратора-педагога. В первичном определении Кошанский дает эти термины как синонимы: „с л о в е с н о с т ь или л и т е р а т у р а вообще наука, объемлющая полное знание одного или многих языков и все письменные произведения и писателей“¹²¹. Однако литература – понятие более узкое, относящееся к области письменно-печатной словесности, поэтому существуют понятия и с т о - р и и л и т е р а т у р ы как „истории писателей“ и „литературы какой-либо науки или искусства – собрания сочинений или писателей по той части“. Толкование основных терминов базируется на филологической культурной традиции, рассматривающей развитие общества в связи с развитием языка или форм словесности. Поэтому „народы дикие имеют я з ы к , но не имеют л и т е р а т у р ы ; а просвещенные по успехам литературы заключают о степени образования народа“¹²².

Именно Кошанскому принадлежит наиболее разработанное учение об источниках изобретения мыслей. В название первой важнейшей части риторики (после определения „словесных наук“) Кошанский вводит термин „источник мыслей“ и, как бы возражая противникам „источников изобретений“, определяет: „Первый и главный источник всякого сочинения есть предмет, или предложение. Предметом сочинения называют одно понятие, идею, одно слово. Например: *Провидение – Весна – Буря...* Предложение заключает в себе краткую, полную мысль, которая говорит что-либо ясно уму и тайно сердцу“. Итак, главный „источник“ – сам „предмет“. Что система топов вовсе не набор формальных правил для Н. Ф. Кошанского (в чем его обвинят и К. П. Зеленецкий, и В. Г. Белинский), доказывается и последующим рассуждением: „Когда дано или избрано предложение, то прежде всего старайтесь хорошо понять его...“ Таким образом, Н. Ф. Кошанский настойчиво призывает к размышлению, а не к формальному использованию топов.

„Действие“ же „ума“, когда ритор создает новые мысли, слова, выражения, „называется в риторике изобретением“. Классификация „источников изобретения“ Н. Ф. Кошанского настолько педагогически и писательски целесообразна, что на нее и современному учителю следует обратить особое внимание. Согласно Н. Ф. Кошанскому, существуют три рода источников изобретения: первый дает способы распространять одно предложение; второй – „учит из одного предложения выводить другие“; третий – показывает, „откуда почерпаются доказательства, согласные с целью писателя“, и относится к частной риторике.

Первый род источников изобретения включает десять способов: первые три служат к „приисканию слов“ (синонимы, эпитеты, противные); затем – семь известных вопросов *кто? что? где? при чьей помощи? для чего? каким образом? когда?*“. Второй род включает двадцать четыре источника, причем, из предварительных комментариев Н. Ф. Кошанского ясно, что речь идет о порождении или распространении мыслей: „Всякая мысль рождает другую. В каждом предложении таится другое, в другом – третье...“ Как бы отвергая обвинения своих будущих оппонентов в формализации процесса мысли, Н. Ф. Кошанский показывает, как общие места служат риторической педагогике, открывая способности *мыслить*: „Открывать в одной мысли другие, искать в данном предложении новых значит мыслить. Нельзя тому сочинять, кто не умеет и не хочет думать: хорошо писать значит хорошо думать“.

¹²¹ Частная риторика. СПб., 1832, с. 1.

¹²² Там же.

Сказанное слишком похоже на то, в чем будут обвинять Кошанского его оппоненты – противники источников изобретения: „размышляй!“ – призывают и М. М. Сперанский, и К. П. Зеленецкий, но в сущности ни тот, ни другой не предлагают педагогического метода развития способностей к размышлению. Н. Ф. Кошанский как обоснование обучения „думать“ начинает общую риторику „источниками изобретения“, предваряя их описание вдохновенным пояснением: „Источники изобретения раскрывают ум, развивают мысли. Они укажут вам, с какой точки зрения должно смотреть на предмет или на мысль“. Пользование источниками предполагает избирательность: „Не в каждом источнике вы найдете новые мысли для вашего предложения, но в разных источниках... что-либо новое, изящное, прекрасное“.

Н. Ф. Кошанский фиксирует внимание читателя и учеников (сила его книг – в обращенности к учащимся) на значении теорий изобретения и расположения: „истинное красноречие всех веков и народов состоит в прекрасных мыслях, в искусстве располагать и составлять сочинение, а не в наружности, которая в живом языке пленяет только один век, одно поколение“. Расположение формируется „действием рассудка и нравственного чувства, которые от частых соображений, от частых примеров сами, наконец, образуются, укрепляются и принимают надлежащее направление“. Понятия рассудок, нравственное чувство у Н. Ф. Кошанского не голословны, они как бы терминологизированы, это – реальные действователи или помощники, инструментарий создания речи: „Располагать сочинение значит обнимать рассудком все части его и, соображая одну с другою, назначать по нравственному чувству место для каждой“. Правила, о которых пишет Н. Ф. Кошанский для „юной неопытности“, предвосхищают позднейшие обвинения в адрес „схоластической“ сущности риторики, поскольку всякие правила должны быть подкреплены „собственным размышлением и наблюдательным чтением лучших сочинений“. Точно так же и „искусственность“ риторических правил (при их нормативности) нивелируется, когда видишь рекомендацию Н. Ф. Кошанского „скрывать искусство“, следуя во всем законам „натуры“.

Кроме вышесказанного, в „Реториках“ Н. Ф. Кошанского чрезвычайно важна демонстрация роли гуманитарного филологического знания, ибо именно в формировавшейся с начала века теории словесности и учебниках риторики обобщенно представлялась не только совокупность гуманитарных наук, но и все жанры научных и учебных сочинений. Из учебников Кошанского становится ясно, что такое филология его времени.

Филологическое знание представлено им в строгой стилистической манере перечисления эпох, основных авторов и созданных ими сочинений. Филология как наука объемлет у Кошанского классическое античное знание, новых зарубежных авторов, но, самое главное, „важнейших“ отечественных филологов. В состав филологии включаются все известные авторы по следующим разделам:

- 1) классические греческие филологи и риторы (Аристотель, Платон, Дионисий Галикарнасский, Димитрий Фалерский и др.), а также критики, мифографы, географы;
- 2) классические римские филологи (Варрон, Присциан) и риторы (Цицерон, Квинтилиан), а также энциклопедисты, мифографы, географы;
- 3) книги по словесности у новых народов на латинском, итальянском, английском, французском, немецком языках с перечислением основных авторов;

4) из российских названы „старший по времени *филолог В. К. Тредьяковский*“, „важнейшие“ филологи (Шишков, Востоков, Ломоносов) и риторы (Рижский, Мерзляков, Никольский, Толмачев). К „превосходным учебным книгам языка“ отнесены Кошанским *Грамматика* и *Словарь* Академии Российской. После ученых книг исчислены *собрания образцовых сочинений* и их авторы: В. А. Жуковский, А. Ф. Воейков, Н. И. Греч.

Современного исследователя не может не поразить обширность сведений, которыми владел Кошанский – ученый-учитель, филолог-ритор, пытавшийся систематизировать и описать все известное его времени словесно-гуманитарное знание. Ни до, ни после Кошанского создать такое обобщенное описание филологии своей эпохи не удавалось ни одному российскому ученому.

Более пространный анализ текстов „реторик“ Н. Ф. Кошанского ждет своего исследователя: теперь читатель имеет возможность самостоятельно оценивать их глубину и своеобразие. Личность и труды Н. Ф. Кошанского, филологического учителя царскосельских отроков, только начинают оцениваться его потомками. Если исследователи современной научной риторики давно признали Н. Ф. Кошанского своим классиком¹²³, то современной школе и широкому читателю этот замечательный педагог, ученый и писатель-стилист только начинает открываться. У потомков всегда есть возможность „открытий чудных“ – ведь „сердце в будущем живет...“

¹²³ См. многочисленные ссылки на труды Кошанского в современных статьях. Для учителя русского языка рекомендуем сборник: Предмет риторики и проблемы ее преподавания. Материалы Первой Всероссийской конференции по риторике. Москва, 1997 г. 28–30 января. М., 1998.

Л. Е. Макарова

БИОГРАФИЯ И НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТРУДЫ Н. Ф. КОШАНСКОГО

Биография

Крупнейший и влиятельнейший филолог, ритор, педагог, специалист по античному искусству и классическим языкам („археологии“ и „древностям“, как это тогда называлось), талантливый переводчик Николай Федорович Кошанский мог родиться в 1781, 1784, 1785 и 1787 годах (доподлинно это неизвестно – 1785 г. указан в его формулярном списке) и происходил из дворян Московской губернии¹²⁴. Больше о его родителях и детских годах ничего не известно¹²⁵. Портрета Н. Ф. Кошанского до нас также не дошло: мы можем представить его себе только по описанию в формулярном списке – „высоким, стройным ростом и красивыми, приятными чертаниями“¹²⁶.

Кошанский учился в Московском университетском благородном пансионе, а с 1798 (1799; в 1798 г. поступил, а в 1799 г. произведен в студенты) по 1802 гг. – в Императорском Московском университете сразу на двух факультетах – юридическом и философском. Он блестяще владел не только русским, но и древнегреческим, латинским, французским, немецким, а также английским языками. Успехи и способности Кошанского были настолько выдающимися, что еще студентом ему поручили преподавать риторику в Университетском благородном пансионе. В студенческие же годы Кошанский начал публиковаться; по обычаю того времени сначала это были переводы французской беллетристики – „Зефир и Флора“, либретто балета Дюкло (1800), „Фелиция Вильмар“ Бланшара (1801–1802), „Путешествие Пифагора“ (1803–1804)¹²⁷ и первые стихотворения „На смерть ее сиятельства княгини А. Д. Касаткиной-Ростовской“ (1802) и подражание Вергилию – эклога „Амарилла“ (1803). По окончании университета 30 июня 1802 г., он получил золотую медаль от философского факультета за отличные успехи в науках, а 30 августа того

¹²⁴ Малеин А. И. Николай Федорович Кошанский. СПб., 1901, с. 2.

¹²⁵ У Николая Федоровича было еще два брата, которые служили вместе с ним, но по хозяйственной части, в Университетском благородном пансионе, потом в Благородном пансионе при Лицее; один из них служил и в Институте слепых, а после смерти Николая Федоровича, также стал его директором.

¹²⁶ Там же, с. 43.

¹²⁷ См. примеч. к этой работе в библиографии работ Кошанского.

же года – степень кандидата и место учителя древнегреческого и латинского языков в синтаксических классах Академической гимназии при Московском университете. 30 июня 1805 г., успешно выдержав устный экзамен, Кошанский был утвержден в степени магистра философии и свободных искусств. Именно тогда на него обратил внимание крупный меценат, попечитель Московского университета и товарищ министра¹²⁸ народного просвещения Михаил Никитич Муравьев (1757–1807), талантливый и хорошо известный писатель, фигура очень значительная в истории нашей культуры. „Одной из главных задач Муравьева было поднятие национальной науки в России, в силу чего он стремился занять университетские кафедры русскими людьми“¹²⁹. Кошанский „предназначен был им для кафедры археологии и изящных искусств“¹³⁰, что предполагало зарубежную стажировку, тем более что Муравьев поручил ему перевод „Руководства к познанию древностей“ (т. н. „Археологии“) О. Л. Миллена (за этот перевод Николай Федорович впоследствии получил в награду от Александра I часы), работ Винкельмана, Ксенофонта, стихотворений Мосха и Биона¹³¹. Однако поездке не суждено было сбыться – помешала война 1805 г. Вместо этого Николай Федорович остался на год в Санкт-Петербурге: изучать древности Эрмитажа и пройти курс в Академии художеств. Кошанский работал очень плодотворно, так как результатом его деятельности стала докторская диссертация „Изображение мифа о Пандоре в античных произведениях искусства“, опубликованная в 1806 г.¹³²

Возвратившись в начале 1807 г. в Москву, Кошанский выдержал экзамен и 10 февраля этого же года был утвержден в степени доктора философских наук. Но занять кафедру ему было не суждено. Во-первых, ею заведовал приглашенный Муравьевым из Геттингена профессор Иоган-Теофил Буле, человек достойный, обладавший поразительной творческой энергией и жадой деятельности, правда, не владевший русским языком, что затрудняло его преподавательскую и просветительскую деятельность. А в то время на кафедре не могло быть больше одного профессора: собственно, профессор, его научная и педагогическая деятельность, и были кафедрой. (Надо сказать, что Кошанский и Буле активно сотрудничали: в частности, Николай Федорович переводил работы последнего, а Буле написал весьма лестную рецензию на его докторскую диссертацию¹³³; некоторые исследователи считают Кошанского учеником Буле¹³⁴.) А во-вторых, и главным образом потому, что 29 июля 1807 г. скончался покровитель Кошанского М. Н. Муравьев.

¹²⁸ Товарищ министра (председателя) в Российской империи заместитель министра или председателя. Заведовал наиболее важными структурными частями министерства или др. учреждения, выполнял отдельные ответственные поручения (Российский энциклопедический словарь. М., 2001, кн. 2, с. 1580).

¹²⁹ Малеин А. И. Указ. соч., с. 4.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ См. Шевырев С. П. История Императорского Московского университета. М., 1855, с. 348. Из переводов Мосха и Биона родились позже „Цветы греческой поэзии“; из Винкельмана Кошанскому удалось перевести только отрывки, а вот Ксенофонт остался нереализованным.

¹³² *Illustratio Mythi de Pandora et antiquae artis operum ad eum spectantium, quam amplissimi Philosophorum ordinis ad consequendum Doctoris Philosophiae gradum instituit Nicolaus Koschansky A.A.L.L. Magister. Mosquae, 1806.*

¹³³ Московские ученые ведомости. 1807, № 9, суббота 2 марта.

¹³⁴ Черняев П. А. С. Пушкин как любитель античного мира и переводчик древнеклассических поэтов. Казань, 1899, с. 9; Хлопников А. М. Н. Ф. Кошанский и его время // История философии. М., 2000, вып. 5, с. 118–137.

Николай Федорович расширяет педагогическую деятельность и преподает в высших классах гимназии Московского воспитательного дома и Екатерининского московского института, а также в частном институте Виллерса. Помимо этого, в 1809 г. он занял должность секретаря при Цензурном комитете московского округа, а в следующем году был избран секретарем при Комитете испытаний для получения чинов VIII и V классов. Одновременно Николай Федорович давал уроки в пансионах и частных домах. Все это время он продолжает преподавать в Университетском благородном пансионе: в программе за 1810 г.¹³⁵ значится, что проф. Кошанский планировал, повторив русский и латинский синтаксис, проходить со своими учениками русскую просодию (т. е. учение об ударении и соотношении долгот и краткостей в стихе), риторику и логику, историю российской литературы (с разучиванием и декламированием образцовых сочинений в стихах, а также критическим разбором лучших писателей), разбирать басни Федра и прочие учебные тексты, мифологию и древности, – по сути всю античную и русскую культуру, выраженную в слове. Для этого он издает свои учебники: „Таблицу латинской грамматики“ (1809 и 1810), „Правила, отборные мысли и примеры латинского языка“ (1807), перевод с дополнениями „Руководства к познанию древностей“ Миллена (1807), „Начальные правила русской грамматики“ (1807 и 1809), „Учебную книжку на латинском и французском языках“ (1809) и „Латинскую грамматику“ (по Бредеру, 1811). Из них наиболее значимы т. н. „Археология“ Миллена и „Латинская грамматика“; остальные были повторительными курсами к урокам Кошанского (и даже вышли без имени автора). Особенно замечателен учебник латыни, выдержавший одиннадцать изданий. Другая часть его научной деятельности была связана с самыми разными журналами: переводом „Журнала изящных искусств“ Буле, в котором он опубликовал и два отрывка из „Истории искусства древности“ Винкельмана в собственном переводе („Аполлон Бельведерский“ и „Лаокоон“), а также две собственные статьи: „Памятник Минину и Пожарскому, назначенный в Москве“ и „Каков должен быть истинный художник?“. Журнал, правда, прекратил выходить со смертью Муравьева (за 1807 г. вышло лишь 3 номера). Кроме того, Николай Федорович активно сотрудничал в „Московских ведомостях“, „Вестнике Европы“, „Русском вестнике“, „Journal de la Société des Naturalistes à Moscou“, „Новостях русской литературы“ и некоторых других. Вся эта слишком разрозненная деятельность мешала Кошанскому сосредоточиться на научной работе и, несомненно, утомляла его. Поэтому, узнав об учреждении Царскосельского Императорского лицея, 23 февраля 1811 г. он подал просьбу министру просвещения графу А. К. Разумовскому о предоставлении ему места и был переведен на службу в лицей в должности профессора русской и латинской словесности.

В Императорском Александровском Царскосельском лицее Николай Федорович преподавал с 1811 по 1828 годы, а после открытия при нем в 1814 году Благородного пансиона вел аналогичные классы и в нем. К сожалению, ему было отказано в poste директора пансиона, и это, пожалуй, было единственной его служебной неудачей¹³⁶. Параллельно Кошанский состоял членом Императорского человеколюбивого общества; в 1824 году он был назначен директором Санкт-Петербургского Института слепых при этом обществе. Его заслугой на данном поприще было введение в 1826 году нового, более удобного шрифта для печатания книг для слепых,

¹³⁵ Малеин А. И. Указ. соч., с. 10–11.

¹³⁶ Малеин А. И. Указ. соч., с. 24.

а также проект устава института, который, однако, успеха не имел (текст не найден). С 1823 по 1826 год (до закрытия) Кошанский состоял в Комитете для рассмотрения учебных книг, употребляемых в пажеских и кадетских корпусах, а с 1827 года и до самой смерти – в Комитете при Министерстве народного просвещения для рассмотрения пособий, употребляемых в учебных заведениях России. Николай Федорович был также членом двух научных обществ: Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (предположительно с 1818 г.) и Московского общества любителей российской словесности при Императорском московском университете (с 1819 г.).

В Царскосельском лицее Кошанский преподавал церковнославянский язык, латинскую и русскую словесность, историю искусства (по Эшенбургу и Винкельману); в круг его обязанностей входило и обучение стиховорству. Как и в московский период, он писал учебники в основном для своих подопечных. Это издание басен Федра, с примечаниями и словарем (1814; 2-е изд., 1832), второе и все последующие издания „Латинской грамматики“ (1815; 11-е изд., 1844), дополненные словарем, „Корнелий Непот, о жизни славнейших полководцев“, с примечаниями и словарем (1816)¹³⁷, „Ручная книга древней классической словесности...“, собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским“, в двух томах (1816–1817) и „Сокращение Священной истории (Epitome Historiae Sacrae)“ по Ломону, с замечаниями, правилами и словарем (1818; (?)1824)¹³⁸. Его учебные тексты характеризуются сжатостью, уместностью, отсутствием балласта; разбирая басни Федра, он сопоставлял их с подражаниями Дмитриева, Крылова и Сумарокова¹³⁹. Единственное не учебное издание – вышедшие в 1811 году „Цветы греческой поэзии“: идиллии Биона и Мосха с переводами и комментариями самого Кошанского, параллельными греческими, латинскими и новейшими, в т. ч. русскими, английскими, итальянскими, испанскими (!) текстами – „труд, делающий честь не только составителю, но и вообще филологическому образованию того времени“¹⁴⁰. Это чудакватое изящное издание¹⁴¹ явилось существенным звеном в кругу его руководств по изучению древней культуры – а именно так широко понимал словесность Кошанский – и составляет в его курсе единое целое с русской словесностью.

Его руководства формируют единую образовательную программу, которую Николай Федорович начал воплощать в Университетском пансионе и активно продолжил в лицее. Поэтому понятно его стремление завершить перевод и издать книгу Винкельмана уже в Царскосельском лицее. Невозможность осуществления данного намерения прервала начатое в московский период поступательное движение. Его последним отголоском явилась статья 1821 года „Взгляд на историю искусств“, заключающая в себе биографии греческих художников. Помимо нее Кошанский написал статью „О русском синтаксисе“ (1819), представленную первоначально в Московское общество любителей российской словесности в форме письма к его председателю А. А. Прокоповичу и являющуюся критическим

¹³⁷ За издание Федра и К. Непота Кошанский был удостоен награды от Александра I – бриллиантового перстня и особого монаршего благоволения.

¹³⁸ Издания К. Непота, Федра и „Сокращение Священной истории“ были одобрены Комитетом для рассмотрения учебных пособий к употреблению в учебных заведениях России.

¹³⁹ Малеин А. И. Указ. соч., с. 21.

¹⁴⁰ Там же, с. 13.

¹⁴¹ Его характеристику см.: Там же, с. 13–18.

разбором академического синтаксиса. Он также написал речь „О преимуществах русского слова“ (1811) к торжественному открытию Царскосельского лицея¹⁴² и напечатал стихотворение „На смерть графини Ожаровской“ (1814). 15 марта 1828 года Н. Ф. Кошанский ушел в отставку по выслуге лет.

О педагогической деятельности Кошанского в петербургский период, в отличие от московского¹⁴³, сохранились и официальные документы, и воспоминания бывших лицеистов. К первым относятся: „Памятная книжка Императорского Александровского лицея на 1856–1857 год“ (СПб., 1856), где помещена, по-видимому, первая биография Кошанского И. Я. Селезнева; его же „Исторический очерк Царскосельского, ныне Александровского, Лицея за первое его пятидесятилетие, с 1811 по 1861 год“ (СПб., 1861); книга А. А. Рубца „Наставникам, хранившим юность нашу...“; „Памятная книжка чинов Императорского Александровского, бывшего Царскосельского, Лицея, с 1811 по 1911 год“ (СПб., 1911); Д. Кобеко „Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. 1811–1843“ (СПб., 1911); книга А. Н. Яхонтова „Исторический очерк Императорского Александровского (б. Царскосельского) лицея“ (Париж, 1936 г.); а также материалы в исследованиях жизни А. С. Пушкина лицейского периода¹⁴⁴. О работе Кошанского в Комитете для рассмотрения учебных пособий (с 1827 по 1831 г.) есть сведения в книге А. С. Воронова „Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1829 г. по 1853 г.“ (СПб., 1854); о его участии в Обществе любителей российской словесности сообщается в одноименной статье М. Лонгинова в „Русском Вестнике“ за 1858 год (т. XV, кн. 2).

Ко вторым относятся, прежде всего: заметки в книге его бывшего ученика Я. К. Грота „Пушкин, его лицейские товарищи и наставники: Статьи и материалы Я. Грота“ (СПб., 1899); отдельные письма в „Переписке Я. К. Грота с П. А. Плетневым“ (т. III, СПб., 1896); книга безымянного ученика Кошанского „Благородный пансион Императорского Царскосельского Лицея“¹⁴⁵; одна страничка во вступительной статье Л. Н. Майкова к „Сочинениям Батюшкова“ (1885–1887 гг.), замечания в работе В. П. Гаевского „Пушкин в лицее и лицейские его стихотворения“ в „Современнике“ за 1863 год (т. ХСVII); воспоминания С. Д. Комовского, графа М. А. Корфа и некоторых других¹⁴⁶. Заметим тут же, что период этот характеризуется почти полным отсутствием научного анализа его работ. Весь XIX и большую часть XX вв. личность Кошанского интересовала филологов лишь в связи с проблемой его возможного влияния на А. С. Пушкина (или на Батюшкова, как Л. Н. Майкова). Поэтому мы не будем останавливаться на данной проблеме (см.

¹⁴² Речь, по-видимому, так и не была произнесена (см. *Селезнев И. Я.* Материалы для истории Лицея // *Памятная книжка Императорского Александровского лицея на 1856–1857 год.* СПб., 1856, с. 154; *Он же.* Исторический очерк императорского бывшего Царскосельского, ныне Александровского, Лицея. К пятидесятилетнему юбилею 19 октября 1861 г.. СПб., 1861, с. 18–24).

¹⁴³ Кроме, разве что, программы обучения в Университетском благородном пансионе за 1810 год в кн. Н. В. Сушкова „Московский Университетский Благородный Пансион“ (2-е изд. М., 1858, с. 54).

¹⁴⁴ См.: *Хлопников А. М.* Указ. соч., с. 137.

¹⁴⁵ См.: *Малеин А. И.* Указ. соч., с. 33.

¹⁴⁶ Приводятся у Грота: см.: *Грот Я. К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники: Статьи и материалы Я. Грота. 2-е изд. СПб., 1899, с. 219–220, 225–226. Другие работы см. в нашей библиографии работ о Н. Ф. Кошанском (с. 314–318).

краткое резюме этих споров за XIX в. у А. И. Малеина и в статье Н. Пиксанова¹⁴⁷, из современных трудов см. исследования Н. И. Михайловой¹⁴⁸).

Отметим только, что натянутые отношения сложились у Кошанского лишь с первым выпуском, да и то отчасти. Все отрицательные отзывы относятся именно к этому периоду: учитель и его талантливые ученики, и прежде всего Пушкин, расходились во взглядах на необходимость соблюдения правил риторики и поэтики, требуемого Кошанским в их классных сочинениях. Тем более что Николай Федорович соблюдал строгую постепенность в процессе обучения: поначалу запрещал лицеистам сочинять, полагая, что прежде надо научиться мыслить и чувствовать; писать они начали с периодов. Пушкину, полагает Малеин, „нечего было заимствовать у Кошанского даже относительно техники стиха“¹⁴⁹. Думается, данную ситуацию хорошо характеризуют слова из „Общей риторики“ самого Николая Федоровича: „Скажут: гению правил не нужно. Не спорю... Но сочтите гениев... И притом не забудьте, что и кедр сначала растет наравне с травой и греется тем же солнышком и питается тою же росой“¹⁵⁰. Нам также кажется странным, что опираясь на эту немногочисленную, по сравнению с положительными отзывами последующих выпусков¹⁵¹, критику (в основном, М. А. Корфа, известного резкостью своих высказываний), „Русский биографический словарь“ и мн. др. делают вывод, что Кошанский „к несчастью не обладал большим художественным вкусом“¹⁵².

После ухода по выслуге лет из Царскосельского лицея, Николай Федорович продолжил педагогическую деятельность: вместе с такими известными филологами как А. Х. Востоков, Я. В. Толмачев, М. И. Талызин он продолжал работать в Комитете для рассмотрения пособий, употребляемых в учебных заведениях России при Министерстве народного просвещения. Именно в третий период он написал свои знаменитые „Риторика“. Конечно, история их создания началась задолго до того, еще когда он, будучи студентом, преподавал риторику в Университетском благородном пансионе и, вполне вероятно, пользовался учебниками Ломоносова и Рижского. „Риторика“ суммируют и опыт его лицейского преподавания; в их основе – лекции и практические занятия того периода: „в них входило многое из того,

¹⁴⁷ Малеин А. И. Указ. соч., с. 16–18, 28–33; Пиксанов Н. Н. Ф. Кошанский // Библиотека великих писателей. Пушкин / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1907–1915, т. 1, 1907, с. 250–259.

¹⁴⁸ Михайлова Н. И. Творчество Пушкина и ораторская проза 1812 г. // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л., 1986, т. 12, с. 278–288; Она же. Народное красноречие в „Капитанской дочке“ // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л., 1991, т. 14, с. 253–257. Она же. Лицейский преподаватель А. С. Пушкина Н. Ф. Кошанский и его риторика // Русская словесность. 1998, № 3; Она же. „Витийства грозный дар...“: А. С. Пушкин и русская ораторская культура его времени. М., 1999.

¹⁴⁹ Малеин А. И. Указ. соч., с. 30.

¹⁵⁰ Общая риторика Н. Кошанского. 3-е изд. СПб., 1834, с. 8.

¹⁵¹ Малеин А. И. Указ. соч., с. 33.

¹⁵² Русский биографический словарь. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. СПб., 1903, т. 9, с. 385. Помимо работы А. И. Малеина интересна попытка Н. Пиксанова в вышеуказанной статье проанализировать педагогическую деятельность Кошанского. Читая воспоминания и исследования о лицее нельзя не согласиться с Пиксановым в том, что „пущенная в оборот Корфом легенда о недоброжелательном отношении Кошанского к Пушкину оказала свое давление на биографов поэта“ (Там же, с. 255, прим. 1).

что впоследствии явилось в названных книжках¹⁵³. Это видно из самого текста: пример „винословного“ периода взят из „Постановления о Лицее“, в качестве практических упражнений в искусственных рассуждениях предлагается написать приветственную речь перед началом испытаний и благодарственную речь после них при выходе из училища (по примеру Торжественных актов в лицее); в „Частной риторике“ приведен ранее нигде не печатавшийся анекдот об Александре I и лебедях, живших в царскосельском пруду. Безусловно, при написании книг материал лекций был тщательно переработан: основными принципами служили краткость, лаконичность, простота и доступность стиля изложения, а примеры пополнены из современной русской литературы, которую Кошанский знал в совершенстве. С „Частной риторикой“ он работал, по-видимому, до самой смерти.

„Общая риторика“ стала учебником для гимназий со второго издания (1830). В 1827 году в Комитете для рассмотрения пособий, употребляемых в учебных заведениях России, был поднят вопрос о необходимости реформирования преподавания словесности, для чего было решено разработать программу курса. Ее составление было поручено академику П. И. Кеппену и членам комитета Я. В. Толмачеву и Н. Ф. Кошанскому. Первоначально задача написания учебника „Риторики с присовокуплением самых кратких правил стихосложения и родов поэзии“ была возложена на Я. В. Толмачева; одновременно такое же предложение послали А. Ф. Мерзлякову, предложив „избрать в руководство лучшего по методике иностранного по сей части писателя“¹⁵⁴. Я. В. Толмачев, профессор Санкт-Петербургского университета, к тому времени уже был автором „Военного красноречия“ (1825); у А. Ф. Мерзлякова, профессора Московского университета, преподававшего по кафедре красноречия и поэзии, вышло три издания „Краткой риторики“ (1809; 1817; 1821; последнее в 1828). Почему Толмачев не стал писать учебника неизвестно, а Мерзляков в 1829 году прислал в адрес комитета сначала рукопись „Риторики“, потом и „Пиитики“. „Риторика“ оказалась почти буквальным переводом известной „Der Redner und Dichter“ Гейнзия и, по мнению А. А. Перовского, переводом очень неудачным, „с прибавлением авторов древних и европейских из Эшенбурга и с присовокуплением русских, весьма недостаточных“¹⁵⁵. Одним из главных недостатков „Риторики“ Мерзлякова были литературные примеры – „почти все обветшалые“. Особенно разительно это заметно на фоне „Общей риторики“ Кошанского, рассматривавшей прозаические и стихотворные произведения XIX века, в том числе Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, К. Батюшкова и А. С. Пушкина. Когда комитет отверг учебник Мерзлякова, Кошанский предложил свой, недавно вышедший (1829), и „комитет, рассмотрев помянутую Риторику, нашел, что она, основана будучи на нынешнем состоянии нашей словесности, более прочих подобных книг применена к потребностям гимназий и потому, по мнению Комитета, с пользою употребляема может быть в учебных наших заведениях“¹⁵⁶.

Первое издание „Частной риторики“ Кошанского вышло после его смерти, в 1832 году, подготовленное к печати А. Х. Востоковым. В делах комитета сохранились отзывы на нее Я. В. Толмачева, М. И. Талызина (профессора Санкт-Петер-

¹⁵³ Грот Я. К. Указ. соч., с. 42.

¹⁵⁴ Михайлова Н. И. Судьба „риторик“ Н. Ф. Кошанского // Альманах библиофила. М., 1984, вып. 16, с. 212, 214.

¹⁵⁵ Там же, с. 216

¹⁵⁶ Михайлова Н. И. Судьба „риторик“... с. 217.

бургского педагогического института) и А. Х. Востокова. В качестве достоинств отмечается, что „Частная риторика“ приспособлена „по методе и образу изложения к понятию учеников“ (Толмачев), „гораздо приступнее и занимательнее для начинающих учиться красноречию“ (чем, например, „Учебная книга российской словесности“ Н. И. Греча, с которой ее сравнивает Талызин), все понятия изложены „ясно, просто, даже привлекательно“ и почти каждое снабжено примерами „из лучших наших писателей“ (Талызин)¹⁵⁷. В качестве недостатков Востоков указывает на то, что „о хитростях и неопределенности, допускаемых в дипломатических бумагах, юношеству говорить не должно. Этому научаются люди сами собою...“ или что „грамматику Российской Академии нельзя назвать лучшей учебной книгою языка. Словарь Академии, другое дело...“¹⁵⁸.

„Общая риторика“ подверглась весьма резкой критике уже в 1830–1831 годы. При этом для большинства журнальных рецензий выход учебника Кошанского – лишь повод¹⁵⁹ объявить риторику либо бесполезной, либо даже несуществующей наукой. Самая мягкая характеристика – „Общая Риторика, сочиненная почтеннейшим Н. Ф. Кошанским, не может принести большой пользы учащимся“ – в „Сыне Отечества“ за 1830 год¹⁶⁰, еще находящем некоторые достоинства, как-то „тонкий литературный вкус“ автора. „Московский Телеграф“ за 1831 год¹⁶¹ уже обвиняет вообще всю риторику – как „варварское, схоластическое знание“. „Библиотека для чтения“¹⁶² прямо называет риторику несуществующей наукой и далее иронично замечает: „Мерзляков создал Кошанского, а Кошанский создал А. С. Пушкина. Следовательно, А. С. Пушкин учился по риторике г. Кошанского, следовательно, учась по риторике г. Кошанского, можно выучиться прекрасно писать“. Апофеозом критики обеих „реторик“ стали статьи В. Г. Белинского 40-х годов в „Отечественных записках“ и „Литературных прибавлениях“ к „Русскому инвалиду“, в которых он ратовал за создание новой теории словесности, свободной от пережитков классицизма. Так, в № 1 „Отечественных записок“ за 1845 год¹⁶³ он писал: „Всякая риторика есть наука вздорная, пустая, вредная, педантская, остаток варварских схоластических времен, все реторики, сколько мы знаем их на русском языке, нелепы и пошлы; но риторика г. Кошанского перещеголяла их всех. И эта книга выходит уже девятым изданием! Сколько же невинного народа губила она собою!“ Думается, прав Малеев, говоря, что Белинский в стремлении уронить достоинство учебника переходил меру.

Тем не менее „Риторика“ Кошанского держались до 1851 года. Министерство народного просвещения, не решаясь сразу отменить учебники, поручило отзыв о них академику П. А. Плетневу. П. А. Плетнев в письме к Я. К. Гроту от 28 февраля

¹⁵⁷ Михайлова Н. И. Судьба „реторик“..., с. 218, 219.

¹⁵⁸ Там же, с. 218.

¹⁵⁹ „...насмешки над его риторикой составляли долго одно из тех общих мест нашей критики, которые в ней всегда имеются в запасе, потому что ничего нет удобнее как при случае щегольнуть готовым и по-видимому непогрешимым приговором. Между тем об этом учебнике говорили большею частью только понаслышке, не зная его и даже не имея точного понятия о его содержании“ (Грот Я. К. Указ. соч., с. 41).

¹⁶⁰ Сын Отечества и Северный архив. СПб., 1830, т. 10, № 8, с. 120.

¹⁶¹ Московский Телеграф. М., 1831, ч. 38, № 5, с. 86.

¹⁶² Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. 1836, т. 17, отд. 6, с. 37.

¹⁶³ Цит. по: Белинский В. Г. Общая риторика Н. Ф. Кошанского // Полн. собр. соч. М., 1955, т. 8, с. 503–514.

1848 года обосновал свое мнение о риторике Кошанского так: „я расхваливаю ее, находя, что ежели уж нужно учиться риторике, то, конечно, лучше по дельной, умной, хотя и очень педантской книге Кошанского, нежели по глупой, бестолковой и обличающей прямое невежество, как у всех других“¹⁶⁴. В своей книге, защищая память учителя от нападок, Грот подчеркивал, что критикуя „Риторики“, надо иметь в виду – „обе они имеют одно редкое для того времени достоинство – историческую основу, знакомят в правильной системе с историей древней и новой литератур, в особенности русской, и, во-вторых, что они заключают в себе только нить или канву, по которой дальнейшее развитие и оживление предмета предоставляется знанию и искусству хорошего преподавателя“¹⁶⁵.

В 1851 году, сообщает Малеин¹⁶⁶, „Риторики“ Кошанского были заменены „Теорией русской словесности“ К. П. Зеленецкого, переделанной председателем комитета для рассмотрения пособий, употребляемых в учебных заведениях России, И. И. Давыдовым. По-видимому, он имеет в виду анонимный четырехтомный учебник, созданный, как показало разыскание В. И. Аннушкина¹⁶⁷, не только по четырем курсам К. П. Зеленецкого, но и на основании шести глав из „Общей ретирики“ Кошанского. Об авторитетности Кошанского у последующих поколений свидетельствует и Малеин. Так, он отмечает, что „весьма многие части обеих риторик и теперь проходятся в наших среднеучебных заведениях... особенно замечательна в этом отношении «Частная реторика»“¹⁶⁸.

В последний период своей жизни Николай Федорович занимался теорией педагогики: так, он написал „Наставление учителям“ (1829), содержащее общие правила „в отношении к самим себе“, „в отношении к учащимся“ и „в отношении к искусству преподавания“¹⁶⁹. Комитет утвердил ее под названием „Руководство для учителей“, обязав Кошанского написать к нему введение об обязанностях учителей „от побуждений Веры“, но о дальнейшей судьбе этой книги ничего неизвестно: вероятно, она не была издана. Кроме того, в 1830 году он занимался составлением „Книги чтения в уездных училищах“, окончить которую не успел¹⁷⁰.

Николай Федорович Кошанский умер 22 декабря 1831 года (по старому стилю) в Санкт-Петербурге от холеры и был похоронен на Смоленском кладбище; некролог помещен в № 293 „Северной Пчелы“¹⁷¹.

Хочется отметить, что влияние его как филолога, педагога и ретора гораздо глубже, чем о том пишут самые преданные его сторонники: ведь по 11 изданиям его „Латинской грамматики“, 6-ти – „Русской грамматики“, „Басням Федра“ (2 издания) и „Корнелию Непоту“ (4 издания), 10-ти – „Общей“ и 7-ми „Частной ретирики“ занималось не одно поколение образованных граждан России.

¹⁶⁴ Цит. по: Михайлова Н. И. Судьба „реторик“... с. 222.

¹⁶⁵ Грот Я. К. Указ. соч., с. 41.

¹⁶⁶ Малеин А. И. Указ. соч., с. 40.

¹⁶⁷ Аннушкин В. И. Кто же составитель анонимной „Теории словесности“ 1851–60 годов? // Риторика. Специализированный проблемный журнал. 1996, № 1(3), с. 107–123.

¹⁶⁸ Малеин А. И. Указ. соч., с. 37.

¹⁶⁹ Там же, с. 42.

¹⁷⁰ Малеин А. И. Указ. соч., с. 42.

¹⁷¹ Русский биографический словарь... с. 384.

Труды Н. Ф. Кошанского: опыт научно-библиографического описания

Труды Н. Ф. Кошанского московского периода (1800–1811) распадаются на три группы: учебники латинского языка; книжечка русской грамматики; работы по искусству – современному и античному („археологии“ и „древностям“). За исключением „Латинской грамматики“ и т. н. „Археологии“, это повторительные курсы к урокам автора в Университетском благородном пансионе. Реальную ценность представляет „Латинская грамматика“: вместе с изданиями Федра, Корнелия Непота и „Священной историей“ она составляет цельный курс латинской словесности. „Цветы греческой поэзии“ – связующее звено между классической словесностью и античным искусством, между двумя гранями научной деятельности Н. Ф. Кошанского.

„Начальные правила русской грамматики“¹⁷² (1807) представляют собой первую часть курса грамматики – „словопроизведение“, т. е. начатки морфологии, предваряемые кратким сообщением о звуках и буквах русского языка, о том, что такое слоги, слова, „речь“, т. е. предложение, и какие существуют части речи; даны определения категорий имени, числа, падежа и рода, краткие характеристики каждой части речи. Как и в любых иностранных грамматиках приведены полные таблицы именного и адъективного склонения (во всех родах и числах) и спряжения глагола (во всех залогах, временах, наклонениях). Завершаются „Правила“ примером разбора части речи и аналогичным заданием для самостоятельного выполнения; это краткий справочник самых необходимых грамматических правил, без какого-либо оригинального материала. Однако именно эта книга оказалась тем, что нужно в свое время и на своем месте (нами обнаружено шесть ее изданий).

„Латинская грамматика“ (по Брэдеру)¹⁷³ (1811 г.) состоит из трех больших частей: теоретической, включающей „Объяснение слов порознь. Etimologia“, т. е. морфологию, и „Соединение слов. Syntaxis“ или правила согласования и глагольного управления; текстов, разбитых на четыре книги: „Натуральную историю для детей“ („Устроение Вселенной“, „О животных“, „О человеке“), „Разговоры“ („О Боге“, „Любовь к родителям“, разные), „Повести“ (моралистические и исторические), „Басни“; и латинско-русского словаря.

Судя по правилам, манере их объяснения и коротеньким нравоучительным рассказам (в абзац), „Латинская грамматика“ представляла собой учебник первой степени обучения, а „Басни Федра“ и „Корнелий Непот“ – последующие, более сложные уровни. К переводу и адаптивированию этого издания Кошанский подошел творчески: большинство примеров взято из современной жизни, например, правило на использование буквы „k“ (Rasumovsky, Kutusov) или такие любопытные предложения: *Qui furti in Anglia convietus est, in Sinum Botanicum deportatur*¹⁷⁴; *Cerevisiae sapor vel dulcis est, vel amarus*¹⁷⁵; о самостоятельном подборе примеров

¹⁷² Кошанский Н. Ф. Начальные правила русской грамматики. В пользу воспитанников Унив. Благородного пансиона. М., (1806 ?), 1807.

¹⁷³ Кошанский Н. Ф. Латинская грамматика с примерами для чтения, изданная (по руководству Брэдера) Николаем Кошанским, наadv. советником и докт. филос. при Имп. Моск. Унте. М., 1811.

¹⁷⁴ Тот, кто в Англии обвиняется в краже, ссылается в Ботани-бей (порт в Австралии, куда прибывали корабли с каторжниками. – Л. М.).

¹⁷⁵ Вкус кваса и сладок, и горек.

свидетельствуют также *lapsus calami*¹⁷⁶. Таким образом, латинский язык вовсе не рассматривался им как мертвый.

Статья „**Каков должен быть истинный художник?**“¹⁷⁷ написана в 1807 году, одновременно с переводами отрывков из Винкельмана и „Руководства к познанию древностей“ О. Л. Миллена; такая плотность общеэстетических работ свидетельствует о повышенном интересе автора к теоретическим проблемам искусства. Влияние Винкельмана несомненно, и обращение к нему Кошанского – очень важный, формирующий момент его научной карьеры.

История искусства „в некотором смысле есть история образов человечества“, а Винкельман, этот „гений, постигший тайны искусства“¹⁷⁸, описал смену эпох как смену *стилей*, показав их формирование и преемственность. Кошанский, как в свое время Ломоносов, является создателем нового стиля – стиля эпохи Александра I. Переводы Винкельмана, Миллена, Эшенбурга, оригинальные статьи – все это общеэстетические поиски стиля, закономерно увенчавшиеся теорией словесности. Статья о предназначении истинного художника и „реторики“ предстают как начальная и конечная точки пути, параллель „образ художника“ – „образ риторика“ очевидна.

Какими же качествами должен обладать истинный художник и какие отправные пункты можно наметить в работе? В начале определение художника дано узко – это человек, посвятивший себя изящным искусствам, но не поэт и музыкант, а только тот, кто употребляет ручную работу¹⁷⁹. Потому и способностями он должен обладать прежде всего специфическими: быстрым и точным зрением, верной и гибкой рукой, крепким и желательно красивым телосложением. Но постепенно рамки понятия раздвигаются: художнику необходимы и душевные качества – в первую очередь, для практического успеха. Это „прямой ум и его живость“¹⁸⁰, особенная, артистическая память – багаж видов и предметов, на которые опирается художник, когда при помощи воображения, в соответствии с разумными правилами, он воспроизводит эти виды в только ему присущем порядке. Наконец, понятие расширяется до понимания художника вообще. Постепенно идет „возвышение“ способностей – от практических навыков до высоких нравственных качеств: вольности духа в сочетании с твердостью характера и терпеливостью, благоразумной страсти к славе, чувствительности, поскольку каждое творение „должно пленять нас и трогать“¹⁸¹ и, наконец, „страсти к добру, к любви и дружбе“¹⁸². „В красноречии живописном, так как в словесном и музыкальном, тот только трогает, кто сам тронут“¹⁸³. Кошанский приводит нас к карамзинской мысли, что художник должен быть не только квалифицированным, но настоящим человеком (у Карамзина хороший писатель – хороший человек); параллельно намечается общность истинного

¹⁷⁶ См.: Малеин А. И. Указ. соч., с. 12.

¹⁷⁷ Кошанский Н. Ф. Каков должен быть истинный художник // Журнал изящных искусств. 1807, кн. 3, с. 18–34. Перепечатана под названием „Образование художника“ // Сын Отечества. 1818, ч. 50, № 51, с. 241–257.

¹⁷⁸ Кошанский Н. Ф. Взгляд на историю искусств // Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1821, № 4; Труды Высочайше утвержденного Вольного Общества любителей Российской Словесности. СПб., 1821, ч. XIV, с. 3.

¹⁷⁹ Кошанский Н. Ф. Образование художника // Журнал изящных искусств. 1807, кн. 3, с. 18.

¹⁸⁰ Там же, с. 21.

¹⁸¹ Там же, с. 25.

¹⁸² Как тут не вспомнить Карамзина? (Там же).

¹⁸³ Там же.

красноречия в основных видах искусства. Поэтому вполне логичен следующий шаг: художник должен овладеть искусством писать. Так мы приходим к мысли, что истинный художник – это не узкий специалист, но всесторонне образованный и эрудированный человек (к чему близок сам Кошанский, а впоследствии – формируемая им языковая личность). Далее формулируется идеал – главная мысль статьи: „Таким образом, он [художник] приблизится к славным Художникам Греции, кои тогда только допускаемы были к таинствам Живописи и Ваяния, когда они были образованы, и совершенно свободны от всех рабских впечатлений и духа торговли“¹⁸⁴. Каково призвание истинного художника? – „посвятить творения свои Героям и Отечеству“¹⁸⁵. Так впервые в работах Кошанского проявляется „общественно-идеологический стиль“ эпохи – „возвышенного красноречия“¹⁸⁶, полностью отразившийся в его теории словесности как нормативном учении.

Перевод „Руководства к познанию древностей г. Ал. Миленя“¹⁸⁷ (1807) был поручен Кошанскому еще М. Н. Муравьевым, и работал над ним Николай Федорович в основном в Санкт-Петербурге. „Руководство“ – это минимум необходимых теоретических знаний, точнее, вводный курс в археологию¹⁸⁸, очерчивающий сам предмет, его необходимость и задачи, и указывающий, в каком направлении продолжать изучение. Поэтому не случайно, что Кошанскому было поручено переводить его в период подготовки докторской диссертации по истории искусств. С другой стороны, как книга, знакомящая с современным состоянием науки, с самыми значительными учеными и их трудами, „Археология“ Миленя – это и введение к неосуществленному переводу „Истории искусства древности“ Винкельмана, в котором – кто знает? – Кошанскому удалось бы сделать более обширные дополнения о российских музеях.

„Руководство“ носит методический характер: в нем не только подробно обосновывается польза археологии для всех гуманитарных наук (почему она необходима для художника, писателя, поэта, историка), но и даются рекомендации, как изучать древности, какими книгами пользоваться, а какими нет, и даже развернутый авторский план учебного курса этого предмета, а также мнение автора, каким должно быть сочинение, которое систематизировало бы сведения о всех существующих памятниках.

Большая часть „Руководства“ посвящена критическому разбору литературы по археологии – с древности до момента написания книги: отдельных сочинений, словарей, энциклопедий, т. н. библиотек. С особым, благоговейным вниманием анализируется деятельность „бессмертного“ Винкельмана и его знаменитая „Исто-

¹⁸⁴ Кошанский Н. Ф. Образование художника... с. 27.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Аннушкин В. И. Эволюция предмета риторики в истории русской филологии (XI – середина XIX вв.): Дис. ... докт. филол. наук. М., 1997, с. 392.

¹⁸⁷ Кошанский Н. Ф. Руководство к познанию древностей, г. Ал. Миленя, Смотрителя древностей... Профессора Истории и Древностей... изданное с прибавлениями и замечаниями, в пользу учащихся в Имп. Моск. Ун-те Николаем Кошанским, изящных наук магистром и философии доктором. М., 1807 (на самом деле имя автора Обен Луи Миллен; так он представлен, например, в картотеке РГБ).

¹⁸⁸ Под археологией во времена Кошанского понимали „науку древностей, то есть знание нравов, обрядов и памятников древних, дошедших до наших времен“ (Руководство к познанию древностей... М., 1807, с. 1). В России тогда эта наука была новой, о чем свидетельствует сам Кошанский: „Вот первая начальная книга на Российском языке, показывающая основание и ход Науки, едва ли в России не новой!“ (Там же, „От издателя“, без указ. стр.)

рия искусства древности“; научная биография этого авторитетнейшего ученого самая подробная из всех. В главе „Описании музеев“ – краткая история возникновения музеев и частных коллекций (кабинетов), которую автор ведет от греческих храмов; характеристики четырех наиболее крупных российских собраний написал Кошанский. Это Эрмитаж – один „из первых кабинетов в Европе“, основанный Екатериной Великой и усовершенствованный Александром I; его коллекция состоит из трех частей: собрания резных камней („не уступает ни одному, кроме итальянских“), древних медалей и новейших медалей¹⁸⁹. „Желательно иметь описание сих древностей“, – замечает Кошанский¹⁹⁰. Во-вторых, это Кабинет Академии наук (Кунсткамера), которая, правда, имеет немногие древности. В-третьих, Кабинет древностей Московского Императорского университета, главнейшим собранием которого являются медали, в основном новейшие. И, в-четвертых, это Семятичевский кабинет. „Подробное описание сих заведений в России ожидать еще должно...“¹⁹¹.

В 1811 году Н. Ф. Кошанский выпустил, по словам Малеина, „обширный труд, делающий честь не только его составителю, но и вообще филологическому образованию того времени“¹⁹² – „**Цветы греческой поэзии**“¹⁹³. Книга разделяется на две части: большая состоит из греческих оригиналов, напечатанных великолепным шрифтом, подобно Firmin Didot XVIII столетия¹⁹⁴, комментариев к ним и биографий поэтов Биона и Мосха; вторая – из переводов самого Кошанского. Всего – десять идиллий Биона („На смерть Адониса“, „Мальчик-птицелов“, „Ученик – учитель“, „Музы с Амуром“, „Беспечность“, „О временах года“, „Ахиллес и Дейдамия“, „К Гесперу“, „К Венере“, „Кто счастлив?“), а также семь отдельных отрывков в 1–4 стиха каждый; семь идиллий и эпиграмма Мосха („Бежавший Амур“, „Похищение Европы“, „На смерть Биона“, „Мегира – супруга Геркулеса“, „К спокойствию“, „Своенравие любви“, „Алфей“ и „Пашущий Эрот“); кроме того, перевод отрывка из „Клитемнестры“ Софокла и шестой песни „Одиссеи“ Гомера.

Но главное, в „Цветках“ предпринят „опыт замечаний и объяснений исторических, критических, эстетических и тому подобное“¹⁹⁵, которые, на наш взгляд, едва ли не наиболее любопытное в этой книге (иногда они достигают большого объема: например, к первой идиллии – 28 страниц): Кошанский сообщает не только сведения историко-мифологического характера, разбирает стиль стихотворений, оценивает их с точки зрения эмоционального воздействия на читателя, он еще подыскивает везде, где только возможно, параллели к данной теме или выражению, фразе, а также „прекрасные места из других славнейших древних писателей, кои перевели их, или весьма счастливо им подражали“¹⁹⁶. Среди них Гомер, Гелиодор, Феокрит, Геродиан, Овидий, Сенека. Замечательно то, что приводятся и современные писатели – не только немецкие, французские, английские и даже испанские (!)

¹⁸⁹ Кошанский Н. Ф. Руководство к познанию древностей... с. 120, 121.

¹⁹⁰ Там же, с. 121.

¹⁹¹ Там же, с. 122–123.

¹⁹² Малеин А. И. Указ. соч., с. 13.

¹⁹³ Кошанский Н. Ф. Цветы греческой поэзии, изд. Николаем Кошанским, доктором философии, надворным советником и профессором российской и латинской словесности при Имп. Царско-Сельском Лицее. М., 1811.

¹⁹⁴ Малеин А. И. Указ. соч., с. 14.

¹⁹⁵ Кошанский Н. Ф. Цветы греческой поэзии... с. XXVII (К читателям).

¹⁹⁶ Там же, с. XXVIII (К читателям).

и итальянские классики, но и отечественные: Богданович, Державин, Капнист; так, отрывок из „Душеньки“ соседствует с „Метаморфозами“ Овидия.

Комментарии весьма обстоятельны, хотя и не строго научны; но строгая научность и не являлась его целью, о чем автор сообщает в обращении „К читателям“: сначала в поэтической форме Кошанский объясняет, почему он выбрал именно греческие стихи: „Ищу себе цветов и благовонных трав, / Не всеми виданных, не всем еще известных, / Притом не повсеместных...“¹⁹⁷ У него как будто вырывается тайная надежда и намерение: „Ах, как бы посадить на Русской их земли!“¹⁹⁸ И хотя автор и боится – они „в руках моих завянут“ и „любители на них не взглянут“ – все же благородная просветительская цель и желание поделиться эстетическим наслаждением от любимых стихотворений поддерживает его в данном намерении: *Scire tuum nihil est, nisi, quod scis, hoc sciat alter* (Все знание твое ничто, / Когда не разделил с тобой его никто)¹⁹⁹.

Своей книгой Кошанский рассчитывает привлечь внимание широкой аудитории: призывая не пугаться оригинального греческого текста, он надеется, что не только читатели, но, может быть, и читательницы откроют эту книгу. Но несомненно, что „Цветы“ преследовали также обучающую цель: в заключение автор высказал пожелание, „чтобы Русские любимцы Муз обратили внимание на словесность Греков, необходимую, кажется, для образования нашего... языка, и, если можно, соединяли бы ученость со вкусом“²⁰⁰. Хотя некоторое недоумение Малеина по поводу цели этого издания понятно, мы можем считать „Цветы“ своего рода научно-популярным изданием, включающим древнегреческую словесность в круг образованности, в авторскую теорию словесности.

Во втором периоде (1811–1828) тоже три тематические группы: сочинения о русском языке; комментированные латинские тексты; работы по истории искусств древности.

Речь „О преимуществах русского слова“²⁰¹ (1811) была подготовлена Кошанским к торжественному открытию Царскосельского лицея 19 октября 1811 года и представляет собой классический пример академической речи, небольшой по объему, с прозрачной и четкой зеркальной структурой, в высоком периодическом стиле. В содержательном отношении она имеет вполне угадываемый литературный источник – статью Н. М. Карамзина о народном патриотизме.

По смыслу речь распадается на две части. Первая является эпихеремой – риторическим силлогизмом, каждая посылка которого подкрепляется несколькими доводами. Схема силлогизма: *Чтобы быть полезным Отечеству, нужно прежде всего владеть даром слова* (большая посылка); *Монарх обязал вас быть полезными Отечеству* (меньшая посылка); *Вы должны овладеть даром слова* (вывод).

„Дар слова есть средство всех познаний и действий человеческих“²⁰², так как „если бы человек не умел говорить, быть может, не умел бы и думать и даже чув-

¹⁹⁷ Кошанский Н. Ф. Цветы греческой поэзии... с. IX (к читателям).

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Там же, с. 259–260.

²⁰¹ Кошанский Н. Ф. О преимуществах русского слова. Речь, произнесенная Николаем Кошанским, доктором философии, надворным советником и профессором российской и латинской словесности. СПб., 1811.

²⁰² Там же, с. 18.

ствовать²⁰³. Почему монарх уповает именно на воспитанников лицея? Потому что они потомки тех героев, которые прославились в Альпах, на Дунае, при Саймах, и „современники тех россов, которые славны в мире и войне“, следственно, их призвание не то, что у „душ обыкновенных“ – лицеисты „должны некогда следовать стопам“ своих великих предков и современников²⁰⁴. В основе аргументации лежит внешний тоpos „Долг дворянства – служить государю и Отечеству“.

Вторая часть построена по обращенной хрии – через предыдущее и последующее, при этом предыдущее состоит из шести причин, оформленных как фигуры ответствования („обратим внимание на свойства Российского языка... *каким преимуществом слова могут гордиться пред нами иноплеменные?*“²⁰⁵): это последовательное обоснование шести свойств русского языка, вернее, опровержение их отсутствия; в завершение следует рекапитуляция – обобщение.

Главную мысль (тезу) можно выразить следующим образом: если предположить, что есть совершенный язык, то „слово Российское ближе и удобнее к совершенству, нежели все языки иноплеменных“²⁰⁶, так как в полной мере обладает шестью свойствами:

обилием, т.е. богатством слов и выражений, – прежде всего потому, что „язык предков наших [“славянский“. – Л. М.] был зеркалом греческого“²⁰⁷;

свободой в расположении слов: „сей свободы ни один почти из новейших языков не имеет“²⁰⁸ – она была в древних языках и через „славянский“ перешла в русский;

благородством и важностью в сочетании с „быстротой“ (энергичностью, соразмерностью языка) – как в древних языках, греческом и латыни;

выразительностью и гибкостью слов – „сие свойство есть отличие Российского слова“²⁰⁹;

гармонией и „подражанием природе“ (живописью в звуке) – „язык Российский есть самая музыка“²¹⁰, он способен передавать самые разные звуки природы, например, шум водопада: „Грохочет эхо по горам, / Как гром, гремящий по громам“ (Державин).

Все эти причины подводят нас к мысли (последующему), что русский язык наиболее близок к совершенству из современных языков, да практически и есть этот совершенный язык – просто Кошанский выразил свою мысль в несколько завуалированном виде.

И, наконец, последняя, шестая причина – великие творения словесности, поэзия и проза, в частности, ораторская. И здесь у России есть преимущество: если другие народы формировали свою литературу „веками и продолжительною опытностью“, то Россия „единым столетием, как единым шагом их достигла“²¹¹.

²⁰³ Кошанский Н. Ф. О преимуществах русского слова... с. 17.

²⁰⁴ Там же, с. 15.

²⁰⁵ Там же, с. 18 (курсив автора).

²⁰⁶ Там же, с. 23 (курсив мой. – Л. М.).

²⁰⁷ Там же, с. 19.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Там же, с. 20.

²¹⁰ Там же, с. 21.

²¹¹ Там же, с. 23.

Этот последний довод завершается риторическим вопросом: „И сей живой, подражательной музыке дерзает предпочесть звук иноземный? – Доколе не истребится предрассудок...?“²¹². Далее следует рекапитуляция и заключение – выражение уверенности, что юные воспитанники лицея не будут подвластны предрассудку, но обратят „внимание к Словесности Российской, к Наукам, ко всему высокому, прекрасному и великому“ и воспарят „в путь славы, по стопам предков“²¹³.

Таким образом, речь имеет зеркальное построение: первые одиннадцать периодов – силлогизм в прямом порядке следования посылок и вывода, остальные восемнадцать – в обратном (обращенная хрия).

Речь является программным произведением: в ней кратко сформулированы филологические взгляды Кошанского, и в этом смысле она предвосхищает „Риторики“ – это образовательная программа педагога: он будет преподавать лицеистам русскую словесность, связывая ее с классической и западноевропейской, но при этом выделяя, ставя в центр данных связей.

„Учебное“ и „очищенное“ издание „Басни Федра, с примечаниями и словарем“²¹⁴ (1814) является, по существу, хрестоматией к „Латинской грамматике“: в предисловии учащимся сообщается, что знак параграфа в комментариях – ссылка на грамматические и синтаксические правила в указанном учебнике, здесь они не объясняются. В издании представлены 84 басни из всех пяти книг, при этом 9 басен опущены из педагогических соображений: в первой книге – XVIII басня, во второй – II, в третьей – III, X и XI, в четвертой – IV, XIII, XIV и XVII басни. В конце прилагается латинско-русский словарь.

Каждой басне сопутствует комментарий, включающий в себя: краткую справку историко-культурного или историко-географического характера, иногда минимальные биографические сведения о лице, которое подразумевает басня; перевод и объяснение трудных или необычных, например, свойственных именно автору, грамматических форм („Федр часто означает животных отличительными чертами; как-то: *Конь Sanipes*, *Осел Auritulus*...“²¹⁵); толкование лексических единиц, обозначающих какие-либо греческие реалии („*Tyrannus*, тот, кто захватил верховную власть в вольном городе“²¹⁶). По необходимости в комментарий могут входить и мифологические сведения, например, родословная богов. Примечательно, что в конце почти каждой басни приводятся названия соответствующих „подражаний“ И. А. Крылова (изредка – И. Дмитриева); иногда русский стих включен в сам текст комментария – например, в „*Ranae Regem petens*“: „*Motu sonoque, движением и шумом*. Крылов перевел: *Так плотно треснул на царство, Что ходенем пошло трясино государство*“²¹⁷. При этом Кошанский не просто упоминает о Крылове как „подражателе“, „переводчике“, но на протяжении всей книги проводит параллель между ним и Федром, сближая тем самым русскую и латинскую литературы.

Наконец, комментарий может заканчиваться толкованием иносказательного смысла всей басни, например: „Многие думают, что сия баснь заключает предска-

²¹² Кошанский Н. Ф. О преимуществах русского слова... с. 25.

²¹³ Там же, с. 26.

²¹⁴ Кошанский Н. Ф. Басни Федра, изд. Кошанским, проф. имп. Царскосельского лицея. СПб., 1814; Название 2-го издания: Басни Федра, с примечаниями и словарем. Изд. 2-е, учебное, очищенное. Н. Кошанского. СПб., 1832 (здесь ссылки по этому изданию).

²¹⁵ Там же, с. 2, прим. 6.

²¹⁶ Там же, с. 3, прим. 5.

²¹⁷ Там же, с. 4, прим. 15.

зание гибели *Сеяновой*...²¹⁸ или общей характеристикой: „Вот малая, особого рода, Трагедия; она имеет свою завязку, развязку и производит ужас и сожаление“²¹⁹. Как видим, комментарий призван не только способствовать пониманию смысла басни во всей его полноте в контексте того времени, но и живо заинтересовать учащегося и создать у него впечатление о непрерывности и преемственности литературного процесса.

К „Басням Федра“ примыкает учебное издание „*De vita excellentium imperatorum (О жизни славнейших полководцев)*“ Корнелия Непота²²⁰ (1816), с комментариями, хронологической таблицей и двумя словарями – географическим и латинско-русским. Оно также представляет собой хрестоматию к „Латинской грамматике“: грамматические и синтаксические трудности помечены знаком параграфа, отсылающего к учебнику. Все труднейшие места разобраны в комментариях, главнейшие происшествия перечислены в хронологическом списке, а древние географические названия объяснены и сличены с новыми в географическом словаре; завершает книгу словарь всех слов, в ней встречающихся.

Федр и Корнелий Непот – золотой век римской словесности; а Непот для Кошанского еще и эталон чистоты и изящества слога, его жизнеописание – образец занимательной поучительной беллетристики: „если кто из вас, читая *Аристида*, *Эпаминонда*, *Ганнибала* и пр.: будет примечать, как они думали и поступали, будет стараться сам также чувствовать и мыслить, будет искренно желать быть им подобным; тот в самом деле возвысится душою, приготовит для себя нравственный характер и, кто знает? – может быть столько же, как они, будет полезен своему отечеству“²²¹. Книга содержит 25 жизнеописаний: Мильтиада, Фемистокла, Аристида, Павзания, Цимона, Лизандра, Альцибиада, Фразибула, Конона, Диона, Ификрата, Хабрия, Тимофея, Датамеса, Эпаминонда, Пелопида, Агасилая, Эвмения, Фоциона, Тимолеона, главу „О царях“, Гамилькара, Ганнибала, М. Порция Катона, Т. Помпония Аттика.

Завершает серию учебных текстов к „Латинской грамматике“ комментированный перевод „*Сокращения священной истории*“ Ломона²²² (Lhomond Charles Francois, 1818), состоящий из 209 параграфов, снабженных русскими названиями и лексико-грамматическими комментариями. История охватывает события Ветхого Завета от сотворения мира в шесть дней до рождения Мессии в 4000-м году от создания мира.

„*Ручная книга древней классической словесности*“²²³ (1816–1817) является переводом книги Иоаганна Иоахима Эшенбурга, дополненной Крамером. Участие

²¹⁸ Кошанский Н. Ф. Басни Федра... с. 5, комм. к басне „Graculus superbus et Pavo“.

²¹⁹ Там же, с. 3, прим. 13.

²²⁰ Кошанский Н. Ф. Корнелий Непот, о жизни славнейших полководцев. С замечаниями, Хронологическою таблицей и двумя Словарями 1) для Географии; 2) для слов. Издание учебное, очищенное, Н. Кошанского, докт. фил. надов. сов. и профес. Лицея. СПб., 1816.

²²¹ Там же, с. 234. (В 1-м издании допущена типографская ошибка – подряд три 234-е страницы. Данная цитата на последней, непосредственно перед с. 235. – Л. М.)

²²² Кошанский Н. Ф. Сокращение священной истории. Epitome Historiae Sacrae. С замечаниями, показанием правил и Словарем. Изд. учебное. Н. Кошанского, докт. фил. надов. сов. и профес. Лицея. СПб., 1818.

²²³ Кошанский Н. Ф. Ручная книга Древней Классической Словесности, содержащая: I. Археологию, II. Обзорение классических авторов, III. Мифологию, IV–V. Древности греческие и римские, собранная Эшенбургом, умноженная Кремером и дополненная Н. Кошанским: В 2 т. СПб., 1816–1817.

Кошанского, помимо перевода, выразилось в расширении библиографии за счет русских изданий, в основном переводов немецких или французских трудов по археологии, например, „Путешествия юного Анахарсиса по Греции“ аббата Бартеlemi (Париж, 1788) в переводе проф. П. Страхова (неполном) (М., 1803) и членов Российской Академии (СПб., 1804–1809), а также в переводе греческих и римских денег на русские рубли серебром.

Статья „Взгляд на историю искусств“²²⁴ (1821) является переводом отрывка (269 страниц) из „Истории искусства древности“ Винкельмана – последнего и самого большого из всех, переведенных Кошанским. Она содержит сорок пять неравнозначных по объему биографий греческих художников. Самая большая – биография Фидия, художника второй эпохи греческого искусства, чертами которой, по определению Винкельмана, были величие и высокость; остальные художники принадлежали, по-видимому, первой эпохе, характеризовавшейся „сухостью, грубостью, несовершенством“²²⁵. Можно предположить, что этот отрывок – начало неосуществленного перевода „Истории искусств“.

Третий, петербургский период (1828–1832). Занимаясь столько лет классической и русской словесностью, поэтикой и риторикой, имея за плечами огромный педагогический опыт, Кошанский не мог не прийти к созданию обобщающего труда, который естественно совмещал бы в себе теорию с практическим руководством. Таким трудом стала риторика или теория словесности, поскольку именно она „среди филологических наук первой половины XIX века... претендовала на первенствующую роль как теория речи“²²⁶.

Риторика Кошанского состоит из двух частей: общей²²⁷ и частной²²⁸. Общая риторика формулирует правила построения любого прозаического текста. Частная риторика разделяет словесность на роды и виды и показывает употребление правил для каждого вида.

Общая риторика построена по классической для Нового времени трехчастной схеме – изобретение, расположение, выражение – где каждая часть состоит из двух отделений. В изобретении это „Источники изобретения“ и „Первое соединение мыслей“. Основные понятия первой части: *предмет, предложение, простой период, сложный период*. Кошанский делит источники изобретения на три рода: первые распространяют отдельное предложение, с помощью вторых из одного предложения выводится другое, третий род служит для нахождения доказательств согласно цели высказывания и принадлежит уже частной риторике.

Первых источников десять: синонимы, эпитеты, антонимы („противные“) и семь вопросов, соответствующих составу членов предложения. Они распространяют как предмет, так и предложение; в плане грамматики – слово (словосочетание) или нераспространенное предложение до распространенного, т. е. простого периода.

Источников второго рода двадцать четыре: причина, сравнение, подобие, пример и т. д. – в целом группировка общих мест повторяет аристотелевско-цицеронов-

²²⁴ Кошанский Н. Ф. Взгляд на историю искусств... с. 3–25, 117–145, 259–272.

²²⁵ Там же, № 4, с. 4

²²⁶ Аннушкин В. И. Эволюция предмета риторики в истории русской филологии (XI – середина XIX вв.): Дис. ... докт. филол. наук. М., 1997, с. 411.

²²⁷ Общая риторика Н. Кошанского. СПб., 1829.

²²⁸ Частная риторика Н. Кошанского. СПб., 1832.

скую. В плане грамматики простой период разветвляется в сложный, виды которого и рассматриваются во втором отделении.

Сложный период – это соединение двух, трех или четырех предложений по правилам грамматики, логики и риторики (с упором на стиль). Как смысловое и ритмическое целое, он делится на повышение и понижение; классификация сложных периодов основана на логико-грамматических отношениях (всего 12 видов). Периоды переходят в прозу через четыре пограничных элемента: разнообразный и продолженный периоды, непрерывную и продолженную речь. По примеру античных риторик Кошанский противопоставляет стихи и периоды прозе – по степени свободы (ligata oratio и soluta oratio – pro soluta). С другой стороны, в современной автору действительности проза и стихи противопоставлены периодам – сфера употребления последних очень ограничена: духовные речи, похвальные и надгробные слова. Тем не менее, период – основная единица риторического изобретения (речь есть совокупность периодов); проза занимает место между стихами и периодами.

Таким образом, из классической схемы – нравы, аргументы, страсти – у Кошанского остаются частично аргументы, а именно внутренние общие места. Силлогизмы рассматриваются как способы оформления высказывания (в расположении). Система аргументации получается разорванной, рассредоточенной по разным местам не только общей, но и частной риторики.

С чем связано отсутствие учения о нравах? Традиционно риторические нравы используются для установления контакта с аудиторией, утверждения ритором своего авторитета. В теории Кошанского ее реакция не учитывается: автор подразумевает некую абстрактную, идеальную аудиторию. Одна из причин в том, что предметом его риторики являются письменные тексты. Другая кроется в том, что учение о нравах в принципе не было свойственно нашей риторической традиции, в отличие, например, от французской, поскольку в русском обществе не существовало нравственного плюрализма. Этические нормы были едиными, так как формировались православной верой и поддерживались Церковью. Так, целью истинного красноречия является „желание общего блага“²²⁹, истинный оратор (писатель) обладает „добротой души, проникнутой верой“ и „живым ощущением истины“²³⁰, он не создает тот или иной „образ себя“, но всегда тождествен самому себе. Тем более, что „Реторики“ – учебное издание, предназначенное для „душ неопытных“; Кошанский-педагог не мог позволить себе обучать приемам изображения нравов.

При отсутствии понятия аудитории и опоре на письменные тексты учение о страстях как об ответной эмоциональной реакции редуцировано до набора фигур, „плениющих сердце“, помещенных в третьей части – выражении. (Что было характерным для нашей традиции после М. В. Ломоносова²³¹.)

Изобретение у Кошанского „дает способы думать“ и „соединять одну мысль с другой“: „хорошо писать, значит, хорошо думать“²³². Источники изобретения указывают, откуда берутся „новые слова, мысли, доказательства“, раскрывают все способности ума, указывают, „с какой точки зрения смотреть на предмет или на

²²⁹ Частная Реторика Н. Кошанского. 7-е изд. СПб., 1849, с. II–III.

²³⁰ Там же, с. 11, 15.

²³¹ Аннушкин В. И. Эволюция предмета риторики в истории русской филологии (XI – середина XIX вв.): Дис. ... докт. филол. наук. М., 1997, с. 353.

²³² Общая реторика Н. Кошанского. 3-е изд. СПб., 1834, с. 2–3, 9.

мысль²³³. Однако проблема выбора цели и проблема темы, предполагающей отбор необходимых аргументов, не ставятся. Как и задача риторика убедить аудиторию и добиться ее присоединения. „В этом смысле Кошанский воспроизводит мысли Квинтилиана, полемизировавшего с Аристотелем“, и боровшегося таким образом „с беспринципной судебной практикой своего времени“²³⁴. Основной упор делается на поиск лексико-грамматических средств: „предложение заключается в немногих словах и требует приличного распространения“²³⁵; Кошанский конструирует процесс порождения мысли как постепенное восхождение от понятия к высказыванию, т. е. от частного к общему (индукция). Ритором движет идея самовыражения, а не убеждения: свою задачу он видит, прежде всего, в красивом и правильном изложении мыслей, создании стиля.

Расположение делится на два отделения в соответствии с двумя основными родами сочинений – описаниями (собственно описания и повествования) и рассуждениями (хрии). Рассуждения и описания противопоставлены по двум разным источникам сочинений – предложению и предмету соответственно. Рассуждения (хрии) могут быть двух родов: простые и искусственные, к последним приемыкают силлогизмы. Искусственная хрия содержит те же части, что и простая, но в другом, более „хитром“ порядке; ее разновидности – через предыдущее и последующее и через положение и приложение. Изобретение в целом строится по хрии. Рассуждения могут предлагаться и в форме силлогизма (9 видов), посылки которого обычно распространяются при помощи общих мест и строятся по хрии.

Представление повествования видом описания необычно: в классической традиции описание, являясь, по сути, развернутым определением, включается в повествование как вспомогательный элемент; изложение же фактов (одна из самых важных частей аргументации) строится в форме повествования²³⁶. Но ключевой момент второй части – наличие хрии как основной (квазилогической) схемы аргумента, противопоставленной логической (силлогизму). Понимание, что для убеждения недостаточно приемов формальной логики относится к достоинствам риторики Кошанского. Кроме того, предпочтение хрии вызвано ее нормализаторским характером: она задает обязательный порядок не только рассуждения, но и мышления.

В целом расположение по Кошанскому – это искусство „скрыть искусство“, показать, что „сама натура располагает вашим чувством и ходом вашего сочинения“²³⁷, т. е. одним из главных его правил является естественность. Другим – занимательность: она определяет расположение описаний и повествований; рассуждение труднее и требует силы убеждать, замечает Кошанский, но думается, что упомянутые правила отодвинули принцип убедительности на второй план.

Вместе с тем не нужно забывать, что Кошанский рассматривает описания и рассуждения как роды классных или учебных сочинений, практических упражнений, на расположении которых общая риторика учит составлять небольшое полное сочинение, чтобы впоследствии, соединяя описания с рассуждениями тем или

²³³ Общая риторика Н. Кошанского. 3-е изд. СПб., 1834, с. 3.

²³⁴ Атика Галиб. Развитие концепции риторики в русской и французской филологии XIX в.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1994, с. 114.

²³⁵ Общая риторика Н. Кошанского. 3-е изд. СПб., 1834, с. 5.

²³⁶ См. об этом: Атика Галиб. Указ. соч., с. 121.

²³⁷ Общая риторика Н. Кошанского. 3-е изд. СПб., 1834, с. 42.

иным образом, получать все виды прозы. Их „частное расположение“ относится уже к частной риторике, равно как и проблема целесообразности высказывания²³⁸. Думается, что расположение важнее для Кошанского чем изобретение, так как оно дает „надлежащее направление рассудку и нравственному чувству“; „ничто так не важно для сочинения как расположение“²³⁹.

Выражение состоит из двух отделений: „Слог и его достоинства“ и „Все роды украшений“. Основные понятия этой части: стиль (слог), троп, фигура. Стиль определяется как „способ выражать мысли – искусство писать“ и ограничивается от понятия „язык“²⁴⁰. С другой стороны, выделяются многочисленные индивидуально-авторские стили – „частные слогии“ (например, стиль Карамзина), которые, в свою очередь, делятся на разновидности в зависимости от предмета, цели, etc. (стиль повестей Карамзина – стиль истории Карамзина).

Основное внимание уделено двум классификациям стиля. Основание первой – по преимуществу лексическое, выявляющее соотношение письменной и устной речи (простой стиль наиболее близок к разговорной речи). Каждый стиль – простой, средний и возвышенный – разбирается по схеме: перевод термина на латинский язык; определение; синонимические названия: 1) по самому слову (простой – низкий), 2) по жанрам (разговорный, так как им пишутся разговоры); 3) употреблением каких слов / выражений, оборотов характеризуется; 4) по тому, какие мысли „приличествуют“ данному слогу; 5) по тому, в каких родах сочинений употребляется²⁴¹.

Хотя жесткость античного канона „стиль – жанры – набор фигур“ (т. н. „колено“ Вергилия) уже нарушена, у Кошанского относительно строгая иерархия соблюдается: простой стиль полностью охватывает разговоры и ученость и частично письма и повествования; средний – все письма и повествования; возвышенный – ораторство и некоторые описания. Наиболее четко очерчены крайние стили.

Основанием для второй классификации является способ построения речи: выделяются стили периодический, отрывистый (лаконический) и прозаический. Она как бы накладывается на первую: периодическому стилю „приличен“ средний и возвышенный, а прозаическому – только средний стиль. С другой стороны, это все то же, но более развернутое противопоставление периодов и прозы, тем более, что круг жанров для отрывистого стиля не определен.

Далее выделяются общие и частные свойства стиля. Общие обязательны и диктуются правилами риторики, частные зависят от вкусов аудитории. Общих достоинств шесть и они представляются в паре со своими недостатками: ясность – темнота; приличие (соответствие предмету, аудитории, месту и времени) – несоответствие; чистота (отбор слов и грамматических конструкций) – небрежность; плавность (ораторское число) – принужденность; гармония (эвфония и звукоподражание) – неблагозвучие; украшение (внутреннее – искусство изобретения и расположения и наружное – употребление тропов и фигур).

В соответствии с традицией рассматривается два рода украшений – тропы и фигуры. Уже намечается тенденция к ограничению их использования, к более

²³⁸ Общая риторика Н. Кошанского. 3-е изд. СПб., 1834, с. 43.

²³⁹ Там же, с. 41.

²⁴⁰ Там же, с. 86.

²⁴¹ См.: *Аннушкин В. И.* Эволюция предмета риторики в истории русской филологии (XI – середина XIX вв.): Дис. ... докт. филол. наук. М., 1997, с. 387.

„естественному“ языку: тропы и фигуры только тогда составляют красоту, пишет Кошанский, когда непринужденны, невысканы. Он выделяет четыре главных тропа (метафору, метонимию, синекдоху, иронию) и пять их разновидностей (гиперболу, аллегория, эмфазис, металепис и катахрезис).

Фигуры делятся на фигуры слов (от недостатка, от избытка, от повторения, от сходства слов) и фигуры мыслей. Фигуры мыслей подразделяются на три большие группы: убеждающие разум, действующие на воображение и пленяющие сердце. Классификация фигур в целом структурно-семантическая.

В античной риторике элокуция (выражение) была наименее разработанной областью; в Новое время она обычно включала в себя разбор грамматических форм и конструкций, классификацию риторических фигур, определение стиля и его разновидностей, учение о „формах“ речи. Первая часть отнесена Кошанским к изобретению, последняя – к области частной риторики (в том, что касается прозы; автор намеревался написать и поэтику, но не успел). В целом понимание Кошанским простого, среднего и возвышенного стиля близко к представлениям Ломоносова, рассматривавшего стили с функционально-жанровой точки зрения.

Интересно, что в характеристике общих свойств стиля в определенной мере присутствует понятие аудитории. Так, в категорию приличия включается соответствие стиля лицам, месту и времени, жанровому типу произведения, а также ритор. Но в целом под приличием у Кошанского подразумевается стилистическое единство произведения.

Тропы рассматриваются только как приемы украшения речи; „в реальности троп, в первую очередь, – инструмент развития смысла“²⁴². В основании классификаций фигур и в классической риторике, и в риториках Нового времени обычно лежат два принципа: „фигуры классифицируются на конструктивной основе (добавления, перемещения...) и по дидактическим и прагматическим основаниям (убеждающие, пленяющие сердце, действующие на воображение)“²⁴³. Этими же принципами руководствуется и Кошанский; отсюда произвольность его классификации, особенно фигур мысли.

Расположение и выражение – наиболее полно разработанные, с точки зрения установившейся традиции, части его риторики, несмотря на то, что сам он подчеркивал: истинное красноречие во „внутреннем украшении“, т. е. в „искусстве изобретения и расположения“, и что „наружное украшение“, „роскошь слога“ часто скрывает бедность мыслей и „пленяет один век, одно поколение“²⁴⁴.

Обратимся к частной риторике. Именно у Кошанского она получает свой собственный предмет: ее содержанием становится классификация родов и видов прозаической словесности. Схематически она выглядит следующим образом.

Два рода словесности – проза и поэзия.

Проза делится на роды: разговоры, ораторство, письма, повествования и описания, ученость:

- а) виды разговоров: философские, драматические, в царстве мертвых;
- б) виды писем: литературные, деловые письма и бумаги, к державным особам и дипломатические, по предметам общежития (к низшим, к равным, к высшим);

²⁴² *Атика Галиб*. Указ. соч., с. 125.

²⁴³ Там же, с. 126.

²⁴⁴ *Общая риторика Н. Кошанского*. 3-е изд. СПб., 1834, с. 106.

в) виды повествований и описаний: характеры, некрологи, анекдоты, летописи, жизнеописания, повести, романы, история и ее отрасли;

г) ученость бывает 2 видов: отдельные ученые сочинения и систематические ученые сочинения. К первым относятся: рассуждения, диссертации, мнения, голоса, энциклопедии, труды ученых обществ, повременные издания, критика; ко вторым – ученые книги, учебные книги.

„Частная риторика“ соответственно состоит из шести отделений. Первое отделение, „Словесность“ – общего характера, остальные называются по родам словесности. Все виды описываются по схеме, разработанной самим Кошанским: дефиниция, предмет (содержание), цель, расположение или форма, достоинства и недостатки, лучшие сочинения и писатели у древних (греков и римлян), в Новое время и в России. „Частная риторика“ Кошанского содержит наиболее полную классификацию родов и видов словесности среди учебных пособий своего времени.

Как уже неоднократно указывалось, термины „род“ и „вид словесности“ приобрели у Кошанского значение классов литературно-письменных текстов, каждый со своей, установившейся к тому времени, функцией и семантикой. Для каждого класса определяются свои нормы построения текста. Роды и виды словесности оказываются противопоставленными *формам словесности*, под которыми подразумевается прежде всего композиция текста, его внутреннее строение в зависимости от цели и темы, т. е. применение правил общей риторики на конкретном материале. Здесь видно, как соотносятся категории обеих риторик, однако предметом частной риторики является описание самих родов и видов словесности, а не просто дифференциация общих правил расположения и выражения по каждому из них.

Глядя на оглавление „Частной риторики“, мы видим, что она представляет собой четко разработанную программу школьного курса теории литературы: тридцать шесть отдельных тем сгруппированы в шесть глав, по шесть разделов каждая, которые делятся на две части – теоретическую и примеры из древних и новых писателей. Система словесности предстает в историческом порядке.

Вершиной эпистолярного искусства являются деловые письма и бумаги, литературные письма – его обобщением. Образцами служат, прежде всего, послания папстрей Церкви; начало светскому письменному слогу положил Петр I; отдельную эпоху составляют „Письма русского путешественника“ Н. М. Карамзина.

Классификация диалогов или разговоров в русской риторической традиции содержится в кандидатской диссертации К. В. Муратовой²⁴⁵. Автор отмечает, что основаниями такой классификации служат характер тематики и проблематики, и наиболее подробна она в „Частной риторике“ Кошанского; в его концепции просматривается современный коммуникативно-прагматический подход к речевому объекту. Еще один важный момент связан с проблемой этоса: с семантической точки зрения выделяется два типа разговоров-споров – диалектический (поиск истины) и эристический (защита своей позиции, независимо от ее истинности); русская риторика не пошла по пути изучения второго вида диалога, так как проблема этики речи для нее всегда была одной из самых первостепенных. Более того, на эристические приемы налагается запрет. Таким образом, письма и разговоры у

²⁴⁵ Муратова К. В. Семантика диалога-спора: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.

Кошанского становятся выражением системы ценностей: первые – в сфере личных отношений; вторые устанавливают систему нравственных оценок идей и фактов прошлого²⁴⁶.

Последовательность подачи материала в главе о повествовании дает представление о технике судительной аргументации, соответствующей учению Квинтилиана о статусах: сначала через описание вводится факт, далее простейшие факты излагаются в виде простейших форм – характеров, некрологов и анекдотов; летописи и жизнеописания представляют собой не только их связь, но и определение; повести и романы уже предполагают оценку фактов, и, наконец, история придает ей научную и критическую форму²⁴⁷.

Глава об ораторской прозе особенно важна. Она восполняет недостающие в „Общей риторике“ сведения – прежде всего, четко формулирует необходимость выбора ритором не только темы высказывания, но и цели, а также их соотношения²⁴⁸. Кроме того, характеризуя три основные части речи, Кошанский обращается к понятиям этоса, логоса и пафоса: приступ – это „искание благосклонности, приготовление слушателей к делу“; рассуждение содержит „доказательства и опровержения“, убеждает; заключение „состоит в желаниях и обращениях“²⁴⁹. Таким образом, начало характеризуется эпидейктическим состоянием, середина речи – судительным и завершение – совещательным состоянием. Последовательность частей речи ориентируется на совещательную аргументацию²⁵⁰.

Насколько „Общая“ и „Частная“ риторики связаны между собой? Сам Кошанский определил это так: „Частная Риторика основывается на правилах Общей Риторике и обнимает словесность одного или многих народов“²⁵¹. Однако, как уже было выяснено И. А. Зарифьян²⁵², именно с Кошанского частная риторика получила свой определенный предмет: она ни в коей мере не является сборником иллюстративного материала к общей риторике, но формулирует наиболее существенные правила порождения всех видов словесности. Поэтому „Частная риторика“ гораздо более самостоятельна и обособлена, чем это следует из ее определения. С другой стороны, она во многом восполняет пробелы „Общей“: формулирует понятие о целенаправленном высказывании; на примере ораторской речи дает представление и о правильном построении аргументации, как о последовательном развертывании „эпидейктических, судительных и совещательных высказываний“²⁵³, и о зачатках ораторских нравов, и о том, что есть истинное красноречие. Наконец, именно „Частная риторика“ знакомит оратора (писателя) с историческими прецедентами, на примере которых он может освоить практические приемы аргументации.

Так, в совокупности „Общей“ и „Частной“ риторик теория словесности Кошанского предстает цельной и практически полной и при этом классицистичной: стиль, который создает Кошанский, основан на воспроизведении классических

²⁴⁶ Атика Галиб. Развитие концепции риторики в русской и французской филологии XIX в.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1994, с. 132.

²⁴⁷ Там же, с. 133.

²⁴⁸ См.: Частная Риторика Н. Кошанского. 7-е изд. СПб., 1849, с. 79.

²⁴⁹ Там же, с. 82–83.

²⁵⁰ Атика Галиб. Развитие концепции риторики в русской и французской филологии XIX в.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1994, с. 133.

²⁵¹ Частная Риторика Н. Кошанского. 7-е изд. СПб., 1849, с. 2.

²⁵² Зарифьян И. А. Теория словесности: Библиография и комментарий. М., 1990.

²⁵³ Волков А. А. Основы русской риторики. М., 1996, с. 43.

образцов, отобранных им в качестве примеров. Учение Кошанского оказывается преимущественно анализом уже существующих текстов, описанием культуры языка, тогда как риторика как искусство ориентирована на создание текстов, т. е. на будущее. Эти особенности в целом связаны с концепцией классического образования.

Теория словесности Кошанского является обобщением, итогом всей его предыдущей деятельности еще и потому, что осмысляет место и роль русского языка и литературы, их соотношение, с одной стороны, с классической, греческой и латинской словесностью, а с другой – с западно-европейскими: немецкой, французской, английской, итальянской. В-третьих, – с церковно-славянским языком и древнерусской словесностью. Из сопоставления следует, что произведение русской словесности, являясь центром этих связей, концентрирует в себе достижения всех перечисленных культур.

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ Н. Ф. КОШАНСКОГО

1. Амарилла // Новости русской литературы. 1803. М., Унив. тип., изд-м Любиа, Гария и Попова, 1803, ч. VIII, № 99, с. 321–333.
2. Аполлон Бельведерский (из Винкельмана) // Журнал изящных искусств, издаваемый И. Ф. Буле. М., 1807, кн. III, с. 35–38.
3. Басни Федра, изданные Кошанским, профессором Лицея. СПб., Мед. тип., 1814; 2-е изд. под назв.: Басни Федра, с примечаниями и словарем. Изд. 2-е, учебное, очищенное. Н. Кошанского. СПб., Тип. Имп. Акад. наук, 1832, 148 с.
4. *Блانشар П.* Фелиция Вильмар. Фелиция Вильмар, или Изображение человеческой жизни: Роман г-на Бланшарда / Пер. с франц. А. Чеботарев и Н. Ф. Кошанский: В 3 ч. М., Унив. тип., 1805.
5. *Буле И. Ф.* О лучшем способе, как можно писать историю тех народов, кои, по общему мнению, прежде девятого века населяли, или переходили Российские, особенно южные земли. Читанная в торжественном собрании Императорского Московского университета июня 30 дня 1806 года, надв. сов., права естественного и народного проф. п. о. и Геттингенского ученого общества корр., Иваном Феофилом Буле / Пер. с лат. Н. Кошанский // Московский университет. [Речи, отчет и стихи...]. М., Унив. тип., 1806, с. 3–32.
6. *Буле И. Ф.* Журнал изящных искусств, издаваемый на 1807 год И. Феоф. Буле, надворным советником и профессором публичным ординарным при Императорском Московском университете / Пер. Н. Ф. Кошанский: В 3 кн. М., Унив. тип., 1807.
7. Взгляд на историю искусств // Соревнователь просвещения и благотворения (№ 4, 5, 6, 1821). Труды высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности. 1821. СПб., 1821, ч. XIV, с. 3–25, 117–145, 259–272. (Подписано Н. Кошанский).
8. *Жанлис С. Ф.* Рыцари лебеда или двор Карла Великого: В 6 ч. / Пер. Н. Ф. Кошанского. М., Унив. тип., 1807–1808. (Историч. роман. Сочинение г-жи Жанлис, изданное В. Ф. и Н. Ф. Кошанскими.)
9. Зефир и Флора / Пер. с фр. М., 1800 (Либретто балета Дюкло; указ. у: Малеин 1901²⁵⁴, с. 3, прим. 2)²⁵⁵.

²⁵⁴ См.: Библиографию работ о Н. Ф. Кошанском (№ 44).

²⁵⁵ Малеин также указывает, что согласно формулярному списку Кошанский сотрудничал в „Русском вестнике“ и „Journal de la Société des Naturalistes à Moscou“, но ему не удалось обнаружить его работ (Малеин 1901, с. 44, прим. 2).

10. Каков должен быть истинный художник? // Журнал изящных искусств, издаваемый И. Ф. Буле. М., 1807, кн. III, с. 18–34. Перепечатана под названием „Образование художника“ // Сын Отечества. 1818, ч. 50, № 51, с. 241–257.

11. Корнелий Непот. О жизни славнейших полководцев: с замечаниями, хронологическою таблицей и двумя словарями 1) для географии; 2) для слов. Издание учебное, очищенное, Н. Кошанского, доктором философии, надворным советником и профессором Лицея. СПб., Мед. тип., 1816, 268 с.

2-е изд. То же. СПб., Тип. Мед. деп. М-ва внутр. дел, 1824, 210 с.

3-е изд. То же. СПб., Тип. М-ва внутр. дел, 1840, 210 с.

То же. Изд. учеб., очищ. СПб., Тип. Акад. наук, 1849, 207 с. Указание на повторность издания отсутствует.

12. Лаокоон (из Винкельмана) // Журнал изящных искусств, издаваемый И. Ф. Буле. М., Univ. тип., 1807, кн. III, с. 39–43.

13. Латинская грамматика с примерами для чтения (по руководству Брэдера) Николаем Кошанским, надворным советником и доктором философии при Императорском Московском университете. М., Univ. тип., 1811, 282 с.

2-е изд. (при фамилии Кошанского уже стоит „профес. Лицея“) СПб., Мед. тип., 1815.

с 3-го изд.: Латинская грамматика с примерами для чтения и словарем. Изданная... профес. Императорского Царскосельского лицея Ст. Сов. и Кав. СПб., Тип. Мед. деп. М-ва внутр. дел, 1823, 234, 84 с.

4-е изд. То же. СПб., 1834, 134, 90, 102 с.

5-е изд. То же. СПб., 1834, 225, 80 с.

6-е изд. То же. СПб., Имп. Акад. наук, 1835, 296 с.

7-е изд. То же. СПб., 1836.

8-е изд. То же. СПб., 1837, 182, 72 с.

9-е изд. То же. СПб., Тип. М-ва внутр. дел, 1839, 128 с.

10-е изд. То же. СПб., 1842, 216, 72 с.

11-е изд. То же. СПб., Тип. Имп. Акад. наук, 1844, 180, 66 с.

14. На смерть Биона. С греческого (Посвящено памяти З. А. Буринского) // Вестник Европы. 1809. М., Univ. тип., 1809, ч. XLIV, апрель, № 7, с. 170–181

15. На смерть графини Ожаровской. [Б. м.], [1814]; напечатано также в журнале: Вестник Европы. 1814, ч. 78, № 23, с. 228–229.

16. На смерть ее сиятельства княгини А. Д. Касаткиной-Ростовской // Новости русской литературы. 1802. М., Univ. тип., 1802, ч. IV, № 95, с. 269–271.

17. Начальные правила русской грамматики: В пользу воспитанников Университетского благородного пансиона. М., Univ. тип., 1807, 73 с.; М., Univ. тип., 1809, 98 с.

со 2-го изд.: Для благородных воспитанников Университетского пансиона. М., Univ. тип., 1814, 73 с.²⁵⁶

3-е изд. То же. М., Univ. тип., 1816, 73 с.

4-е изд. То же. М., Univ. тип., 1818, 93 с.

6-е изд. То же. М., Univ. тип., 1822, 93 с.²⁵⁷

²⁵⁶ Раздел „Правописание“ (с. 57–73), отсутствующий в предыдущих изданиях, возможно, принадлежит И. И. Давыдову (Малеин 1901, с. 11).

²⁵⁷ Добавлены разделы „Примеры синтаксической согласовки“ (с. 74–80) и „Словосочинение“ (с. 81–93).

- 7-е изд. То же. М., Тип. С. Селивановского, 1829, 96 с.
 8-е изд. То же. С изд. 1829, без испр., М., Тип. С. Селивановского, 1833.
 9-е изд. То же. М., Тип. С. Селивановского, 1843, 118 с.
18. На кончину Михайла Никитича Муравьева // Вестник Европы. 1807. М., Унив. тип., 1807, ч. XXXV, № 19, с. 189–196.
19. О преимуществах российского слова. Речь, произнесенная *Николаем Кошанским*, доктором философии, надворным советником и профессором российской и латинской словесности. СПб., 1811, с. 13–32.
20. О русском синтаксисе // Труды Высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности. 1819. СПб., 1819, ч. XIV, с. 86–118.
21. Общая риторика *Н. Кошанского*. СПб., Тип. Мед. деп. М-ва внутр. дел, 1829, 152 с.
 2-е изд. То же. СПб., Имп. Акад. наук, 1830, 125 с.
 3-е изд. То же. СПб., Тип. Мед. деп. М-ва внутр. дел, 1834, 131 с.
 4-е изд. То же. СПб., 1836, 130 с.
 5-е изд. То же. СПб., Тип. М-ва внутр. дел, 1838.
 6-е изд. То же. СПб., 1839.
 7-е изд. То же. СПб., 1840.
 То же. СПб., Тип. Имп. Акад. наук, 1842, 118 с.
 9-е изд. То же. СПб., Тип. Деп. воен. поселений, 1844, 106 с.
 10-е изд. То же. СПб., Тип. Имп. Акад. наук, 1849, 120 с.
22. Памятник Пожарскому и Минину, назначенный в Москве // Журнал изящных искусств, издаваемый И. Ф. Буле. М., 1807, кн. II, с. 51–64.
23. Правила, отборные мысли и примеры латинского языка с кратким словарем: В пользу благородных воспитанников Университетского пансиона. М., Унив. тип., 1807, 68 с.
24. Природа (стихотворение было прочитано в Обществе испытателей природы). М., 1810 (см.: Малеин 1901, с. 44 [им не найдено]).
25. Путешествие Пифагора / Пер. с фр.: В 3 т. М., 1803–1804²⁵⁸ (указано у: Малеин 1901, с. 3, прим. 2).
26. Руководство к познанию древностей, Г. Ал. Миленя, смотрителя древностей при Национальной Библиотеке, профессора истории и древностей и члена обществ: Натуральной истории и Филоматического в Париже, Академии редкостей в природе в Эрлангене, члена Академии Дублинской, Линнеева общества в Лондоне, Медицинского в Брюсселе и Общества физических наук в Цюрихе, изданное с прибавлениями и замечаниями, в пользу учащихся в Императорском Московском университете, *Николаем Кошанским*, изящных наук магистром и философии доктором. М., Унив. тип., 1807, 131 с.
27. Ручная книга Древней Классической Словесности, содержащая: I. Археологию, II. Обзорение классических авторов, III. Мифологию, IV–V. Древности греческие и римские, собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским: В 2 т. СПб., Тип. В. Плавильщикова, 1816–1817.
28. Сокращение священной истории. *Epitome Historiae Sacrae*. С замечаниями, показанием правил и словарем. *Н. Кошанского*, докт. фил. надв. сов. и профес. Лицея. СПб., Тип. Деп. нар. просвещ., 1818, 115 с.; 2-е изд. – 1824.

²⁵⁸ В каталоге РГБ есть: Путешествия Пифагора, знаменитого самосского философа, или Картина древних славнейших народов, изображающая их происхождение... М., 1804–1810.

29. Таблица латинской грамматики с примерами: для благородных воспитанников Университетского пансиона. М., Унив. тип., 1809, 47 с. Прибавление к таблице латинской грамматики, или Словарь неправильных имен и глаголов, с синтаксическими примерами: В пользу благородных воспитанников Университетского пансиона. М., Унив. тип., 1810, 25 с.

30. Таблица латинской грамматики. Изданная для воспитанников Императорского Царскосельского лицея и его Пансиона, профессором Кошанским. СПб., Тип. В. Плавильщикова, 1817, 16 с.

31. Учебная книжка на латинском и французском языках. В пользу благородных воспитанников Унив. пансиона. М., Унив. тип., 1809, II, 127 с.

32. Цветы греческой поэзии. Изданные Николаем Кошанским, доктором философии, надворным советником и профессором российской и латинской словесности при Императорском Царскосельском Лицее. М., Унив. тип., 1811. XXVIII, 363 с.

33. Частная реторика *Н. Кошанского*. СПб., Имп. Акад. наук, 1832, 162, XII с.; 1 л. табл.

2-е изд. То же. СПб., 1835, 151, XI с.

3-е изд. То же. СПб., Тип. Мед. деп. М-ва внутр. дел, 1836, 165, XI с.

4-е изд. То же. СПб., 1837, 163, XI с.

5-е изд. То же. СПб., 1840.

6-е изд. То же. СПб., Тип. Деп. воен. поселений, 1845, 141, IX с.

7-е изд. То же. СПб., Тип. Имп. Акад. наук, 1849, 151, XI с.

34. *Illustratio Mythi de Pandora et antiquae artis operum ad eum spectantium, quam amplissimi Philosophorum ordini ad consequendum Doctoris Philosophiae gradum instituit Nicolaus Koschansky A.A.L.L. Magister. Mosquae, 1806*²⁵⁹.

²⁵⁹ Рецензию на данную докторскую диссертацию Кошанского И. Т. Буле, переведенную, возможно, Кошанским же, см. в: Московские ученые ведомости. 1807, № 9, суббота 2 марта (указ. у: Малеин 1901, с. 5).

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ О Н. Ф. КОШАНСКОМ²⁶⁰

1. Альбом Пушкинской юбилейной выставки в Императорской Академии наук в Спб. / Под ред. Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевского. М., 1899, л. 19 (карикатурное изображение Кошанского, единственный его „портрет“).

2. *Аннушкин В. И.* Кто же составитель анонимной „Теории словесности“ 1851–60 годов? // *Риторика. Специализированный проблемный журнал.* 1996, № 1(3), с. 107–114, 121–122.

3. *Аннушкин В. И.* Эволюция предмета риторики в истории русской филологии (XI – середина XIX вв.): Дис. ... докт. филол. наук. М., 1997, с. 10, 16, 17, 22, 46, 48, 49, 51, 313, 314, 328–330, 332, 335–337, 341–345, 352, 355–358, 365, 367, 369, 374–379, 382–384, 386–388, 391, 392, 394, 398, 404–406, 413, 419, 423, 430, 431, 436.

4. *Аннушкин В. И.* История русской риторики. М., 2002, с. 298–319.

5. *Аннушкин В. И.* Русская риторика: исторический аспект: Учебное пособие. М., 2003, с. 247–248, 259–261, 265–267, 271, 272–274, 279, 282, 283–284, 292, 294–295, 299–303, 307–311, 313, 315, 316, 319, 325, 326, 332.

6. *Аннушкин В. И.* Николай Федорович Кошанский (1784 или 1785–1831) // <http://www.portal-slovo.ru/philology/37060.php>.

7. *Аннушкин В. И.* Язык-речь-слово в филологических науках пушкинского времени // <http://www.portal-slovo.ru/philology/37063.php>.

8. *Аннушкин В. И.* Предмет риторики и культуры речи в составе речеведческих и общегуманитарных дисциплин // <http://www.portal-slovo.ru/philology/39042.php>.

9. *Аннушкин В. И.* Образ человека в русской классической и современной риторике // <http://www.portal-slovo.ru/philology/39044.php>.

10. *Аннушкин В. И.* Русская риторика в свете русской истории // <http://www.portal-slovo.ru/philology/45655.php>.

11. *Атика Галиб.* Развитие концепции риторики в русской и французской филологии XIX в.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1994, с. 113–115, 117–118, 120–134.

12. *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1890, кн. III, с. 166–167 (о деятельности Комитета рассмотрения учебных пособий в связи с написанной по поручению Комитета „Риторикой“ Мерзлякова и „Общей риторикой“ Кошанского).

13. *Белинский В. Г.* Общая риторика, Н. Кошанского. 6-е изд. СПб., Тип. М-ва внутр. дел, 1839, в 8°, 130 с. // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953–1959, т. 3, 1953,

²⁶⁰ Библиография работ о Н. Ф. Кошанском и работ, где встречаются сведения о нем.

с. 272–275. См. также рецензию: О развитии изящного в искусствах и особенно в словесности. Соч. Михаила Розберга, докт. филос. и пр. Там же, с. 278.

14. *Белинский В. Г.* Общая риторика. Н. Кошанского. 7-е изд. СПб., Тип. М-ва внутр. дел, 1840, в 8°, 130 с. // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953–1959, т. 4, 1954, с. 407. См. также: Русская литература в 1840 г. Там же, с. 430.

15. *Белинский В. Г.* Разделение поэзии на роды и виды // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953–1959, т. 5, 1954, с. 47.

16. *Белинский В. Г.* Общая риторика Н. Ф. Кошанского. 9-е изд. СПб., Тип. Деп. воен. поселений, 1844, в 8°, 106 с. // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953–1959, т. 8, 1955, с. 503–514. См. также: Русская литература в 1843 году // Там же, с. 49; рецензии на детские издания „Леди Анна или Сирота“, „Чтения для детей первого возраста“ и т. д. // Там же, с. 603.

17. *Белинский В. Г.* Общая риторика Н. Кошанского. 7-е изд.²⁶¹ СПб., Тип. Имп. Акад. наук. 1842, в 8°, 118 с. // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953–1959, т. 6, 1955, с. 445–446. Также: с. 445, прим. 4, с. 758–759; см. также: рецензию на „Руководство к изучению русской словесности...“ П. Георгиевского, 2-е изд., 1842, Там же, с. 347.

18. *Белинский В. Г.* Частная риторика, Н. Кошанского. 6-е изд., Тип. Деп. воен. поселений, 1845, в 8°, 141 и IX с.; Умозрительные и опытные основания словесности в IV частях: Соч. А. Глаголева. 2-е изд. СПб., Тип. Губернского правления, 1845, в 8°, в I части – VIII и 22 с., во II – 97 с., в III – 67 с., в IV – 96 с. // Полн. собр. соч. М., 1953–1959, т. 9, 1955, с. 318–322. Также: с. 318, прим. 1, с. 752; с. 474, прим. 1, с. 768 (полемика Белинского с Д. П. Голохвастовым); с. 326.

19. *Белуха-Кохановский М. А.* Воспоминания царскосельского лицеиста, 1820–1826 гг. Сообщ. М.А. Белуха-Кохановский // Русская старина. 1890, т. 65, март, с. 841–842.

20. *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX в. 3-е изд. М., 1982, с. 275.

21. *Виноградов В. В.* О художественной прозе // Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980, с. 109.

22. *Волков А. А.* Курс русской риторики: Пособие для учебных заведений. М., 2001, с. 7, 10.

23. *Волков А. А.* Теория риторической аргументации. М., 2009, с. 67–68.

24. *Волков А. А.* История риторических идей // <http://www.portal-slovo.ru/philology/45601.php>.

25. *Вольперт Л. И.* Пушкин и Лабрюйер // Вопросы методики и истории литературы. Псков, 1971, с. 102, 110, 111.

26. *Воронов А. С.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1829 г. по 1853 г. СПб., 1854, с. 324; 326, прим. 2; 327, прим. 4; 331 (о деятельности Кошанского в Комитете рассмотрения учебных пособий при МНП, в т.ч. по составлению букваря и „Риторик“).

27. *Гаевский В. П.* Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения // Современник. 1863, т. 97, № 7, с. 132–134, 149–150, 153, 164; № 8, с. 349, 393–394, 397.

28. *Голицын Н. С.* Благородный пансион Императорского Царскосельского лицея 1814–1829. СПб., 1869, с. 24, 64, 79, 130, 131, 140, 183. (Отрывок из нее со

²⁶¹ И здесь, и в т. 4, с. 407 рецензируется 7-е изд., поскольку их было два: 7-е изд., СПб., Тип. М-ва внутр. дел, 1840; и то же: СПб., Тип. Имп. Акад. наук, 1842.

с. 183 цитируется у Я. К. Грота в кн. „Пушкин, его лицейские товарищи и наставники“ на с. 43–44).

29. Голубков В. В. „Общая риторика“ Н. Ф. Кошанского // Русский язык в школе. 1941, № 2, с. 74–80.

30. Граудина Л. К., Миськевич Г. И. Теория и практика русского красноречия. М., 1989, с. 127–133.

31. Грот К. Я. Пушкинский лицей (1811–1817): Бумаги 1 курса, собр. акад. Я. К. Гротом: С прил. портр., факс. и рис., а также некоторых бумаг III и VI курсов. СПб., 1911, с. 37, 42, 43, 80, 123, 126–136, 192, 203–205, 230, 301, 319, 356, 416, 417, 422, 424, 434, 435, 444.

32. Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники: Статьи и материалы Я. Грота. 2-е изд. СПб., 1899, с. 2, 7, 18, 21, 22, 32, 33, 34, 39, 41–45, 46, 60, 61, 142, 190, 219–220, 225–226, 228, 237, 270, 294.

33. Грот Я. К. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896, т. I, с. 672; СПб., 1896, т. III, с. 194, 195, 197–198.

34. Данилов В. В. Стихотворение „Цель нашей жизни“, приписываемое Пушкину // Пушкин. Исследования и материалы: Труды Третьей Всесоюзной Пушкинской конференции. М.; Л., 1953²⁶², с. 301, 302, 303–308, 311, 312.

35. Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX вв. М, 2001, с. 100, 123, 126–128.

36. Зарифьян И. А. Теория словесности: Библиография и комментарий. М., 1990, с. 3, 15–16, 17, 19–25, 41, 56.

37. Из материалов Пушкинского Лицея (Публ. Н. Н. Петруниной) // Пушкин: исследования и материалы. Л., 1989, т. XIII, с. 306–314.

38. Кобеко Д. Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. 1811–1843. СПб., 1911, с. 25–26, 27, 28.

39. Майков Л. Н. О жизни и сочинениях К. Н. Батюшкова // Сочинения К. Н. Батюшкова. Изд. П. Н. Батюшковым, т. I–III. СПб., 1885–1887, т. I, 1887, с. 19, т. III, 1886, с. 616–617 (краткая биография Кошанского как знатока класс. словесности).

40. Майков Л. Н. Примечания к стихотворению „Моему Аристарху“ // Пушкин А. С. Сочинения. СПб., 1899, т. 1, с. 183–191, 198–199.

41. Майков Л. Н. Пушкин в изображении М. А. Корфа // Русская старина. 1899, т. 99, кн. 8 (август), с. 300.

42. Малеин А. И. Николай Федорович Кошанский. СПб., Тип. Имп. Акад. наук, 1901. Отт. из сб. „Памяти Л. Н. Майкова“. СПб., 1902, с. 177–220.

43. Малеин А. И. Пушкин и античный мир в лицейский период. Отдельный оттиск из журнала „Гермес“. СПб., 1912, с. 2–3.

44. Мейлах Б. С. Лицейские лекции (по записям А. М. Горчакова) // Красный архив. 1937, № 1, с. 129–203.

45. Мейлах Б. С. Пушкин и его эпоха. М., 1958, с. 654.

²⁶² В связи с установлением авторства Пушкина, рассуждает о стихотворных (и прозаических) опытах, написанных лицеистами I курса на темы, заданные Кошанским; черты педагогической личности Кошанского и остроумный (в старом смысле слова) ответ на обвинения Корфа (автор соглашается скорее с точкой зрения Комовского, объясняя ее); анализируется отношение Пушкина к Кошанскому.

46. Михайлова Н. И. Пушкин-прозаик и риторика его времени // Болдинские чтения. Горький, 1978, с. 58, 64–66, 70, 71, 72.

47. Михайлова Н. И. Судьба „Реторик“ Н. Ф. Кошанского // Альманах библиофила. М., 1984, с. 211–224.

48. Михайлова Н. И. Творчество Пушкина и ораторская проза 1812 г. // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т русс. лит. (Пушкин. дом). Л.: Наука, Ленингр. отд., 1986, т. 12, с. 279.

49. Михайлова Н. И. Лицейский преподаватель А. С. Пушкина Н. Ф. Кошанский и его „Реторики“ // Русская словесность. М., 1998, № 3 (май-июнь), с. 8–14.

50. Михайлова Н. И. „Витийства грозный дар...“: А. С. Пушкин и русская ораторская культура его времени. М., 1999, с. 5, 15, 27, 35, 40, 76, 77, 189, 194–195, 197, 244–247, 248, 253, 262, 294, 296–297, 299, 304, 306–310, 325–326, 328, 349, 357, 362, 371.

51. Памятная книжка Императорского Александровского лицея на 1856–1857 год. СПб., 1856, с. 142–160 (*биография Н. Ф. Кошанского в разделе „Материалы для истории Лицея“*).

52. Петров Ф. А. Российские университеты в I половине XIX в. Формирование системы университетского образования. М., 1998, кн. 1: Зарождение системы университетского образования в России, с. 66, 202, 225, 232, 420; М., 1998, кн. 2: Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX в., ч. 1, с. 201, прим. 69.

53. Петров Ф. А. Немецкие профессора в Московском университете. М., 1997, с. 80–88 (о И. Ф. Буле), 87–88 (о Кошанском).

54. Пиксанов Н. Н. Ф. Кошанский // Библиотека великих писателей. Пушкин / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1907–1915, т. 1, 1907, с. 250–259.

55. Пуцин И. И. Записки о Пушкине // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974, т. 1, с. 82, 84.

56. Равкин З. И. Педагогика Царскосельского лицея пушкинской поры (1811–1817 гг.): Историко-педагогический очерк. М., 1999, с. 43, 44, 52, 60, 73, 84–89, 93.

57. Рождественский Ю. В. Теория риторики. М., 1997, с. 79, 87, 444.

58. Рубец А. А. „Наставникам, хранившим юность нашу...“. Памятная книжка чинов Императорского Александровского, бывшего Царскосельского, Лицея, с 1811 по 1911 год. СПб., 1911, с. 263–278 (*биография, перепечатана из: Памятная книжка Императорского Александровского лицея на 1856–57 гг.*“. СПб., 1856 г.).

59. Русский биографический словарь. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического общества А. А. Половцова. СПб., 1903, т. 9, с. 383–385.

60. Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1994, т. 3, с. 116–117.

61. Селезнев И. Я. Материалы для истории Лицея. По поручению начальства собранные библиотекарем Лицея И. Селезевым. 1856 года [Учреждение Имп. Лицея и первые шесть лет его существования] // Памятная книжка Императорского Александровского лицея на 1856–1857 год. СПб., 1856, с. 27, 28, прим. 18 на с. VIII–IX, прим. 20 на с. XI, 41, 43, 65, 66, 82, 93.

62. Селезнев И. Я. Исторический очерк императорского бывшего Царскосельского, ныне Александровского, Лицея. К пятидесятилетию юбилею 19 октября

1861 г. СПб., 1861, с. 20, 31–32, 44, 46–47, 58, 59, 60, 61, 62, 80, 95–96, 97–101, 250, 261.

63. Словарь членов ОЛРС при Императорском Московском университете. 1811–1911. М., 1911, с. 150–151.

64. Стоюнин В. Я. Исторические сочинения. СПб., 1881, ч. II: Пушкин, с. 19, 26, 33, 64.

65. Сушков Н. В. Московский Университетский благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, Университетского благородного пансиона и Дружеского общества. 2-е изд. М., 1858, с. 34, 43; „Приложения“, с. 54.

66. Томашевский Б. Пушкин. Опыт изучения творческого развития. М.; Л., 1956, кн. 1, с. 678–682.

67. Филонов А. Г. Учебники по теории прозаических сочинений // ЖМНП. 1860, ч. 106, апрель (№ 4), с. 23–48, в т. ч. об „Общей риторике“ Н. Кошанского – с. 26–28, о „Частной риторике“ – с. 39–41. В продолжение ст.: Русские учебники по словесности, изданные в последнее время // ЖМНП. 1861, ч. 109, февраль (№ 2), с. 99–123; о риторике Кошанского см. с. 106–108; 1861, март (№ 3), с. 127–149 (здесь общие выводы к обеим работам); об учении Кошанского особенно см. с. 130, 133, 134, 136–137, 140, 141–143, 145.

68. Хлопников А. М. Н. Ф. Кошанский и его время // История философии. М., ИФ РАН, 2000, вып. 6, с. 118–137.

69. Черняев П. Н. А. С. Пушкин как любитель античного мира и переводчик древнеклассических поэтов. Казань, 1899, с. 7–13, 50, 51, 67.

70. Шевырев С. П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевыревым. 1755–1855. М., 1855, с. 306, 344–345, 348, 361, 376, 379, 383, 399.

71. Шляпкин И. А. К биографии А. С. Пушкина. (Лицейские и другие материалы) И. А. Шляпкина // Памятная книжка Императорского Александровского лицея на 1898/9 г. СПб., 1899, с. 57, 60, 63, 64, 65.

72. Энциклопедический словарь. Брокгауз и Эфрон. СПб., 1895, т. 26, с. 466–467.

73. Энциклопедический словарь Т-ва „Бр. А. и И. Гранат и Ко“. 7-е изд. М., б/г, т. 25, с. 325–326.

74. Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л., 1941, вып. 6, с. 96–107, 108, 110, 113, 114, 118, 120, 132–135, 136–137, 145, 151, 152–153, 154.

75. Яхонтов А. Н. Исторический очерк Императорского Александровского (б. Царскосельского) лицея. Составлен лицеистом LV курса А. Н. Яхонтовым. Париж, 1936, с. 10–13 (описание Акта торжественного открытия лицея).